

Мир приключений

Валентин ИВАНОВ

**По следу
Возвращение
Ибадуллы**

Аннотация

В книгу включены два приключенческих романа советского писателя В. Д. Иванова (1902-1975) «По следу» и «Возвращение Ибадуллы».

ПО СЛЕДУ

ТЕПЛЫЙ БЕРЕГ (ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Человек довольно давно находился под водой и уже не чувствовал холода. Холодно было лишь вначале, когда открылся трап и глубинная морская вода хлынула в камеру. Нет, не хлынула... Мотор рассчитано медленно оттягивал стальную пластину-дверцу, и вода постепенно заполняла камеру: хотя теперь давление и уравновешено, нужно не спеша входить в воду на большой, недоступной обычному ныряльщику глубине.

Холод сжимал голые ноги. На этой глубине было не больше четырнадцати и не меньше двенадцати градусов. Сейчас, летом и в этот месяц... Человек, который погружался в холодную воду, помнил теоретическую температуру. Перед тем как пустить его в отсек, на подводной лодке определили действительную температуру воды, но он, главное действующее лицо, почему-то забыл показание прибора.

Тогда, в камере, он терпеливо стоял, ожидая, пока вода не покроет его с головой. Стоять было трудно. Тяжелый свинцовый пояс сползал на бедра. Длинные резиновые плавники, увеличивая ступни, превращали их в лапы чудовищной жабы. Хорошо плыть в этих штуках, но стоять неудобно.

Да, это не костюм для ходьбы. На спине тройной горб из баллонов с кислородом с приспособлениями для регулирования дыхания. Лица нет, вместо него – выпуклая морда из небьющегося стекла, со шлангами для дыхания и отвода отработанного воздуха.

Впрочем, этот человек уже привык быть таким. Тренировка приучила его видеть самого себя в этом чучеле с жабыми лапами, горбами и безликой мордой.

Здесь глубина сто тридцать пять или сто сорок футов. Камера заполнилась водой, и человек потерял вес. Несмотря на медленность увеличения напора воды, он чувствовал боль в ушах и в костях черепа. Это сейчас пройдет, это знакомо.

Давление – четыре атмосферы, а его научили ходить по дну и на глубине двухсот футов, выдерживая давление больше чем в пять атмосфер.

Вот он почувствовал себя отлично, отлично! Холода не стало, манило вытянуться, лечь. Это – азотное опьянение; с ним нужно немного побороться, и оно тоже прекратится, как и ощущение холода.

Человек легко шагнул в широко открытый трап и повис. Вода сжимала его со всех сторон, стремясь раздавить тело, а тело сопротивлялось. Чудесная машина – тело человека!

Пояс, лапы, горбы на спине были так распределены, так рассчитаны, что человек лежал под водой почти горизонтально – чтобы плыть, рассекать воду с минимумом усилий.

Неощутимые струи течения поворачивали его. Хотя в маске видно лучше, чем просто глазами, открытыми под водой, даже в очень чистой воде силы зрения хватает не больше чем на семьдесят футов.

Течение вращало висящее тело человека, и вдруг он увидел нечто похожее на черную стену. Из-за азотного опьянения он забыл... Ведь на субмарине будут ждать только двадцать минут, а потом включают машины. За эти

двадцать минут он должен отплыть подальше, иначе струи от винтов увлекут его, закружат, и он будет напрасно расходовать время, силы, кислород.

Как долго он висит в воде, покинув камеру? Он не знал. Он боролся с азотом самым сильным средством – напоминал себе, кто он и зачем висит под водой, какдохлая рыба...

Под ним лежала бездонная для него яма черной воды. Сводя и разводя руки, отталкиваясь жабьими лапами, он отплавал от субмарины, пока его уши не наполнил странный стук или треск. Вода вибрировала от моторов субмарины. Очень трудно сравнить с чем-то земным эти чужие человеку подводные звуки. Ловя слухом и телом уходящие шорохи, рокот и толчки, человек ждал, пока все не смолкло и он не остался совсем один под водой.

На запястье его руки был надет компас – по виду точная копия часов. Субмарины нет, и магнитная стрелка, освободившись от действия стальной массы, показывает правильно. Человек определился по азимуту и поплыл к берегу.

Этот человек достаточно хорошо знал берег, куда плыл, хотя сам он здесь никогда не бывал. Было много данных об этом берегу, впрочем, как и о других берегах. Можно сказать, что данных было даже очень много. В этом нет ничего удивительного: когда богатое государство настойчиво, долго изучает что-либо, когда оно может тратить много денег, привлекать любых специалистов, и главное, когда государство знает, чего хочет, оно добивается многого, что покажется чудом для обывателя, то есть для человека, который обычно не думает о таких вещах.

Так, например, человеку, который плыл сейчас под водой с той же легкостью, с какой ходят по асфальту на улице, было точно известно, что в полумиле от береговой линии глубины уменьшались до двухсот – двухсот тридцати футов и шли к пляжу плавными подводными террасами. Это утверждали специалисты, знавшие свое дело. По их мнению, здесь удобное место. Черт с ними, ведь не им плыть.

Человек плыл по компасу на глубине ста сорока футов. Его тело было уравновешено для этой глубины с учетом давления и плотности воды. Плотность воды зависит от содержания солей и меняется в зависимости от места. Соленость воды для этого берега была известна. Батиметр показывал глубину для этой воды с точностью до четырех футов.

Очень близко перед человеком – ему показалось, что совсем перед руками, – явились и исчезли большие, длинные тела. Очевидно, человек задумался и не сразу заметил этих рыб. Вода изменяет расстояния, формы и особенно цвета. Эти рыбы казались очень темными и имели веретенообразную форму. Определение формы пришло человеку в голову из какой-то книги о рыбах – сам он видел веретена только на рисунках.

Это нехорошо, что он не сумел сразу заметить рыб, – это значит, что он рассеян, подумал человек. Нужно собраться.

Очень светлая вверху над человеком, вокруг него вода казалась густой, зелено-голубой и туманной. Внизу же, куда он невольно глядел – ведь он лежал, – было черно, как крышка рояля: колодец, в который какой-то болван налил чернил.

Человек мысленно выругался – грубо, так, как ругают дурачка-солдата, новобранца-деревенщину.

Как долго он плывет? Черт его знает!.. Нужно одно – никоим образом не бояться и плевать на всё, в том числе и на самого себя. Чтобы развлечься, он заставлял себя думать по-русски. Не получалось, – и он бросил утомлять мозг. Это тоже трата сил, и никчемная: как только он всплывет, слова сами станут на место.

И вот внезапно под ним черная яма сменилась светящимся песком. По песку полз крупный краб-портюн, кажущийся каким-то плоским и размазанным. Уже берег?! Человек смотрел на разбросанные по песку конические возвышения – это большие завитые раковины, покрытые налипшим, как штукатурка, песком. Когда их очищают, они делаются крапчато-коричневыми.

Но почему он не заметил границы уступа? Опять невнимательность – нужно, будь все проклято, взять себя в руки и не дремать! Кое-где на берегу есть вышки, замаскированные и незамаскированные наблюдательные посты. Где расположены наблюдатели – он знал, этот человек, который плыл под водой к чужому берегу. Для такого знания совершенно не нужно что-то выведывать и подсматривать. Нужны точная карта в масштабе 1: 50 000, линейка, циркуль и здравый смысл.

Никому нельзя отказывать в здравом смысле. Поэтому человек знал, откуда русские солдаты-пограничники наблюдают за морем в отличные трубы и бинокли. Пора думать: «Наши солдаты». Пора думать по-русски.

Судя по глубине, до берега около полумили, и подниматься на поверхность еще рано. Человек плыл, сверяясь с

компасом. Теперь он имел право быть уверенным в себе. Он не потерялся в море, не плыл, сам того не зная, вдоль береговой линии. А ведь при всех усилиях так могло получиться. Он не позволял себе думать о возможности ошибки. Но эта мысль все время стучалась в сознание. А теперь он позволил себе подумать о том, что могло бы случиться, но не случилось. И он отметил этот первый свой успех. Вычислить точный азимут, находясь на подводной лодке – пусть-ка попробует случайный человек! Это нелегко. Перед тем как войти в камеру, он, капитан субмарины и штурман вычисляли азимут и проверяли себя двенадцатью способами, со всеми поправками.

Появились скалы в ярчайше-зеленых водорослях на черных, коричневых, синих стволах. Какие цвета! Человек плыл. Азимут привел его к рубчатой, рассеченной глубокими, мрачными трещинами вертикальной стене. Он поплыл вверх, поднимаясь рядом со стеной, легко, как рыба. Он ощущал свободу, полет. Вода теплела... А что говорит батиметр? Нет, не батиметр... По-русски – глубиномер... Только двадцать восемь футов? Нет, восемь метров. Стена кончилась вовремя. Человек лег на гребень подводной гряды и наслаждался теплом.

Кругом царил ясный, прозрачный свет. Подняв голову, он смотрел на переливы ряби.

За грядой оказался бассейн – ниже гребня метров на пять. В нем лежало очень большое, плоское, как резиновый ковер, черно-серое существо с треугольным остреньким носиком, длинными глазками и тонким двойным хвостом. Заметив человека, это воплощение грязи шевельнуло тонкими, как картон, боками, и всплыло, показывая белую

подкладку тела. «Тьфу, бог только спяну мог выдумать такую штуку!» – подумал человек. Скользя, скат растворился.

Дальше, дальше!.. Человек перебрался в бассейн, откуда он выгнал уродливую рыбу. Вторая гряда, третья. Четвертая – на глубине лишь трех метров. Берег совсем близко.

Теперь наступает настоящий риск. Пора решать, а голову не высунешь. Нужно торопиться. Случайный кулачок проплывет и увидит его, сидящего на дне.

Нельзя бросать все снаряжение здесь. Тут мелко – и волны могут выкинуть на берег немые вещи, которые заговорят слишком громко. Человек вернулся к первой гряде. Он стащил резиновые плавники и наблюдал, как они медленно тонули, опускаясь рядом с грядой в сторону, обращенную к открытому морю. Потом он расстегнул пояс, соединенный с баллонами специальной лямкой, вдохнул в последний раз воздух, привезенный с собой, и сорвал с головы маску.

Вода на поверхности оказалась теплой, как в ванне, а до пляжа было не больше двухсот метров. Теперь человек и считал и думал по-русски. Он медленно плыл наискось, расстегивая браслет с компасом. Вот и эта вещь исчезла на дне. Всё! Теперь человек стал таким, как все люди на теплом берегу. На нем были трусики из черного русского сатина, сшитые по русскому образцу и в меру поношенные. Во внутреннем кармашке хранилась нарочито самодельная дюралева коробка, совершенно похожая на русские солдатские портсигары времен войны, но с добавлением отличной, непроницаемой прокладки от сырости. В короб-

ке-портсигаре были нужные советскому человеку документы и деньги. Денег не так много, конечно, но хватит на первый случай.

Документы были настоящие. Наше время, в числе многих особенностей, отличающих его от предыдущих времен, умеет собирать и использовать опыт прошлого, опыт, часто совершенно неожиданный.

Один из знакомых – точнее сказать, из сослуживцев этого пловца, – большой знаток тонкостей типографского дела, был начинен историями, как нерестящаяся треска – икрой. Он, этот типографщик, как-то рассказывал о парижской мастерской русских революционеров, боровшихся с царем. Старые дела, старые люди времен до первой мировой войны. Случайная техника, конечно. Однако же трое или четверо революционеров сумели делать *настоящие* русские паспорта. Из нескольких сот людей, посланных с этими паспортами, провалился только один. И не потому, что паспорт был плох, – нет, по стечению обстоятельств, которые возможны раз в жизни. Московский пристав, в руки которого попал предъявленный для прописки паспорт, выданный в Тамбове, не отказался от своей подписи. Да, подпись была его, но он, этот пристав, в тот день, когда был выдан паспорт, уже находился в Москве, получив перевод по службе. Словом, в жизни никогда не бывает всё на сто процентов...

Человек думал о своих процентах и плыл вдоль берега. В его глазах костяк карты обрастал мясом: долина меж двух низких, не выше двухсот пятидесяти метров, крутых и лесистых отрогов; полоса песчано-галечного пляжа, которым заканчивается долина. Над пляжем, сзади, деревья и крыши в листве. И много купальщиков.

Как писал Честертон, лист прячут в лесу. Головы как листья. Сейчас этот человек исчезнет. Он плыл медленным кролем, он не слишком устал – мог бы плыть еще час, два.

Пора однако же.

Люди в воде и на песке. Самодельные тенты из простынь на палках. Никто не в силах сосчитать, что на пляж пришли, скажем, триста восемьдесят восемь человек, а ушли – триста восемьдесят девять...

Барашки открытого моря приходили на мель низенькими валами и рассыпались совершенно домашним, уютным прибоем. Сегодня здесь могут купаться самые маленькие, двухлетние карапузы.

Пловец вышел на берег. Если его заметили наблюдатели, телефон уже успел сработать. На пляже никого нет в военной форме, но это еще ничего не значит. Впрочем, кто его узнает. Он – такой же, как все.

Он лег ничком, сильный – таких называют коренастыми – мужчина лет под сорок, с большой, лысеющей со лба головой, с пучками черных волос на плечах, предплечьях и груди.

На берегу он почувствовал, что еще не согрелся после стылой донной воды. Но лечь на спину он себе не позволил: могут заметить портсигар, а не все купаются с портсигарами. Черт! Будь это действительно портсигар! Готовясь к подводному путешествию, он три дня не курил, чтобы облегчить дыхание...

Услышав запах табачного дыма, он подсел к курильщикам, объяснил, что далеко уплыл от своей одежды, взял папиросу загорелой рукой... Да, ему здесь нравится. Да, он здесь уже недели две. Захотелось поболтать, и он думал и говорил по-русски без усилий.

Разнежился? «Спокойствие, спокойствие», – сказал он себе.

Трусики высохли, коробка не будет выдаваться. Докурив, он пошел вдоль линии прибоя. Приблизительно в середине пляжа выступ садов заканчивался белым рестораном, построенным с претензией на восточный стиль. В полукруглых арках одноэтажного здания ветер надувал полотнища занавесей. Перед рестораном купальщики разместились в несколько рядов. И по-прежнему на берегу не было видно никого в военной форме.

Человек не вглядывался в лица: тот, кто смотрит, привлекает внимание и запоминается.

Он шел к стене, которая отгораживала место санаторного пляжа. Здесь, шагах в двадцати, сидел мужчина в соломенной шляпе, укрыв голое тело мохнатой простыней в широких красных полосах. Особенная, единственная на пляже простыня.

Человек присел, получил не случайную на этот раз папиросу. Произошел обмен несколькими фразами, незначительными, но вескими по порядку и условной форме.

В чемоданчике владельца краснополосой простыни нашлись туфли, белые брюки, сорочка с короткими рукавами. Такие вещи носят все или почти все. Конечно, принадлежности костюма были несвежие, ношенные несколько дней.

Встречавший, которого вновь прибывший звал без имени, просто – «друг», пошутил:

– Приданое новорожденному... – и пожаловался: – Я торчу здесь четвертый день.

– Да, – согласился пловец, – но ты понимаешь, держалась слишком хорошая погода, и я задержался.

Он повторил:

– Держался, задержался, – и засмеялся над собой: – тавтология! Но ведь и это на хорошем русском языке, а?..

Они побрели к ресторану. Вино местной марки «Геленджик» оказалось довольно приятным.

Ветер усилился. Незакрепленная парусиновая портьера ударила пловца по плечу – он вздрогнул и улыбнулся «другу». Еще немного этого вина... Как оно называется?.. Очень хороший день! Очень...

Назавтра «друг» провожал своего гостя. Они шли мимо бывшего укрепления. Больше ста лет назад русский солдат, который служил в одном полку со знаменитым офицером-поэтом, – просто с великим поэтом, поправился вчерашний пловец, – взорвал себя и пороховой погреб, чтобы лишить победителя плодов его победы. Да, горцы напали, желая раздобыть порох, а получили вулкан огня. Ошиблись.

В справочниках написано об этом случае. Справедливее сказать – о событии.

Памятный железный ажурный крест, на его цоколе несколько увядших букетов и один свежий...

Осыпавшиеся земляные валы защищало только держидерево. За валами – погранзастава. Встретились двое солдат. Для пловца они выглядели детьми: последний набор, прошлой осени, – девятнадцати- или двадцатилетние. Эти не воевали, еще не воевали... Взорвет ли такой мальчик себя на боеприпасах? Быть может. В таких делах возраст ни при чем.

– На этой заставе – горстка. Два-три солдата на один километр береговой полосы, – объяснял «друг».

Старая новость. У этой армии большие и легко отмобилизуемые резервы.

Пловец не заставлял себя думать, как вчера: наша армия, наши солдаты... Вчера он занимался игрой для успокоения нервов, от страха. Дань суеверию. Говорят, что, когда идешь на такой риск, не нужно внутренне напрягаться, чтобы не привлекать враждебные флюиды. Когда-то пловец увлекался книгами о тайном влиянии личности. Что-то осталось.

«Друг» покинул его на шоссе, которое рассекало приморское селение в длину. Вниз и налево. Там, за вторым поворотом, около столовой останавливаются автомобили.

Сюда не доставал морской ветер, и было душно. Пловец сбросил полученный от «друга» пиджак. Сигнал автомобиля прозвучал так близко, что едва удалось отскочить на обочину. Лихо ездят!

Сейчас этот человек чувствовал себя на каникулах. Он собирался сесть на машину в любую сторону: селение находилось на равном расстоянии от двух приморских городов, и из каждого шли поезда. Для начала он проведет в дороге почти три дня. Вот и отпуск. Он любил ездить, особенно в незнакомых местах.

Хорошо бы нанять такси, но его придется вызывать из города по телефону. Потеря времени, и, кроме того, следует быть незаметным.

Тишина, короткие тени близкого полудня, жара, резкая белизна стен. На лицах лапки морщинок от загара – здесь мало людей носят темные очки. Они берут природу совсем сырой. Кажется, этот буквальный перевод звучит не совсем

по-русски? Он усмехнулся собственной шутке. Вернее, ему показалось, что он усмехнулся.

Пустое такси? Какая удача!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Случайное столкновение

1

Это началось в первое воскресенье второй половины сентября, в степях, довольно далеко к юго-востоку от Уральского хребта, при безоблачном небе и вечернем безветрии – часа за два до захода солнца.

Алонов полз, стараясь как можно плотнее вжаться в землю. Сгибая в колене правую ногу, он старался, чтобы она совсем плоско скользнула вперед. Как только нельзя было больше согнуть ногу, Алонов вытягивал левую руку во всю длину. Ему казалось, что именно так ползают «по-пластунски».

Да, эти два движения удавались ему отлично, и он был уверен, что в этот момент его нельзя увидеть, нельзя различить хоть и в невысокой, а все же поднимающейся до колен траве. Но сразу появлялась необходимость упереться и оттолкнуться ногой, помочь рукой и бросить вперед тело. Алонов все время внушал себе, что тело подчиняется, скользит, ничуть не поднимаясь, и – знал, что обманывает себя. Осенняя трава в степи – плохое укрытие для человека. Конечно, и спина и плечи, особенно правое плечо, выдаются, выдают... Очевидно, это неизбежно. И все же лучше

что-то делать, двигаться, чем лечь и притвориться мертвым.

Алонов заставлял себя не думать о том, что с ним случится, когда его плечи и спина действительно поднимутся выше, чем это нужно. Как высоко и насколько выше – этого-то уж он совсем не знал. Будь что будет! Нужно ползти как можно скорее, как только можно скорее...

Куда удобнее и безопаснее было бы ползти, будь свободны обе руки. А у Алонова в правой руке ружье – тяжелое и длинное охотничье ружье. Кроме заботы о себе самом, нужно все время думать, чтобы случайно не забить стволы землей. Ведь ружье с забитыми стволами не ружье. Тогда нечего вообще тащить его с собой!..

Конечно, куда удобнее было бы держать ружье за концы стволов – прикрыть ладонью, тогда земля не попадет внутрь. Но так нельзя волочить ружье, когда оно заряжено и курки взведены. Немыслимо следить сразу за всем и вдобавок думать, не соскользнул ли предохранитель бескурковки, не цепляются ли за что-то спусковые крючки.

Вероятно, если бы Алонова спросили, когда и как он решил ползти именно так, а не иначе, он не сумел бы ответить: времени обдумывать, решать у него не нашлось.

Просто Алонов знал особенности ружья – этого, его ружья. У него спуски предельно мягкие. Для выстрела достаточно чуть-чуть нажать; и это самое важное для охотника «чуть-чуть» отлично удавалось Алонову. В его глазах такое свойство ружья было одним из важных его достоинств. Алонов сам бархатным подпилком отшлифовывал боевые выступы, пока не добился того, что выстрел получался как бы незаметно для стрелка – не столько

усилием мышц, как усилием воли. Когда Алонов еще только начинал стрелять, он обнаружил у себя сквернейшую привычку дергать за спуск, «срывать выстрел». Многие охотники всю жизнь не могут избавиться от этой привычки и живут не стрелками, а стрельчишками. Поэтому и Алонов вначале мазал и мазал, хотя глаз у него был от природы верным и с самого раннего возраста он умел лучше любого мальчишки попасть в цель камнем или мячом. Мягкие спуски отучили его дергать, и теперь он стрелял безупречно метко. Отладил он и предохранитель так, что тот легко подавался от нажима большим пальцем. Вот и пришлось ему сейчас расплачиваться за достоинства ружья.

Однако он даже и не подумал расстаться с оружием. Хотя держать ружье за ложе, оберегая предохранитель и спуски, вытягивать левую руку, подтягивать правую ногу, перебрасывать тело вперед и стараться не поднимать спину, плечи, бедро – делать все сразу, быстро, без перерывов – было очень неудобно, очень трудно...

Добраться до рощи, доползти до опушки, скрыться – вот что главное, самое главное! Но где была роща, Алонов в эти секунды толком не знал. Как это произошло? Да, сначала он метнулся в степь. Пробежал сколько-то – шагов двести или триста. Потом укрылся за теми кустами, откуда пополз. Он знал, что ползет к роще. Сейчас ему нужно добраться до деревьев. Далеко ли они? Если близко, то можно вскочить и добежать. А если еще далеко? Как быть, как узнать?.. Он не решался поднять голову, не мог себя заставить, если бы и решился, – слишком сильно боялся.

На какое расстояние удавалось Алонову передвигаться

каждый раз, когда он отталкивался ногой? Это еще можно было сообразить. Но сколько раз он уже проделал одно и то же движение, как долго ползет – этого Алонов совершенно не помнил.

Ему казалось, что он ползет невозможно медленно и невозможно долго. Страх был слишком силен. А ведь на самом деле Алонов скользил быстро, решительно, даже, пожалуй, умело. В этом не было его заслуги: страх тоже бывает учителем. Но ружье Алонов все же не бросил!

Но почему он не слышит своих преследователей? Где они и что делают? В растерянности Алонов подумал, что эти люди дошли до кустов, оттуда наблюдают за ним и сейчас обнаружат его.

При мысли, что кто-то стоит там, внимательно осматривает местность и, может быть, уже приглядывается к нему, Алонов замер. Всем телом он ощутил, как чей-то взгляд остановился на нем. Конец...

Алонов не мог представить себе лица этого человека – он плохо умел вызывать в воображении даже слишком хорошо знакомые фигуры и образы, – но ясно представлял себе, почти видел, как этот человек вжимает в выем плеча приклад ружья и жмурит левый глаз. Прямая линия протянулась от глаза стрелка, через прорезь прицела легла на мушку, коснулась затылка Алонова и уперлась между лопатками.

Ужас сковал его. Скорее, пусть это будет скорее! Он чувствовал себя совершенно беззащитным. Ему хотелось крикнуть: «Ну, стреляй же, стреляй!» – а правая нога непроизвольно согнулась в колене, левая рука вытянулась будто бы сама, и Алонов опять пополз.

Вероятно, именно в эти секунды наступил перелом... Пот струился по лицу, заливал глаза.

Выстрела не было. Алонов чувствовал, что сзади, в спину, между лопатками, в это самое незащищенное почему-то место, больше не давит страшная прямая, которая превратится в пулю.

Голову Алонов все время держал очень низко. Подбородком и левой щекой он касался земли. Его разгоряченное лицо царапали и резали острые подсохшие травы, жесткие стебли дурмана и чертополоха, но он не чувствовал этого.

На голове у Алонова была смятая, выгоревшая от солнца фуражка из ткани защитного цвета. Внезапно он уперся, почти ударился теменем во что-то. Поднял лицо. Перед глазами – так близко, как никогда, – была растрескавшаяся кора дерева или пня. Крупный черный муравей, зацепившись задними лапками, вытянул челюсти и воинственно подогнул брюшко. Заметив невиданное чудовище, муравей изготовился к бою и бросал вызов.

Но человек, хотя и смотрел на муравья, видел только дерево. Вдруг Алонов вспомнил, что в его патронташе есть несколько настоящих зарядов – не дробь номер четыре, как в патронниках ружья.

Эти настоящие, для особых случаев, заряды Алонов делал сам, – он вообще любил многое делать сам. Не его выдумка: такие пули ему пришлось увидеть в каком-то старом прейскуранте охотничьих ружей. Нужно выточить из мягкого сухого дерева без сучков правильный цилиндр чуть толще канала ствола и разрезать заготовку на куски по пяти сантиметров длиной. На кусках нарезаются продольные ребрышки. На один конец насаживается и при-

винчивается хорошо уравновешенная, точной формы, длинная свинцовая пуля, а другой конец вставляется в заряженную порохом гильзу. Такой заряд годится на самого крупного зверя. И полет очень точный. А под пыжи кладут больше трех граммов хорошего бездымного пороха «Сокол», то есть почти в два раза больше, чем для дробовых зарядов. Это можно себе позволить, если стволы ружья хорошей стали.

Когда Алонов полз, он не думал об этих зарядах, он забыл о них. Теперь – другое дело!

Муравей по-прежнему угрожал Алонову. Но человек и не заметил его.

Алонов подскочил так, точно земля стала пружиной, сделал два или три прыжка, упал за деревьями. Падая, он услышал выстрел, но где прошла пуля, откуда стреляли – он не заметил.

2

В ушах сильно шумело. Звук выстрела показался Алонову очень слабым, каким-то легким, ненастоящим – как в парковом тире степного районного города, где ему приходилось изредка бывать. Откуда же все-таки стреляли сейчас? Да и стреляли ли? Нет, это только показалось. Обман слуха от слишком настойчивого ожидания.

Стоя на коленях в густой траве за деревьями, Алонов снял мягкую, мятую фуражку, вытер лицо и нахлобучил опять, козырьком назад.

Сердце билось толчками, в груди что-то теснилось, мешая дышать.

Перехватив левой рукой ружье, Алонов ощупал срезы

стволов. Они были чисты. Отвел большим пальцем правой руки рычаг и переломил двустволку. Вытащил из открывшихся патронников ненужные дробовые заряды, пригодные лишь для птицы. Не глядя выхватил из патронташа пару патронов с торчащими свинцовыми пулями, дослал в стволы. Ружье захлопнулось с резким, коротким щелканьем.

Сердце успокаивалось. Прошло гнетущее ощущение бессилия, незащитности. В ушах перестало шуметь. Приподнявшись, Алонов осматривался, слушал. Его поразила мертвая тишина – не шевелился ни один листок. После всего, что произошло, полное спокойствие, окружившее Алонова, показалось ему неестественным, угрожающим.

Было по-прежнему безветренно и жарко. Невысокие деревья – мелкие осины, березняк с частым подлеском из ивняка, кизильника и боярышника с созревшими ягодами – все замерло в ожидании.

Над самым ухом тонко зажуужал комар и сейчас же смолк, – видно, сразу нашел место, куда смог вонзить свой острый, гибкий хоботок. Тотчас зазвенел второй комар, третий, четвертый... Запах разгоряченного человеческого тела манил жадных кровопийц. Эти обычные, мирные звуки совершенно не воспринимались сознанием, не нарушали общего молчания.

Алонов слушал, слушал – ничего. Совсем ничего – ни шелеста, ни треска, ни топота ног. Ничего, что, по его мнению, неизбежно должно было быть. Никого и нигде.

Алонов осторожно выпрямился, встал рядом с грязной, исполосованной черными трещинами, обезображенной

наростами березой, которая забрела далеко на юг. Вслушиваясь, он сделал несколько осторожных шагов. Кусты закрывали его почти до плеч. Он вышел на самую опушку.

В южных степях, бедных лесным покровом, иной раз называют лесом то, что севернее едва назовут рощей. Здесь, заняв место высохшего озера, деревья заполнили плоскую котловину. В самой середине осталось небольшое озерко-болотце с неприглядно-зеленой, но пресной водой. Возможно, что когда-то здесь было большое озеро, так как от рощи степь плавно поднималась, приближая горизонт. Алонов знал, что так было и в другие стороны от рощи. Сейчас он не думал об этом. Он смотрел на кучку невысоких кустов метрах в двухстах от опушки. Кусты казались ему близкими, но путь от них был бесконечным!

Ни там, ни в степи никого не было – все пустынно, безлюдно.

И Алонов ощутил неожиданное, странное разочарование. Он опять начал задыхаться, вспоминая, как полз, как его заставили ползти. Так однажды пробирался напуганный заяц меж кочек сухого болота, жалкий, трусливый, с положенными на спину длинными ушами.

Вдруг Алонов насторожился – он почувствовал чье-то присутствие, но воспринял это присутствие совсем не так, как всего несколько минут назад. Тогда он боялся, был незащищен, страх играл им. Теперь страха не стало. И больше не было, не могло быть неожиданности.

Неслышно скользя мягкими сапогами-поршнями, Алонов перебежал вдоль опушки на сто или на сто двадцать шагов и замер в подлеске. По опыту охотника, он отлично знал, что, пока не пошевелится, его не увидят.

Он ничего не слышал, никого не видел, а перебежал незря. Там, на старом месте, он почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Опыт одиноких охот и далеких прогулок приучил Алонова доверять подсказкам неясных, но верных ощущений. Он повернул голову, потом слегка расставил ноги, чтобы прочнее стоять, и замер, глядя влево. Потом, не шевельнув ни одним листом, медленно-медленно поднял ружье к плечу.

Ждать пришлось недолго... а может быть, и долго. Сейчас у Алонова были опять и выдержка и терпение. Вот на старом месте, куда он выбрался из степи, среди деревьев появилась высокая фигура. Знакомая фигура...

Алонов приготовился к выстрелу, согнул спину, прижал щекой приклад. Вороненные стволы вытянулись над тонкими ветками кустарника. Со стороны нельзя было увидеть ни стрелка, ни ружье.

Тот человек вышел на опушку. Да, он сумел найти место, куда выбрался Алонов. Верно нашел. Если бы Алонов остался там...

В руках у человека было короткое ружье с тонким стволом; он держал оружие наизготовку, зажимая приклад под мышкой правой руки и придерживая ствол левой.

Как только Алонов увидел это короткое ружье, на мгновение все поплыло перед его глазами. Затаив дыхание, он коснулся пальцем спускового крючка правого ствола. Ружье толкнуло его в плечо и щеку. Выстрел не показался громким, а незнакомец исчез, точно его сдуло ветром. Алонов не удивился. Как это было нужно и как это бывало всегда, ружье выстрелило будто само. Значит, он попал в цель – тоже как всегда.

«Где, где все остальные?» – думал Алонов, перезаряжая ружье. Он спешил, но успел заметить, что в его патронташе осталось еще три заряда со свинцовыми пулями. В остальных была только дробь.

Сколько человек было в компании, устроившей охоту за ним, – он не знал. Те пятеро или есть и еще люди? Кажется, тогда кто-то сказал, что есть еще люди, кроме тех пятерых, которых Алонов видел своими глазами.

От гнева, от ярости, только что испытанных Алоновым, не осталось и следа. Там, шагах в ста, лежало тело убитого человека. Убитый не встанет. Сознание непоправимости случившегося охватило Алонова. Он сам уже не тот, каким был минуту назад, и мир не тот. Произошло страшное, и ничто не может вернуть, исправить, переделать то, что есть.

Любимый Алоновым острый, вязкий запах бездымного пороха и взрывчатой смеси капсюля вызывал тошноту. Внезапно Алонов так устал, так ослабел, что едва не выронил ружье. Стараясь не упасть, он прислонился к дереву.

В роще, в степи все было тихо, спокойно, будто ничего не случилось.

Алонов опустил голову и увидел свою руку, сжимающую ложе ружья. И рука и ружье показались далекими, чужими. На коже кисти, грязной до черноты от жирной пыли сухой степи, подсыхала яркая кровь из длинной царапины. Алонов машинально дотронулся до подбородка, почувствовал ссадины.

Тошнота, слабость начали проходить, и Алонов вспомнил, что нельзя дать окружить себя в роще. Выждать – ничего лучшего он не умел придумать.

Саднило и шею под левым ухом. Алонов нащупал толстый рубец, вздувшийся над воротником рубахи. Откуда взялись ссадины на лице, царапины на руках – он не помнил. А это, на шее, – это поверхностная контузия от пули, скользнувшей по самой коже...

За рощей кто-то крикнул. Слов Алонов не разобрал. В степи раздался ответный крик, и там, левее кустов, показались люди: один, другой, третий. Они шли гуськом к роще, и до них было не менее пятисот шагов. Далеко – вне выстрела из гладкоствольного охотничьего ружья.

Об этом Алонов подумал так, между прочим. Никакого желания стрелять в кого бы то ни было он не испытывал. Если бы он мог вернуть свой выстрел!..

Что это за люди, какая страшная бессмыслица навалилась на него? Тут Алонов понял: он, а не кто-то другой, отвечает за выстрел, за мертвое тело. Ничем, никак он не сможет доказать, что стрелял для самозащиты. Пусть на него охотились, но ведь их много – они сговорятся и легко обвинят его в убийстве. Кто-то уже спрашивал Алонова: «Пусть это так, как вы говорите, но кто дал вам право подкараулить напавшего на вас человека и лишить его жизни?..»

Трое людей подходили к роще шагах в трехстах от Алонова. И вновь кричал кто-то четвертый, уже вблизи того места, где упал человек с коротким ружьем. Сейчас они сойдутся и найдут в траве, на опушке, того, пятого... Нужно уходить, прятаться.

Пригнувшись, оглядываясь, Алонов побежал вдоль опушки, стараясь маскироваться кустами. Неглубокая ложинка начиналась в роще, уводила в степь, протягиваясь позади кустов, где все началось.

Когда трое вошли в рощу, Алонов почти на четвереньках побежал в степь, пользуясь лощиной, потом, уже по ровному месту, прополз к кустам – тем самым, откуда он недавно полз к роще. Почему-то он решил, что именно здесь самое безопасное место.

3

Один куст колючего боярышника стоял отдельно. Шагах в четырех от него несколько кустов так переплелись тонкими стволами и, наверное, корнями, что казались оплошной массой веток и листьев. Над самой землей отмирающая осенняя листва уже разредилась, и был виден лаз в глубину, проделанный волками или лисами.

Купа кустов устроилась как раз на гривке степного водораздела, невысокого, как все неровности в этих местах, но обзор отсюда открывался широкий. К северу простиралась обширная плоскость. Там, километрах в тридцати или тридцати двух, находился разъезд железной дороги. Конечно, отсюда его не было видно, как нельзя было заметить и дымки паровозов.

Разбросанные на просторе рощи-кóлки, обманывая глаз, сливались на горизонте в кажущуюся непрерывной линию леса.

Недалеко лежало открытое, почти круглое озеро, блестящее под косыми лучами низкого солнца. Края озера были смоляно-черные. Вода в нем была горько-соленой, и растительность останавливалась на границе насыщенной солями почвы.

Алонов смотрел на тихую степь с шарами перека-

ти-поля. Они еще не созрели и не оторвались от корней, чтобы помчаться с ветром по простору и разбросать готовые семена. И никого живого в степи не было. В этом Алонов убедился сразу, потратив на осмотр столько времени, сколько нужно, чтобы повернуть голову.

На опушке рощи стояли трое с ружьями в руках. Один из них нагнулся. И Алонову нетрудно было понять, на что все смотрят.

На таком расстоянии он не мог рассмотреть лица. У него было самое обычное зрение – не слишком сильное, но и не слабое, какое и должно быть у каждого обычного и здорового человека в возрасте девятнадцати, двадцати, двадцати одного года... Алонов обладал способностью, развитой постоянным общением с природой, сразу охватывать взглядом широкое пространство. И хотя все его внимание, казалось, было приковано к группке людей на опушке, он сразу же заметил еще одну фигуру. Кто-то оказался и в том месте опушки, откуда он, Алонов, только что стрелял. Итак, охота на него, на человека, продолжалась.

Правда, и за зверем так охотиться Алонов не стал бы. Полагается обойти, обложить, гнать. Приемов охоты много. Наверное, и на человека можно охотиться так же. И Алонов подумал, что останься он в роще, на опушке, выжди – и он мог легко застрелить и второго из своих преследователей. При этой мысли Алонов опять почувствовал ужас и тошноту.

Один из тех трех, которых Алонов заметил первыми, крикнул. Обыскивавший опушку остановился, обернулся. Кричавший махнул рукой, приглашая вернуться.

Лежа, Алонов наблюдал, как все четверо сошлись вместе и о чем-то поспорили, – так ему показалось по жестам. Потом все замолчали и слушали одного – низкорослого, широкого мужчину. Можно было подумать, что он приказывает. Вот самый высокий – он был только что на опушке – и еще один, но не тот, кто приказывал, нагнулись и выпрямились, подняли что-то тяжелое. Кусты закрывали ношу. Все четверо скрылись за деревьями, ушли в глубь роши.

Оставшись один, Алонов старался представить себе, что они собираются делать, зачем и куда унесли убитого. Они ушли. Это значит, что они не собираются искать его, во всяком случае, здесь, в степи и на открытом месте. Но рошу они, конечно, осмотрят. Сейчас они заняты. Можно воспользоваться этим временем и уйти очень далеко.

Алонов не ушел. Он не мог оторваться от этого места. Он не решался бежать.

Несколько серых куропаток, застреленных сегодня Алоновым, лежали, связанные тонким ремешком с петлями – охотничьей удавкой, – между кустами кучкой пестрых перьев. Около кучки, на лысинке земли, что-то тускло блеснуло. Алонов поднял длинную и тонкую латунную гильзу. Таких гильз Алонов никогда не видал. Винтовочная гильза? Наверное, от короткого ружья-винтовки с тонким стволом, какие Алонов видел в руках этих людей. Конечно, Алонову с его гладкоствольным ружьем нечего было и думать состязаться на большом расстоянии с винтовками. Он нашел если не оправдание, то объяснение своему страху.

Нужно помнить о винтовках... Ползком Алонов обо-

гнул кусты, поставив между собой и рощей непроницаемую для глаз защиту. Еще несколько движений – и Алонов приподнялся. Он понимал, что Дымка убита, ждал, что увидит ее мертвой, и все же был смят, уничтожен.

Конечно, будь Дымка невинна, она уже давно нашла бы хозяина. Раненая – подала бы голос... Алонов просто не думал о ней.

Злые слезы набухали на веках и тяжелыми каплями стекали по грязным щекам Алонова. Как он любил свою охотничью собаку, первую, единственную! Вместе с ней он провел первые три года своей взрослой жизни. Взял маленького, неловкого щеночка, поил, кормил, как малого ребенка, восхищался, когда неуклюжие, широкие лапы перестали расползаться в стороны. С какой радостью оба они учились понимать друг друга! Сколько волнений и восторгов было пережито в незабываемые дни первых, «настоящих» выходов в охотничье поле, как Дымка понимала и чувствовала!.. Эх, Дымочка, Дымочка!..

Как все могло случиться? Встретить в степи незнакомого человека, без всякого повода, без всякой цели погнать его, как зверя, стрелять в него, убить его собаку...

Такое могло быть где-то в книге, где-то далеко – за пределами жизни Алонова. Здесь же он был дома, у себя. В его простой жизни не было места странным и страшным событиям. Злое, дурное ограничивалось понятными нормами; поступки даже тех людей, которые вызывали антипатию Алонова, никак не могли перейти какой-то предел. Качества каждого, казалось Алонову, легко и несложно определялись отношением к порученному делу, к товарищам. Никто из тех, кого Алонов встречал, не мог поступить с ним так, как эти люди.

В своем горе Алонов не давал себе пощады: он трус! Он перепугался, когда в него начали стрелять, и забыл о Дымке, не сделал ничего, чтобы спасти собаку.

На время Алонов забыл, что стал убийцей. Там, на опушке, он целился человеку в грудь и знал, что тяжелая пуля на ребристом деревянном стержне ударила туда, куда он целился. Сейчас Алонов повторил бы выстрел – месть за Дымку, месть за себя тем, кто сделал его трусом, подверг страшному унижению.

– Подожди, подожди, Дымочка, – шептал Алонов, – подожди, мы еще посчитаемся, рассчитаемся за все!..

Слезы давно высохли. Алонов вытянулся на земле и глядел на рощу. Ружье лежало у его плеча.

Справа от него солнце быстро садилось к горизонту. Тень от куста покрывала Алонова. Последний свет дня ярко осветил опушку – пустую, спокойную.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Темнота и огонь

1

Смеркалось быстро. Приподнимаясь на локтях, Алонов видел теперь лишь сплошное темное пятно на месте рощи. Уже нельзя было различить границу опушки.

Когда человек наблюдает ночью лежа, с уровня земли, он может заметить движущуюся фигуру на довольно большом расстоянии, особенно если он находится в низкой точке – ниже места, за которым наблюдает. Нужна непро-

глядная, черная ночь, с небом, затянутым тучами, с дождем, чтобы совсем ничего не было видно.

Кусты, около которых лежал Алонов, стояли несколько выше рощи. Поэтому он должен был быть особенно осторожен – ему нельзя вставать. А сам он сможет различить идущего от рощи человека, лишь когда тот окажется довольно близко. Однако, как Алонову помнилось потом, его не слишком беспокоила невыгодность положения, Почему-то он был уверен, что никто не собирается искать его ночью, в степи, в темноте. Если бы они действительно хотели найти его, то занялись бы этим сразу, не давая ему передышки, до захода солнца.

Одна за одной на небе загорались звезды. На земле становилось все темнее и темнее, а грандиозный свод неба над Алоновым медленно освещался, оживая своей далекой, извечной, неизменяемой для человека жизнью. На западе уже заходила одинокая вечерняя красавица Венера. Разрастался, вытягиваясь от края до края неба, великий Млечный Путь. Приближающийся ко времени своего противостояния, Марс мигал зловещим красным огоньком. После жаркого дня земля была еще теплой, а сухой воздух уже заметно похолодал.

Из рощи донеслись тупые удары топора. Вскоре они сменились треском. Тихая ночь отлично передает звуки – Алонов ясно различил шум падения дерева. Срубили и второе дерево. Конечно же, его преследователи остались ночевать в роще – они могли бы и не рубить деревья, чтобы помочь ему сделать такой простой вывод.

Там только одно место, удобное для ночлега. И Алонов думал о том, что его бивак для него недоступен. На берегу

болотца с пресной водой была удобная сухая полянка. В походном мешке, подвешенном повыше на сук дерева, чтобы не мог достать зверь, хранилось все имущество Алонова – запас сухарей, немного сахара, чая, соли, походный котелок, алюминиевая фляга для воды, запас патронов. Рядом висела теплая ватная куртка. Конечно же, они нашли все это. Да, они нашли, враги...

Человек всегда нуждался и будет нуждаться в каком-то точном, ясном по смыслу слове, которое обозначит вещь или событие и определит отношение к ним. За два или три часа, прошедших с момента встречи с этими людьми, Алонов незаметно для себя нашел это слово – «враги» – и уже свыкся с ним.

Он был уверен, что его враги не двинутся с места до наступления утра. Впереди вся ночь, почти девять часов темноты. Сейчас у Алонова было одно важное дело. Его можно выполнить и без дневного света. Также и для этого дела он оставался здесь.

Алонов поднялся с земли, взял ружье и пошел к тому месту, где лежала мертвая Дымка.

Ноги его были обуты в мягкие охотничьи сапоги из толстой кожи без подошв, вернее – с мягкими, не подбитыми, а пришитыми подошвами. Эта обувь, которую называют поршнями, похожа на кавказские или азиатские ичиги. Она гораздо грубее, но так же мягка, цепка; в ней очень удобно ходить, и ноги меньше утомляются.

Алонов не замечал, что движется не своей обычной, широкой, вольной походкой: не идет, а крадется, вытягивает носок, стараясь нащупать землю перед тем, как поставить ногу. Ему казалось – стало светлее. Нет, неверный

свет звезд безлунной ночи не мог рассеять мрак. Просто Алонову не нужно было напрягать зрение, чтобы всматриваться в даль, а близкие предметы различались довольно ясно.

Алонов крался. Вдруг ему показалось, что там, около места, где лежало тело Дымки, что-то шевельнулось. Он сделал еще шаг и уже безошибочно различил, как нечто темное отделилось от земли и беззвучно растаяло в стороне.

Алонов прилег, взгляделся в темноту. Низко, над самой землей, появилась зеленоватая искорка. Ночью трудно определить расстояние, и Алонов не знал – близко до нее или нет. Искорка исчезла, и сейчас же около того места, где она была, зажглись сразу две. За ними появилась вторая пара, переместилась, исчезла, опять показалась. Светящиеся точки были тусклы – тусклее, чем летние светлячки в траве.

Алонов вспомнил лаз в глубь тесно переплетшихся кустов. Конечно же, эта берлога имела обитателей. Удобное место здесь, на гривке. Отсюда и видно далеко – можно вовремя разглядеть опасность. А веселым, лобастым щенятам, после того как у них прорежутся глаза, есть где поиграть и хорошо погреться на солнце. Но Дымку он им не отдаст!.. Пусть поищут себе другой добычи и пусть сами сумеют ее взять.

Алонов нисколько не боялся волков – не из удали, из лихости. Нет, он просто знал, что эти звери, наглые, опасные в студеное время, очень осторожны, даже трусливы летней и осенней порой.

Он знал повадки волков не только потому, что был

охотником по призванию, по страсти. Во всем, что касалось животных, Алонов не был дилетантом. Почти три года назад он окончил сельскохозяйственный техникум – животноводческий, получил диплом с отличными оценками знаний. У него была молодая, сильная память, был он прилежным, примерным учеником. Но настоящая причина успехов крылась в другом. По характеру своему Алонов стремился к глубоким, серьезным знаниям, а животных он вообще очень любил.

По окончании техникума Алонову предлагали поехать в Москву, продолжать учиться в Тимирязевской академии. Он отказался. Он чувствовал себя взрослым, и перспектива школьной скамьи еще на пять лет ему не улыбалась. И он решил, что академия и диплом высшего учебного заведения от него не уйдут. Сейчас ему хотелось работать, быть самостоятельным, войти в многообразную жизнь большого животноводческого хозяйства. Он чувствовал, что нужно узнать вещи, которых, быть может, нет в книгах. Как отличник, он имел право выбора. И взял то, от чего иной отказался бы, – путевку в глубинный, западносибирский животноводческий совхоз... И не пожалел. Работы было много, а среди животных никогда не будет скучно: каждое имело свой характер, были умные и глупые, смелые и трусливые, ленивые и энергичные, деятельные и апатичные... В руках Алонова оказался кусок живой жизни, которую он сам лепил.

В другое время, в другом месте появление волков могло бы и встревожить Алонова. Теперь же, когда совхозные стада далеко, он отнесся с полным безразличием к затаившимся вблизи от него хищникам.

В двух шагах от неподвижной Дымки Алонов встал на колени и начал вырезать правильные куски дерна своим охотничьим ножом. Это было надежное орудие и хорошее оружие, пусть и самодельное. Алонов получил его в подарок от друга, механика МТС. Широкий, длинный, хотя и легкий, клинок из отличной инструментальной стали был посажен на красивую и прочную пластмассовую ручку.

Алонов работал быстро. Он аккуратно откладывал в сторону вырезанный дерн, потом начал рыть землю, разрыхляя ее ножом и выгребая руками. Почва поддавалась легко. Он без труда прошел тонкий слой чернозема. Глубже оказался плотный песок. Его толща не содержала ни одного камешка. Копая, Алонов подумал, что степь отвоевала эти места у пустыни. Упорно, без передышки работая, Алонов вскоре вырыл узкую, глубокую щель.

Он взглянул на небо. Ковш Большой Медведицы повернулся. «Вероятно, уже больше полуночи», – подумал Алонов, глядя на звезды.

Часы на запястье левой руки не шли. Они были повреждены, очевидно тогда, когда на него напали и пришлось спасать жизнь, – ведь и полз-то он на левом боку, не думая о часах.

Алонов поднял Дымку на руки. Тело собаки стало твердым, он ощущал холод через густую, длинную шерсть лайки.

Он стоял с Дымкой и думал о том, что нет у него больше собаки. Есть – враги. До сих пор у него никогда не было врагов. Того, что произошло, никто и ничто не в силах изменить.

Он бережно опустил в могилу тело погибшего друга.

Потом принялся сгребать ладонями вырытый песок и землю. Земля мягко и беззвучно сыпалась вниз. Было слышно только дыхание человека.

Алонов тщательно утрамбовывал рыхлый грунт. Ему пришлось заставить себя стать на могилу, уминать ее ногами. Так нужно. Иначе волки сумеют разрыть. Окончив, он аккуратно уложил на место дерн – почти в том порядке, как вырезал эти толстые куски. Если бы удалось полить дерн водой, то эти плотные, полные корней стойких трав куски земли очень скоро срослись бы – слились в травяной ковер.

Но воды не было. Ни капли. Место, где была вода, заняли враги.

Алонову хотелось пить. Можно легко провести без воды весь день, если стоит холодная погода, а человек мало двигается и не ест ничего, возбуждающего жажду. И в жаркие дни Алонов умел провести день до вечера без воды. Но этот день был не только жарким. Выпало слишком много тревог, вечер давно миновал. Губы Алонова, как ему казалось, потрескались, а язык стал сухим и жестким. Воды же не было и не могло быть...

Стоя над могилой Дымки, Алонов думал, что здесь ему больше нечего делать. Да, Дымка похоронена, он может уйти. Куда? Он осмотрелся – искорок в степи не стало: звери ушли или притаились. Алонову, впрочем, до них не было дела – он забыл о волках. Нужно и можно уходить. Но куда уходить?

Алонов тщательно вытер острый клинок о полу своей зеленой суконной куртки и вложил нож в глубокие, мягкие ножны, висевшие на поясе. Подняв ружье, он обогнул кусты. Постоял, посмотрел, стараясь различить рощу.

Что это? Ему показалось, что он видит светлое пятнышко в черном сгустке мрака. Да, глаза не ошиблись. Маленькое пятнышко – не больше ладони. Мигнуло, закрылось, явилось опять, стало ярче и больше. Вывод был прост и очевиден: враги зажгли костер в глубине рощи, на той полянке, и не спят.

Свет стал еще ярче. Очевидно, кто-то подбросил топлива, поправил костер. Уже поздно. Значит, кто-то один сторожит остальных.

Жажда мучительнее и настойчивее голода, но и голод давал о себе знать. Конечно, Алонов не стал бы есть сырую птицу, а сварить ее или поджарить было не на чем. Но он вспомнил о своих куропатках и пошел к месту, где они лежали. У него была отличная зрительная память – он мог бы нарисовать это место и птиц; обшарив все руками, он убедился, что дичи нет.

Пока он хоронил Дымку, кто-то украл его куропаток. Алонов живо представил себе, как, мучимый страхом перед человеком и неотвратимо притягиваемый запахом птицы и крови, волк отважился проскользнуть к кустам в нескольких шагах за спиной человека и унести птиц. Своеобразная месть тому, кто отогнал зверей от берлоги...

Что же... Алонова томила жажда, и сейчас куропатки были ему не нужны. Потеря его не огорчила.

Подумав, а может быть, и поколебавшись несколько минут, он взял ружье под мышку и направился к роще. Он избрал не прямой путь, а лощинку, по которой вчера вернулся к кустам.

Пора сказать, что Алонов довольно хорошо знал и рощу, и тот кусок степи, который ее окружал, — ведь он находился в этих местах уже шестые сутки. И был он здесь не случайным искателем одиночества и отдыха, и не охота была его целью. Здешняя местность уже получила в его представлении деловую оценку.

В шести километрах к югу от железнодорожного разъезда, где Алонов высадился, расположена деревня Скворцовка. Это первое и последнее поселение к югу от линии в этих местах, а дальше — больше чем на двести километров — залегло пространство, не тронутое человеком, пустое. Поселений нет, так как эти земли издавна считались неудобными для поселения. Много солончаков; рек или ручьев нет совсем. Из недалекой пустыни сюда тянутся языки песков. Колодцев рыть нельзя. То есть рыть-то можно, но без толку — все равно вода негодная, так как грунтовые воды соленые. Правда, еще дальше к югу недавно прошел большой канал. Но орошение этой территории не предусмотрено государственными планами — здесь земли не ценные. В областных организациях есть наметки планов местного обводнения; все это пока только предположения — «в перспективах». Правда, земледелие — это одно, а животноводство — дело совсем другое.

За последние два года в совхозе, где работал Алонов, сильно возросло поголовье скота. Было это связано с общеизвестными решениями... Но возникала угроза даль-

нейшему росту – очевидная уже нехватка пастбищ. Окруженному колхозными полями совхозу некуда было расширяться. В иных местах можно было бы ограничиться увеличением кормовых посевов. Но если не так далеко найдутся еще свободные степи?

Потому-то Алонов и оказался здесь. Его командировали поискать подходящие вольные места для организации филиалов. Разведочно-изыскательская «партия» Алонова состояла из него одного. Отсюда до совхоза по степному близко – около трехсот километров. Алонов присмотрел вполне подходящие пастбища. С водой дела оказались куда сложнее, но и тут напросилось простое, а следовательно, и реальное решение. Оно, это вполне конкретное решение, уже оформилось вчера, перед самой нечаянной встречей с этими людьми, с врагами...

А сейчас, ночью, Алонов крался к роще, которую он привык уже считать «своей», крался медленно, беззвучно. Приблизившись к опушке, он стал еще осторожнее. При каждом шаге Алонов опускал ногу так, чтобы через мягкую кожу подошвы ощутить сопротивление, которое встретит ступня. Убедившись, что нет сухой, гнилой ветки (а их так много в этих рощах), он ставил ногу и переносил тяжесть тела. Не должен зашелестеть ни один лист – уж очень тихая стоит ночь.

В кустах подлеска Алонов двигался так бесшумно, как можно идти в стоячей воде. Ведь в воде расходятся круги, а здесь листва мягко расступалась перед человеком и смыкалась за ним, ничем его не выдавая.

Ночь, земля, кусты, листья, тишина – все вели себя как друзья того, кто умеет владеть собой и не обижает природу грубой торопливостью.

Роща была невелика, и скоро Алонов уже различал очертания пламени костра. Языки поднимались высоко, пахнуло горячим дымом. Ближе и ближе подходил Алонов. Остановился не дальше чем в двух десятках шагов. Он отлично знал это место. Как он и думал, враги расположились именно на «его» поляне. Чуть дальше и левее лежало болотце, вода...

Алонов замер. Ему казалось, что он слышит, как бьется его сердце. Никого из людей, которые должны были быть очень близко, он не видел, а подходить ближе не смел. Несомненно, все лежат и спят. Спят? Нет, недавно кто-то подкладывал дрова в костер... Алонову остро, нестерпимо захотелось пить. Мутная вода мелкого болота со вкусом прели, гнилого дерева и листьев показалась ему такой заманчивой, вкусной.

Никакого обдуманного плана у Алонова не было – он хотел лишь поближе взглянуть на этих людей и, быть может, как-то понять, кто они. Вдруг он услышал голос, не хриплый и сонный, а весьма отчетливый:

– Эй, ты! Заснул?!

Слова выговаривались так ясно, что вызывали мысль о языке, который выталкивал их. Говоривший закончил ругательством. Ему тут же откликнулся другой голос:

– Ничего подобного. И не думал я спать...

Сказано это было с каким-то нетерпеливым, нагловатым возражением, едва ли не с вызовом.

– Спал, каналья, не лги! – возразил первый голос. – И только дураки возражают против очевидности!

Второй голос ответил с обидой, но сбавив тон:

– Да, право же, говорю вам, не спал. Так, голову опус-

тил, задумался. А вы сразу придираетесь к Саньке. А коль и задремал бы чуток?..

Первый пробормотал нечто невнятное, но вызвавшее дальнейшие оправдания:

– И напрасно вы ругаетесь. Тот парень давно подох, его волки уже растаскали. Здесь волков много, знаю... Голову даю на отсечение – я ему здорово влепил.

– «Влепил»! – передразнил первый голос. – Эх вы, призовые стрелки! С твоими пулями под шкурой твой парень, как говорится, сумел и сам спустить курок.

Второй голос отвечал, все более приобретая уверенность:

– Вот вы не охотник – не знаете. А бывает, что насмерть битая коза – что коза, заяц! – уходит полным ходом на несколько километров, прежде чем ляжет. А человек – он живучий... Да и сами вы сказали, что, останься он живой, все равно – порядок, будет молчать, потому что...

– Довольно болтовни! – резко оборвал первый.

И второй покорно смолк.

Между огнем и Алоновым возникли очертания человеческой фигуры. На какую-то долю секунды мелькнул тяжелый профиль бритого лица. Человек был между костром и Алоновым, что не дало возможности как следует увидеть его. Человек повернулся к Алонову и, раздвигая кусты, приблизился на несколько шагов.

Алонов не успел сообразить, что делать, а человек уже остановился. Алонов не шевелился. Он знал: единственное, что его может выдать, – это движение. Человек, ослепленный ярким огнем костра, ничего не сможет рассмотреть, тем более глядя в темноту. Он случайно избрал это

направление – в сторону Алонова. И все же сердце Алонова сжалось.

Зевая и что-то ворча, человек остановился шагах в десяти от Алонова.

Алонову казалось, что это тот низкорослый, сильный мужчина, который распоряжался на опушке. А у костра ходил взад и вперед кто-то высокий. Низкорослый вернулся к костру, выругал комаров, лег. Часовой продолжал мелькать перед костром. Минуты шли. Вскоре исчез и часовой – присел или лег, пренебрегая приказом.

Алонов мог бы подойти еще ближе, разглядеть лежащих, даже пристрелить по крайней мере двоих. Из темноты на свет так хорошо целиться!.. Но на такое нападение Алонов был не способен и даже не подумал о нем.

Он вернулся к опушке так же осторожно, так же бесшумно, как подходил к костру. Зачем он ходил туда?

Узнать, кто его враги? Но он ничего не узнал и вряд ли мог узнать так просто. Впрочем, он легко досказал себе ту, незаконченную фразу: «Будет молчать, потому что...» Сам он думал о том же – ведь они, эти люди, враги, легко обвинят его в убийстве.

Да, его мысли и их мысли – одинаковы. Нет... Почему он, Алонов, будет молчать, и почему они, враги, кажется, хотят, чтобы он молчал?..

На эту мысль Алонов не нашел ответа. Он не умел длинно и подробно рассуждать наедине с собой. Одно дело – учиться, размышлять над книгой, делать выводы из усвоенного. И совсем другое – разобраться в страшном событии, участником которого ты внезапно стал, в котором ты так заинтересован.

Куда легче, проще, приятнее даже обсуждать свои мысли с друзьями, быть с коллективом, с товарищами, с руководителями, жить так, чтобы твои действия определялись не словом «я», а словом «мы».

Пока же, в своем одиночестве, Алонов незаметно для себя твердо решил не отставать от своих врагов, пока он не поймет, пока не узнает, чего они хотят, почему они поступили с ним так, как сам он никогда и ни с кем не поступил бы.

Это решение было для него простым, естественным, понятным. Он не заметил, что хочет поступить обратно тому, чего от него ждали его враги. Но если в ту ночь у Алонова потребовали бы объяснений такого решения, он растерялся бы.

И это было в Алонове обычным человеческим свойством – он доверял интуиции. Верить не только выводам рассудка, но и уметь верить интуиции – значит быть самим собой.

3

Кусты, около которых Алонов похоронил Дымку, не годились для наблюдения – оттуда была видна не вся роща. Алонов направился к северу и поднялся на холмик метрах в пятистах от рощи. Ведь для него многое в этих местах было уже знакомо, обследовано. На холмике этом он побывал вчера, за несколько часов до встречи с врагами. Отсюда местность просматривалась на довольно большое расстояние и в разные стороны. С помощью этого холмика Алонов нашел то, что сам назвал своим окончательным водяным вариантом: длинную ложину, извивавшуюся к

югу. И раньше Алонов подметил, что все впадины в этой степи имеют общее направление к югу, – следовательно, туда и сбегает вешние воды. А по этой ложинке, возможно, протекала когда-то и речка.

Отправляясь в степь, Алонов никак не воображал, что сделает какие-либо удивительные открытия. Животноводство, опирающееся на искусственные водоемы, – прием, старый как мир. В степях украинского юга такие водоемы зовут ставкáми. От слов «ставить», «поставить». Ставят, то есть останавливают воду. Отсюда – ставóк, с ударением на последнем слогe.

Нетрудно перехватить вешние воды. Удержатся ли они, не уйдут ли в грунт, оставив уже к июню пересохшую лужу? Это зависит от почвы. На гривке, где кусты, – песок. А вот в понравившейся Алонову ложине под растительным слоем оказалась глина – значит, вода останется. И место для плотины Алонов присмотрел – удобное. Он приблизительно подсчитал, сколько потребуется уложить земли в тело плотины. Ведь домой, в совхоз, нужно вернуться не с общими рассуждениями, не с болтовней, а с конкретными предложениями работы, посильной для коллектива. Алонов вычислил, что если прислать сюда две полуторки, несколько тачек, лопаты и человек пятнадцать добровольцев, то до наступления морозов можно построить плотину. И весной будет вода!.. Сегодня Алонов собирался идти на разъезд. Эти люди, враги, явись бы они на один день позже, никого не нашли бы около этой роши. И ничего, ничего бы не было...

А теперь Алонов лежал на холмике, забыв о своих планах. Нужно отдохнуть, поспать. Какой предстоит день,

он не знал, но день будет очень трудный. Алонов не боялся заснуть. Как всегда, он проснется с первым светом. Так хотелось пить, что сон не приходил.

В дремоте ослабевает воля: Алонов заново мучительно переживал встречу с врагами.

С тяжелыми, объемистыми мешками-рюкзаками за плечами они появились перед Алоновым, когда он шел к роще, чтобы приготовить себе обед и покормить Дымку. Он крепко задумался – мысленно еще раз подсчитывал размеры плотины, количество земли и труда, которых потребует сооружение. Дымка заворчала. Алонов поднял голову и увидел незнакомых людей. Они заметили его, конечно, раньше, так как стояли и ждали, когда он подойдет.

Алонов, как всегда делают с незнакомыми людьми в лесу или в степи, поздоровался и спросил, скорее из вежливости, чем из любопытства:

– Далеко ли путь держите, товарищи?

– Да мы так, отдыхаем, прогуливаемся, – ответил низкорослый.

Алонов вспоминал, что второй раз он слышал этот голос сегодня ночью, у костра...

– Охотничаем, как видите... – пояснил высокий и тут же задал вопрос Алонову: – А вы что, здешний?

– Нет, я здесь впервые, – ответил Алонов.

– На разъезде живете? – спросил третий, рыжеватый, с усами.

– Нет, я издалека, – возразил Алонов.

– Значит, вроде нас, затяжной охотничек? – усмехнулся высокий.

Ружья, рюкзаки, сапоги – и все же для Алонова эти люди не были похожи на охотников. И глядели они на него как-то странно – так странно, что ему стало неловко, неприятно. Вероятно, и у самого Алонова был неловкий вид. Он удивился. На разезде ему сказали, что эти места пустынные и крайне редко посещаются даже вездесущими охотниками. У этих охотников ружья висели на плечах, в чехлах. Они говорили о разезде. Значит, они высаживались там же, где Алонов. За весь день он не слышал ни одного выстрела, хотя эти охотники не раз, не два должны были поднимать птицу: куропатка здесь непуганая, и можно охотиться без собаки.

Алонов не знал, о чем говорить. И он не то спросил, не то просто так сказал:

– А у вас большая компания?

Высокий ответил:

– Еще имеются, – и, в свою очередь, спросил Алонова, давно ли он тут и что делает.

Другим Алонов охотно рассказал бы о себе, поделился, не постеснялся попросить совета и внимательно выслушал бы чужое мнение. Целую неделю его единственным собеседником была Дымка. Но сейчас он почему-то не захотел быть искренним и сознательно, чтобы отделаться, сказал неправду:

– Я тоже охочусь.

Низкорослый поинтересовался:

– В компании? Или в одиночестве?

– Я один, – сказал Алонов.

– Кустарь-одиночка... – хохотнул высокий.

Разговор не вязался. Алонов ощущал все большую

связанность, неловкость. С некоторым усилием он прервал затянувшееся молчание:

– Ну, всего хорошего, – и пошел своей дорогой.

Сначала он только чувствовал их за спиной. Потом они о чем-то заговорили. Кто-то захохотал. Останавливаться, оборачиваться было как-то неудобно. Уже шагах в полтораста Алонов оглянулся и увидел, что двое целятся в него. Он еще не понимал, что может случиться, когда началась пальба...

Час за часом звезды меняли свое положение над степью. На земле длилась мертвая осенняя ночь. Мрак заливал рощи и рощицы, озера, гривы и степи с подсыхающими травами. В тяжелом сне Алонов слышал, как после выстрелов тревожно взлаяла Дымка. Потом он увидел самого себя со стороны. Он стоял на опушке с ружьем. Тяжелая пуля на просаленном деревянном стержне, страшная, убийственная, медленно-медленно летела по воздуху в грудь высокого человека с короткой винтовкой и никак не могла долететь до цели. Алонову хотелось бежать, но руки, ноги, все тело было мягкое, как тряпичное. Ощущение бессилия, незащитности угнетало – он был скован, связан. Старался пошевелиться, проснуться – и не мог...

Алонов очнулся, одеревенев от холода. Он едва смог заставить себя сесть. Минуту или две скованность еще длилась. Потом он сразу вспомнил все, сбросив оцепенение сна и ночных кошмаров. День, который пришел, был не лучше ночи. Алонов встал на колени среди толстых, высоких стеблей полыни и принялся делать резкие движения – гимнастику руками, чтобы согреться. Жажда его не мучила, как перед сном, только во рту было такое ощущение, точно там всё как жесткая, сухая тряпка.

На востоке, низко над горизонтом, белела утренняя звезда. Небо яснило, с каждой минутой свет набирал силу.

Алонов видел пар от своего дыхания. Роща оделась легким туманом, поднимающимся от воды. Алонов смотрел на прозрачные тени деревьев. Окутавшую их легкую белую пелену пронзал столбик серого дыма. Поднимаясь грибом, дым стекал в сторону, смешиваясь с туманом. Костер горит; враги в роще тоже проснулись.

Алонов вытащил из кармана куртки коробку с табаком. Резинка под крышкой удерживала аккуратные листики бумаги. На воздухе приятно курить хорошую махорку в толстой бумаге. Алонов любил табак собственного посева, сам умел хорошо потомить и обработать его.

Первый раз после встречи с этими людьми Алонов позволил себе закурить. Лучи солнца пронизали пространство, скользнули между зелеными стеблями полыни с их желтыми кистями пыльных семян и заставили Алонова прищуриться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Что было в воде

1

Воздух над степью был сух. Солнце, на минуту задержавшись в дымке горизонта красно-багровым, напомнившим об осени шаром, на который еще можно было смотреть, сразу сделалось расплавлено-желтым, ослепительным. Невольно закрыв глаза, Алонов видел плывущие дымные круги, а солнце уже сорвало с рощи реденькую

оболочку тумана, определило расстояния и, сыграв в игру погони света за тенью, дало всему земному формы и цвет.

Алонов увидел степь, такую же, как вчера, такую же, как века назад, – безбрежно просторную, спокойную, добрую. Она будто бы с неисчерпаемым терпением ждала применения пытливого ума и терпеливо-деятельной руки человека, чтобы принять его как своего желанного, возлюбленного хозяина.

Да, сегодня, как и вчера, как сто лет назад, степь была такой же. Она оставалась сама собой, но не ее видел этим утром Алонов. Он видел только рощу, занятую врагами, и ждал.

Ждать ему пришлось недолго. Вот с другой стороны массива деревьев показались человеческие фигуры. Одна за другой они появлялись в поле зрения наблюдателя – по мере подъема по едва заметному скату обширной котловины, заключавшей рощу на своем дне. Одна, вторая, третья... Немного погодя к ним присоединилась и четвертая. Все! Они шли на утреннюю охоту? Нет, у каждого на спине торчал высокий мешок, и Алонов не видел ружей в руках, готовых к стрельбе.

Выбрав эту рощу, в которой была вода, базой своих поисков пастбищ и удобных для запруд мест, Алонов определил по компасу ее положение, чтобы в дальнейшем указать нужные приметы на карте области. Теперь, наблюдая за врагами, Алонов знал, что они идут на юго-восток, то есть продолжают уходить в глубь пустой зоны, все дальше от железнодорожной линии и поселений.

Алонов дал врагам удалиться по крайней мере на два километра и, пригибаясь, спустился с холмика. Когда ме-

жду ним и четырьмя стала преграда из деревьев, Алонов разогнулся и быстрым шагом пошел к опушке – туда, где упал застреленный им человек. Это место, деревья, кусты, трава – все вызывало отвращение, но след врага начинался здесь. Так нужно...

Алонов сразу убедился, что здесь нет ни тела, ни каких-либо вещей. Он пошел в глубину рощи – к поляне с болотцем. Он озибался, стараясь угадать путь, которым могли пройти эти люди, неся тело. Не брошено ли оно где-то по дороге? Нет, конечно, улика бережно спрятана!

До центра рощи было не более полутора шагов. Алонов, не замечая, прошел путь, который потребовал так много времени и труда ночью. На поляне Алонов бросился к дереву, где вчера висели его мешок и теплая куртка. Их не было. Алонов ждал, что так будет...

Не теряя времени, он поспешил к болотцу. В нескольких метрах от границы естественного водоема Алонов устроил собственный колодец, как это обычно делают около загрязненных источников пресной воды. В первый же день своего прихода на это место он ножом вырыл ямку глубиной не менее полуметра и укрепил ее края частокотом из веток. Дно ямки пришлось сантиметров на тридцать ниже поверхности болотца, и кажущийся игрушечным колодец наполнился водой. Вода была такого же вкуса, как в болотце, но, просочившись сквозь естественный фильтр грунта, очистилась и посветлела. Уходя, Алонов обычно прикрывал свой колодец ветками и сейчас нашел всё в целости.

Опустившись на колени, опираясь ладонями о землю, Алонов пил прямо ртом прохладную воду. Он наслаждался,

втягивал воду между краями прижатого к нёбу языка, отрывался, дышал,пил опять.

Напившись досыта, Алонов хотел подняться, но остался на коленях, глядя вперед, на болотце.

Там, среди вееров осоки и низких кочек в султанях широкоперого камыша, Алонов разглядел что-то круглое, чуть заметно поднимавшееся над поверхностью зеленоватой воды. Если бы он смотрел сверху, стоя, то вряд ли заметил бы этот сливающийся со своеобразным микроландшафтом болотца предмет.

Алонов уверенно вошел в воду – она не доходила до колена – и, пройдя шагов тридцать, достал из воды свой мешок. Он выждал, чтобы дать воде стечь. Дальше было более глубокое место. Там, в воде, лежало дерево. Оно-то и привлекло внимание Алонова.

Он отлично помнил, что вчера никакого дерева в болоте не было. Да и по веткам со свежими, неувядшими листьями было сразу видно, что дерево только что срублено. Поискав глазами на берегу, Алонов нашел пень со свежими срезами. Так вот что значили удары топора, которые он слышал ночью!

Но почему дерево лежало в воде, а не пошло в костер? Очевидно, потому, что нашлось что-то более подходящее, чем сырая древесина. Но к чему тогда было тащить далеко в воду тяжелый ствол?

Размахнувшись, Алонов выбросил на берег свой намокший мешок и направился к дереву. Здесь было заметно глубже. Вода залилась в поршни, поднялась до середины бедер. Алонов взялся за скошенный, неправильный отруб. Было видно, что это дерево свалили не настоящим, а маленьким охотничьим топориком.

Дерево лежало в неглубокой воде и, естественно, опиралось о дно своими ветками. Хотя Алонов взялся за комель только одной рукой – в другой он держал ружье, – дерево легко вышло из состояния неустойчивого равновесия и, отталкиваясь от дна пружинящими ветками, чуть-чуть повернулось. Алонов, не думая, потянул еще и вдруг заметил, что около самого ствола что-то появилось. Вернее, что-то двинулось на уровне воды вместе с деревом. Но это было не дерево...

Вздрогнув, Алонов послал вперед кнопку предохранителя и забросил ружье на ремень за спину. Он взялся за комель обеими руками и сильно потянул. И увидел, как из темной воды на мгновение показалась кисть человеческой руки со скрюченными пальцами и исчезла опять.

Так вот что!.. Значит, они его не зарыли...

Когда Алонов увидел, что его враги вышли из рощи и пошли в степь, он подумал, что где-то в роще зарыто тело убитого им человека. Пока он не увидел, что эти люди уходят вдаль от поселений, он еще ждал, что они вынесут тело, понесут его на разъезд, чтобы обвинить в убийстве встреченного в степи охотника, то есть его, Алонова. Но оказалось, что они не только не собираются его обвинять, требовать розыска убийцы, иначе говоря, делать то, что было бы естественным, но они бросают, прячут труп своего товарища небрежно, кое-как, не желая даже постараться зарыть его!..

Загадка громоздилась на загадку. Алонов вспоминал слова, слышанные им этой ночью, когда он подкрался к костру. Что они говорили про него? «Останься он живой, будет молчать...» Это он, Алонов, будет молчать. Будто бы

для них хорошо, если он будет молчать, скроет убийство, совершенное им...

Все было страшно, запутанно, не получало ответа. Если бы хоть с кем-нибудь посоветоваться! Алонов чувствовал себя как в сетях. Чем дальше, тем теснее становились петли. Все было вне его жизни, вне его обычных представлений о жизни.

А тем временем враги уходили и уносили с собой разгадку! Эти четверо, о которых только и мог думать Алонов, не теряют времени, они идут, идут, идут!.. Куда, зачем идут? Что им надо здесь?

У Алонова кружилась голова, но не от слабости. Он стоял среди болота, забыв, где находится.

Холод воды, схвативший ноги, привел его в себя. Он повернулся и пошел к берегу – прочь от жалкой, отвратительной и страшной могилы человека, который хотел убить его и был убит сам...

И Алонов даже не помнил лица этого человека, ничего не знал о нем и, вероятно, не узнает... Эта мысль в числе других была почему-то особенно чудовищной для Алонова.

2

Уходящий имеет тысячу дорог, а преследующий – только одну, только ту, которая избрана преследуемым.

Нужно спешить, спешить!

Алонов вытряхнул содержимое своего мешка прямо на землю. Сахар и соль, растаяв, бесследно исчезли. Сухари размокли в кашу. Только заряды в медных гильзах не должны были пострадать. С одной стороны порох был

защищен пробковой прокладкой на дробин и толстым просаленным пыжом под дробью. С другой – вдавленный капсюль красной меди был тщательно затерт воском. Так иные заботливые охотники готовятся к далеким охотам.

Котелок и фляга оказались в мешке. Исчезла кружка.

Алонов наполнил флягу водой из своего колодца, а котелок набил месивом из сухарей. То, что не поместилось в котелке, он тщательно подобрал с земли. Остатки мокрых сухарей смешались с опавшими листьями и травинками – расплата за поспешность. Затем Алонов в последний раз напился из колодца. Он спешил. Часы не шли, и ему казалось, что минуло уже очень много времени с того момента, когда он подошел к поляне. Быть может, его теплая куртка валялась где-нибудь близко или ее стоило поискать в воде? На это могло уйти слишком много времени...

Собравшись, Алонов в последний раз оглядел поляну и болотце. Помятая трава, несколько сломанных веток и хворост, оказавшийся лишним для костра. Широкое выжженное пятно на месте самого костра... и больше ничего. Ничего о людях, которые провели здесь ночь. Ничего, что могло бы рассказать о них, кроме того дерева в болотце. Может быть, они выронили какой-либо предмет? Нет. Даже нет ни одного окурка. Неужели ни один из четверых не курит?

Алонов топтался на чужом привале. Странно, костер развели большой, горел он всю ночь, наверное, а золы мало. Совсем не видно свежего пепла. Значит, они разбросали золу, подмели; поэтому место, где горел огонь, кажется старым. Но на размышления не было времени...

Скорее, скорее! Алонов взбежал на водораздел, замы-

кавший плоскую котловину, присел в бурьян, наблюдал. Отдавшись наблюдению, он не думал о другом.

Для безразличного путешественника, для проезжего, который от безделья обзревает наши степи из окна вагона или из автомобиля, они кажутся плоскостями, открытыми во всех направлениях. Внимание случайного человека быстро притупляется кажущимся однообразием равнины, и, даже если он чувствует своеобразное величие того, что принято называть бескрайним простором, его глаз ждет и ищет изменения скучного ландшафта.

Но уже для медленного пешехода или всадника, наблюдающего мир степей с небольшой высоты, степи открывают свои возвышения и углубления, порой манят уютными лощинами и укромными балками. Оказывается, что здесь много отличных укрытий и для человека и для зверя даже в самых мелких впадинах.

А сколько безопасных рытвин, сколько заманчиво-надежных защит от пули предлагает солдату кажущееся ровным, как стол, поле, когда он под огнем перебегает и переползает к указанному ему рубежу для атаки!

Такой и была сегодня степь для Алонова. В степи – враг. И Алонов наблюдал терпеливо, внимательно. Все же его ночная разведка принесла плоды! По подслушанным обрывкам разговора он предполагал, что враги не думают о нем, не боятся его преследования.

А ведь это верно! Конечно, у него были две причины для бегства: страх перед ними и еще большее основание – боязнь быть обвиненным в нападении и убийстве из засады. Конечно, враги должны считать, что он бежал всю ночь и сейчас очень далеко.

Нельзя сказать, чтобы это было результатом серии выводов, заключений, – Алонов скорее почувствовал, чем решил: у него больше нет ужаса перед возможным обвинением в убийстве. Да, страх исчез. К этому ощущению, естественно, пристраивались выводы из наблюдений. О многом говорило скрывание неизвестными трупа.

Вдали появились фигуры людей – очень далеко, на линии горизонта, до которого по местности было километров пять. Алонов достал компас и сориентировался – враги были на юго-востоке, они сохраняли взятое направление. А где же бинокль? Только сейчас он вспомнил, что в кармане теплой куртки лежал бинокль. Украли... Сожалеть об утрате не было времени, да и праздное это занятие! Сейчас враги исчезнут совсем. Нужно уменьшить расстояние до них.

Алонов побежал не прямо, а взял левее. Там, он знал, местность понижается и дальше должна быть лощина или бывшее ложе исчезнувшей речки, избранное им для постройки плотины. Вскоре он перестал видеть людей – значит, и сам стал невидим. И он пошел быстрым, широким шагом, спорым и ритмичным, которым даже без дороги здоровый человек делает километров шесть в час. Промокшая одежда и поршни, не стесняя Алонова, быстро просыхали.

Несколько раз перед ним с пронзительными криками, которые охотниками называются кеканьем и геканьем, взрывались табунчики серых куропаток. Но Алонов не вскидывал ружье привычным жестом. Зайцы в темных, еще летних шкурках уносились, скрываясь, как в воде, в высоких травах. Парочка рыжих степных лисичек-корсаков

следила за путником с холмика, вытянув острые, хитрые мордочки. А сколько других глаз, испуганных, любопытных или холодно безразличных, провожали быстрого пешехода! Сколько вопросов задавали себе невидимые обитатели степи! Ведь степь как город.

Пугливые куропатки, перелетев недалеко, успокаивались – погони не было. Вспугнутые зайцы возвращались домой – у них есть дома, хотя нет стен и крыш. Вороватые корсаки, поглазев на Алонова, продолжали заниматься своим делом – охотой за каждым, кто зазеваается, забудет, что здесь есть не менее опасные существа, чем люди. Ведь в мирной степи нет мира.

Алонов должен был выбирать такие точки степи, с которых ему удавалось сразу охватить глазом побольше, увидеть врагов, определить направление. Он должен был двигаться сзади, быть невидимым, не слишком приближаться, но и не отрываться. Поэтому его путь был вынужденно длиннее пути преследуемых. Но он пока не чувствовал усталости.

Однажды его едва не постигла неудача. Потеряв врагов из виду, Алонов ускорил шаг. Он считал, что слишком далеко оторвался. И внезапно его остановил звук двух выстрелов, последовавших один за другим. Не так уж близки были выстрелы, но все же дуплет еще звучал в ушах Алонова, а он уже упал в траву и полз к большому шару перекати-поля. Осторожно выглядывая из-за укрытия, Алонов вскоре увидел четверку. До них было вряд ли более километра – они поднимались из балки. Впереди шел низкорослый, сильный мужчина. Алонову казалось, что он узнает эту фигуру. Рядом с ним шагал высокий, и, немного

отстав, двигались двое одинакового роста. Глаз Алонова привыкал к этим людям.

Все они шли неторопливо, свободно, небрежно. Они совсем не имели вида тех, кто может опасаться преследования, нежелательных встреч. Нет, не так. Вот задний остановился, оглянулся. Алонову казалось, что он осматривает степь в бинокль.

Что же касается настороживших Алонова выстрелов, то они, конечно, были сделаны по какой-либо дичи. По звуку — охотничье ружье. Резкое, отрывистое щелканье их винтовок Алонов запомнил слишком хорошо...

Теперь и нужно и можно дать врагам отойти подальше. Их выстрелы навели Алонова на одну мысль. Удобнее усевшись, он достал из патронташа одну из гильз, заряженную дробью, вытащил пробковую прокладку и выкатил дробь в фуражку. Вытащить тугой и толстый войлочный пыж было потруднее. Справившись и с этим, Алонов высыпал зеленоватый бездымный порох на крышку своей коробки с табаком.

Потом он отделил насколько возможно точнее третью часть пороха, что должно было составить шесть десятых грамма, отсыпал половину дроби и вновь зарядил патрон. Таким зарядом можно сбить птицу только на близком расстоянии, зато звук выстрела получится совсем слабым. Охотясь на перепелок, охотники экономят боеприпасы, запасаясь облегченными зарядами.

Хлопок слабенького выстрела не привлечет внимания врагов, особенно при ветре. Ветер же дул и даже довольно сильный. Как обычно бывает в степях, движение воздуха началось вскоре после восхода солнца с тем, чтобы уси-

литься в середине дня и стихнуть к вечеру. Ветер тянул с юга, то есть от врагов, что было выгодно для Алонова. Ведь он хотел есть, у него не было ничего, кроме размокших сухарей. Нельзя пренебрегать возможностью удачного выстрела.

Изготовив еще пять таких зарядов, Алонов дал возможность своим врагам отойти километра на три, а сам спустился в балку, которой они недавно шли. То, что там прошли люди, не могло помешать его попутной охоте. Вспугнутые куропатки перелетают недалеко, делают круги и через небольшое время, если их не преследуют, возвращаются на кормовые места. В степи можно идти на расстоянии четверти часа ходьбы друг за другом и не мешать товарищам охотиться.

И все же Алонов не нашел куропаток в балке. Ему попался только заяц, застреленный только что и еще не успевший окоченеть. Алонов поднял за вялые длинные уши загубленного зверька в серой шерсти с темной полосой по хребту.

Зачем кто-то из врагов застрелил этого зайца? Для забавы? Чтобы, как выражаются иные, разрядить ружье по мишени? Конечно, они даже не выбрали зайца.

Наши охотничьи правила, наряду с другими ограничениями, запрещают охотиться на зайцев до наступления зимы, иначе говоря, до наступления холодов, когда заяц войдет в полную силу и оденется белым зимним мехом. Это разумно. Алонов был очень строг. Он считал, что и дикие звери, невольно, но постоянно сожительствова с человеком, обитая на его землях, так же принадлежат человеку, как стада домашнего скота. Ведь и птицы и звери

пользуются плодами труда людей. Хозяин же обязан умело пользоваться своим добром, не расхищать его. Многие звери у нас спокойно живут под охраной закона. Алонов привык видеть, как табунки диких коз пасутся рядом со стадами его степного совхоза, пьют из водопойных корыт у колодцев. Они без страха смешиваются с домашними животными.

Запрещенная охота, охота без правил, не вовремя – преступление.

Алонов смотрел на трупик зайца. Недоросток, позднего помета, еще не окрепший. Худое, короткое тело, ноги кажутся неестественно длинными. Светлая шерсть на брюшке сильно окровавлена...

Бывает так, что лица, изображенные художником с верностью чертам, с правильным освещением и перспективой, все же мертвы – в них «нет жизни». Но вот художник возвращается к мольберту, еще раз берется за кисть. Подбирая краски, он вглядывается в мертвенно-условное изображение и начинает легко касаться кистью полотна. Что он делает? Кажется, почти ничего. Но уже начинает происходить чудесное превращение. Вот еще один, заметный только мастеру штрих – и живая, теплая кровь двинулась в невидимых сосудах тела; найдя наконец-то свободное положение для костей и мышц, будто бы повернулась голова; глаза *взглянули*. И можно сразу сказать, кто смотрит на вас с портрета.

Творческая работа мысли подобна этому процессу. Нельзя заметить границу, после которой беспорядочное нагромождение фактов, мыслей, ощущений вдруг и, как кажется, сразу приобретает стройность.

Так и Алонов понял... И через секунду ему уже могло бы показаться странным, как это он мог не догадаться с первого взгляда.

Конечно, эти люди, его враги, – враги вообще. Бандиты. С первого шага, когда они напали на него, бессмысленно, казалось – «просто так». Нет, это самые настоящие бандиты. Не охотники – как бы они ни называли сами себя, – не работники. Не свои – чужие. Не люди, не граждане. Не советские, не русские: они бандиты, волки-оборотни.

Конечно, посторонний человек с холодной головой легко мог бы опровергнуть Алонова, доказать, что нет исчерпывающих данных для вынесения столь категорического приговора. Каждый факт, даже попытку убить Алонова можно было истолковать иначе – ведь слишком разнообразны люди и мотивы их поступков. Опытный и даже неопытный юрист заметил бы, что обиженный человек является стороной в конфликте и не может быть судьей.

Алонову не было никакого дела до норм права. Сделав свое открытие, он покрепче сжал ружье и невольно ускорил шаг. Вчера его замучили сомнения, он чувствовал себя убийцей, ответив на травлю, на выстрелы выстрелом. Эх, почему он не понял вчера же! В своем увлечении Алонов думал, что мог бы ночью перестрелять всех четверых у костра, как бешеных собак. Два выстрела верных – и он успел бы перезарядить оба ствола, пока двое спящих очнутся!..

Одно открытие требует другого – и через несколько минут вдохновивший Алонова вывод потерял всякую цену. Да, бандиты! Да, чужие! Но что это значит? Слова... Слова без начала и без конца. Откуда они и что они здесь делают?

Бандиты, диверсанты, воры, грабители? Здесь нет ни городов, ни заводов – даже от железной дороги они уходят все дальше и дальше. Здесь нет никаких ценностей, которые можно украсть или разрушить, некого грабить. Убить, чтобы ограбить такого одинокого охотника, как Алонов, для этого нечего забираться в глушь, где встреча – редчайшее исключение. Алонов слышал о случаях убийства охотников с целью ограбления – под большими городами и обладателей очень дорогих ружей.

Мысль о диверсии Алонов отбросил. Он мог вообразить себе диверсантов, крадущих чертежи, взрывающих мосты, заводы, шпионящих на железнодорожных узлах, аэродромах, пробирающихся на секретные производства.

Чего хотят эти бандиты? Воображение Алонова оказалось совершенно бесплодным. Нужно идти за ними, не отрываться и найти минуту, которую он упустил сегодня ночью у костра.

Найти минуту для расправы с врагами! Эта надежда уже не вызывала энтузиазма.

3

Солнце перевалило за полдень, когда бандиты подошли к небольшой, редкой рощице, одиноко маячившей в степи. Вскоре оттуда поднялся развеваемый ветром легонький серый дымок. Вряд ли кто-нибудь захочет раскладывать костер для минутной остановки. Они отдыхают, едят. Можно отдохнуть и Алонову.

Теперь внимание врагов не отвлечено ходьбой. Естественно, они смотрят во все стороны, будут более бди-

тельны. Нужно усилить предосторожности. Алонов заполз на плоскую высотку. Опять матерая полынь обеспечила ему хорошую маскировку.

Алонов ничего не ел почти целые сутки. Он стащил со спины мешок. Размокшее месиво сухарей на дне мешка сбилось и подсохло. Алонов очищал от листьев и сора бесформенные, липкие внутри куски и жевал. Неприглядная пища имела странный вкус. Растворившись в болотной воде, сахар и соль пропитали сухари. Было, конечно, очень невкусно, но Алонов ел охотно, даже с удовольствием: он был голоден. После еды он разрешил себе только три глотка из своей литровой фляги. Мучения прошлого вечера и ночи оказались очень памятными – вода была всего дороже. Поэтому же курить он себе не разрешал.

Закусив, Алонов занялся ревизией своих боевых запасов. В патронташе оставалось пятнадцать зарядов. Из карманов своей легкой куртки он достал патроны, побывавшие в болоте, – ровно двенадцать штук. Вода не успела проникнуть внутрь. Всего, считая два заряда в стволах, Алонов имел двадцать девять выстрелов.

Отправляясь в степь на разведку пастбищ, он не собирался охотиться в настоящем смысле этого слова. Трех-четырех выстрелов в день в местах, богатых дичью, совершенно достаточно, чтобы прокормить себя и собаку. Вчера он стрелял лишь дважды и выбил из стаи четырех куропаток.

Всем, или почти всем, охотникам свойствен страх остаться без зарядов и жадность к лишним запасам. Конечно, лучше вернуться домой с полным патронташем, чем остаться без выстрела в поле. Алонов захватил из дому не

только полный двухрядный патронташ, но бросил в мешок хорошую горсть патронов. Десяток зарядов был в кармане украденной у него ватной куртки. Он привез бы домой половину запаса. Но из такого большого для хорошего стрелка количества зарядов только четыре были настоящими, подходящими для того, что случилось с Алоновым. Три заряда с торчащими из гильз свинцовыми пулями были в патронташе, один – в левом патроннике ружья.

Еще мальчишкой Алонов запомнил слова одного старого охотника:

– Куда бы я ни топал – всегда на мне найдутся полдюжинки крепких зарядиков с жаканами.

– А вы их часто пускаете в дело? – спросил старика мальчик, уже знавший, что даже волка чаще всего бьют не пулей-жаканом, а картечью.

– За тридцать годов ни разу не пришлось, кроме как в цель. Вот оно какое дело, парень.

– Так на что же они вам? – никак не отставал хотевший все знать и понимать мальчик.

– А так, на всякий случай. Мало ли что. Таскаешь ружье – таскай и пулю. Понял?

Обзаведясь собственным настоящим ружьем, юноша последовал совету бывалого, предусмотрительного человека. И вот теперь они так пригодились и пригодятся – эти бесполезные тяжелые патроны. Они придают ему силу и уверенность. Их даже мало. Что, если понадобится еще?

Лежа на боку и поглядывая в сторону привала врагов, Алонов достал и разрядил несколько дробовых патронов. Своим большим острым ножом он разрезал на куски носовой платок и завязал дробовые заряды в маленькие ку-

сочки тканей. Потом он добавил в каждую гильзу пороха из побывавших в воде патронов.

Когда-то ему приходилось слышать, что таким способом северные охотники иногда выходят из затруднительного положения. Он проверял опытом – верно, завязанная в тряпку дробь вылетает из ствола сплошной массой и бьет пульей. В шариках свинца центробежные силы развиваются слабо, дробь не разрывает ткань. Такой снаряд впивается в мишень вместе с тряпкой.

Однако импровизированные заряды не могли сравниться с настоящими пулевыми. Свои боевые заряды Алонов заготавливал обдуманно и тщательно. Он взвешивал деревянные стерженьки и свинцовую насадку на весах совхозной аптеки и умел добиться точного, всегда одинакового веса. Порох он отвешивал в количестве почти в два раза большем, чем для выстрелов дробью. Периодически стреляя по мишеням, Алонов хорошо приноровился к точной, совершенно одинаковой снарядке самодельных пулевых патронов. Он достигал неожиданных результатов для обыкновенного гладкоствольного ружья, сажая пулю в пулю на двести шагов. Он знал, что пуля пойдет и дальше, сохраняя убойную силу. Но на ружье не было прицельной рамки, дальний бой оказывался неточным, а Алонов по характеру не любил случайного, неопределенного.

Дробь в тряпке вместо пули, пороховой заряд неопределенного веса, отсутствие пристрелки... Все это могло быть лишь весьма несовершенным подражанием настоящим алоновским патронам. Он счел, что такой выстрел может ему пригодиться на расстоянии до сотни шагов. Все же куда лучше совершенно бесполезной дроби.

Странная картина... Еще вчера мирный человек, безобидный молодой зоотехник, забившись в полынь, готовил запасные заряды, чтобы стрелять в неизвестных ему людей, которые, в свою очередь, расположились не так далеко от него в степной роще и, наверное, считали, что километров на сорок нет ни души.

Окончив приготовление последнего заряда, Алонов забеспокоился. Он не умел по-настоящему определять время по состоянию неба и положению солнца. Встречаются крестьяне, которые с точностью до десяти минут называют час, взглянув даже на затянутое облаками небо. Алонов лет с тринадцати не расставался с часами, берег их – словом, он не помнил дня, чтобы у него не было часов. Труд и уважение ко времени приучили его всегда знать час и минуту. Как сейчас ему мешало отсутствие часов! Алонов упрекнул себя, что не заметил положения солнца, когда остановился.

Ему думалось, что он долго возился, что прошло много времени и бандиты смогли незаметно для него расстаться с привалом. Нужно подобраться поближе к роще. Это оказалось не легким делом – в этих местах было особенно плоско.

Алонов находился за пределами обследованных им окрестностей рощи с пресным болотцем. Он считал, что от железной дороги его отделяет не менее пятидесяти километров. Нет, побольше. От разъезда до рощи километров тридцать с небольшим, а сегодня он шел, наверное, часов шесть с недолгими остановками.

Поглядывая на одинокую группу деревьев, Алонов укрепил мешок на спине, зарядил оба ствола пулями и стал

пробираясь вперед, почти все время ползком. Различив очертания отдельных деревьев, он решил, что еще большее сближение окажется неблагоприятным.

Беспокойство Алонова было напрасным. Он заметил людей среди редких деревьев и понял, что они лежали, отдыхая. Вскоре враги снова двинулись в степь, все туда же, на юго-восток. Нет, теперь они меняют направление, все больше уклоняются на восток. Алонов уже вошел в рощу. Пора в дорогу и ему...

Характер степи заметно менялся. Севернее какой-то границы, которую незаметно перешел Алонов, слой чернозема, образованный отмиравшими в свой срок растениями, везде закрывал глинистые или песчаные подпочвы. И седоватые кисти-метелки спелого ковыля, наклоняясь при ветре, придавали нетронутой степи добрый, гостеприимный вид.

По мере продвижения к югу дерновый покров утончился. Местами песок разрывал травы и, выйдя наружу, показывал желто-серые бесплодные пятна, окаймленные осенними подсохшими травами.

Вначале казалось, что растения еще ведут борьбу с песками в надежде на победу. Алонов знал, как долги по сравнению с человеческой жизнью войны в природе. И все же ему хотелось видеть, как травы окружали противника, попирали его, помогая друг другу, подавляли бесплодие. Север наступал на юг, север нес югу свой закон влажного плодородия.

Алонов приближался к неизвестно куда передвигающейся линии фронта. Ее можно было бы нанести на карту,

обозначив борьбу зелеными и желтыми стрелами, знаменующими усилия противников. Все чаще встречались места, где сражение шло с переменным успехом. Травы накапливались в ложбинках, углублениях, собираясь начинать штурм песчаных всхолмлений. Песок защищался, переходил в контратаки. Кое-где ему удавалось подавить растения – здесь из осыпей кварцевых зерен торчали чахлые, преждевременно засохшие ростки.

На одном из языков песка Алонов нашел свежие отпечатки – следы человеческих ног. Ветер стихал, след будет жить до завтра. Следы ступней сближались и расходились неправильными цепочками: каждый сам по себе. Алонов заключил, что его враги шли вразброд и не слишком бодро.

Окраска степи побледнела. На ее светлом фоне Алонов лучше различал преследуемых. Но ведь и сам он стал более заметен. Пора менять тактику. Нужно отказаться от той же дороги, по которой прошли бандиты. Алонов решил замечать точку, пройденную бандитами, давать им скрыться из виду и затем побыстрее, прямым путем, выходить к назначенному пункту. Дорога сократится. К тому же один человек всегда пойдет быстрее, чем четверо.

Вечер близился. Срезая очередной участок пути, Алонов думал, что скоро враги остановятся на ночь. Он сам начинал уставать, а те, конечно, устали еще больше – их мешки тяжелее, чем его. Мешки за плечами бандитов Алонов запомнил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночной поиск

1

«Не больше часа, остается не больше часа света», – думал Алонов, поглядывая на солнце. А солнце было совсем близко к земле, так как Алонов спускался в глубокую впадину, – он еще не встречал в степи таких углублений. Впадину нужно было пересечь, чтобы выйти кратким путем к намеченному как ориентир острому холмику, где недавно мелькнули и скрылись бандиты.

Алонов довольно долго следил, как они шли по ровному месту, потом исчезли и вновь появились около этой очень приметной высоты.

«Туда можно пройти быстрее и ближним путем, напрямик», – решил Алонов.

Впадина оказалась глубже и обширнее, чем представлялась издали. С западного ската, откуда пришел Алонов, вслед ему уже падали тени. Сбегая по отлогому откосу, он увидел воду, блеснувшую вдали, на дне впадины, и почувствовал запах сероводорода. Чем дальше бежал он, тем резче становился этот неприятный запах. Алонову вспомнилось, что такое зловоние он уже слышал как-то около одного умершего степного озера.

И на севере и на юге камыши и водяные травы ведут борьбу с озерами. Озеро постепенно превращается в болото. Наконец, умирая и отлагаясь на дне, растения заполняют весь водоем доверху. Проходят годы, торфяник

стареет, сохнет, твердеет. Там, где некогда на зеркалах свободных вод останавливались вольные станицы перелетных птиц, ныне косят траву на сено, пашут, пасут скот. Или, разбив торфяник на «карты», добывают топливо. Остаются узкие прямоугольники, залитые коричнево-красной торфяной водой, и груды фантастически уродливых пней, не успевших истлеть в торфе.

А вот на юго-востоке, в азиатской части нашей земли, есть районы, где почва особенно богата солями. Лежит соль пятнами, поэтому бывает, что пресные и соленые озера близко соседствуют.

Приближаясь к своему концу, соленое озеро проходит особую фазу. Высыхая, заполняясь растительными остатками, оно все больше солонеет: из соленого делается горько-соленым. Чем больше мелеет озеро, тем крепче становится рассол. А соли, вымываемые снеговыми и ливневыми водами из солоноватых почв бассейна, продолжают насыщать умирающее озеро.

Прежде бурный, рост растительности прекращается. Выживают, мельчая и вырождаясь, только отдельные виды. Появляются новые; они чахлы на вид, но стойки. На берегах открываются частые плешины с белыми выпотами на жирной земле. Точно иней, соль покрывает совершенно бесплодные участки обнаженной угольно-черной и всегда слегка влажной почвы. Кругом расплзается зелено-бурая короста лишайников.

К умирающему озеру собираются любители соли. Место вымерших камышей и осоки занимают карликовые кустарнички – биюргунчик с листьями чешуйкой, сизый кокпек, безлистный итисгек. К ним присоединяются травы,

само имя которых пахнет солью: морская шведка, солерос, сарсазан, селитрянка. Обитатели соленых гнилых вод кажутся близкими между собой родственниками. Все они мелкие, жесткие, распластаны и обладают сильными корнями. Весной некоторые из них могут поразить глаз ядовито-мышьяковистой зеленью. Летом и осенью преобладает тусклая окраска сизых, коричневато-зеленых, грязных тонов.

Алонова поразила резкая перемена в облике ландшафта. Там, наверху, в степи растения, пусть тронутые осенней тоской и готовые лечь под косой мороза, были все же бодры. А здесь, у черной воды, собрались отщепенцы полей и степей. Скучные, подавленные, они точно ушли в себя, целиком поглощенные заботами скудной жизни, в которой нет ничего, кроме недостойной борьбы за собственное, обособленное существование.

Любители соли забрались в воду; в ней они и росли группами, похожими на расплющенные кочки, и растягивались коврами. Свободная вода казалась густой и была зеленовато-черного цвета. Кое-где на лужах расплывались радужные нефтяные пятна. Медленный распад органических веществ в соленой среде дает несколько граммов нефти на гектар болота. Это тление и служит источником особенного, тяжелого смрада.

Гнилые болота с их вонью тухлых яиц имеют печальный, отталкивающий вид места неизлечимо больного, брошенного самой природой. Однако в смрадной грязи охотно и обильно плодятся насекомые. Поэтому-то дикие птицы охотно посещают мрачные воды. Утки охотятся в воде, а влажные, мягкие плешины берегов как решето ис-

тыканы долгими носами куликов, любителей червей. Охотники хорошо знают это и не брезгают солеными болотами.

Такое-то болото и преградило путь Алонову. Где расширяясь, где сужаясь вновь, темная вонючая вода залила все дно глубокой и длинной впадины. Слишком поздно Алонов понял причину, заставившую его врагов пройти вёрхом: они старались обойти болото.

Солнце уходило, уходило. Алонову казалось, что солнце торопится, ускоряет свой ход. Так вечерами бывает с людьми, которые не успели закончить дневное дело.

Предстоял большой обход. Алонов понял, что за то время, когда он будет огигать лощину, враги успеют уйти далеко и скрыться в близких сумерках. Прямая дорога через болото могла сократить расстояние по крайней мере на три километра. Мешкать нечего.

Оставляя глубокие, заплывающие следы, Алонов прошел по жирно чавкающему берегу и вступил в воду. Здесь глубина была лишь по щиколотку. Густая вода скрывала мелкое дно. Алонов успел заметить, что по всей поверхности болота были разбросаны кочки, низенькие островки трав. Растения служили свидетелями того, что болото мелкое.

С каждым шагом Алонова из-под его ступней выдавливались пузыри. Лопаясь, они издавали удушливый, тошнотворный запах. Алонов старался ступать только на заросшие места – это удавалось, и еще ни разу вода не поднялась выше колена.

Место для перехода он избрал довольно случайно, шел, конечно, не по прямой, а зигзагами по заросшей воде.

Ширина болота здесь была вряд ли больше четверти километра, и по кочкам и островкам Алонов быстро одолел почти все расстояние. Ему оставалось шагов тридцать – сорок, когда травяной покров окончился. Травы начинались сплошной лентой совсем недалеко – у противоположного берега. Перед Алоновым легла полоса свободной воды.

Какая же здесь глубина?

Алонов уже вышел из тени, которую отбрасывал западный склон впадины. Восточный склон перед ним был ярко освещен солнцем. Прикрытые выросшими рваными слоями тощего дерна, из довольно крутого склона выдавались неровные слои выветрившегося красноватого камня, разделенного широкими трещинами. Солнце подчеркивало ступенчатый рельеф. Этот восточный скат был куда круче западного. Алонов подумал о том, что у крутых берегов и дно всегда бывает глубже. О чем другом могло говорить отсутствие растительности на воде?

Алонов искал глазами вправо, влево. Везде между ним и таким близким берегом тянулась полоса... нет, полоска открытой воды. Ветер уже прекратился; в вечерней тишине темная поверхность была маслянисто-гладкой, вода казалась густой, жирной. У ног Алонова в косых солнечных лучах радужное пятно переливалось какими-то нездоровыми, неестественными красками. И воду и пятно перерезала длинная тень человека. Солнце уже почти касалось горизонта, приподнятого западным берегом, и сзади на Алонова наступала вечерняя тень. И нигде-нигде не рассмотреть хотя бы самый узенький перешеек трав, хотя бы несколько кочек! Алонов умел плавать. Будь перед ним

обычная, чистая вода – это его не смутило бы. Здесь вода была отвратительна. А солнце сейчас зайдет...

Алонов переложил лишние, не помещающиеся в патронташе патроны из нижних карманов куртки в нагрудные и сделал первый шаг. Глубина оказалась небольшой, чуть выше колена. Хотя этого и следовало ожидать, но Алонов сразу ободрился. Постепенно погружаясь, он пошел смелее, окруженный пузырями от поднимавшихся со дна газов. Еще немного...

Вдруг Алонов почувствовал, как дно начало хватать его за ноги. Он опустился глубже, идти сделалось очень трудно.

До берега, вернее – до пояса травы у берега, оставалось вряд ли более десятка настоящих шагов, когда Алонов сразу погрузился по пояс. Подводная грязь сковала его ноги до колен, и он не шел, а едва переминался на месте, отвоевая сантиметры. Невидимые, мягкие, но крепко держащие тиски не выпускали ноги человека. Кругом Алонова вода кипела, бурлила от рвущихся из потревоженной грязи зловонных газов. Они били вверх струями, и Алонов ощущал всем телом отвратительные, живые прикосновения. Но отступить было некуда. Да он и не хотел отступить. Он погрузился уже по грудь.

Вероятно, со стороны это было бы странным и тягостным зрелищем. По черной поверхности ярко освещенной солнцем воды шли тяжелые, гладкие круги. В их центре, как привязанный, бился человек. Он поднимал вверх патронташ и ружье, размахивал ими в борьбе с невидимым. На его спине горбом топорщился мешок, а кругом вода вспухала пузырями, пенилась, как в котле на огне. Этот человек должен был бы звать на помощь. Но он молчал.

Чувствуя, что его хватит ненадолго, Алонов делал последние, отчаянные попытки – те усилия, вернее – сверхусилия, которые свойственны нам в решающие минуты настоящей опасности, которые впоследствии вспоминаются смутно, через какую-то дымку памяти, и всегда кажется, что они неповторимы...

Сколько времени бился Алонов – он не знал. Но вот под ногами стало тверже. Он двигался, он шагал! Он поднимался, поднялся до пояса – и ему казалось: уже мелко. Вперед, вперед!.. Еще два шага – и Алонов ступил на траву. Хотя под его тяжестью трава ушла в воду и он стоял, погружившись по колено, но какой прочной, надежной показалась ему пружинная опора корней, связавших грязь прочной сеткой. Не хуже твердой земли!..

Алонов оглянулся. Его дорога по открытой воде была обозначена широкой пенящейся лентой. Газы продолжали рваться из грязи, потревоженной ногой дерзкого человека. Алонов погрозил ружьем гнилому болоту, которое хотело стать союзником врага.

Он шел к берегу, шлепал по мелководью, приминая жесткие травы, и уже собирался ступить на сухое место, когда навстречу ему поднялось нечто похожее на палку. На конце палки был длинный набалдашник. Палка стояла, слегка покачиваясь из стороны в сторону, – в ней таилось какое-то напряжение.

Невольно Алонов сделал шаг назад. Он не сразу понял, что перед ним, Это было также похоже на поднятую из травы очень тонкую и очень сухую руку, гладкую, разрисованную черно-зелеными пятнами и поперечными кольцами, руку с вытянутыми вперед пальцами тонкой и перегнутой под прямым углом ладони.

Странное видение сразу превратилось в щитомордника-халиса, кровного члена семьи страшных американских мокасиновых змей. Крупная даже для своей породы, змея ждала Алонова на берегу черного болота. На конце треугольной головы трепетала раздвоенная толстая нитка. В плоском черепе сидели два зеленых глаза. В них не было взгляда – только холод и вечная, тупая, неотвратимая ненависть. Змея злилась...

Змея злилась не без причины. После дня безуспешной охоты она сумела подкрасться к большому кулику и показать ему себя, свои глаза. Птица оцепенела. Красивое существо вызывало в змее ненависть. От ненависти у змеи в глубине нёба набухали две желёзки, готовя яд для двух длинных, загнутых назад и пустых внутри зубов, похожих на иглы шприца.

Зная силу своих глаз, свою власть над жертвой, змея не торопилась. Вдруг тень закрыла и жертву и убийцу. Птица исчезла. Быть может, змея и не поняла, что тень отбросили крылья ястреба, отнявшего у нее добычу.

Змея осталась с запасом яда и хотела убить. Большое тело, внезапно появившееся перед ней, ее не испугало. Яда было много. Щитомордник-халис имеет привычку бросаться на человека без вызова и без видимой причины. Почему?

Змея не может, подобно зверю, оторвать и проглотить кусок. Яд, затраченный на убийство существа большего объема, чем тот, который может пройти через змеиную глотку, затрачен праздно, бесполезно. Это – растрата.

Ученые не объясняют смысл подобных нападений, имеющих целью убийство для убийства.

Можно было подумать, что змея знает меру власти своего яда – с такой уверенностью она глядела на Алонова.

Алонов не мог выстрелить – звук выстрела выдаст его. Он перехватил ружье в левую руку. Движение могло бы удивить змею. Ведь она была уверена, что и это живое существо так же должно остолбенеть, как птица, суслик или заяц. Но злоба не размышляет.

Не спеша Алонов вытащил нож, руку с длинным клинком отвел влево от себя, пригнулся, как бы готовясь прыгнуть. Под ногами было твердо.

И еще мгновение продолжалось состязание двух пар глаз. Одна – зеленая, льдистая, мертвенно-злобная. Другая – серая, внимательная, решительная.

Раздувая красновато-желтую шею, змея отвела голову немного назад, точно размахиваясь для удара, начала вбирать свое тело в жесткую болотную траву.

Затем один другому навстречу метнулись – змея и рука. Они встретились в воздухе. Змея разделилась на две части. Одна, короткая, с глазами и зубами, упала и утонула, как камень. Другая, длинная и толстая, забилась, вспенивая смрадную воду...

Алонов спешил подняться из черной лощины. Солнце уходило...

2

Для того, кто движется, кто меняет точки наблюдения, и земной рельеф неожиданно, причудливо меняет свои очертания, формы. Башни превращаются в стены, конусы – в столы, шары – в пики.

Остренький, как сахарная голова или как рюмка с от-

битой ножкой, холмик, примеченный Алоновым, оказался длинной высоткой, вытянувшейся под тупым углом к впадине с гнилым болотом. И Алонов, взбудораженный переходом через болото, взволнованный схваткой со змеей, не сразу распознал свой ориентир.

Только художники, может быть даже и не все из них, полностью отдают себе отчет в значении света, освещенности. Низко стоящее солнце устало степь перед Алоновым полосами света и теней. Впадина, с таким трудом пересеченная Алоновым, оказалась поистине границей. Дальше, к югу и востоку, степь понижалась, стала более холмистой. С каждой секундой в этом рельефе все контрастнее становились свет и тени.

Алонов впервые в жизни оказался на стыке степей и пустынь. Осматриваясь, разыскивая глазами своих врагов, он начал испытывать влияние странного и мрачного пейзажа. Быть может, утром здесь многое показалось бы иным...

Было много песка. Рыжие дюны, кое-как скрепленные замершими после сухого лета корнями, местами несли на себе, как пучки волос, гривки трав, росших кустиками. Из бедной, сухой почвы выставлялись плиты красноватого камня – песчаника, уже знакомого Алонову.

В цвете песков обнаруживалось влияние великих каменных нагромождений – горных хребтов Азии. Мелкая мука гор подкрашивала песок пустынь, вступающий в соприкосновение со степями.

Алонов охотно читал книги, написанные великими русскими путешественниками, влюбленными в природу исследователями высочайших горных стран: Гималаев,

Памира, Гиндукуша, Ала-Тау, Тянь-Шаня... Там на голых кручах лежат мертвые каменные осыпи. Они не неподвижны. Лучи солнца свободно проникают сквозь лишенный водяного пара воздух, жгут, накаляют камень. А с теневой стороны – мороз. И ухо человека слышит, как рвутся камни от теплового напряжения. Осыпи дробятся, ползут вниз. Глаз не уследит за этим движением, но миллионы тонн камней как жерновами трут друг друга. Мельчайшие частицы камня подхватываются восходящими токами воздуха, падают в пустынях, вновь несутся дальше, забираясь иной раз вверх на громадные высоты. И каменная мука рассеивается по Азии, залетает и в Европу.

Происходит чудесное превращение. Частицы каменных глыб, раздробленных солнцем, размолотых трением, провеянные ветром, обработанные водой, обнажают в своей структуре питательные вещества для растений. На землю выпадает плодороднейший лёсс. Места скопления лёсса в пустыне, где есть вода, – оазисы. Чешуйками гор подкармливались и растения тех песков, которые сейчас видел Алонов.

Алонову не было времени долго размышлять о друге и работнике, который пашет землю и готовит ее для человека. Этот друг и работник – солнце – не ждет. Алонов никак не мог найти уже ставшие привычными четыре фигуры с горбами мешков на спинах. Однако он не ошибся, избрав острую высотку ориентиром. Вот следы людей на песке. Дальше шла твердая почва. Чтобы читать на ней, нужны или острое зрение зверя, или тонкое чутье собаки. У Алонова было самое обыкновенное человеческое зрение, а чуткой умницы Дымки больше не было совсем. Идти за

своими врагами Алонов мог лишь навзряч, по охотничьему выражению, то есть видя.

Вечерняя заря мчалась по вершинкам, за нею бежали сумерки. Еще чуть-чуть света дало перерезанное горизонтом солнце, и началась для Алонова вторая ночь после его встречи с врагами.

Он был уверен, что бандиты остановились на ночлег сейчас, после захода солнца, если не остановились раньше. Ведь они преодолели большое расстояние. До привала в рощице, во время которого Алонов превращал в пули свои дробовые заряды, было пройдено не менее тридцати километров. А потом они шли не меньше, если не больше, трех часов до впадины с гнилым змеиным болотом. Большой переход для одного дня. Вероятно, все четверо очень устали...

Весь день мысль Алонова не отставала от бандитов, шла с ними рядом. Он так и не мог представить себе их лица, но его память находила много подробностей. Он видел широкие матерчатые ремни от заплечных мешков, туго натянутые, врезавшиеся в плечи. Тогда, во время разговора, низкорослый, глядя в упор на Алонова, стоял прямо. Остальные подались вперед под тяжестью груза, особенно высокий. Кто-то, Алонов не помнил кто, передергивал плечами, другой поддел большие пальцы под ремни. Их мешки были большие – это верно. В мешке охотника бывает лишь самое необходимое, чтобы можно было ходить, стрелять, не замечая груза. А тот, который охотился на Алонова, был без мешка. Значит, сбросил при первой возможности. Переход километров в пятьдесят! Они все вымотались, легли и заснули, как пришлось.

При неверном свете заходящего солнца Алонов нигде не видал деревьев. Значит, сегодня враги обойдутся без костра. Это нехорошо, огонь указал бы, где они. Даже зажженная спичка видна в поле километра на два.

Алонов поужинал ссохшимися остатками сухарей из мешка. Хорошо, что он подтянул мешок на самые плечи и не подмочил его.

На завтра Алонову оставался котелок, набитый слипшимся сухарным месивом, и меньше половины фляги воды. Чтобы не вызывать жажду, он весь день не курил, не разрешил себе и сейчас это удовольствие, хотя курить очень хотелось.

В воздухе засвежело, в мокрой одежде стало знобко. Песок был еще теплым. Алонов вырыл длинную ямку, улегся в нее и, насколько сумел, забросал себя песком. Он лежал на спине, мешок положил под голову, а ружье – на грудь. Стало тепло и уютно.

Алонов лежал с открытыми глазами, чувствовал, что отдыхает, но сон не приходил. Было приятно лежать неподвижно, ощущая тепло почвы. Воздух становился все холоднее. Алонов глядел в бездонное черное небо. Он не мог перестать думать, и это не давало ему заснуть.

Зачем эти люди идут по степи, куда идут, чего ищут, чего хотят? Эти вопросы в течение дня стояли перед Алоновым, требовали ответа, но он двигался, действовал; сейчас ему было нечего делать. Алонов знал, что далеко к югу от линии железной дороги проходит главный канал. Между разъездом и каналом должна быть пустая земля. В этом Алонов по-прежнему не сомневался.

Неделю назад он ночью вышел из вагона. Проводив

поезд, дежурный подошел к оставшемуся на перроне единственному прибывшему пассажиру, если не считать собаки. При свете двух фонарей, тускло освещавших короткую платформу перед служебным зданием, они сразу разговорились по душам. Железнодорожник, сам любитель природы, при виде охотника почувствовал своего человека и даже признался, что из-за здешней «роскошной» охоты недавно отказался от перевода на другое место, на станцию, расположенную при городке. Он говорил о себе: «Сынишка с дочкой еще малыши, в школу рано. Я здесь втянулся в охоту, жить без нее не могу, угодыя считаю своими. Жена тоже богато обросла подсобным хозяйством на здешнем приволье. Вот мы с ней и решили повременить. Подрастут детишки – тут уж ничего не попишешь, тогда и стронемся с места...»

Для такой охоты, чтобы вволю потешить душу, железнодорожник радушно рекомендовал Алонову «податься вон на ту звезду». Там, к северу от линии, можно как раз к свету выйти куда надо и взять утреннюю зорьку.

Узнав, что у приезжего, вопреки охотничьему снаряжению, иные цели, новый знакомец приютил Алонова в своей квартире на конец ночи. А утром как-то само собой вышло, что небольшой коллектив работников разъезда устроил нечто вроде совещания – в «рабочем» порядке, конечно. Получил Алонов кое-какие небесполезные советы. Действительно, к северу от железной дороги можно было лишь охотиться: там все, граница в границу, отмерено, обмерено и навечно закреплено за сельскохозяйственными артелями. А вот к югу – здесь, если не считать массива, принадлежащего Скворцовскому колхозу, вла-

дения северных колхозов распространились за железной дорогой довольно узкой полосой. И уже в нескольких километрах открывалась вся ширь государственной, свободной степи. «Немереная» земля. В ней отвод угодий для совхоза не мог встретить препятствий.

От своих новых друзей Алонов узнал о существовании единственного источника питьевой пресной воды. Рассказали ему, по каким приметам можно добраться до рощи с болотцем. Жители разъезда знали степь на сравнительно небольшую глубину и особенно советовали гостю хорошо заметить обратную на разъезд дорогу. В степи можно пропасть от жажды, если сбиться с пути, так как спросить дорогу будет не у кого...

И вот он встретил людей – целую группу, пять человек! Теперь Алонову казалось, что, и не напади они на него, все равно их присутствие показалось бы ему странным, подозрительным.

Может быть, Алонов искал оправдания своему выстрелу? Если и так, то делал он это бессознательно. Что нужно бандитам? У них может быть только одна цель – принести зло. Кому, чему? Неважно сейчас. Алонов убедился, что бандиты не охотятся и не просто бродят в степи. Они идут в определенном направлении.

Алонов старался представить себе их лица – и не мог. Видел черную воду, пузыри газов, треугольную голову с ненавидящими льдисто-зелеными глазами и бросок змеи в воздух...

Глаза змеи делались маленькими, уходили, меркли. Стираясь, они потерялись в бархатном мраке небосвода, среди колеблющихся лучистых звезд.

В степи перекликались совы.

«Пу-гу, пу-гу», – говорила одна.

«Пу-гу, пу-гу», – отвечала другая издалека.

Алонов дремал. Незаметно дрёма перешла в крепкий, здоровый сон.

3

Алонов не слышал, как шуршал, осыпаясь по скату высотки, песок под чьими-то мелкими шажками. Кто-то вприпрыжку пробежал мимо головы спящего.

Алонова разбудило прикосновение. Очнувшись, он открыл глаза и увидел, что на его груди сидит столбиком какой-то зверек. Две-три секунды Алонов, не шевелясь, смотрел на ночного гостя, как Гулливер на лилипута. Потом зверек, подпрыгнув на высоких лапках, довольно ощутительно толкнул Алонова в грудь и скрылся. Алонов успел узнать похожего на белку тушканчика с кистью волос на хвосте – мирного земляного зайца, который, как настоящий заяц, кормится ночью и спит днем.

Вот откуда-то издалека донесся едва различимый стон. «Чьи-то пути пересеклись в темноте, и слабый гибнет», – подумал Алонов.

Вероятно, он спал достаточно долго, так как чувствовал себя бодрым, отдохнувшим. Глядя на небо, он думал, что до утра, быть может, осталось не так уж много времени. Мокрые ноги почти совсем высохли...

Алонов сел и отряхнул песок с рук и груди. Он думал о своей ответственности, о том, что он один идет по чьему-то странному следу, идет за бандитами без товарищей, без возможности получить помощь, даже совет.

И Алонов опрашивал себя: а правильно ли он поступил с самого начала? Он уже не помнил, когда убедил себя в том, что эти люди – бандиты. Тогда ли, когда нашел труп в воде под срубленным деревом, или днем, в степи? Неважно... Но не должен ли он был вернуться на разъезд? Его так хорошо встретили там: в молодости мы легко считаем другом каждого радушного человека. И Алонов думал, смогут ли ему помочь пять или шесть мужчин, занятых своими неотложными делами. Как помочь и чем? Он рассказал бы, как на него напали какие-то люди, как он застрелил одного из напавших. Что было бы дальше?

Алонов уже давно избавился от чувства внутренней ответственности за свой выстрел на опушке рощи. Сейчас, попробовав рассказать кому-то о происшедшем, он начал понимать, что одно – быть самому в чем-либо убежденным, другое – убедить постороннего человека. Почему тот должен поверить на слово? Алонов пытался представить себе следователя, выслушивающего его показания. Что он сам, Алонов, сделал бы на месте следователя? Пришел человек, который кого-то убил в степи, якобы защищаясь от нападения. Прежде всего Алонова задержат. Потом, вероятно, вместе с ним поедут в рощу с болотцем. Какие-то его слова подтвердятся; следствие сделает первые выводы. Трудно строить предположения о методах неизвестной работы следствия, которые Алонов знал лишь по романам и рассказам. Конечно, поиски четырех бандитов будут организованы, будет установлена личность убитого, найдутся следы. Сколько дней пройдет или недель?.. А те четверо тем временем сделают свое дело и бесследно исчезнут. Степь не оставляет следов. Уж кому, как не Алонову, знать это. Легче найти иголку в стоге сена.

Значит, он, Алонов, правильно поступил, привязавшись к свежему следу врагов и не упуская их из виду. Тем больше его личная ответственность. Он один отвечает за бандитов. Пока он следит за ними, он не только узнаёт, чего они добиваются, но, быть может, сумеет и помешать им. Для того чтобы помешать, он обязан суметь дожидаться, пока обстоятельства и его собственная ловкость не сделают его одного сильнее всех четверых. Нужно быть очень осторожным, внушал себе Алонов, убеждая себя, что случай доверил ему нечто большее, чем его собственная безопасность и его личные расчеты с бандитами.

Все эти размышления окончательно лишили Алонова навеянного сном спокойствия.

С момента первой встречи с бандитами прошло менее полутора суток. За это короткое время отношение Алонова к пережитым событиям претерпело ряд последовательных изменений.

Он начал страхом, самым обыкновенным страхом, который заставил его ползти, прятаться с единственной мыслью скрыться. Скажем иначе: он просто струсил. Страх перешел в гнев, и Алонов спустил курок, убил преследователя, мстя за себя, за унижение. Гнев погас, сменившись раскаянием, отчаянием после убийства, и вновь вернулся у трупа Дымки.

И дальше гнев развивался – стал уверенным, смелым – после того как Алонов увидел в личных обидчиках чужаков, опасных бандитов, вторгшихся в «его» степи.

Алонов стал солдатом-бойцом, добровольно взявшимся за большое дело и сознающим свою ответственность.

Те, кто несет непонятную угрозу неведомо чему, но

нашему, алоновскому, — где-то здесь, может быть, недалеко.

Алонов отдохнул. Не отдохнули ли и они? Ведь они могут далеко уйти до рассвета, и Алонов потеряет их.

Эта мысль обожгла Алонова. Он горько упрекнул себя в лени, в бездействии. Бездействовать он не имел права.

Он поднялся на длинную, острую высотку, около которой в последний раз видел четверых, и долго вглядывался в темноту. Алонова манила надежда увидеть огонек. Ведь бандиты могли набрать сухой травы, наломать сухих веток с растущих на песках кустиков и развести костер. Особенно сейчас, когда становилось очень прохладно. Алонов опять решил использовать преимущества стрелка, целящегося из темноты на свет. Нужно подкрасться к костру... Где он?

Но костра не было. Ни одна, пусть самая маленькая, светлая точка не пробивала темный покров ночи. По небу пронеслась падающая звезда — вспыхнувший в земной атмосфере кусочек космической пыли. Алонов взглянул на желтую кривую линию полета, прочертившую небо, и успел по-мальчишески загадать: найти «их». Других желаний сейчас у него не было.

Молодости труднее всего мириться с неизбежным, нужным, терпеливым, но бездеятельным ожиданием. Алонов понимал, что бродить в темноте просто так, без плана, бесполезно. И все же хотел довериться удаче. Он убеждал себя, что, продвигаясь медленно и осторожно, даже без огня сумеет заметить четырех людей, прежде чем они проснутся. Или набредет на место, откуда увидит костер. Разве они не могли зажечь его в месте, которое

случайно закрыто от Алонова? Сумел же он прошлой ночью подойти к ним вплотную.

«Но ведь был костер, там ты знал место, роща была тебе знакома», – возражал голос рассудка горячей жажде деятельности. Алонов старался примирить их: можно действовать, но лишь по определенному плану; бродить так просто, надеясь на удачу, нельзя. Нужно наметить сектор осмотра и описать нечто вроде петли, начиная с этой высотки и кончая ею, чтобы не заблудиться.

Для начала он направился в ту сторону, куда вели последние следы, оставленные бандитами на песке. Он шел медленно, считая шаги, чтобы иметь какую-то меру пройденного расстояния. Необходимость подсчитывать шаги вначале ему мешала. Он считал под левую ногу, парами. Потом привык и повел счет почти автоматически.

После первой тысячи пар Алонов перешел на тот шаг, которому научился вчера. Он не шел, а крался, останавливаясь, вглядываясь. Сразу стало трудно. Отдельные высокие пучки травы казались людьми, темнота наполнилась неподвижными, но угрожающими фигурами. Мрак обманывал зрение.

Один раз Алонов упал, скатившись в неглубокую впадину: красться не так удобно, как кажется. Он успел поднять вверх ружье и подставить спину негостеприимной земле – инстинкт охотника, стрелка. У охотничьих ружей ложе – слабое место. Алонов мог легко сломать ложе и остаться безоружным.

Падение испугало Алонова. Он прилег, осматриваясь, но темнота была неподвижна, степь безразлично молчала. Он пошел дальше.

Вскоре Алонов опять оступился, с усилием удержавшись на краю жесткой гряды, за которой сгущался мрак. Нагнувшись, он нащупал камень, повернул, стараясь начать петлю, и вспугнул стаю невидимых птиц. Они поднялись молча, поэтому Алонов не смог узнать, что это за птицы.

Их было много, и хлопанье крыльев отразилось в его ушах, как гром. Подумалось, что теперь вся степь должна переполошиться.

После этой встречи мрак показался Алонову еще гуще, еще враждебнее. Он считал уже третью тысячу пар шагов.

Алонов убедился в том, что мог бы знать и раньше: поиски в темноте бесплодны. Он оправдывал себя – сделано все, костра у них нет. Без костра у него один шанс, против – может быть, сто. Алонов решил вернуться к знакомой высоте.

Стараясь сориентироваться по Полярной звезде, он повернул назад. Еще две тысячи пар шагов, и Алонов ощутил знакомый запах сероводорода. Очевидно, он сумел выйти к крутому восточному скату впадины с гнилым болотом. Он шел в общем верно. Алонов стоял, соображая, вправо или влево может находиться «его» высота. Ночью, да еще в незнакомом месте, трудно сразу выйти к намеченному пункту.

«Вероятно, нужно все же взять левее», – решил он.

Вскоре он остановился, вслушиваясь: шорох какого-то движения – точно по земле тащили веревку. Алонов вспомнил растрескавшиеся каменные плиты на склоне и змею, поджидавшую его, будто нарочно, на берегу смрадной воды. Конечно, злобное пресмыкающееся не

было отшельником, оно жило среди себе подобных. Но ведь змеи, насколько он знал, ночью спят...

Алонов вынул нож. Тщетная предосторожность слепого. Что сделаешь в темноте!..

Не стоять же до рассвета столбом! Будучи уверен, что бандитов поблизости нет, Алонов пошел, громко топая ногами. «Не каждая бросается», – думал он, стараясь распугать змей. Под его ногами опять был песок, высотка же так и не нашлась. Алонов подумал, что мог уклониться в сторону, пройти мимо. Им овладело неприятное чувство потерянности, он ощутил усталость. Нужно сесть и дожидаться рассвета – теперь уже скоро. В воздухе было совсем свежо, песок остыл. Алонов оперся на локоть и закрыл глаза. Удивительно быстра наша привязанность к «дому»! Алонов чувствовал бы себя куда лучше, найди он место, где начал ночь.

Вскоре – Алонов еще не задремал – ощущение света, проникшего сквозь опущенные веки, заставило его открыть глаза. Степь осветилась. Очень высоко в небе, гася звезды, зажглась зеленая полоса. На землю падало сияние, слабое, но достаточное, чтобы Алонов мог увидеть свои руки, ставшие тоже зелеными, как вялая трава. А знакомая высотка оказалась совсем недалеко. Алонов взбежал на ее гребень.

Полоса мчалась на юго-восток. В вершине ее что-то блестело – метеор несясь в выси, оставляя хвост пылающих частиц и раскаленных газов.

Потерявшись среди звезд, сверкающая масса исчезла в глубине неба. Стало как-то особенно пусто, темно, холодно. И одиноко. Но Алонов не уходил с высоты. В густом

мраке он различил светящуюся точку. Она была неподвижной, желтоватой. Точно где-то внизу, из-под земли, проткнули иголкой толстое сукно, закрывающее источник света.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Домик на окраине

1

Ранним утром у перрона вокзала небольшого степного городка, расположенного к юго-востоку от Уральского хребта, остановился дальний поезд, прибывший с запада. Было это в воскресенье, ровно за неделю до столкновения молодого совхозного зоотехника Алонова с неизвестными ему людьми.

Со ступенек жесткого плацкартного вагона номер восемь спустился невысокий, плотный мужчина лет сорока – сорока пяти. Вынести вещи из вагона ему помог кто-то из спутников. От помощи носильщика пассажир отказался и сам понес по платформе два длинных, выдавших виды черных чемодана, перевязанных ремнями, и туго набитый саквояж.

Следуя за небольшой кучкой людей, прибывших с утренним дальним поездом, пассажир прошел через решетчатую калитку в конце платформы и оказался в городе, вернее – на небольшой привокзальной площади. Здесь, под

деревьями, стояли два ряда окрашенных в зеленый цвет скамей старинного образца на чугунных ножках. Людей на них не было. Пассажир опустил на землю чемоданы, положил сверху саквояж и сам уселся на скамью.

Он сидел, глядя, как мимо перрона, медленно набирая скорость, проплывал доставивший его длинный состав. Кто-то махал рукой из восьмого вагона. Пассажир проводил поезд глазами, не поворачивая головы. Потом взгляд его остановился на трубах и корпусах нового, довольно большого завода, которые были видны за вокзалом, по ту сторону путей.

В неподвижном воздухе пахло пылью и железной дорогой. Кажется, сентябрьский денек обещал быть жарким. Пассажир поднялся со скамьи и снял пальто серой шерстяной ткани. Носилось оно, как видно, не первый сезон: воротник потемнел на сгибе, кое-где были пятна, с которыми не справилась чистка. Сдвинув на затылок серую, под цвет пальто, тоже ношеную кепку, пассажир вытер клетчатым шелковым платком широкий, сильно лысеющий лоб с длинными, неглубокими морщинами. Морщины, как это обычно бывает, были подчеркнуты загаром, который старит лица людей, достигших известного возраста.

Опять усевшись, пассажир посидел несколько минут неподвижно, поглядывая по сторонам без любопытства. Некоторое оживление, вызванное приходом поезда, заканчивалось. Ранний час опять вступил в свои права, и площадь опустела. В отдалении дворник мел асфальтовый тротуар, пыль казалась белой в косых лучах солнца. Несколько женщин с корзинками и сумками, громко разговаривая, прошли на близкий базар. Из-за угла выкатилась

машина с зеленой цистерной вместо кузова и медленно заходила по площади, распустив перед собой длинные пушистые усы водяных струй.

Тем временем успела разойтись маленькая очередь из трех-четырех человек, после прихода поезда собравшаяся под вывеской: «Камера хранения ручного багажа». Пассажир подошел к окну и поднял чемоданы на окованный листовой сталью подоконник.

— Ого-го! Вот это да! — сказал старичок железнодорожник, потянув внутрь камеры чемоданы один за другим. — А вы-то их как легко... Силушкой-то, видать, бог не обидел.

— Книги... — небрежно ответил пассажир. — Давайте-ка я войду и сам поставлю на место, — предложил он кладовщику.

— Ничего, не беспокойтесь, нам оно в привычку... Вот так. Да и не положено по правилам посторонним входить, — отвечал старичок, с усилием, но ловко водружая на полку увесистые вещи. — А сумочку тоже сдавать будете? — спросил он, готовясь заполнить квитанцию.

— Да, и обязательно, — ответил пассажир. — Только еще возьму оттуда одну вещь. — Он достал ключик, отпер замок саквояжа и вытащил из него плотно набитый портфель потертой коричневой кожи.

— Фамилия как?.. — спросил кладовщик, с профессиональной четкостью выводя цифры и буквы. — Сударев? Так и запишем: Су-да-рев. Номер документа? Шестьсот восемьдесят пять сто двадцать один, — повторял он, заполняя под копирку квитанцию химическим карандашом.

— А страховать-то будете на какую сумму?.. Не будете?

И чего тут... Только лишние деньги... На нашей дороге уж вот сколько лет никаких претензий от пассажиров не поступало. А копеечка – она рубль бережет.

Старый кладовщик наблюдал, как аккуратно запрятал в бумажник квитанцию этот пассажир и как он застегнул на пуговичку внутренний карман, поглотивший бумажник.

– Правильно! – одобрил старик. – Подальше положишь – поближе возьмешь. А другой, тот сует куда придется, а потом шарит по карманам почему зря, плачет: ба-тюшки, потерял... А вы сами не из ученых будете?

Предположение об учености атлетического пассажира могло возникнуть у кладовщика в связи с упоминанием о книгах, связавшимся с аккуратностью и очень четкой манерой выговаривать слова. Видимо, старик охотно поболтал бы со вновь прибывшим, но тот, точно не услышав вопроса, кивнул головой и направился в сторону вокзала.

Человек, значившийся по паспорту и называвший себя Сударевым, вошел в еще пустой вокзальный ресторан и сел за столиком у стенки. Он заказал стопку водки, осушил ее мелкими глотками, закусил бутербродом с красной икрой и зеленым луком. Затем спросил чаю. Прихлебывая ложечкой из стакана, он внимательно вглядывался в масляное панно на противоположной стене ресторанный зала.

Панно было очень большое, но художник изобразил только две фигуры: человека и волка. Может быть, и без большого мастерства, но смело и выпукло кисть художника выхватила их из сине-черного мрака студеной вьюжной ночи. По снежному, пустому полю брел офицер гитлеровской армии. Он озирался на крадущегося по следам волка. Было видно, что зверь еще остерегается, еще не решается

броситься на человека. Но минута, когда захватчик совсем ослабнет, казалось, была уже близка...

Сударев подозвал официантку, спросил:

– Что это у вас за картина?

– Эта? Называется «Хищники». Говорят, на куйбышевском вокзале есть такая же, только еще больше. А эту по заказу нам рисовал наш местный художник, Василевский. Картина выдающаяся, всем пассажирам очень нравится. Фриц очень хорош, страшный. А про волка все наши охотники говорили – как есть живой...

Молодая женщина хотела еще что-то сказать, но Сударев перебил:

– Что там, на кухне, есть из горячих блюд?

– Рановато еще, только повар пришел, – ответила официантка. – Я сейчас узнаю.

Вернувшись, она сообщила раннему пассажиру, что супов нет никаких, а вот свиную отбивную с горошком или рыбу жареную можно получить минут через двадцать. Сударев выбрал отбивную.

Он терпеливо ждал, ел медленно, со вкусом, отрезая кусок за куском; в меру жирная, сочная свинина была запита стаканом легкого белого вина.

Время шло. В ресторане появились посетители. По соседству с Сударевым устроилась компания железнодорожников, занявшаяся пивом. Сударев расплатился и вышел.

После прихода поезда минуло больше двух часов, и городок успел оживиться. Шел девятый час, магазины уже открылись. Сударев пересек привокзальную площадь и вскоре оказался около городского базара. Глядя на ряды продавцов и толпу между рядами, он приостановился.

Базарный день. Высокими насыпями лежали груды местных овощей: многоцветные, спелые, твердые; кучи и местных и привозных с юга дынь, арбузов, яблок, груш, слив. За овощным рядом белыми передниками манил молочный. За ним расположился мясной и птичий. Кузовы приехавших на базар колхозных автомашин ломились от продуктов. Казалось, что маленький городок не найдет в себе сил поглотить все предложенное ему веселое, яркое изобилие плодов земли...

Главная улица начиналась от базара. Она плавно поднималась на возвышенность к центру города. Сударев шел медленно, как на прогулке. Поглядывая на каменные двух- и трехэтажные дома с магазинами в первых этажах – многие дома были старинной постройки, – он вскоре оказался у городского сада. Не раздумывая, Сударев пошел по средней аллее.

Тянул легкий, теплый ветерок, становилось почти жарко, и Сударев выбирал теневую сторону. Пальто он перекинул через руку. Аллея привела приезжего на площадку летнего театра, заполненную длинными скамьями перед полусферической раковинной эстрады.

С другой стороны, вблизи от выхода из парка, приезжий заметил тир. Несмотря на ранний час, несколько молодых людей, заядлых любителей стрелкового спорта, уже толпились там. Сударев подошел поближе и прислонился к дереву, наблюдая за стрелками.

Тоненький юноша, поощряемый товарищами, старательно целился в нарисованный на доске кувшин с цветами, но промахнулся: пулька оставила метку сантиметрах в пяти от центра. Заведующий тиром перезарядил легкую

винтовку и снова предложил ее неудачливому стрелку. Но к винтовке протянулась другая рука:

– А ну, погоди!.. Я тебе покажу, как нужно бить.

Ружье взял высокий мужчина лет тридцати пяти, худой, сутуловатый. Он откинул левой рукой очень длинные темные волосы франтовской прически, оперся локтями на прилавок и прицелился. Сударев видел его спину с остро поднятыми плечами, сухую складку кожи на тощей бритой шее под расстегнутым воротом синей рубашки с короткими рукавами.

После выстрела перевернулась фигурка медведя.

– Так! – удовлетворенно сказал высокий. – Повторим...

Он вызвал бурный восторг пары мальчишек, бескорыстных болельщиков и завсегдатаев недоступного для них тира, повалив еще две мишени. Но на четвертом выстреле он промазал, хотя кто-то и сказал, что пулька ударила почти в яблочко. Высокий не смутился промахом. Передавая юноше винтовку, он говорил:

– Вот так стреляй! Дыхание и все такое... А главное, думай одно: что хочешь ему в самое сердце вклепить. Угробить его, чтоб не жил на свете. Понятно? Со злобой касайся спуска! Тогда и попадешь наверное... А что на четвертый раз я спуделял, так это со вчерашнего, – добавил высокий и спросил сам себя: – Пойти, что ли, опохмелиться?

У него было лицо с резкими чертами, с густыми черными бровями, сходящимися над острым, тонким носом. Лицо заметное и отнюдь не уродливое. Если бы не глаза, которые были слишком близко поставлены друг к другу и слегка, кажется, косили, этот человек был бы весьма не-

дурен собой. Сударев заметил, что на правой руке меткого стрелка не хватало мизинца, а четвертый палец был искривлен.

Дождавшись, когда худенький юноша, вопреки советам опытного стрелка, опять промахнулся, Сударев пошел своей дорогой, больше не прислушиваясь к легким хлопкам выстрелов за его спиной.

Выйдя из парка, Сударев немного замялся при выборе дальнейшего пути. Со стороны могло показаться, что он старается припомнить известные когда-то, а ныне позабытые места. На самом деле это было совсем не так: Сударев посетил город впервые в жизни. Он воспользовался случайной встречей в вагоне с человеком, отлично знавшим этот степной городок, сумел подробно расспросить его. Внимательный и обязательный спутник даже нарисовал, от нечего делать, схему улиц. Доверяя своей памяти, Сударев не счел нужным сохранить листок бумаги.

Выйдя из парка, Сударев оказался на небольшой площади, сильно растянутой, в ущерб ширине, вдоль парковой ограды. От нее вниз расходились пять или шесть довольно узких улиц, из которых лишь одна, против ворот парка, была замощена булыжником.

Отсюда отлично просматривалась вся часть города, противоположная вокзалу. Здесь преобладали одноэтажные деревянные дома с садами, садами и огородами на усадьбах. В эту сторону город не рос, не расширялся. Новое время обосновалось вблизи вокзала и дальше за ним. А тут все оставалось почти таким же, как до революции.

Черта строений и садов резко обрывалась на берегах речки, опоясавшей окраину. За речкой виднелось не-

сколько разбросанных среди огородов домиков. Дальше без края лежала холмистая степь с отдельными пятнами рощ. Сударев глядел вдаль внимательно, пожалуй, задумчиво.

Прохожих почти не было. Так и говорил вагонный знакомый Сударева:

— У них там запарковая, поречная сторона — самое тихое, спокойное местечко для отдыха — как в деревне.

2

Глядя в степь и на мирную, сонную панораму окраины городка, Сударев немного задержался. Он не хотел расспрашивать о дороге. Как бы от нечего делать, он прошелся по противоположной стороне площади, посматривая на недавно, к его счастью, подновленные и четкие надписи на углах обрезанных площадью узких кварталов. Скоро нашлась нужная ему улица, и он направился по ней, считая в уме перекрестки.

Было уже видно, как конец улицы упирался в речку, когда, пройдя шестой квартал, Сударев повернул влево, в тихий, заросший травой переулок. Здесь он еще больше замедлил шаг.

В переулке не было ни души. Сударев остановился у ворот дома номер семь. Табличка с названием улицы «Веселая» и с номером была прибита на столбе высоких ворот. Самого дома не было видно за сплошным, крепким забором. Около ворот была калитка с прорезью для почтового ящика и с надписью: «Остерегайтесь злых собак».

Не доверяя этой общеупотребительной надписи, Сударев потянул за кольцо, соединенное с внутренней щеколдой, и приоткрыл калитку. Но ему пришлось тут же захлопнуть ее: во дворе раздался злобный басистый лай. Отступив, Сударев слышал, как собака бросилась на калитку. В соседнем дворе тоже залаяла собака.

Сударев отошел и присел у забора на оставшийся от сломанной лавки столбик. Посередине переулка табунок белых гусей щипал травку под предводительством солиднейшего гусака...

Вскоре Сударев услышал за забором хрипловатый мужской голос, успокаивающий собаку. Лай прекратился, и калитка приоткрылась. Искоса, не поворачивая головы, Сударев увидел, как через толстую доску порога перешагнула и остановилась нога в высоком сапоге. Сударев глянул на высунувшееся лицо, встал, подошел к калитке. Хозяин стоял, всматриваясь в гостя. Когда Сударев подошел вплотную, рот хозяина под рыжими усами беззвучно раскрылся.

— Что, Клебановский, не хотите узнавать? — спросил Сударев.

Хозяин заморгал. Явно не связывая, как говорится, концы с концами, он издал какой-то невнятный звук, точно подавился, и поспешно согласился с неожиданным гостем:

— Да, не узнал... не узнаю...

Видя, что Клебановский не двигается с места, Сударев сказал негромким голосом, но очень решительно и строго:

— Что же вы торчите? Пойдем в дом. Там вы меня узнаете!

— Сейчас, сию минуту! — заторопился Клебановский. —

Конечно, войдите. — Его лицо беспрестанно меняло выражение. Казалось, он только что проснулся.

Сударев переступил через порог. Большая лохматая собака с рычанием кинулась на незнакомого человека. Сударев как-то особенно быстро принял оборонительную позу: он собирался, используя портфель как щит, схватить пса под нижнюю челюсть. Но Клебановский успел взять злющего сторожа за ошейник.

— Черт бы вас взял с вашей собакой! Да уймите же вы ее! Вы весь город переполошите! — со злостью выговорил Сударев.

— Ничего, ничего. Не беспокойтесь, я его сейчас... Ничего, — задыхающимся голосом повторял хозяин, оттаскивая пса в угол двора.

— Спокойно! — кричал он на собаку, с трудом продевая карабин толстой цепи в кольцо ошейника. — Тебе говорят! Ложись! Тубо!

Крупный волкодав лег. Из его горла продолжало рваться рокошующее, грозное рычание.

Клебановский вернулся к стоящему среди двора Судареву. Возня с собакой, как видно, дала Клебановскому время прийти в себя. Среднего роста, полный, но ловкий в движениях до юркости, с мелкими чертами чуть подпухшего лица, он остановился перед Сударевым, потрагивая пальцами растрепанные усы. Проведя рукой по взъерошенным волосам, Клебановский догадался пригласить:

— Что ж, пойдёмте в дом.

Домишко был маленький, под крашенной зеленью железной крышей. Крылечко с тремя ступенями под навесом вело к крепкой двери. Створка была распахнута, показывая

свою внутреннюю часть, обитую парусиной, хозяйственно прикрывавшей толстый слой кошмы или войлока.

Передний двор отделялся низким частоколом от густого, заросшего сада. Приземистое жилое строение одной своей стеной почти примыкало к уличному забору, — оставался узкий проход, пригодный для четвероногого сторожа. Рамы выходивших во двор трех маленьких окон были закрыты, но створки ставен откинута.

Сопровождаемый хозяином, Сударев попал в сенцы, оттуда в дом. Он оказался в комнате, служившей и кухней, так как направо высилась объемистая русская печь.

Большой стол, занимавший центр комнаты, был заставлен грязной посудой, завален хлебными огрызками, рыбьими и говяжьими костями, дынными и арбузными корками с воткнутыми в них окурками. Немало грязи и окурков валялось на полу. Пустые водочные, пивные и винные бутылки, несколько стульев, расставленных в совершенном беспорядке, и простой работы буфет у стены довершали убранство комнаты.

Разительным контрастом были три картины на стене: одна, маслом, представляла собой очень неплохую копию «Сикстинской мадонны», выполненную, надо думать, в прошлом веке; вторая, датируемая той же эпохой, была не менее качественной копией «Острова мертвых» Бёклина; третья, нежная акварель морского берега, была, вероятно, современным произведением. Все три картины были в хороших, дорогих рамах.

Взглянув на картины, Сударев невольно хмыкнул и посмотрел на Клебановского с некоторым удивлением. А Клебановский, между тем, исполнял обязанности хозяина:

– Вот там у меня еще две комнатки есть. А живу один. Просторно, как видите.

Сударев молчал, предоставляя Клебановскому высказываться. Прием отнюдь не новый, но не теряющий от этого выгоды.

– Вы ведь с дальней дороги, – продолжал Клебановский после паузы. – Так вы бы прилегли, отдохнули. Право, прилягте, у меня тихо. А я тем временем порядок бы навел. Нынче я заспался.

Вероятно, Клебановскому хотелось оттянуть хотя бы ненадолго предстоящий разговор.

– Я вам мигом приготовлю чистую постельку, – убеждал он молчавшего Сударева.

– Вы что же, так здесь и живете все время в одиночестве? – спросил Сударев, будто ничего не слышал из слов хозяина.

– Один. Совершенно один, как видите. Один как перст, как говорится, хотя перстов у человека не один, а десять, – с усмешкой подтвердил Клебановский.

– Помнится, у вас ведь была... женщина? Или я ошибаюсь? – Сударев чуть нахмурился.

– Память у вас отменная, – согласился Клебановский. – Я сам уж забываю свои дела, а вы всё помните. Верно, был женат. Можно сказать, и трудности вместе переживали. Года три, кажется, прожили. А потом не захотела жить почему-то. Ушла сама, не гнал. Уже второй год доходит. Слух был, что померла... – Последние слова он произнес с безыскусственным безразличием к чужой судьбе.

И вновь возникла пауза. Убедившись, что неизбежный разговор даже и отложить не удастся, Клебановский

предложил гостю стул, вежливо выждал, пока тот сядет, и сел сам. Сударев спросил:

– Кругом у вас спокойно? Соседи... и так далее?

– Да. Врагов не имею. Рядом люди, к чужой жизни нелюбопытные. Я к ним не лезу, они меня не беспокоят. Только на улице – здравствуйте, прощайте. Сватал тут меня сосед на своей двоюродной сестричке – значит, репутация имеется. В женихи гожусь. – Клебановский усмехнулся. – К забору кто подойдет – Бурый голос подаст. Здесь любят злых собак. Местная порода повелась. В остальном – что же? Работаю в Заготживсырье товароведом. Живу на работе смирно, никого не трогаю...

– А это? – И Сударев указал жестом руки на хаос в комнате. – Кутите?

– Нельзя же не погулять, – спокойно возразил Клебановский. – Товарищи вчера зашли. День субботний. Городишко здесь маленький, особых развлечений нет. Впрочем, и в этом не выделяюсь. Здесь по субботам выпить в обычае. Иные смотрят – коль не пьет человек, значит, не такой он, как другие.

– Вот что: вы не отговаривайтесь, Клебановский! – прикрикнул Сударев. – И не валяйте-ка дурака – вы не на митинге! Пьете много? Говорите правду!

– В меру пью, в меру. Не чаще раза в неделю. В будни, на работе – ни капли. Только дома позволяю себе, – солидно оправдывался Клебановский. – Вчера в числе других своего начальника угощал, он остался доволен. За кого вы меня принимаете? Что, не знаю я, – городок маленький, весь на виду, особенно не разгуляешься. Постоянная моя компания – человечка три, от силы – четыре. С ними время и провожу обычно. Ребята хорошие, проверенные.

– Дом этот чей?

– Мой. Законная личная собственность! – с некоторой даже гордостью ответил Клебановский.

– Хорошо. Итак, я остановлюсь у вас. Поживу с неделю, с вашей помощью осмотрюсь. Потом отправимся куда-нибудь в глушь. Ненадолго, дней на десять. Нет, конечно, на меньший срок. За эту неделю нужно подобрать трех спутников из ваших приятелей. Надежных. Есть такие?

– Найдутся.

– Вы мне их поскорее покажете... Вот всё.

– Придется вас прописать. Хотя здесь у нас и просто, весьма даже просто, никаких особых режимов нет, однако же, как говорится, на грех мастера нет, – молвил хозяин.

Сударев достал из бумажника паспортную книжку и передал ее хозяину. Клебановскому не терпелось заглянуть – под каким же наконец именем явился к нему неожиданный и маложеланный гость. Сделать это сразу было несолидно, да и Сударев, поднявшись со стула, напомнил:

– Где же мне можно отдохнуть?

Клебановский открыл одну из двух низких дверей во внутренние комнаты дома и пригласил гостя войти.

Крохотная комнатуха с голыми, давно небелеными стенами имела скромнейшую обстановку: два стула, тумбочка, этажерка и узкая кровать, кое-как покрытая серым одеялом. На ней лежали две подушки в мятых, несвежих наволочках. Клетушка имела убогий и какой-то нежилой вид. Но и здесь таким же кричащим контрастом, как в первой комнате, смотрели со стен четыре хорошие картины: три русских пейзажа, опять в манере XIX века, и альпийские луга...

– Сию минуту достану белье, – сказал Клебановский и вышел.

Сударев повесил пальто на спинку стула, положил портфель на сиденье и подошел к этажерке. Там лежали центральные и местные газеты, десятка два книг – все политического содержания. Тут же нашлись «Краткий курс истории ВКП(б)» и брошюры с докладами и решениями последнего съезда партии. Многочисленные пометки цветными карандашами, загнутые углы и закладки свидетельствовали, что книгами часто и усердно пользовались.

– Почитываете? – бросил Сударев вернувшемуся Клебановскому.

– Э, нет, – возразил тот с чем-то вроде усмешки, – изучаю! Как же, без этого нельзя, не обойдешься. Авторитета не будет. На работе – политкружок. Приходится готовиться. Заглядываем в источники, подковываемся цитатами. Я активист, делаю доклады, когда доходит очередь. А вы говорите – пью, – кольнул он Сударева. – Пьян да умен – два угодья в нем.

Холодно, без выражения, взглянул Сударев на Клебановского, который, не выпуская из рук принесенного постельного белья, ответил на взгляд гостя чуть заметной усмешечкой: знай, мол, наших... Он совершенно оправился от пережитых волнений, и Судареву показалось, что в выражении лица хозяина было даже что-то вызывающее.

– Так, так. Это хорошо, – одобрил Сударев занятия Клебановского. Бросив на этажерку кепку, он уселся на свободный стул.

Когда хозяин застелил постель, гость сбросил пиджак, развязал цветной шелковый галстук, расстегнул сорочку и стащил ее.

– Дайте умыться!.. – сказал он, нарочито избрав форму приказа.

Нагнувшись в сенях над тазом – он отказался мыться над грязной раковиной водопровода в доме, – Сударев крепко тер и мылил толстую шею, мохнатые плечи и сильные руки, тоже густо заросшие волосами. Сударев принадлежал к числу тех относительно низкорослых мужчин, которые сразу выигрывают, раздевшись: мощное телосложение атлета заставляет забыть недостаток роста.

Клебановский подавал воду гостю и то и дело бегал к крану с пустым кувшином. Кончив мыться и крепко растирая тело полотенцем, Сударев сказал:

– Вечером нужно будет сходить за вещами. На вокзал.

Клебановский смолчал. Сударев остановился в первой комнате и спросил:

– А где вы обычно сами спите?

– Там. – И Клебановский указал на комнату, отведенную гостю. – Уступил вам мою спальню по долгу хозяйна, – добавил он с некоторым достоинством.

– А это вам зачем? – Сударев указал на картины.

– Люблю, – ответил Клебановский. – Надо же человеку что-то любить. Вот собираю по случаю. Удастся взять недорого – беру.

– Но это дорогие картины, странно видеть их у вас, – заметил Сударев.

– Э, пустое. Никто в них не понимает. Вы первый заметили, – оправдался Клебановский. – Другие просто говорят – развесил картинок, чтобы клопов разводить.

– Да-да, – неопределенно протянул Сударев.

Они вошли в комнату, приготовленную для гостя. Клебановский остановился у двери.

Усевшись на кровать, Сударев сказал:

– Вот что, дорогой мой и почтенный товарищ! Память у вас плохая.

– С чего вы взяли. Разве можно забыть... – с раздражением и с тоской ответил Клебановский.

– А вот вижу. Вы начинаете забывать. И забываетесь!

– Ничего я не забыл! – резко возразил Клебановский.

– Врете! – возвысил голос Сударев. – Увертываетесь? Ах, так! Ну, я вам напому... Да садитесь же! Чего вы торчите столбом, как тогда, в калитке?

И Сударев начал говорить, слегка подавшись к усевшемуся против него Клебановскому:

– Вы служили немцам, и, насколько мне известно, достаточно хорошо служили, – Сударев медленно и как-то особенно четко произносил слова. – В момент окончания войны вы сумели оказаться – это было в апреле, помните? – вне занятой коммунистами зоны. Это было разумно, а? По соглашению вас могли бы выдать коммунистам, но не выдали. А если бы вас выдали? А? Что? – И Сударев взял себя руками за горло.

Клебановский взглянул на него и отвел глаза. Удовлетворившись легким успехом, Сударев продолжал рассчитанно тихим, но тем более внушительным голосом. Слова падали костяными шарами:

– Словом, вам позволили жить. Можно сказать, что вы второй раз родились на свет. Затем вам дали другое имя и перебросили в Россию. Там не слишком хорошо, но вы работали. В дальнейшем, когда в силу ваших же ошибок и неловкостей положение начало осложняться, вас опять спасли. Из вас сделали Клебановского и дали вам воз-

возможность покинуть центральные области. Так вы третий раз родились на свет. Что? Не так?.. Здесь вы живете четыре года. Живете спокойно. Когда вы служили немцам, вы не жили так спокойно... Что?

Сударев сделал длинную паузу. В маленьком домике на окраине маленького степного городка стояла густая, вязкая тишина. Снаружи доносилась возня воробьев на оконном наличнике. В кухне жирно и тревожно гудела синяя трупная муха. Привлеченная запахом объедков, она залетела в дом и попала в паутину. Она то замолкала, теряя силы, то опять начинала рваться и гудеть, раскачивая липкую сеть.

Сударев продолжал:

– Вы же знаете – только мы можем прикрывать ваш след. Да, достаточно нам отнять руку... – Он не закончил фразу.

На кухне муха, издав последнее отчаянное жужжание, смолкла. Только неугомонные воробьи продолжали ссориться за окном.

– Дайте-ка руку!... – приказал Сударев.

Он сжал кисть Клебановского в мощном кулаке. Несколько секунд Клебановский выдерживал состязание, потом сдал. Сударев продолжал жать, пока хозяин не скорчился от боли.

– Спился! Опух! Обессилел, скотина! – грубо крикнул Сударев. – Зачем вас сюда послали? Что за информацию вы даете! Почти все есть в газетах, а то, что вы добавляете, – скучно, недостоверно. У вас плохие связи с железной дорогой, ее работу вы освещаете кое-как. Почти ничего о промышленности. Мало о сельском хозяйстве. Вы бездельничали больше двух лет. А сколько у вас людей? Вы

еще покажете их мне! Хорошо ли вы изучили окрестности, степь?

– Это вы можете проверить, – мрачно ответил Клебановский. – Убедитесь, как свой двор, ей богу! – Он прижал руку к груди.

– Это я сам увижу. Теперь идите. И советую вам хорошенько подумать.

Клебановский встал. Его полное лицо как-то сразу осунулось, похудело. Неуверенным голосом он спросил Сударева:

– Можно вам задать один вопрос?

– Какой?

– Скоро будет война?

– Х-м! Зачем вам это?

– А как же. Хочется знать. Или – или. Скорее бы все начиналось.

– Ну, знаете ли! – Сударев покачал головой. – Вы совершенно одурели. Какое вам дело? Вы что – сделались от безделья политиканом? Идите, делайте свое дело, старайтесь получше исполнять приказания и запомните: работник не должен лезть в хозяйские дела!

Клебановский вышел. Разговор с Сударевым отлично подхлестнул его. Стараясь не шуметь, он энергично принялся за уборку и быстро покончил с ней.

Приведя все в порядок, Клебановский достал в холодной кладовке кусок мяса. Чтобы собаки были злее, их нужно кормить сырым мясом.

Когда Клебановский показался на крыльце, пес напряженно вскочил и насторожил уши. Хозяин бросил бараний бок с торчащими костями. Бурый наступил на мясо лапой и заворчал на хозяина.

Точно так же относился дальний дикий предок Бурого к свирепому вожаку хищной стаи. Каждый зверь должен уметь разумно подчиняться тому, кто обладает самыми сильными лапами, самым крепким хребтом и самыми длинными клыками. Но когда на зуб попался кусок еды – это частное дело. Таков волчий закон. Клебановский понимал своего сторожа и не обижался на него.

Какой тяжелый день!.. Не получая никаких известий в течение целого года, Клебановский позволил себе нечто вроде мечты – его забыли. Возможная вещь. Несколько провалов, разрыв цепочки – и он остался один. Сегодня Клебановский собирался зайти в один домик. Предлог он изобрел, а истинной целью было взглянуть на картину. По слуху – что-то настоящее, в чем хозяева не смыслили. Клебановский на самом деле ценил живопись. Любил он и бродить в степи – он не солгал Судареву. Искусство и природа дают забвение.

Ничего, видно, теперь не поделаешь. И Клебановский подумал, что не зря Сударев приехал в воскресенье, да еще с утра: чтобы наверняка застать его дома.

На тихий степной городок начали опускаться первые сумерки. Клебановский медленно приоткрывал дверь в комнату, где спал гость. Он осторожно нажимал на ручку, но дрянная дверь нудно заныла на перекошенных незаметных петлях. Клебановский поморщился, однако же просунулся в щель.

Сударев лежал на спине, заложив руки за голову. Окно, затененное деревьями, выходило на запад, и закат давал достаточно света. Клебановский мог увидеть, что его гость лежит с открытыми глазами. Тогда он осмелился – распахнул дверь настежь и вошел со словами:

– Как отдыхалось? Пора бы уж и вставать.

– Благодарю, отлично, – вежливо ответил Сударев. Он поднялся ловким и сильным движением корпуса, сел на кровати, отыскивая ступнями ботинки.

Клебановский дотянулся до выключателя и зажег лампочку, висевшую на голом шнуре без абажура под низким потолком, вышел и прикрыл дверь.

Одеваясь, Сударев смотрел на картины. Сейчас их было лучше видно, так как днем света на эту стену падало маловато. Русские пейзажи не понравились Судареву. Он понимал в живописи – письмо было действительно неплохое, но уж очень чужды были сюжеты и настроение, владевшее художниками. А вот альпийские луга хороши. Эдельвейсы...

Сударев слышал, как в домике захлопывались ставни. Закрылись створки и на его окне, по деревянным доскам ударила железная полоса, и в дыру колоды окна просунулся металлический стержень с ушком для запора изнутри.

Выйдя в кухню, Сударев сразу заметил разительную перемену в обстановке. Пол был чисто подметен, а может быть, даже и вымыт. Следов кутежа не оставалось нигде. В ярком электрическом свете кухня-столовая имела вполне приличный вид. Обеденный стол застилала камчатая скатерть. На пестром чистом полотне стояли два прибора, один против другого. К столу были приставлены два стула, а остальные в чинном порядке выстроились вдоль стен. На середине стола – закуски, прикрытые белой салфеткой.

Преобразился и сам хозяин маленького домика. Он облачился в синюю пиджачную пару из хорошей шерстя-

ной материи, солидную, хорошего покроя, сшитую по фигуре. Серый изящный галстук был повязан щеголеватым двойным узлом. Гладко выбритое лицо с припудренными круглыми щеками и расчесанными усами уже не казалось опухшим, но честно свидетельствовало о сытой жизни. Изменились и манеры Клебановского. Держался он уверенно, деловито.

Нельзя все время кричать на людей, одергивать их. Политика палки и пряника – система более разумная. Совершив для начала «хорошее вливание» Клебановскому, Сударев никак не собирался систематически третировать нужного человека. Сударев знал, что каждое сказанное слово осталось, произвело и будет производить действие. Повторение могло лишь ослабить эффект. И Клебановскому был протянут пряник. Гость пожелал хозяину доброго вечера, подошел к картинам, сделал несколько уместных комплиментов вкусу Клебановского.

– Прошу за стол, – пригласил хозяин, когда тема искусства оказалась исчерпанной. Он вежливо отодвинул стул для своего гостя.

– Посмотрим, что вы приготовили, – сказал Сударев, усаживаясь.

Решетчатое сиденье гнutoго стула скрипнуло под тяжестью его крепкого тела.

Клебановский с шиком сбросил салфетку, открыв чисто и даже с некоторым изяществом приготовленную закуску: тонко нарезанный белый и черный хлеб на длинном блюде, масло, паюсную икру, зернистую икру, колбасу, сыр. В центре стояли две высокие бутылки вина, уже откупоренные, с толстыми пробками, торчащими из горлышек.

Хозяин налил в тонкие бокалы на высоких ножках желтое, ароматное, крепкое вино среднеазиатского виноделия.

Сударев пил маленькими глотками, по-любительски, оценил марку и похвалил выбор хозяина. После закусок Клебановский переменял тарелки и подал жаркое – противень с парой аппетитно подрумяненных уток в гарнире из сморщенных печеных яблок.

– Замечательно по виду! А как на вкус? – поинтересовался Сударев тоном, лестным для хозяина.

На десерт хозяин предложил гостю ломоть спелого сахарного арбуза и поставил на стол вазу с грушами, яблоками и сливами.

Одобрительные замечания Сударева и ответные реплики Клебановского разделялись интервалами молчания, которое, казалось, нисколько не стесняло сотрапезников. Сударев ел охотно и много, наслаждаясь процессом еды. Клебановский без излишней поспешности и с тактом выполнял обязанности радушного хозяина, удовлетворенного отменным аппетитом гостя.

Полакомившись крупными сливами, зеленова-то-желтыми и темно-синими с белым налетом, гость положил себе на тарелку прозрачное яблоко и пару груш, которые тщательно выбрал, и поблагодарил хозяина:

– Отлично, право же, отлично! Давно не приходилось есть так вкусно. Ваши утки были прямо изумительно запечены!

Клебановский поклонился. Убрав все со стола, он уселся, отдыхая. Сударев спросил:

– А что у вас за друзья здесь?

Помедлив, Клебановский ответил:

– Народ, как говорится, ничего. Я днем сходил, одного предупредил. Сегодня вы его увидите. Остальных покажу завтра, послезавтра. Как будет удобно и когда вы захотите.

– Хорошо, хорошо! – одобрил Сударев. – А кого я увижу сегодня? Расскажите...

Прежде чем ответить, Клебановский достал папиросу из металлического портсигара с вытисненным на крышке изображением Кремля, закурил и положил открытый портсигар перед смаковавшим сочную грушу гостем. Затем доложил:

– Перед самой войной он был осужден за хулиганство в общественном месте – избил администратора кино. Отбывал наказание. Был досрочно освобожден и призван в ряды армии. Отстал от эшелона, умышленно, – был судим, получил десять лет с заменой фронтом. На фронт все же попал и был ранен... – Здесь Клебановский внушительно поднял брови. – Сам помог случаю. Как говорится, самострел, но с умом. Попал под подозрение, но ничего доказать не смогли. После войны был демобилизован, конечно. В Ростове-на-Дону участвовал в шайке, привлекался по делу крупного ограбления швейной мастерской. По недостатку улик, хотя при нападении было убито два сторожа, в основном вывернулся: отделался двумя годами с запрещением проживать в крупных центрах. В городе работает слесарем ремонтной артели.

– Трус, уголовник, – заключил Сударев.

– Не судите так просто, – возразил Клебановский. – Он, как говорится, натура широкая. Тесновато ему, жить хочется, а со всех сторон жмет. Я его изучил, подкармливаю

два года. С оружием он обращаться умеет отлично. Держать язык за зубами учить не приходится. В остальном – будете судить сами.

– Слесарь... А на здешний завод вы его не пробовали пристроить?

Клебановский с некоторой досадой махнул рукой с папиросой:

– Не вышло. По совести сказать, он сам не пожелал. В артели с дисциплиной повольнее – удастся погулять, когда очень захочется. На заводе у меня информатор имеется.

– Не слишком хорошо он информирует, ваш «информатор»! – чуть-чуть показал зубы Сударев, чтобы Клебановский не забывался.

Хозяин не принял вызова, и гость, считая упрек достаточным, сказал:

– Кто же еще у вас?

– Дальше примерно так... Есть один из крымчаков, высланных за связь с немцами. Думается мне, что избежал он куда худшего. За что точно – не знаю. Человек молчаливый, твердый – кремешок. Есть еще очень бывалый мужчина – из бывших богатых, потомок, можно сказать. Теперь катится по жизни колом. Сумел сам имя переменить – за ним были лихие делишки по хозяйственной части. Он здесь пристал, спутав следы...

– И все? – спросил Сударев.

– Да, видите ли, в зависимости от чего... – протянул Клебановский. – Эти, как говорится, свои, проверенные. А так, вообще, есть и еще знакомые. У нас городок славится тихим. По народной мудрости, – съязвил Клебановский, – в тихом омуте черти водятся. Действую я с осторожностью,

учить не приходится, слава богу. Да ведь и вообще народ ученый. Маскируются дружки, а я принимаюсь, чем пахнет. Сердце не камень – прорывается, человек показывает, что у него под кожей.

Клебановскому, естественно, хотелось поскорее узнать, с каким делом прибыл Сударев. И он пустил пробный шар:

– Те трое, о которых я рассказал, – народ свой, на все пригодны, люди решительные и злые. А в остальном придется судить в зависимости от задания, какая операция намечается.

Но Сударев ничего не сказал.

За обедом и за докладом Клебановского подошла ночь. Сударев поглядывал то на свои часы, то на часы-ходики, висевшие на стене. И когда стрелки начали приближаться к девяти, спросил:

– Не пора ли на вокзал?

– За вашими вещами? Не беспокойтесь, время есть, я рассчитал, – возразил Клебановский.

Сударев встал:

– Хорошо. Но я не могу таскать с собой портфель. Где его спрятать?

– Найдется надежное место.

В углу комнаты Клебановский приподнял за кольцо крышку. Под полом был устроен погреб, как это бывает обычно в маленьких домах. Хозяин пригласил гостя спуститься первым.

– Нет, показывайте дорогу, – вежливо отказался Сударев.

В пустом погребе стояли ящики для овощей и сильно пахло сыростью. Стены погреба были сложены из верти-

кально поставленных дубовых кругляшей. Клебановский светил сильным электрическим фонарем. Он передал его Судареву, сам достал из-под гнилой соломы, наполнявшей до половины один из ящиков, короткий ломик с плоским загнутым концом и демонстративно обошел все четыре стены, выстукивая их. Повсюду толстое ослизлое дерево отвечало одинаковым звуком – глухим, влажным, полным.

Взглянув на Сударева, словно ожидая одобрения, Клебановский поддел ломиком снизу один кругляк, приподнял и вынул. Соседний он вытащил руками. В отверстие пришлось протискиваться боком. Дальше оказалось длинное, низкое помещение под сферическим сводом тесаного камня и с полом из очень крупных буро-красных кирпичей. Клебановский пояснил:

– По рассказам старожилов, был когда-то на берегу монастырек, выведенный за штат еще до революции. Здесь неподалеку есть часовенка, которую по закону поставили на месте алтаря, когда разбирали монастырскую церковь. Часовенка после революции развалилась, только стены торчат...

Остаток не то части монастырского подвала, не то подземного хода – монастырь входил когда-то в систему укреплений острога, выстроенного для охраны от кочевников, – кончался завалом битых кирпичей, камня и земли. Воздух здесь был очень тяжелый, душный, прелый.

Клебановский нашел на стене примету – остаток съеденного ржавчиной железного крюка – и отсчитал несколько шагов. Разметя щебень, он всмотрелся в пол, вставил конец ломака в шов между кирпичами и нажал. Соединенные крепким раствором в монолит, кирпичи от-

валились одной плитой, открывая доску с кольцом. Под доской обнаружился тайник, в котором лежали длинные предметы, запеленатые в куски промасленной ткани, – это было оружие. Клебановский достал резиновый мешок.

– Сыро очень, – пояснил он, укладывая в мешок портфель Сударева. – А так – за целый год не успеет отсыреть, не то что за какой-нибудь месяц.

На обратном пути Клебановский в нескольких словах пояснил, что тайна погреба известна лишь ему. Он наткнулся на остатки монастырского подвала случайно, нащупывая, где устроить похоронку. До Клебановского дом переходил из рук в руки. Конечно, тот, кто первым рыл подвал, знал секрет. Но это было давно. А за год до покупки дома Клебановским у последнего хозяина был по какому-то случаю обыск. Раскройся секрет – соседи-понятые разгласили бы на всю улицу. А тайничок в полу устраивал сам Клебановский.

Когда они вышли во двор, Бурый загремел цепью и, несмотря на присутствие хозяина, сердито зарычал. Подходя к калитке, Сударев слышал, как в темноте собака натягивала цепь. Давая свободу сторожу, Клебановский задержался. Собака бросилась к воротам и калитке, шумно обнюхивая землю, по которой ступали ноги нового человека, глухо рычала, втягивая воздух, и старалась просунуть голову в подворотню. Поведение Бурого не удивило Сударева. Он не любил животных, и они обычно платили ему тем же.

На вокзал Клебановский провел гостя ближним путем, минуя парк, откуда доносились звуки оркестра, – по слабо освещенным улицам поречной части городка. Время он

рассчитал точно: они подошли к камере хранения как раз после прихода вечернего пассажирского поезда.

Не понравившийся Судареву слишком любопытный и разговорчивый старик сменился. Вещи получала и выдавала молодая, сильная женщина. Она спешила обслужить только что прибывших пассажиров и не обратила внимания ни на тяжелые чемоданы, ни на их владельца.

Так же быстро был получен и третий чемодан, прибывший багажом. Как это требуется железнодорожными правилами, он был обшит мешковиной. Чемодан весил сорок девять килограммов, то есть имел почти предельный вес для одного места, сдаваемого по билету.

Обратно Клебановский и Сударев пошли через темный, безлюдный базар, между длинными рядами пустых высоких столов. Это был еще более короткий путь на улицу Веселую. У выхода с базара из темного проулка навстречу тяжело нагруженным пешеходам вышел высокий человек. Видимо, он дожидался здесь.

– Здорово, друг! – сказал он Клебановскому и обратился к Судареву: – С приездом вас! Давайте-ка подмогну, – и на ходу перехватил чемоданную ручку.

Сударев оценил распорядительность Клебановского, сумевшего подготовить носильщика.

В темноте Сударев не мог различить лицо, но голос показался знакомым. Шли молча. У ворот, при свете фонаря над номером дома, Сударев узнал меткого стрелка, замеченного им в парковом тире.

В доме меткий стрелок вел себя весьма скромно. От предложенного Клебановским «за труды» стакана виноградного вина он не отказался, но мужественно воздержался от второй порции.

– Нет, повторять не буду, хватит и вчерашнего. И так уже с утра опохмелялся, – сказал он, кладя на стол руки в синих татуировках. На правой не хватало мизинца и четвертый палец был искривлен.

Уловив взгляд Сударева, высокий сказал:

– Да, и мы воевали!

Повернув руку ладонью вверх, он показал длинные, глубокие шрамы и с откровенным цинизмом продолжал:

– Воевать-то мне было не за что. Вот и пришлось самому себе блат устраивать. Иные на перевязках орали, а я посмеивался. Налог уплатил – и баста, четыре сбоку, ваших нет! Не хочу и не буду под мессеры да под мины лезть. А эта штука, однако же, Саньке Фигурнову ничуть жить не мешает... – И он продемонстрировал отличную гибкость ладони и послушность оставшихся пальцев.

Сударев без нарочитости, но внимательно приглядывался к новому человеку. Фигурнов, отлично понимая, что его оценивают и взвешивают, держался несколько натянуто, перескакивал в разговоре с одного на другое, и в голосе его звучала смесь робости и наглости. Наконец Сударев спросил, хорошо ли он знаком с окрестностями города и вообще со степью. Фигурнов оживился:

– Много мест знаю, и под городом, и подальше... Мы с ним, – он кивнул на Клебановского, – где только не бывали, куда не забирались! Вы не смотрите, что он брюшко отращивать начал, – он в ходьбе любого за пояс заткнет! – похвалил Фигурнов приятеля. – И стрелять умеет... А я, – начал хвастаться Фигурнов, – по здешнему союзу охотников числюсь в лучших стрелках. Снайпер. По тарелочкам всегда беру призы. А здесь, в городишке этом, каждый

второй человек дома ружье держит, так что даром приза́ не схватишь, — самодовольно подчеркнул Фигурнов. — На птицу я, правда, не так люблю ходить. Стрелять интересно, но немая она. Лучше зайца нет! Этот такую музыку, бывает, разведет... — Косоватые глаза Фигурнова замаслились, и он продолжал с увлечением: — За это я длинноухих бью в любое время года. Здесь ведь, если отъехать к востоку, степь пустая, гуляй, играй, делай что хочешь. Правда, правилами воспрещается, так что я летних зайцев бросаю, в город не вожу, чтобы не было пустых придинок. Только для удовольствия стреляю... Люблю я в степи, когда на раздолье!

Сударев больше не задавал вопросов. Клебановский подмигнул меткому стрелку. Тот понял и поднялся.

— Ну, отдыхайте! Приятных вам снов, — обратился он к Судареву. — Так, значит, я... — Он замялся, не находя подходящего выражения. — Словом, вот он... — И Фигурнов махнул на хозяина. — Он меня знает... В любое время готов. Как штык!

В следующие дни хозяин маленького дома на окраине представил Судареву еще надежных людей, своих «проверенных» друзей.

Хрипунов, такого же роста и с той же склонностью к полноте, как Клебановский, чем-то походил на него, особенно если смотреть сзади. Но усов он не носил и был несколько моложе. Его серенькое личико с мелкими чертами лица и вздернутым носиком было бы совсем неприметным, тусклым, стертым, не обладай Хрипунов парой довольно примечательных глаз. Светло-голубые, с преждевременными подглазинами, они сверлили, как буравчики. Их об-

ладатель, как видно, знал неприятное для собеседника свойство своего взгляда и в разговоре или скромно смотрел в сторону, или ловко прятал глаза под полуопущенными тяжелыми веками.

Более образованный, более тертый калач, чем Фигурнов, Хрипунов нуждался в каких-то теоретических обоснованиях своего отношения к жизни. Приятным, пожалуй даже ласковым, голосом баритонального тона он считал нужным объяснить Судареву, что нелады в его жизни вызваны несправедливыми преследованиями со стороны советской власти, которая, как определял Хрипунов, совершенно лишает частного человека какой-либо свободы личности, не дает возможности создать личное благосостояние по собственному вкусу, не дает пользоваться уютом, соорудить себе, так сказать, уголок, в своем роде — островок...

— Конечно, я отлично понимаю, что историю назад не повернешь, — изливался Хрипунов. — В России старый режим умер исторически. Однако же каждый человек имеет органическое право действовать и жить собственной инициативой. Я хочу сказать — исключительно для себя, для своих близких. Жить и добывать, как и сколько сумеет, а там и трава не расти. Оборвался, не вышло — пеняй на себя. Вот это жизнь! В других странах законы дают свободу действовать по-своему, никто не мешает деловому человеку, никто к нему не лезет, не спрашивает. Уплатил налоги — будьте здоровы! Подумать — советуются с юристами, как уплатить меньше налогов, и никто не считает это зазорным. Честное состязание! Уж я бы сумел... А здесь — нечем дышать, нечем!.. — Хрипунов взволновался. — Здесь у них всё — преступление!

Махмет-оглы обладал хорошим видным ростом и телосложением более сильным, чем Фигурнов. Был этот физически могучий человек молчалив, в разговоре до чрезвычайности краток. Он будто выжимал слова, выпячивая широкий подбородок темного лица, двигая кустами бровей и шевеля торчащими хрящеватыми ушами.

Махмет-оглы просидел за столом два часа, выпил две бутылки вина, которые не произвели на него никакого видимого действия, и сказал не более двух десятков фраз. Судареву же он понравился больше, чем Фигурнов, Хрипунов и сам Клебановский. Это впечатление от первой встречи только укрепилось после дальнейших свиданий.

Вечером в следующую субботу на пассажирском поезде местного сообщения пять человек выехали в восточном направлении.

Сезон осенней охоты был в разгаре. Разъезжаясь на воскресный день по привольным степным и озерным угольям, местные любители охоты, старые, пожилые, молодые, с собаками и без собак, с потрепанными заплечными мешками и со щегольскими ягдташами, все одинаково и радостно оживленные, штурмом брали вагоны. В толпе без следа растворились пятеро людей тоже с ружьями в чехлах и в охотничьем снаряжении.

Они садились порознь – не в один вагон. В пути они собрались постепенно в последний вагон и в три часа ночи, будто незнакомые, в полной темноте соскочили на насыпь на глухом разъезде.

Они обошли разъезд так, что их никто не видел, и, не дожидаясь рассвета, двинулись в степь, на юго-восток. Группу вел Клебановский, наметивший маршрут. Фигур-

нов, лишь однажды побывавший в этих местах, был вынужден ограничиться ролью консультанта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Четверо за делом

1

Исчез метеор, исчезла оставленная им в небе светящаяся полоса, и в степи стало еще темнее.

Только глаза какого-нибудь зверя или птицы, из числа обладателей ночного зрения, могли рассмотреть во мраке темную вершину с вросшей в нее человеческой фигурой...

Вытянувшись, Алонов несколько секунд вглядывался в желтую точку. Глубоко погружая ноги в осыпавшийся песок, он сбежал вниз. Но разочарование постигло его немедленно – огненная точка исчезла. А он был уверен, что увидел костер врагов. Они, так же как он, встревожены, разбужены пылающим метеором, промчавшимся по небу. Так убеждал себя Алонов; ему хотелось считать, что враги найдены, и он боялся упустить цель из виду хоть на секунду.

Алонов опять взбежал на вершину. С гребня – огонек был на прежнем месте. Значит, между ним и занимаемым Алоновым местом есть возвышение, за которым прячется огонь.

Ночью правильно не определишь расстояние. Зная это, Алонов и не пытался понять, близок ли привал его врагов. Далеко, близко – времени терять нельзя. Небо на востоке уже начинало чуть-чуть бледнеть.

Алонов живо представлял себе, как эти четверо ежатся от холода, который сегодня перед рассветом так сильно давал о себе знать.

Переваливая через высотку или складку местности, Алонов каждый раз ожидал увидеть уже не светящуюся точку, а светлое пятно, пламя даже. Но подъемы переходили в спуски, а пламени не было.

Оглядываясь, Алонов уже мог различить высотку, на вершине которой он недавно стоял. Отсюда, с южной стороны, она казалась внушительной, совсем не такой, как с севера, откуда вчера вечером пришли четверо и он.

Алонов шел быстро, а день пламенел еще быстрее. Светало все больше, заметнее. Уже начались превращения, уже различалось ранее невидимое. Конечно, время упущено. Нечего надеяться застать бандитов врасплох у костра.

«Всему виной проклятое болото, которое хотело задержать меня, задушить своей грязью! – с гневом думал Алонов. – Сколько времени было потеряно!» «Не торопись! Будь осторожен! Тебе уже не приблизиться незамеченным, твои враги могут увидеть тебя», – предупредило бледное небо с последними потухающими звездами. Алонов не только различал пальцы рук, он уже видел рифленую планку между стволами ружья.

Еще немного – и показалось солнце. Вчера оно смело бросало лучи, сильные, бодрые, блистающие. А сегодня над степями стояло марево. И солнце взошло другим. неподвижный воздух был тяжелым, холодным, будто пыльным.

Тусклое солнце не принесло с собой радости жизни. Не

подняло оно и утреннего ветерка степей, рождающегося с солнцем, крепнущего с ним и засыпающего к вечеру. Не было бодрящей свежести ветра, но не было и тепла – на него поскупилось блеклое солнце.

Быстрое движение согрело Алонова. Но невеселое утро навеяло на него странно томительное чувство.

Такой день выпадает один-два раза за всю осень, и не каждый человек замечает его. После холодной тихой ночи солнце возвращается скучным, утомленным. Безразлично смотрит оно на землю и видит в широкой степи тронутые желтизной листочки на деревьях и кустах рощ, уже истощенных, поредевших. Заглянет ниже – там травы согнулись, опутив головы. Теперь уже никто не следит за движением солнца, ни один цветок не поворачивается ему вслед.

Птицы и звери сегодня куда-то исчезли – ни звука, ни движения. И словно говорит солнце земле:

«Кончается еще один год нашей жизни. Скоро и нам с тобой удастся отдохнуть: тебе – под снегом, мне – долгими зимними ночами...»

Это день перелома. Кончилась первая радостная осень, прекрасная пора созревания.

Началась вторая – она кажется человеку порой увядания, старости природы... С ней нужно примириться, понять неизбежное.

Сегодня Алонов почувствовал себя одиноким. Впервые – совсем одиноким. Сама природа будто отвернулась от него.

Будут, будут еще ясные дни, сверкание солнца, прозрачный воздух, бодрящий холод, падающий сверху, с

бледного осеннего неба, такого высокого. Но вся природа занята подготовкой к зиме. Оперились последние поздние птенцы и готовят теплый пух от морозов. Отросли, окрепли клювы и когти.

Насекомые прячутся. А много ли нужно какому-нибудь жуку! Залезет в трещинку почвы – и довольно, чтобы замереть-заснуть, исчезнуть в бесчувственной неподвижности. Все, что предназначено для сохранения рода, уже свершено и заботливо спрятано. Кто положил свои яички под кору дерева, кто наклеил их на траву, камышинку. Скромная двоюродная сестрица злой саранчи – мирная кобылка-кузнечик – уже пристроила свои кубышечки с яичками в земляных норках, которые сама проделала в земле.

Алонову стало страшно от одиночества. Он ускорил шаг. Он бежал. Борясь со страхом, он убеждал себя, что не может сбиться со следа. Ведь он один, только один! Не у кого попросить помощи.

Алонов взбегал на пригорки, пригнувшись, как на охоте за крупным зверем. Не теряя быстроты движения, он должен быть незаметным. Страх придал ему еще большую силу и свободу в стремлении догнать.

Догнать, обязательно догнать, непременно! Гнаться день, два, неделю, месяц!.. Наконец-то! Перед ним были следы ночного привала. Алонов оглянулся. Да, далеко позади, на горизонте, маячила высотка с песчаной вершиной. Это место должно быть видно оттуда.

В котловине лежал чистейший мелкий песок. Много следов ног. Выше, на скате котловины, карнизами повисли кустарники. Осыпавшаяся почва обнажила их корни.

Вот место, где был костер. Угли и зола, уже холодные. Алонов прилег, посмотрел на север. Гребень высоты скрылся. Но, привстав, Алонов увидел знакомую полосу. Ошибки нет – это костер, замеченный на исходе ночи... Дровами послужили ветки и многоярусные корни перистой аристиды, изуродованные топором.

Озираясь, Алонов заметил нечто вроде тропинки, протоптанной по песку свежими следами людей. Тропинка провела его около высывавшихся из края котловины сухих корней и вывела выше. Далее тропинка повернула влево, а вправо несколько следов потянули вразброд и потерялись в начавшейся здесь жесткой траве. Алонов побежал вправо.

На подъем! Песок затянуло дерновым покровом. По нему были разбросаны кусты с голыми ветками. Кое-где выставлялись плиты камня, похожие на те, что Алонов видел на восточном скате гнилого болота.

Еще выше, еще... И перед Алоновым открылась ковыльная степь, ровная, чистая, с полосами склоненных метелок высокой благородной травы. Там, километрах в двух с небольшим, Алонов увидел четыре фигуры. Одна была заметно выше других. Знакомые фигуры... Это они!

Алонов уселся – и увидел только верхушки ковыля. Отлично! Какое хорошее место!... Достал табак и угостил себя толстой самокруткой. Он давно не курил, и его охватила приятная истома, закружилась голова. Страх исчез, грудь вздохнула свободно, с сердца пала тяжесть. Сразу перестал замечать тусклость солнца, марево над степью; увядшая сонная природа ожила для него. Не стало тоски, забылось одиночество. Они исчезли, оставив Алонову одну

настоятельную заботу, которая не даст ему ни скучать, ни отчаиваться.

2

Бандиты были недалеко. «Вероятно, их отделяет не больше полчаса ходьбы от насиженного за ночь места», – думал Алонов.

Они не стояли группой, не шли. Они довольно широко разошлись в ковыле и, как казалось Алонову, не двигались. Устроили облаву, охотятся?

В этот момент до его слуха долетел звук очень слабого из-за расстояния выстрела, тут же повторившийся.

«Стреляли из охотничьего ружья», – заключил Алонов. Приподнявшись, он видел, как самый высокий сначала побежал, потом стал ходить кругами, нагнулся. Отыскивал сбитую птицу или другую подстреленную дичь?..

Ровная степь давала Алонову хороший обзор. Бандиты могли бы отойти вдвое дальше и оставаться видимыми. Казалось, что враги не торопятся, – значит, и у него есть время. В самом деле, быть может, они уже пришли туда, куда хотели? Это предположение казалось правильным. Алонов решил, что может ненадолго вернуться назад, чтобы получить ответ на важный вопрос. Этот вопрос он задал себе, когда осматривал привал бандитов: куда ведет протоптанная ими тропинка?

Незнакомая дорога всегда кажется длиннее, чем уже известный путь. Может быть, это происходит потому, что внимание человека занято восприятием нового и он в большей мере замечает ход времени. Так или иначе, но Алонов очень быстро вернулся к песчаной котловине, откуда ночью ему открылась путеводная точка.

Он пошел по тропке влево, но сейчас же остановился, переломил ружье и вынул из патронников гильзы со свинцовыми пулями. Заменял их парой патронов из тех слабых дробовых зарядов, которые изготовил вчера. У него явилась мысль: если только что сам он едва услышал выстрел из охотничьего ружья, то уж его-то слабенького выстрела враги никак не услышат.

Пригибаясь и держа ружье наизготовку, Алонов медленно пошел по тропинке. След повернул, провел его через кусты и вывел ко второй котловине, гораздо более глубокой. Здесь скалистая подпочва просела, образовав нечто вроде широкой воронки; на дне ярко зеленели травы. Эта крепкая, свежая зелень кричаще контрастировала с общим тоном увядшей степи, к которой привык глаз Алонова. Он еще осторожнее крался, спускаясь по широким ступеням естественного амфитеатра, размашисто построенного природой.

Догадка, основанная на хорошем чувстве обстановки и знании привычек дичи, не обманула Алонова. Он сделал еще десятка три шагов — и с криком поднялся табунок вспугнутых серых куронок.

Ружье, как показалось стрелку, только чуть слышно хлопнуло дуплетом, но из стайки выпали две птицы.

Алонов бросился и схватил трепещущую добычу. Потом он зарядил ружье пулями, сбросил мешок и спрятал в него добычу.

Алонов не сомневался в правильности и первой своей догадки. Действительно, почти в центре этой котловины лежало крохотное зеркальце свежей воды, не больше рабочего стола.

Вода была совершенно прозрачной. Травы не умели заглушить ее, так как она оградилась камнями, за которые не могли зацепиться корешки. И в том, что вода хороша, не могло быть сомнения. Только что ее пили птицы. Да и люди пользовались ею...

Вода имела слабый железистый привкус, что не мешало ей быть вкусной, вполне пригодной для питья. Настоящая вода – несравненно лучше, чем болотная вода в роще, зеленая, с привкусом гниющих растений.

Иной раз случается, что подземная река где-нибудь на своем скрытном пути приоткрывается, делается видимой – через трещину в почве или через разрыв в скалах, как здесь. Такие источники обладают способностью сохранять постоянный уровень. Естественный колодец, обманывая глаз своей кажущейся незначительностью, иногда обнаруживает большую щедрость. Из водоема, где, видимо, стоит всего двести – триста литров воды, можно черпать беспрерывно.

В таких местах легко помогать природе. Алонов на миг увидел насос, черпающий из этого водоема. Вода лилась в большие, длинные корыта, около которых толпились лопухие телята и прочий молодняк, отгуливающийся на сочном подножном корму ковыльной степи...

И тут же эта мысль вытеснилась другой, сейчас главной. Алонов еще не кончил пить, как бывшее ранее только подозрением, неопределенным ощущением стало для него бесспорной истиной.

Конечно, эти люди отлично знали местность, были хорошо знакомы со степью: ведь они сумели без ошибки найти источник воды, такой далекий, что никто на разъезде о нем не знал. Ничего случайного не было в выбранной ими

дороге. Нет, это не бродячие негодяи, которым ничего не стоит позабавиться охотой на человека, если это можно сделать в глуши безнаказанно. Не охотники, – эту ложь, сказанную низкорослым, Алонов отбросил окончательно. Они идут в степи не по компасу. Не случайно бандиты встретили его у той рощи: они заранее выбрали ее для первого привала, зная, что там есть питьевая вода.

А этот привал – второй ночлег бандитов? В то время, когда Алонов лежал на песке без воды, они уютно устроились здесь.

Теперь Алонов понимал, почему вчера он потерял бандитов из виду. Он наивно считал, что остановка врагов будет определяться наступлением темноты. Так он сделал бы сам. А они шли – ночь не мешает тому, кто знает путь. Им нужно было дойти до известного источника. В котловине – чистый, теплый песок и дрова для костра. Рядом – вода. Да, эти бандиты в степи как у себя дома. Они знают не только куда и зачем идут, но и как пройти...

Алонов позволил себе несколько минут отдыха и позавтракал частью своих сухарей. Размокшая масса внутри котелка была мягкой, а сверху покрылась жесткой коркой – у него оказалось два блюда, правда, оба одинаково невкусных. Он наполнил флягу родниковой водой. Пора!

Алонов шел по тропинке, ступая по следам врагов. Не нужно оставлять своего следа: бандиты вернутся, чтобы пополнить запасы воды. Могут вернуться.

К чувству негодования, гнева у Алонова прибавлялся нарастающий интерес к действиям бандитов.

Человеку трудно уловить начало работы мысли: жизненные положения и загадки – это не математические за-

дачи, решаемые исходя из заданных условий. К выводу, который кажется в дальнейшем очевидным, мы приходим извилистыми путями, и, если можно так выразиться, очертания первых предположений нечетки, смутны. Возможно, что у Алонова уже зарождался вопрос: а не найдется ли для него нечто более важное, чем возможность хорошего прицельного выстрела? И не заключается ли иной раз настоящая победа в раскрытии именно замысла врага?

Возвращаясь к краю ковыльного массива, Алонов ждал, что расстояние между ним и бандитами увеличится. Он ошибся, и это поразило его. Бандиты не отошли сколько-нибудь заметно. До них было по-прежнему не более двух с половиной километров. И так же они не представляли собой компактной группы, к которой Алонов привык, наблюдая за четырьмя беспрерывно уходящими фигурами. Увидев их сегодня в первый раз, Алонов счел, что они разбрелись для охоты.

Алонов смотрел на четверых, рассыпавшихся в степи цепочкой: одного от другого отделяло довольно заметное расстояние. Сначала казалось, что все стоят неподвижно, на месте. Странно... Тщательно приглядевшись, Алонов заметил, что каждый из четырех проделывает одни и те же движения: переступает, останавливается, нагибается так низко, что едва не прячется в траве. Эти однообразные, регулярные движения следовали одно за другим. Когда кто-нибудь из бандитов распрямлялся, Алонову казалось, что тот озирается, наблюдает за горизонтом. Сегодня бандиты были осторожнее, чем вчера. Здесь, в такой глуши?..

Очертания фигур врагов изменились. Вот что! За их спинами больше не было походных мешков...

Зрелище захватило Алонова. Да ведь они работают! Они делают именно то, зачем пришли сюда. Тайны больше нет. Вернее, тайна раскроется, когда Алонов увидит, что они делают.

Возможность подойти и взглянуть совершенно исключалась: как только Алонов будет замечен, они затравят его в открытой степи, застрелят из дальнобойных винтовок. Терпение...

И Алонов думал о том, что могут делать враги. Ищут что-то? Что-то собирают? Вероятно, — их движения говорили об этом.

Что они могут собирать? Редкие травы? А не могут ли быть здесь растения, свойственные лишь этому месту и никому не известные? Такие вопросы, Алонов был уверен, пришли бы в голову каждому на его месте.

Не сохранилось ли в этих местах какое-либо редчайшее, особенное, древнее, реликтовое растение, подобное чудесно-легендарному дальневосточному корню женьшень? Алонов помнил любимые страницы из книг Арсеньева и с детства чаровавшие его рассказы Пришвина. Он внимательнее смотрел на этот кусок степи. И правда, травы здесь более пышны и сильны, чем в пройденных им местах. Особые свойства почвы... Здесь может жить какой-нибудь диковинный, драгоценный корень, стебель, луковица редчайшего растения. И как велика его ценность, коль за ним охотятся четверо бандитов. Шайка воров! Это несомненно.

Быстрое воображение Алонова населило ковыльный массив — «барбас», как называют плотные залежи степных

трав русские крестьяне, перенявшие звучное слово у казахов, – самыми замечательными растениями. Он считал, что разгадал загадку, раскрыл тайну. Четыре фигуры – ведь он видел их своими глазами! – работали по плану. Они прочесывали степь именно так, как это нужно делать во время тщательного поиска. И, конечно, находили искомое. Иначе, к чему им так часто и так регулярно наклоняться? Нет, это даже не поиск, – это сбор.

«А ведь какое подходящее место для склада чудес!» – думал Алонов. Целинная степь была такой же, как тысячи лет назад. Ее никогда не трогали ни древняя соха, ни современный плуг, ни доисторическая мотыга. Почва созревала сама с начала времени.

Русская природа оторвала массив плодородной почвы от степи и перенесла его южнее. Она окружила его укреплениями, вырыла рвы, устроила ловушки гнилых болот. Позвала змей из пустыни. А для того, кто был способен пройти через испытания, мать-земля припасла чашу свежей воды, чтобы, по старому русскому обычаю, было чего испить, переступив порог.

Страстно, зло и ревниво любил в эту минуту «свою» степь Алонов.

«Вот они, волки-оборотни», – думал Алонов. Сборщики, устроившие жатву там, где они не сеяли, воры народного достояния, сейчас имели вид настоящих работников. Это особенно злило Алонова.

Постепенно, но очень медленно удаляясь, четверо бандитов работали без отдыха. Прошел, может быть, час, как Алонов наблюдал за ними. Шло организованное хищение чего-то. Не попробовать ли выяснить...

Но тут мысли Алонова приняли новое направление. Он заметил, что все четыре фигуры сошлись вместе. Они казались столбиками – на таком большом расстоянии нельзя различить жесты. Вдруг два столбика исчезли.

«Наработались, повалились отдыхать», – с презрением подумал Алонов.

Двое других пошли медленным шагом назад. Казалось, они идут прямо к месту, где находился Алонов.

Конечно, они его не видели... Он удобно сидел в ковыле. Фуражка была давно снята и засунута в карман. Голову Алонов прикрывал пучком срезанной травы, который держал в левой руке. Он знал, что так его никому не заметить даже и в сотне шагов. А до бандитов сейчас, когда они уже приблизились, оставалось около двух километров.

Они остановились в тот момент, когда Алонов начал различать не лица – для этого было еще слишком далеко, – а фигуры, жесты, цвет одежды. Они что-то делали в траве. Алонов разглядел, что они навьючили на себя знакомые ему заплечные мешки: не на спины, – просто забросили по мешку на каждое плечо и направились обратно, к своим.

«Для своей работы они свалили груз в одно место и этих двух послали поднести мешки», – сделал Алонов очевидный вывод.

Один, меньшего роста, упал, за что-то зацепившись ногой, вероятно. Другой шел дальше, не дожидаясь, а упавший долго возился, прилаживая мешки. Как видно, для одного человека тяжесть была немалая.

«Друзья-приятели, – с иронией подумал Алонов. – Один-то и не собрался помочь другому...» – Он не узнал среди этих двоих того низкорослого, который, как показалось с первой встречи, имел вид вожака.

Двое доставили мешки к месту отдыха. Вскоре Алонов увидел, как четыре фигуры вновь разошлись, образуя цепочку.

Сидя в траве, Алонов не спеша ощипывал куропаток: кто-нибудь, взглянув потом на это место, решил бы, что здесь ястреб теребил добычу.

Алонов размышлял: мешки тяжелы, мешают; естественно, что бандиты оставляют их в траве. Они работают по определенной схеме и плану. Удалившись на какое-то расстояние, они вновь займутся подноской мешков.

«А ведь можно успеть подкрасться к мешкам, – думал Алонов. Бездеятельность утомляла его. – Но что получится дальше? К чему мне эти мешки, даже если я сумел бы унести их? Я только могу обнаружить себя... А может быть, унести один мешок? Если они сложат туда добычу – вот тайна и открыта!» Алонову очень хотелось скорее, скорее начать настоящую борьбу. Настоящую в его тогдашнем понимании. Всем задором юности он рвался в бой – так утомили его отвратительные в своем настойчивом труде бандиты.

Именно сейчас, именно здесь, хотя сам Алонов того и не подозревал, начинался его настоящий труд, может быть подвиг, к которому его привели события и переживания двух последних суток, – подвиг по преимуществу выдержки и терпения.

Вопросы, требующие зрелого размышления, вставали перед Алоновым: а имеет ли он право выступать судьей бандитов и уничтожить их всех? У бандитов есть свои тайные цели, они начинают раскрываться, и Алонов скоро узнает, что они крадут. Но кто они? И откуда?

Размышляя так, Алонов учился побеждать самого себя. Он хотел подчинить разуму свое нетерпение, свой гнев, свою пылкую ненависть к врагам, которые были не только его врагами...

Так он ковал настоящее оружие и из юноши превращался в мужчину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Что скрывал ковыль?

1

Привстав на колени в высокой траве, Алонов учил себя спокойно смотреть на маленькие, прилежно работающие фигурки. Они считают себя в безопасности и хозяевами положения? Хорошо!.. Они уверены в себе? Хорошо!.. Они принадлежат ему, и он сумеет дождаться часа, когда узнает о них все и будет сильнее их.

Алонову казалось, что бандиты могут проработать до самого вечера. Воду-то они взяли с собой. Во всяком случае, он может быть свободен на добрый час.

Алонов отступил и скрылся за спуском, спеша к роднику. В его распоряжении были две крупные осенние куропатки, а есть ему очень хотелось.

Он рассчитывал найти где-нибудь поблизости укромное место, чтобы приготовить себе обед. Он не прочь был пополнить запас дичи и перезарядил ружье дробовыми патронами, опускаясь к роднику. Но час был уже не тот. Набрав воды в котелок, Алонов поднялся выше, осмотрелся.

Пространство между видневшейся на горизонте высокой с песчаной вершиной, где Алонов провел ночь, и котловиной, давшей приют бандитам, представляло собой широкую впадину в шесть-семь километров. Впадина эта тянулась в широтном направлении, то есть с запада на восток, как Алонов определил по компасу. Естественный ров превращал ковыльное плато в остров.

Сегодня Алонов прошел и пробежал все это пространство сначала в темноте, потом на рассвете. К тому же он спешил и был занят одним. Только сейчас впадина предстала перед ним во всем своеобразие.

Он стоял на южном берегу сухого рва. Тот берег, северный, казался выше, и Алонов догадывался о складках местности, которые ночью закрывали от него костер бандитов.

Недалеко от родника Алонов нашел удобное для своей кухни место в расселине, между полузасыпанными песком или наполовину превратившимися в песок каменными плитами. Очень удобно, скрытно. Образуя подобие загона, одна плита оперлась на две другие.

Для того, кто умеет беречь огонь, топлива нужно совсем немного. Алонов наломал маленькую охапку сухих веток кустарника и разложил аккуратный, крохотный костер. Ветки горели почти без дыма. В этот тусклый день с маревом о дыме можно было бы и совсем не думать. Все же Алонов стоял над костром, размахивая снятой курткой, чтобы разогнать чуть приметный дымок.

Он быстро сварил куропаток. Соли не было. Тем не менее Алонов заставил себя выпить без остатка весь довольно противный бульон. После этого одну из куропаток

он съел почти целиком с большим аппетитом. Он ел бы и еще, но следовало экономить. У него оставалась одна целая вареная куропатка, кусок первой и ком ссохшегося месива из сухарей. Завтрашний день обеспечен.

Плохо без соли... Алонов на собственном опыте понял, почему дикие козы разыскивают солончаки и жадно лижут соленую землю.

Преследование, волнение, сосредоточенность мысли сжигали Алонова. Он все время был в движении, все время спешил, хотя сам этого совсем не замечал, — очевидно, какое-то внутреннее равновесие хорошо сохранялось. Во время приготовления пищи он зорко следил за костром, поддерживая горение ровно настолько, чтобы кипела вода; стоял над огнем, разгоняя дым; отбегал на минутку, чтобы взглянуть по сторонам; опять бежал к костру. Потом поспешно ел, обжигаясь. Со стороны он, наверное, произвел бы впечатление человека, который куда-то уж очень торопится и уж очень чего-то боится...

Да, себя он не замечал. Все время он думал об одном и том же. Хотя Алонов все больше укреплялся в уверенности, что секрет бандитов им разгадан, каждый их шаг, запечатлевшийся в его сознании, давал пищу для работы мысли. И все больше Алонов убеждался, что бандиты ищут, находят и собирают какое-то редчайшее или совсем неизвестное растение.

В краеведческом музее маленького степного города Алонов как-то раз слышал, что в юго-восточном крае области кое-где сохранились представители флоры доледникового периода. Некогда вся обширная территория к востоку от Уральских гор была занята древним морем. В

неглубокой воде были большие и малые острова. На некоторых из них, ставших теперь отдельными высотами, сохранилась особенная порода древнейших хвойных деревьев. Алонов видел рисунки и фотографии. Корявые, разлапые, с толстыми гнутыми ветвями, эти сосны имели странный и мрачный вид.

Ковыльное плато, на котором сейчас трудились враги, заметно возвышалось над уровнем степи. На нем не было древних сосен. Но почему же этому плато, тоже бывшему острову, не хранить каких-то растений, сверстников реликтовых сосен, единственных и чем-либо особенно замечательных, особенно ценных!

Обо всем этом должны рассказать бандиты! И для кого они работают, они тоже расскажут...

Покончив с едой, Алонов пробрался среди чахлых, голых кустов на откосе плато и вышел на край ковыльного барбаса. Четыре фигурки казались едва ли не точками. Бандиты отходили всё дальше, и следовало сократить расстояние – нехитрая задача: высокие травы пропускали согнувшегося человека и добросовестно маскировали его.

Алонов старался придерживаться дороги, пройденной бандитами. А когда они возвращались за своими мешками, он приметил место склада – недалеко от кучки низеньких ивовых кустиков, забредших в ковыль.

Степные травы не сохранили следов людей, шедших вразброд. Да и вообще недостаточно четырех пешеходов, чтобы пробить в траве стежку. Алонову хотелось найти след. Может быть, бандиты оставили если не разгадку, то хотя бы намек на цель своих настойчивых трудов. Алонов удовлетворился бы следом вырванных корней или сре-

занных стеблей. Но, как видно, для розыска не хватало слабых глаз человека, к тому же не знавшего, что он ищет.

Место, где лежали мешки, Алонов нашел без долгих поисков. Увесистый и объемистый груз, топтание людей на одном месте, падение – все это оставило след, хоть и не слишком ясный, но достаточно видный среди подсыхающих стеблей высоких трав.

Отсюда расстояние до бандитов опять сократилось километров до двух. Алонов присел в примятой траве. Фигуры врагов появлялись и исчезали с короткими, почти правильными интервалами: они работали сгибаясь и разгибаясь – по-прежнему рылись в бело-серых волнах ковыля.

Вдруг Алонов заметил что-то черное в траве у своих ног. Не вставая с колен, он протянул руку и поднял свой собственный бинокль в черном кожаном футляре.

«Откуда он? – спросил себя Алонов и ответил: – Его потерял один из воров, возвращаясь сюда за мешками».

Петля на ремешке для ношения бинокля через плечо была разорвана. Алонов прорезал новую петельку и зацепил ее за кнопку футляра – он проделал это с немалым удовольствием. Перекинув ремень через голову, Алонов с наслаждением вытащил бинокль, обтер полую куртки, пошлифовал стекла и навел на врагов. Будь он суеверен, находка ободрила бы его как хорошее предзнаменование.

Это не был дорогой, мощный призматический бинокль. Алонов довольствовался наследственным отцовским биноклем, кем-то подаренным леснику в незапамятные времена. Но у старенького друга, оклеенного порыжевшей кожей, стекла были чистые. Бинокль помог Алонову рас-

смотреть врагов, уловить их жесты. Бандиты по-прежнему ныряли в траву и разгибались, продолжая трудиться с замечательным упорством.

«Работают сдельно!» – съязвил про себя Алонов.

Но что они искали, что находили под травой, не могла бы рассказать и самая длинная подзорная труба...

Солнце переваливало на вторую половину дня – все такое же скучное, в тусклой, будто пыльной дымке.

2

Алонов переместился ближе к врагам. Они медленно отходили, и ему время от времени приходилось повторять этот несложный маневр. Бинобль был хорошим помощником. Алонов убедился, что бандиты перестали соблюдать осторожность, – никто не оглядывался, не осматривался. Дело поглотило их целиком.

Для бандитов выпал нелегкий день. Алонов же отдыхал. Он позволял себе курить, – вода была близко, и запас во фляге не казался последним ресурсом, как вчера. Алонов следовал по пути бандитов и нашел еще одно место, где оставленные ими мешки помяли траву. Он искал, но и на этом месте ничего не было потеряно или забыто.

По мере приближения вечера Алонов ограничивал свой дневной план одним заданием: установить место ночного привала врагов, чтобы больше от них не отрываться.

Он старался ориентироваться, определить точку своего стояния, как говорят топографы и солдаты. У Алонова было хорошо развито чувство направления местности. Еще ни разу в жизни ему не случалось заблудиться.

Возможно, что он умел ориентироваться по кривым. Горожанин привык к прямым линиям, к отрезкам прямых линий. И в воображении он невольно сводит свое движение к движению по прямым, а повороты — к поворотам под прямыми углами: результат ходьбы по городским кварталам. Алонов, как многие живущие вне городов, был способен воображать и запоминать более сложные сочетания неправильных линий.

Но сейчас ему были нужны прямые. Одну линию он мысленно направлял на север. Он знал, что она пересечет железную дорогу. Вторую прямую он представлял себе под острым углом к первой. Она отходила на северо-запад и должна была бы встретиться с железной дорогой в месте расположения знакомого разъезда.

Но длину этих линий Алонов не мог определить с достаточной уверенностью. Он предполагал, что находится от разъезда километрах в восьмидесяти — приблизительно. И не по прямой линии он вел отсчет.

Занимаясь преследованием, Алонов передвигался скачками. Его внимание было слишком отвлечено, он был взволнован. Иди он свободно — и длину каждого перехода можно было бы определить почти точно. С детства Алонов увлекался интересной игрой — определять любое расстояние на глаз. Уже мальчишкой он добился успеха — это не так трудно, как кажется человеку, впервые в жизни вышедшему в открытое поле.

От разъезда до рощи с болотцем — около тридцати одного километра: единственная бесспорно верная цифра. Алонов складывал все переходы второго дня и получал сорок километров. Здесь уже могла крыться ошибка, и немалая...

Что же касается расстояния до магистрали, если взять прямо на север, то оно могло оказаться и более чем вдвое короче. Ведь враги все время уклонялись к востоку, и сейчас их путь идет параллельно железнодорожным путям.

От вычислений Алонова отвлек дым, поднявшийся на линии, занятой четырьмя фигурками. Алонов приложил к глазам бинокль – и дым превратился в толстый столб. Внизу выскочил язык пламени. Алонов видел, как все четверо сбежались и старались сбить огонь. Вскоре дым исчез, и бандиты опять разошлись, встали цепочкой. Они настойчиво продолжали сбор.

Алонов не мог объяснить себе причину вспышки. Трасса, по-видимому, загорелась случайно, не по воле бандитов. Однако степная трава загорается не так легко. Степь не имеет такого плотного ковра, такого толстого слоя мха, как северные леса. На севере в засушливое лето для пожара довольно одной искры из паровозной трубы... Алонов постарался приметить высокую залежь (так называют особенно густую траву), около которой появился дым.

Ему удалось побывать на этом месте. Огонь выжег неправильное пятно диаметром метров десять – двадцать. Пламя, как видно, вспыхнуло сразу и сильно, так как верхушки трав вокруг выгоревшего места были опалены. Пепел был истоптан, а трава кругом помята бандитами.

К вечеру враги оказались километрах в девяти от родника. И все это расстояние они прошли методическим, непрерывным поиском.

Наконец Алонов увидел, что бандиты повернули обратно. Вскоре все четверо остановились, подняли с земли мешки и стали приближаться. Было ясно, что они закончили свое занятие.

Алонов замаскировался метрах в четырехстах от пути, по которому они должны были пройти. Он спрятался с таким расчетом, чтобы заходящее солнце било врагам в глаза и чтобы он не выдал себя блеском стекол бинокля.

Бинокль сильно сократил расстояние. Теперь-то Алонов отлично рассмотрел всех четверых. Они шли гуськом — точно специально для наблюдения. Впереди брел человек среднего роста, полный, с большими усами. Кажется, он стрелял в Алонова около рощи. Вторым шагал высокий. Третий, тоже полный и такого же роста, как первый, едва плелся. Но и первые два имели вид людей, утомленных до крайности. Четвертым шел низкорослый. Он был, казалось, еще совсем бодрым.

На шее высокого болталась короткая, хорошо знакомая Алонову винтовка. Низкорослый нес ружье на ремне, перекинутом через правое плечо. Оно было закрыто от Алонова телом низкорослого, и какое это было ружье, Алонов не видел. У остальных двух ружья были в чехлах.

Алонов неожиданно для себя разволновался, видя своих врагов так близко. Может быть, ему не удастся описать их наружность так, как это сделал бы опытный в этом сложном искусстве человек, но теперь он узнает каждого из тысяч!

Сначала Алонов смотрел на бандитов спереди, потом сбоку. По мере того как они проходили, он поворачивал голову им вслед. И вдруг увидел, что мешки за их плечами опустели! Как же он не сразу заметил это удивительное обстоятельство! Мешки стали по крайней мере в два раза меньше. А мешок низкорослого и вовсе приобрел размеры, нормальные для мешка охотника. Именно для охотника,

который не возьмет из дому лишнего грамма. Это было поразительно!

Но как же с собранными растениями? Куда они их дели – плоды работы целого дня? Что же они выбросили из мешков?

Задав себе эти вопросы, Алонов почувствовал, что все его предположения о целях бандитов, только что принимавшиеся им за бесспорную истину, могут оказаться надуманными, совершенно ложными.

Всё не так... Но ведь они что-то собирали. Это факт. Нельзя не верить собственным глазам. Они работали на сборе весь день.

«Ты больше не считаешь, что бандиты работали на совесть?» – зло пошутил над собой Алонов.

На ночь он спрятался в барбасе. От привала шайки его отделяло не более одного километра.

Враги вернулись на старое место, потому что дальше не было близкого источника воды, – так определил Алонов причину их возвращения к роднику.

Если завтра бандиты двинутся в обратный путь, Алонов увидит их в пустынной впадине – миновать ее нельзя. Опять выйдут на ковыльное плато, – тоже не пройдут незаметно. Больше он не потеряет своих врагов.

Алонов был убежден, что после дня непрерывной работы все четверо будут спать мертвым сном. Но теперь он уже не собирался напасть на бандитов и перестрелять их у костра, как мечтал вчера. Сначала он узнает их тайну. Он должен не убивать, а схватить врагов, привлечь их к ответу.

Алонов прокрался поближе к привалу. Запахло дымом костра – никуда не уйдут!

Лежа на левом боку, Алонов положил ладонь под щеку на мешок, подогнул колени. Пальцы правой руки охватывали цевье ружья. Постепенно мускулы ослабевали, но пальцы остались на оружии.

Алонов спал. Дикие травы не защищали его от холода сентябрьской ночи. Враги были от него в пятнадцати минутах ходьбы.

Он спал спокойно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Находка

1

Под утро температура воздуха резко понизилась. Будь у Алонова термометр, он увидел бы, что синий столбик опустился почти до нуля.

Просыпаясь, Алонов чувствовал, что и сам он, и все кругом него покрылось обильной росой. Ружье было холодное; на стволах скопилась влага. Только место на земле, защищенное и согретое телом спящего, оставалось сухим.

Небо предрассветно белело. На востоке сквозь слабые розоватые и зеленоватые тона просвечивала желтизна. С верхушек травы капало. Нужно быть осторожным! – сейчас тот, кто пойдет по траве, оставит след...

Сила росы удивила Алонова. Сегодня начинался его девятый день в степи. Первые ночи он проводил в роще с болотцем, два раза – прямо в степи. Там росы почти не было. Не помнил Алонов, чтобы была роса предыдущей

ночью, когда он лежал на песке около высотки с песчаной вершинкой и под утро пошел к костру бандитов.

Алонов вспомнил, что все дни, кроме вчерашнего, были ветреные. Вчера – спокойствие. Вероятно, соображал Алонов, вблизи есть значительные зеркала озер или болот. Холодная ночь вернула на землю водяные пары вблизи от мест их появления. Он подумал, что ковыльные залежи, в которых вчера враги занимались непонятным делом, действительно казались свежее и зеленее, чем травы в степи, откуда он пришел следом за бандитами.

Чем же они вчера занимались? Куда бы ни отвлекалась мысль Алонова, в его сознании все связывалось с одной ни на секунду не утихающей заботой: разгадать цели шайки.

Алонов не страдал от свежего утреннего холода – он привык к ночевкам под открытым небом. Если тот, кто всю жизнь спал в кровати под одеялом, зябко ежится, выйдя за дверь теплого дома утром без верхней одежды, то совсем иначе относится к падению температуры человек привычный. Лишившись своей теплой куртки из-за встречи с бандитами, Алонов легко обходился без нее. Так солдат, начавший войну летом, куда легче втягивается в нарастающие невзгоды осенней кампании, чем боец из свежего пополнения.

Алонов довольно хорошо выспался – что-то помогло ему спокойно провести эту ночь, третью после встречи с бандитами. Первая ночь была теплее, но тогда он окоченел, измученный кошмарами.

На уровне земли еще лежал сумрак. Алонов разрешил себе встать во весь рост и проделать привычную утреннюю гимнастику. Только сейчас он заметил, что пальцы правой

руки слушаются плохо. Застыли, всю ночь пролежав на ружье...

Вольные движения окончательно согрели и ободрили Алонова. Он решил ждать света, не сходя с удобного и скрытного места в траве. На завтрак он уделил себе недоеденный кусок вчерашней куропатки и часть целой. Запивая безвкусное несоленое мясо водой из объемистой алюминиевой фляги, Алонов подумал, что все недостатки имеют свои достоинства. Ведь после мяса, приготовленного по правилам, всегда хочется пить.

«Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет...» – мелькнули в памяти Алонова строчки звучных стихов. Он не знал, как дальше будет с водой, не знал, куда пойдет. Знал, *что* будет делать, а как – покажет само дело. Очень важно не остаться с пустой флягой. Степная коза умеет бегать на водопой за несколько десятков километров, но пешеход привязан к источникам...

Было уже совсем светло – вот-вот покажется солнце! – когда Алонов заметил первого бандита. Один за другим не спеша враги поднимались из котловины. Передние подождали заднего, поговорили, закурили и тронулись. Опять туда же, опять на ковыльное плато. Значит, вчера они не кончили свою работу?

Впереди шел низкорослый, рядом с тем, усатым. За плечами всех четверых висели ружья в чехлах. На спинах были сильно опустевшие мешки.

Бандиты направлялись туда, где работали вчера, шли теми же местами, которые приметил Алонов.

Он выждал, когда они отошли подальше, вернулся к роднику, досыта напился и наполнил флягу. Солнце уже

встало, когда он поднялся из впадины. Чувствовалось легкое движение воздуха. Ветерок потянул с юга. Слабенький, он усиливался, причесывая метелки ковылей. Сероватая гладь начинала едва-едва волноваться.

Четыре фигуры бандитов, за которыми Алонов наблюдал в бинокль, были довольно далеко. Движения споро идущих людей четко выделялись на ровной поверхности степи.

Удобно для скрытного наблюдения, но плохо, очень плохо для незаметного преследования...

Алонов сидел, сплетая из ковыля длинные косы. Он связал несколько больших венков, нарочно растрепанных, с торчащими во все стороны концами. Ему хотелось не только замаскироваться под цвет местности, но и скрыть самую форму человеческого тела.

Выше и выше поднималось солнце, заметнее и заметнее крепчал ветер – добрый, хороший ветер степей. Алонов знал, что сегодня ветра хватит до вечера.

Вот травы начали волноваться, переливаясь, струясь, меняя тона окраски и рельеф местности.

«Степь привыкли сравнивать с морем», – думал Алонов. Сам он не верил в правильность такого сравнения. Он видел море лишь один раз, и то – Московское море. Но воды в том месте было достаточно для наблюдений. Тяжелая, несжимаемая влага единой массой отвечает напору ветра, накапливает силу и распределяет ее.

Не то с травами – любимая Алоновым степь иначе беседует с ветрами. Это понятно – травы упруги. Каждый стебель самостоятелен и имеет силу свою, иную, чем сосед. И верхушки стоят на разной высоте.

Опутав себя венками, Алонов двинулся в погоню. Он пригнулся, ружье нес низко. Бинокль в левой руке был наготове.

А ветер давил и давил на травы. Там невидимый шквал прокладывал извилистые дороги, спеша по которым бежали метелки травы. Здесь, танцуя, мчались прозрачные смерчи, и под их прыжками ложились и вновь поднимались высокие залежи диких злаков. И струились, и извивались. Разве можно в травах, играющих с ветром, рассмотреть человека, который не хочет быть замеченным!

Враги останавливались – и Алонов замирал на месте: он увидел, что почему-то сегодня бандиты были начеку.

Алонов ждал, что, дойдя до вчерашней своей границы, враги возобновят работу в нетронутой ими части ковыльного плато. Кажется, здесь... Но бандиты не остановились. Через четверть часа Алонов понял, что ошибся: враги продолжали идти. Ни разу ни один из них не нагнулся. Во время коротких остановок никто, казалось, не обращал внимания на почву у себя под ногами. Они шли группой, не рассыпаясь, как вчера, явно стремясь к какой-то новой цели...

«Они опять знают куда идут. Эти места им больше не нужны», – думал Алонов.

2

Он отдавал должное своим врагам. Это были люди незаурядной энергии и силы. Бандиты делали короткие остановки и вновь шли широко, быстро. А ходить в заросшей хорошими травами степи не так легко.

Трудно было и Алонову. Он делал короткие перебежки. Все его внимание было сосредоточено на одном – не быть случайно замеченным, если кто-нибудь из врагов обернется.

Солнце дошло уже до середины неба, когда Алонов заметил, что фигуры врагов начали постепенно укорачиваться. Они уходили куда-то вниз. Так бывает, когда наблюдатель удален от движущегося объекта наблюдения, а уровень местности плавно понижается.

Враги исчезали за линией горизонта. Алонов спешил. Над травой оставались одни головы. Вот за лохматой чертой ставшего близким горизонта точки исчезли совсем.

Алонов торопился достигнуть обманчивой границы, где прямо за волнующейся массой травы начиналось голубое небо с клочками гонимых ветром мимо солнца беленьких облаков-бычков.

И вот постепенно над этой, такой близкой линией, что, казалось, сейчас достанешь рукой, начали вставать дымчатые, округло мягкие очертания неясных светлых и темных пятен. Наконец и горизонт отошел в недостигаемую даль. В той дали что-то удивительно светилось, мерцало металлом и возвышалось, сливаясь с небом. А ближе повсюду сверкали зеркала чистых вод.

Не видя бандитов, Алонов стремился вперед, бежал не скрываясь. Опутанный сеткой травяных венков, он был похож на фантастического духа степей.

Ему открывалось удивительнейшее и прекраснейшее зрелище. Он понял, где находится. Там, на востоке, была отнюдь не пустыня. То, что вдали сливалось с небом, было большим каналом – и более ничем.

Ковыльный покров исчез на краю плато. Так же, как лесной массив окружен кустарниками, здесь еще тянулся на несколько десятков метров утончающийся дерновый слой. Он обрывался на круче откоса, остановленный осыпью песка с торчащими плитами старого камня. Хватаясь корнями за сыпучий песок, по обрыву сползали чахлые кусты.

Граница ковыльного плато напоминала уже знакомый Алонову северный рубеж этого куска степи. «Вероятно, – подумал он, – где-то слева глубокая впадина-ров тоже выходит к затопленной низменности».

В его сознании ковыльное плато, избранное врагами для загадочных действий, представилось чем-то вроде бастиона, выдвинутого степью к югу. Степь покрыла это укрепление слоем плодородной почвы и вырастила благородные травы, которые своими корнями закрепили победу степи и умножили ее плодородие бессознательным самопожертвованием. А росу, оживлявшую растения, принесла не природа, а недавняя работа людей, способных на самопожертвование сознательное.

Край ковыльного плато поднимался над расположенной к востоку низменностью всего на двадцать – тридцать метров. Для степи это очень большая высота. И Алонов обозревал широчайшие просторы. Он видел изгибы рельефа, рощицы молоденьких деревьев, заросли кустов и пятна песков на гривах, еще сопротивляющиеся напору растительности.

Все неровности, складки рельефа не были бы так заметны, если бы повсюду между ними, в каждом понижении, не блистала вода. Вода подчеркивала, оживляла,

придавала пейзажу изумительную привлекательность. Это она дала всему пейзажу вид богатства и силы.

Перед Алоновым был самый дальний край колоссального водохранилища. Водохранилище извивалось, расчленялось, и единство вод угадывалось только рассудком. Однако же каждая капля воды во всех молодых озерах была частью целого и прислана сюда для определенной цели.

Внизу круча обрыва переходила в ровное подножие с почти не ощутимой для глаза покатостью к воде. Там и расположилась шайка бандитов.

Замаскировавшись, Алонов видел в бинокль, как четыре маленькие, даже в стеклах бинокля, фигуры копошились около берега узкого залива, вернее языка озера, врезавшегося между двумя кустистыми гривами. Враги ходили к воде, возвращались.

Алонов не мог различить, что они делают, и впервые в жизни подумал, что пора бы уже сменить старый бинокль на более совершенный, более мощный. До врагов было километра полтора.

Две фигуры остались на месте, а две другие, как большие насекомые, поползли по берегу озера-залива. Алонов видел, как медленно они движутся, с постоянными перерывами. Он смотрел сверху вниз, поэтому не мог различить на фоне земли их движений. Ему казалось – они перемещаются не скорее, чем вчера. Неужели и там они что-то ищут, находят, собирают? Если бы только можно было подойти еще немного ближе! Но ниже земля не могла предложить никакой маскировки своему защитнику. Попытка спуститься с откоса на глазах у врагов была бессмыслицей.

Алонов сгорал от нетерпения. Человеку нелегко отказываться от однажды сложившихся мнений. Вчера Алонов решительно отверг гипотезу о сборе чего-то в ковыльных зарослях. Сейчас она возрождалась сама собой. Алонову вновь казалась правдоподобной его начальная и единственная версия. Действия врагов как бы возвращали его мысли на сутки назад.

Две фигуры, похожие на трудолюбивых муравьев, всё ползли и ползли по берегу. Две другие были неподвижны. Время тянулось нестерпимо медленно.

Сегодня воздух был чист, солнце ясное и теплое. Ветер должен был рябить воду, но Алонов видел лишь переливы света на ее далекой поверхности.

Вероятно, двое бандитов, оставшихся на берегу, спали, так как Алонов не сумел уловить ни одного движения.

Солнце начало перемещаться в западную часть неба, когда двое врагов, занимавшихся сбором, почти одновременно двинулись обратно.

Вернувшись, бандиты устроились рядом со спавшими. Их всех прикрыла длинная тень от проходившего облака. В это время рядом с шайкой вспыхнуло яркое пламя. Алонов отчетливо рассмотрел через бинокль высокий язык огня. Тень от облака сдвинулась – и пламя исчезло в солнечном свете.

Вскоре бандиты зашевелились, затоптались на месте, как казалось Алонову, – собирали свои вещи. Затем они пошли – вправо по отношению к месту, которое занимал Алонов.

Бандиты добрались до длинной и довольно высокой гривы, разделявшей два узких озера-залива. Удаляющиеся

фигуры замелькали в кустах. У начала перешейка кустарники были редкие, с плешинами полян. Алонов не мог найти окончания этой гривы. Оно терялось, конечно, в очертаниях других складок.

Алонов обыскивал пространство биноклем, чтобы понять, не могут ли совсем уйти враги куда-то через гриву. Нет, очень далеко впереди была открытая вода.

Дальше на этой гриве кусты густели, кое-где виднелись хоть и невысокие, но все же деревца. Вода блестела. Чем более удалялись враги, тем заметнее Алонов терял преимущества относительной высоты своего поста.

Вот враги окончательно затерялись. Алонов решил, что может спуститься вниз без риска обнаружить себя.

Он заранее наметил направление и помчался вниз по круче громадными прыжками. Ему казалось – он летит.

Он мгновенно оказался внизу и продолжал мчаться дальше, как на крыльях. Алонов был уверен, что теперь-то поймет, какой работой занималась шайка. Он решил бежать, пока хватит дыхания. А дыхание у него было здоровое, молодое, и он легко преодолел те километра полтора, которые отделяли его от места последней остановки бандитов.

Он увидел, что для своего отдыха враги выбрали сухое место метрах в полуторах от воды. Песок здесь был плотный, иловатый, смешанный с частицами лёсса. Его покрывала редкая сетка низкой осоки. Над осокой возвышались гнутые лопасти лопухов на толстых, ломких стеблях.

Место стоянки бандитов четко обозначалось сходящимися и расходящимися следами сапог, раздавленными листьями мать-и-мачехи.

Алонов сейчас же нашел место вспышки огня. Скорчившиеся лопухи свидетельствовали о силе пламени. Осталось немного пепла. Нагнувшись, Алонов обследовал песок под обожженными листьями. Он поднял кусок чего-то, похожего на обрывок черной, скорченной кожи. Кусок издавал острый запах горелого целлулоида. Исследователь Арсеньев, перед которым Алонов преклонялся всей душой, всегда брал с собой целлулоид для разведения костров...

Бандиты не разводили костра – они просто сожгли что-то...

Времени для размышлений не было ни секунды. Алонов побежал к озеру.

Берег носил явные следы изменений уровня воды. И высшая точка подъема, и все отметки понижений были записаны на плотном песке ступенчатыми бороздами.

Камыш кое-где заходил в воду островками. Тростник рос молоденький. Было сразу видно, что он, молодой житель молодых вод, еще не успел развить мощной корневой системы, чтобы начать свое извечное наступление на открытую воду.

Не так далеко бесстрашно плавала стайка мелких уток нырковой породы, несколько черных водяных куриц-лысух с белыми наростами на лбу и остроноса гагара.

Это они, обнаружив новую воду, притащили на себе первые семена камыша и водяных трав – свой бессознательный подарок молодым водоемам.

Вода в озере была совершенно пресная и свежая; оно постоянно сообщалось с общей системой резервного водохранилища канала.

Не нужно было родиться следопытом, наделенным особым даром, или провести на охоте всю жизнь, как Дерсу Узала, чтобы найти на берегах этого узкого озера или залива отпечатки ног тех, кто только что занимался здесь своим загадочным делом. Плотный илистый песок хранил довольно четкие отпечатки подошв. Алонов пошел по следу. Нагнувшись, он вглядывался, но не в следы, а рядом, стараясь найти разгадку. Ведь следовало искать в непосредственной близости – здесь, буквально под рукой.

Он шел среди лопухов и осоки. Там, где они росли чаще, он раздвигал их руками. Но, несмотря на то, что под редким покровом всюду был виден голый и гладкий слой почвы, Алонов ничего не мог найти. В ковыльной степи, где дерн сплелся слоем толщиной двадцать сантиметров, где всё – корни и щетка растительности, неуспех был естественен, особенно для того, кто не знал, чего ищет. Но здесь!

И вот – ничего, ни одного следа вырванного корня, сорванного растения! Даже ни одного прикосновения руки...

Скудная растительность ничего не говорила неудачливому следопыту, но ничего и не скрывала. Единственное, что заметил Алонов, – следы ног врага везде прошли выше границы наиболее высокого стояния озерных вод. Для этого не стоило искать!..

Обшаривая обе стороны следа, Алонов сделал не менее двухсот шагов. Его внимание утомилось бесплодностью поиска. Он вспомнил о бандитах. Он рисковал – враги могут уйти далеко, могут остановиться где-то на гриве, но могут и вернуться. Если они застанут его на открытом

месте, это сразу даст им бесспорное преимущество. Они без всякой для себя опасности расстреляют его издали из винтовок.

Алонов заставил себя пройти еще немного – вон до той заросли лопухов, перед которой было голое пространство.

Красноватый песок с жирной примесью чешуек глины, часть которых прилетела с естественных мельниц великих азиатских хребтов, предложил вниманию наблюдателя ясные, литые отпечатки.

Почва говорила точным и живым языком.

«Он сделал два длинных шага и один короткий. Остановился. Переступил, широко расставив ноги. Смотри, места, где стояли его носки, вдавлены. Это значит, что он нагибался. Потом он опять, но лишь чуть-чуть переступил, выставил левую ногу на шаг вперед и в сторону. А его правая ступня оставила свой отпечаток сзади, почти под прямым углом к левой. Это значит, что так ему было удобно делать свое дело. То самое, за которым он не поленился явиться сюда... Ты теперь понимаешь, зачем он топтал меня?» – спрашивала земля.

Нет, он не понимал...

Чтобы понять, Алонов старался вообразить позу врага, посмотреть туда, куда мог быть обращен его взгляд. Но и среди лопухов, и на голых лысинах ничего не находилось.

Он пошел дальше, ступая в следы бандита. Может быть, так будет лучше, понятнее. Ноги Алонова, обутые в мягкие поршни, плотно обнимавшие ступни, не заполняли отпечатков, оставленных сапогами врага.

Сделав два шага, Алонов заметил, что враг опять останавливался, опять переступал, расставлял ноги и наги-

бался. Алонов двинулся дальше. Еще два шага – и то же самое. Алонов понимал, что именно эти остановки были нужны для той самой работы, над которой бандиты вчера изнывали от зари до зари, а здесь тоже потратили время.

Алонов опустился на четвереньки и пополз кругом того места, где бандит работал. Ничего... Он поднялся с чувством глубочайшего разочарования. Он бессилен, он неопытен, ненаблюдателен, недостаточно сметлив, умен, чтобы понять, хотя все дано ему в руки. Он взялся не за свое дело...

Вновь он сделал два шага до места следующей остановки бандита в больших сапогах, расставил ноги в его следах, нагнулся и достал рукой до земли. Так должен был нагнуться и бандит.

И Алонов заметил: с внутренней стороны следа от выставленной вперед левой ноги имелся еще один отпечаток, но очень неясный. Это казалось прикосновением одной подошвы, без каблука. С каким-то особым ощущением Алонов метнулся к месту следующей остановки. Там не левая, а правая нога выдвигалась вперед, но и здесь, тоже с внутренней стороны следа, был также и след носка, точно затаптывающего что-то...

Постоянное повторение одного и того же движения! В этом мог скрываться большой смысл...

Алонов, забыв об опасности быть на открытом месте, бросился на колени и принялся ладонями разгребать затоптанное местечко, которое было величиной с блюдечко. Его руки дрожали, но он заставил себя не спешить. Он лег на грудь и раздувал песок, стараясь расчистить место с осторожностью археолога, прикасающегося к пыли тысячелетий.

Обнаружились края круглой дырки. Точно такие, абсолютно правильные отверстия-входы в нору проделывает таранул. Но ядовитый мохнатый паук гнездится значительно южнее... Скорее концом трости был продавлен склеенный глиной песок.

Алонов осторожно рыл пальцами, расширяя отверстие и углубляясь в него. Через несколько секунд на глубине семи, может быть и десяти, сантиметров он наткнулся на какой-то странный предмет.

Эта вещь была величиной с большой палец очень крупной мужской руки. С одного конца предмет был заметно раздут и обладал довольно правильной сферической выпуклостью, а с другой – срезан. Срез был плотно закупорен чем-то, что сливалось со стенками и было чуть вдавлено внутрь.

Когда вещь была еще в песке, Алонов заметил, что своим срезом она обращена вверх. Вещь напоминала степную тыкву-горлянку в миниатюре, вытянутую, с толстым горлышком, потемневшую от времени и копоты.

На первый взгляд можно было, пожалуй, вообразить, что странный предмет изготовлен руками человека. Нет, в нем было что-то, отвергающее такой поспешный вывод. Для человеческой работы форма предмета была недостаточно правильной. Конечно, он не побывал между центрами токарного станка. И не инструмент в руках человека оставил на его тусклой, шероховатой поверхности эти изгибающиеся продольные бороздки.

Алонов сжал удивительный предмет пальцами и почувствовал сильное, упругое сопротивление. Предмет казался сделанным не из металла, конечно, но из чего-то,

похожего на пластическую массу. Алонов сдавил изо всех сил – прочное вещество и не думало поддаваться.

Алонов положил свою находку на приклад ружья, достал нож и попробовал надрезать это подобие странного плода. Острое лезвие качественной инструментальной стали скользнуло и оставило зарубку на полированном дереве приклада.

По-прежнему удерживая миниатюрную тыкву-горлянку на прикладе, Алонов взял нож в кулак и надавил рукояткой. Сжатая между твердым деревом и насечкой торца рукоятки ножа, жесткая оболочка странного плода лопнула вдоль по нескольким направлениям сразу. В ту же секунду из среза, будто пробка, выскочила круглая толстенная пластинка.

Скорлупа не была толстой – вряд ли немногим более одного миллиметра. Упругий и прочный, но вместе с тем и жесткий материал, использованный для создания скорлупы, дал острозубчатые изломы. Алонову померещилось какое-то сходство с хитином, из которого устроены крылья больших жуков. Но эта оболочка была куда более прочной.

Внутри оказалось нечто вроде плотной, но мягкой кожистой сумки, служившей подслоем для оболочки. Держа эту сумку на ладони, Алонов разрезал ее вдоль ножом.

Сумка содержала склеенные между собой и уложенные рядами подобия зерен риса или пшеницы. Но эти зерна были раз в семь или в восемь толще и раза в четыре длиннее. Они лежали продольно, в три яруса, обращенные к срезу. Часть была вскрыта острым лезвием. Из них вспучилась буро-желтая, слизистая с прожилками масса.

С дрожью отвращения, произвольно вызываемой у

человека прикосновением к чему-то мерзостно-грязному, Алонов отбросил гнусный плод и вытер о чистую землю ладони и клинок.

И только сейчас он вспомнил, где находится!..

Он не пошел дальше. Он бросился назад по своим и по чужим следам. Он останавливался в местах, где нога врага маскировала посев, без всяких предосторожностей раскапывал песок и доставал отвратительные предметы.

Но он помнил, что может раскрыть себя, и заравнивал места находок...

Алонов собрал десять или двенадцать штук – он не считал, высыпал из коробки табак прямо в карман, положил в нее свой сбор и запрятал коробку поглубже. Потом осмотрелся, прислушался и пустился бежать, будто за ним гнались. Забился в кусты на левом берегу залива, уселся поудобнее, свернул папиросу потолще, закурил. Нужно отдохнуть, овладеть собой, успокоиться.

Он сидел неподвижно, курил, размышлял. Он делал все движения курильщика, подносил папиросу ко рту, затягивался, выпускал дым. Но только когда самокрутка догорела до конца, почувствовал вкус и запах табака. Свернул еще одну папиросу.

Однако же найденная им отвратительная вещь была созданной природой с величайшим искусством. Лежа в мягкой земле, оболочка была способна выдержать громадное давление. Отвратительное содержимое защищало себя не только крепостью вещества скорлупы, но и удачной сводчатой формой брони. Алонов победил упругое сопротивление, зажав удивительную вещь между жестким деревом приклада и твердой рукояткой ножа. Он давил

большой силой и на малую площадь. Ни копыто зверя, ни лемех плуга, ни колесо повозки или автомобиля, ни гусеница трактора не смогут победить такую оболочку, когда она скрылась в почве. Кожистый мешочек подкладки хорошо защищал мягкие, нежные зародыши. Крышечка была так подогнана, так пригнана, что ни жидкости, ни газы не могли проникнуть внутрь и нанести вред зачаткам хранящейся там жизни. А когда внутри разовьются силы, в назначенную минуту они сами вытолкнут хитрую преграду и явятся на свет для выполнения предназначения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поиски решения

1

Очень многие насекомые принадлежат к числу опасных врагов человека или домашних животных. Каждый зоотехник обязан быть знакомым с основами практической энтомологии. С присущим Алонову с детства стремлением знать больше, знать полнее, он расширял рамки учебного курса техникума, а после окончания продолжал самостоятельную работу. Он любил научные книги. Внимательно читал он и о саранче, этой опасной родственнице невинного кузнечика.

Живой саранчи Алонов никогда не видел: в Советском Союзе ее давно не было. Но для старой России, особенно

для ее окраин, хищное насекомое было постоянной угрозой. Ныне же советские энтомологи старались помочь странам Азии избавиться от саранчи.

В Азии саранчу издревле называли «бичом Божиим», так же как аттил, чингисханов, тамерланов и прочих истребителей народов. Природа разрисовала надкрылья саранчи причудливыми пятнами, в которых суеверная фантазия читала знаки проклятий человеческому роду. Страшное насекомое плодилось, гнездилось в тугаях – в заросших камышом и кустарниками поймах рек и берегов озер.

В жизни саранчи было что-то неправильное, непонятное. Иногда она годами не давала о себе знать. Не только в окрестностях гнездилищ, но и в них самих было так мало представителей племени, что травы и растения оставались нетронутыми. А потом, точно повинувшись чьему-то приказу, саранча выходила в поход. Было трудно представить себе, где и как могли собраться ее чудовищные армии, – они точно вырастали из-под земли.

Задумываясь над книгами, Алонов пробовал подсчитать, сколько пищи было нужно, чтобы дать возможность вырасти, несколько раз перелинять, окрепнуть и двинуться в путь полчищам саранчи. Он определял вес камыша и травы на единицу площади гнездилища и приходил к удивлявшим его результатам: очевидно, по сравнению с другими живыми существами, саранча обладала свойством стремительно и полно усваивать пищу.

Действительно, количества и вес армий саранчи были грандиозны. В последних годах прошлого столетия саранча хлынула от озера Ала-Куль, в Семиреченской области.

Если бы само дно озера поднялось и выбросило воду, наводнение было бы ничтожно в сравнении с реками саранчи. У нее еще не отросли крылья, и она шла по земле, покрывая могучим потоком десятки квадратных верст. Толщина многоярусного слоя достигала колен людей. За нашествием оставалась пустыня. Через несколько лет в тех же местах было собрано и уничтожено *сорок пять тысяч пудов* кубышек с зародышами!..

Однажды в старой Бессарабии саранча атаковала город Килию. Что ни делали жители, все их усилия остались тщетными. Семь суток лился через город всепожирающий поток. Саранча была повсюду, вторгалась в дома, грызла даже одежду и мебель.

Бескрылых насекомых называли пешими. Когда полчища уже взрослой, с отросшими крыльями, саранчи взлетали, лучи солнца не могли пробиться через их тучи, и черные тени ложились на обреченные поля, сады и луга. Приносимые саранчой бедствия были неисчислимы. Название саранчи вошло в язык всех народов как символ бедствия, гибели общего благосостояния, нищеты, голодной смерти.

Советская власть получила саранчу как пережиток прошлого. В первые годы революции саранча еще плодилась.

В 1921 году в Кубанской области было уничтожено почти десять миллионов килограммов отвратительных и страшных насекомых. Советские работники пошли в места гнездовий, огнем и ядами выбили саранчу в местах ее рождения. Настал конец существования саранчи на нашей земле. Выполнены желания народа, выполнены благо-

родные мечты старых русских ученых и общественных деятелей.

У нас саранча забылась. Она перестает быть даже преданием. Редкий человек видел ее своими глазами, и ее не знают советские земледельцы. Саранча стала предметом чуть ли не исторической энтомологии и упоминается по привычке в поговорках, как побежденные холера, чума или черная оспа.

Но в руки Алонова попали настоящие кубышки саранчи. Он отлично помнил раскрашенные рисунки в книгах, разрезы. Помнил и текст. Цифры на рисунках говорили о меньших размерах кубышек, оболочка кубышек была иной. У разных пород саранчи бывают разные кубышки. Чаще всего это просто склеенные выделениями самки частицы земли. Бывают хитиновые скорлупки, как помнилось Алонову. Но о таких крупных кубышках с такой могучей оболочкой он не читал.

Действия бандитов перестали быть тайной. На глазах Алонова враги – настоящие враги, общие, а не только его – произвели два посева. Ковыль на плато скрывал в своих корнях, может быть, тысячи зловещих кубышек. Второй посев, меньший, был произведен здесь, на берегах озера. А третьим, наверное, бандиты заняты сейчас: они закладывают остатки запасов из мешков на высокой, не заливаемой весенней водой гриве между двумя озерами.

Враги делают свое дело обдуманно, умело, наверняка. Не случайно, а дальновидно они постарались разместить кубышки саранчи в разных местах, в разных условиях, но одинаково подходящих для выплода. В одном месте личинки могут выйти раньше, в другом – позже. Вероятно, и это рассчитано.

Алонов понимал, что и сама местность выбрана для такого дела отлично. Дальний, безлюдный край степи. Кто и зачем посетит его, кто обратит внимание?.. Насекомые успеют выйти из яиц, развиваться. Они соберутся с силами, окрепнут, размножатся. О них узнают, лишь когда они ринутся во все стороны и сделаются бедствием. Весной в этой степи взорвутся словно миллионы мин!..

Открытие было бесспорным, очевидным. Оно требовало от Алонова немедленной, справедливой расправы с врагом. Гнев и месть звали его броситься в заросли, догнать бандитов с одним стремлением – уничтожить их на месте. Алонов встал. Быть может, он действительно сумел бы один победить четверых врагов. Он чувствовал в себе безграничную силу.

Вначале эти люди были для Алонова только обидчиками, врагами, которые оскорбили его личное достоинство разбойничьим нападением. Потом в его сознании фигуры наглых и злобных негодяев постепенно переросли в бандитов, шатающихся в степи с непонятными и, наверное, преступными целями. Теперь они разоблачены – они диверсанты, шпионы, подрывники, они выполняют план уничтожения всенародного достояния. Смерть им!

Но в душе Алонова заговорил и другой голос – голос воспитанных советским обществом навыков самодисциплины и сознательного действия... Сломать эти четыре когтя, как он уже сломал один почти случайно, было мало, недостаточно. Нужно знать о них всё...

В воздухе просвистели птичьи крылья. Сделав круг, табунок серых уток пал на воду недалеко от берега. Пронесся второй табун. Он шел низко над озером, вырвавшись

из-за кустистой гривы, оттуда, где сейчас должны быть враги. И сейчас же Алонов услышал выстрелы из охотничьих ружей. По звукам Алонов определил, что бандиты были от него не далее полутора километров... Еще одна утиная стая прошла над головой Алонова, исчезла.

Алонов поднялся во весь рост. Он видел, как после выстрелов из-за кустов, которыми поросли разделяющие озера-заливы гривы, в воздух поднимались несметные тучи водоплавающих птиц. Какие места для охотника!.. Подгоняемые продолжающейся стрельбой, птицы разбивались на стайки и уходили во всех направлениях. Еще две стайки упали на воду у берега. Встревоженные в своем постоянном покое, утки, заметив человека, опять поднялись на крыло.

«Враги кончили свою работу – последняя кубышка уложена. Поэтому они занялись охотой. Забавляются... Они не боятся больше привлечь к себе внимание. Они хорошо знают, что место совершенно пустынное», – такие выводы сделал Алонов.

2

Стрельба продолжалась – они не жалели патронов.

Алонов различал выстрелы из разного оружия. Слышались и гулкие удары охотничьих ружей, и сухие, отрывистые выстрелы несомненно тех винтовок с тонкими и довольно короткими стволами, пуля одной из которых скользнула по шее Алонова в первые минуты встречи с диверсантами.

Он невольно ощупал левую сторону шеи под ухом, отыскивая след забытой было контузии. Рубец уже исчез.

«Да, развлекаются, — думал Алонов. — Развязались с делом, теперь довольны собой. Можно и поиграть. Что же теперь они хотят делать? Пойдут восвояси, конечно. Ведь должно же у них быть где-то логовище... где-нибудь у них есть пристанище. Живут, маскируются. Поди-ка разгадай их...» Не нужно было иметь особую догадливость, чтобы понимать: развязка близится.

Подходил вечер, до наступления темноты оставалось немногим более двух часов. Диверсанты должны остаться на ночь тут же, поблизости, у водохранилища канала. Здесь найдется все нужное для привала: пресная вода и топливо для костра.

«А что же будет завтра? — спрашивал себя Алонов. — Враги двинутся в обратный путь, — отвечал он себе. — Они вернутся к тому роднику в котловине под скатом ковыльного плато и проведут там ночь. Это будет легкий переход — километров около двадцати, меньше... Послезавтра они совершат самый большой переход — до рощи с болотцем. Но теперь они идут без груза и налегке без труда преодолеют сорок или сорок пять километров. А от рощи до разъезда только километров тридцать — тридцать один. Меньше дня ходьбы. Если они знают расписание, они подгадают прямо к поезду и тут же уедут. Итак, они на три перехода потратят меньше трех суток...»

Диверсантов нужно не истребить, а схватить. Алонов чувствовал себя в силах опередить шайку на добрые сутки. Он должен не мешкая отправиться к железной дороге и организовать встречу бандитов хотя бы с помощью населения разъезда. Найдутся решительные люди и оружие в руках охотников-путейцев. Будет время и возможность

мобилизовать колхозников из ближней Скворцовки. Все послушают Алонова, ведь у него есть с собой кубышки саранчи – доказательство. Так и нужно сделать!..

И Алонов покинул свое укрытие. Сразу подняться на ковыльное плато он не рискнул. Для этого нужно пройти по открытому месту, ровному и без маскировки, километра полтора. Затем придется подниматься вверх по голому откосу. Пусть бандиты заметят его. Он будет вне выстрела даже из их винтовок, он убежит: состязания в беге Алонов не боялся. Но, открыв слежку за собой, диверсанты насторожатся, и план Алонова внезапно захватить их на разъезде сорвется. Можно ли быть уверенным, что бандиты заночуют там, где сейчас развлекаются? Нет, сейчас, особенно сейчас, Алонов не имел права полагаться на случай.

Он бегом пересек кусты, покрывающие гривку. Перед ним оказалось второе, почти такое же узкое озеро, но несколько дальше вдающееся в берега, чем то, около которого диверсанты посеяли кубышки саранчи. Восточного, правого конца извилистого языка воды отсюда не было видно. И это озеро, конечно, также сообщалось со всей системой водохранилища. Его противоположный берег густо порос ивняком. Низкая растительность довольно далеко заходила на берег – дальше, чем на той гриве, где был сейчас Алонов, и той, где находились диверсанты. А к ковыльному плато эти кусты подходили ближе, чем в других местах, по крайней мере метров на триста.

Алонов изо всех сил бросился бежать по открытому месту. Он рисковал быть замеченным, огибая озеро. Берег озера был заметно возвышен, и вся его часть, врезавшаяся языком, защищалась чем-то вроде естественного валика.

Алонов думал пробежать по прямой линии. Но, преодолев короткий подъем, он увидел перед собой высохшее дно. Черную, жирную и плотную грязь покрывала корка, изрезанная мелкими трещинами, как старая, горелая кожа. Место не понравилось Алонову. Он вынужден был взять левее и побежал вдоль по берегу.

Неожиданное препятствие не входило в расчет его пробега. Он мчался, уже задыхаясь, но не уменьшал быстроты. Несколько дальше перед Алоновым оказался искрящийся белый слой. Он сообразил, что бежит вдоль границы старого солончака, к которому подошло недавно это молодое озеро. Когда водохранилище было наполнено, вода подошла к солончаку, слизнула соль в затопленной части и, отступая к осени, оставила насыщенный водой топкий подслоя соленых отложений.

Теряя дыхание, Алонов достиг прочной, как камень, соли. Сюда вода никогда не заходила. Не оставляя следов, Алонов пробежал по соляному пласту и через две минуты достиг наконец противоположного берега. Он бросился на песок, лег. Сердце точно хотело вырваться из груди...

Не дав себе как следует отдышаться, Алонов привстал и начал осматриваться. Редкие кусты закрывали его от глаз дальнего наблюдателя. Отсюда он хорошо видел концы обеих грив, разделявших озёра – заливы водохранилища. До гривы, занятой диверсантами, по прямой не было и километра. А до откоса ковыльного плато и отсюда все еще оставалось слишком большое открытое пространство...

В степях бывают такие места. Быть может, правильнее будет сказать, что в степях они заметны. Эти места очень ясно, очень красноречиво рассказывают даже не слишком

внимательному наблюдателю свою историю. Когда-то древнее море здесь билось о выступы материка или острова, создавая постепенно повышающиеся к берегам плоские, сглаженные волной подступы-отмели. Можно заметить и хорошо сохранившийся край берега там, где в сушу некогда ударял прибой.

Алонов видел, что с занятой диверсантами гряды по-прежнему должны хорошо просматриваться возможные выходы к ковыльному плато. Он опять думал, что будет вне выстрелов, сумеет убежать, но выдаст свою тайну. Нет, нельзя этого делать. Нужно отойти еще дальше к северу, укрываясь за кустами по берегам водохранилища.

Где-то там должно открыться устье естественного широчайшего рва, который отрезал с севера ковыльное плато от всей степи. Там можно было бы идти, не скрываясь, и найти родник. А найти его было необходимо, чтобы напиться, сделать запас воды и сохранить силы для больших переходов. Но как Алонов ни вглядывался, он не мог рассмотреть устье рва на скатах плато. Скаты уходили к северу кулисами, казавшимися одинаковыми.

До сумерек оставалось недолго, лучше выждать.

Ожидая захода солнца, Алонов все время думал о своем решении обогнать диверсантов и организовать их арест на знакомом ему разъезде. Все ли было правильным в этой простой мысли, надежен ли был план?

Диверсанты двигались по степи, точно рассчитывая переходы, и выходили без ошибок к источникам воды, то есть делали именно то, без чего невозможно движение в маловодных местах. Если они и затянули до ночи свой второй переход, то это могло произойти, естественно, из-за

увеличения груза: Алонов понимал, что бандиты должны были взять с собой кубышки саранчи из мешка застреленного им врага... Они знали степь...

Не задумываясь, шайка обошла змеиное болото. В полной уже темноте они сумели найти родник на северном скате ковыльного плато. Они умели не терять минуты. В этой глуши они были как у себя дома.

«А я? — спрашивал себя Алонов. — Ведь я привязан к пройденной дороге, которую мне показали диверсанты, — отвечал он себе. — Мне нужны и родник, и роща с пресным болотцем, чтобы выйти отсюда. На другой дороге я выбьюсь из сил от жажды... Но почему же бандиты, так хорошо зная степь, обязательно пойдут домой по старой дороге, будто она одна? — продолжал размышлять Алонов. — А почему они не захотят избрать двадцать других дорог?»

Есть арифметические задачи-шутки, рассчитанные на то, чтобы в первый момент сбить с толка. Задачу эту излагают так, что подсказывают и путь решения, с виду удачный и единственный, а на самом деле — ложный. Психологически требуется усилие, чтобы выйти за условный круг.

Через минуту Алонову показалось, что его прежние предположения, прежние решения «за врага» были наивными. Диверсанты могут попросту выйти завтра к каналу — наверное, они знают, где это можно сделать, — и сесть на паром.

Они свое дело окончили. Так почему бы им не разойтись в разные стороны? Разве они не сумеют собраться, когда будет нужно? «Два человека меньше привлекают внимание, чем четверо, один — меньше, чем двое», — так

они должны были рассуждать, по мнению Алонова. Что их теперь связывает? Ничего. С их стороны куда умнее разделиться. Они пойдут вразброд: одни – к каналу, другие – к железной дороге. А почему именно на знакомый Алонову разъезд? Есть и другие станции...

Освобождение от предвзятости действовало плодотворно. Алонов сообразил, что схема ориентировки, мысленно построенная им около родника, в начале ковыльного плато, была не так уж точна, а для того места, где он сейчас, и совсем неверна. На мелкомасштабной карте железные дороги показаны условными линиями между городами, и через небольшую площадь области дорога проложена на карте прямой линией. А на крупномасштабной карте области железная дорога вскоре после знакомого Алонову разъезда описывает кривую к югу и вновь выпрямляется на восток перед самым каналом. И только после канала окончательно принимает направление с запада на восток, уже выходя за пределы области...

Шайка диверсантов в своем пути все время уклонялась к востоку. Следовательно, сейчас и они и Алонов находятся куда ближе к железной дороге, чем это было, например, около гнилого змеиного болота. «От меня, – думал Алонов, – до магистрали остается, может быть, никак не более одного перехода».

И он продолжал рассуждать: «А разве хотя бы факт моей с ними встречи около рощи с болотцем ими забыт? Вряд ли. Они не знают, что сделалось со мной. А труп в воде? Все это должно повлиять на них. Они оставили след. На их месте я избрал бы другую дорогу для возвращения из степи».

Но больше всего Алонова терзала мысль, что диверсанты разойдутся теперь же и пойдут порознь, разными путями. Пусть даже один из них явится на разъезд и попадет в расставленную для него западню. А остальные?

Алонов понимал, что в шайке не все должны быть равны. Ему казалось, что главарем является низкорослый. Упустить его будет уже поражением. Но другие? Разве не каждый из них отвечает за общее дело и не способен продолжать его?

3

Звук выстрела прервал мысли Алонова. Он увидел, как перед гривой, занятой врагами, на ровном и хорошо освещенном пространстве появилась коза. За ней бежали двое подросших козлят, ростом почти с мать. Волоча правую заднюю, коза прыгала на трех ногах.

Вновь треснул сухой винтовочный выстрел. Один козленок споткнулся на скачке, перевернулся через голову и остался лежать. Второй обогнал мать и стрелой унесся к ковыльному плато, развивая ту чудесную скорость, на которую из всех обитателей степей способны только ее маленькие олени, ничем, кроме случайного имени, не похожие на домашних коз.

Третий выстрел... Но на этот раз мимо. Козленок мелькнул на откосе и скрылся.

Мать тяжело скакала на трех ногах по берегу озера прямо на Алонова. Боялась ли она, что ей уже не взобраться на крутой откос ковыльного плато? Вернее, она хотела отвести врага от следа своего последнего детеныша...

Сердце Алонова болезненно сжалось. Сам он никогда

не охотился на диких коз. И не только потому, что эти животные были под охраной закона. У него просто не поднялась бы рука на изящное, кроткое и беззащитное существо. Птицы – другое, они были какими-то чужими, далекими.

Алонов хранил одно прекрасное, раннее юношеское воспоминание. Однажды он сидел на днище старой, тухлявой лодки на краю топкого, заросшего мощным лесом камышей озера, уже превращающегося в торфяник. Когда-то здесь была рыба, о чем свидетельствовала заброшенная лодка. Сейчас – излюбленный притон выбирающих мелководье и тихие, уютные заводи шилохвосток, кряковых и серых уток.

Едва рассветало, птица еще не «пошла». Вдруг, не дальше трех шагов от Алонова, будто из туманного воздуха родилось высокое, стройное видение. Оно точно само собой возникло у стены густого камыша.

Взгляд человека встретился со взглядом чудесного существа. Они были так близко, карие удлиненные глаза животного, такие красивые и такие одухотворенные. И пораженные неожиданной встречей со взором человека, конечно, тоже первой и такой близкой!..

Алонову казалось, что в этих глазах светилась душа – робкая, но любопытная, как души девушек в стихах восточных поэтов. Чарующее мгновение длилось, длилось...

Вероятно, Алонов, не желая того, шевельнулся. Или страх преодолел любопытство. Алонов не заметил движений. Чудное видение беззвучно растаяло в туманной дымке так же непонятно, как появилось.

Возможно, что позднее такая встреча не оставила бы

столь сильною воспоминания. Но Алонов навсегда сохранил ощущение близости, общности с грациозным существом.

И вот сейчас точно такое же животное, в такой же пушистой коричневой шубке и, наверное, с такими же глазами, только полными ужаса, страдания и отчаяния, выбиваясь из сил, ковыляло к Алонову. Непрошенная слеза мешала ему смотреть.

Из кустов занятой врагами гривы выскочил человек. На бегу он размахивал короткой винтовкой с тонким стволом. Не раздумывая, убийца повернул за козой. Алонов припал в кустах к земле. Глаза высохли. Он узнал бандита, которого окрестил кличкой «высокий».

Высокий остановился, прицелился... Алонов оказался на одной линии прицела с мишенью бандита: это называется на языке стрелков «быть в створе». Алонов плотнее распластался на земле. Секунда, другая, третья... Выстрела не последовало. Алонов приподнял голову. Почему-то он больше не видел козу... А высокий бандит бежал. Ружье он держал в левой руке, а правой что-то искал в кармане. Голова его была непокрыта, и Алонов видел, как в такт прыжкам на ней комом подскакивали очень длинные черные волосы.

Высокий бежал, как заправский гонщик. Ближе к берегу озера, оканчивающегося языком черной грязи на месте старого солончака, высокий остановился, нагнулся и вытащил что-то из-за голенища сапога. И тогда Алонов опять увидел козу: она поднялась из-за низкого вала, гребнем опоясывающего язык черной грязи. Алонов понял, что преследуемое животное легло, изнемогая, и, собирая последние силы, встало вновь при приближении палача.

Коза прохромала к берегу и судорожно запрыгала тремя ногами по грязи, пробивая узенькими копытцами покрытую мелкими трещинками корку размытого водой старого солончака. Шагов через тридцать коза провалилась до живота и легла головой на зыбкую поверхность. Страдающее животное сделало еще несколько слабых движений, пытаясь повернуться на левый бок и освободить перебитую ногу. Потом подняла голову. Алонову показалось, что она посмотрела на него.

Прекрасная головка упала... Корка кругом нежного коричневого тела прогибалась. От Алонова до того места, где умирала коза, было всего шагов триста.

Высокий бандит перевалил через складку берега. В бинокль Алонов отчетливо видел опаленное солнцем худое лицо с тонким, длинным носом и близко поставленными птичьими глазами. Во всей фигуре с длинными размахивающими руками было нечто стремительное, напористое. Рот высокого был широко разинут. Он заорал таким высоким, пронзительным голосом, что Алонов слышал каждое слово. Бандит обращался к козе:

— А ну! Постой, не уйдешь! погоди подыхать!..

В правой руке высокого Алонов видел короткое и очень широкое, как коровий язык, тусклое лезвие ножа. Бандит сжимал его в кулаке так, что клинок торчал между большим и указательным пальцами.

Погружаясь по щиколотку в грязь, высокий бросился к козе. Алонову казалось, что бандит уже схватил неподвижное тело загубленного им животного, уже вонзает нож — столько хищного порыва было в большой, нескладной, но сильной фигуре высокого...

Не добежав до козы двух или трех шагов, высокий вдруг провалился в грязь сразу выше чем до половины бедер.

Алонов начинал догадываться, что на вид так скромно затаилось в дальнем, диком углу водохранилища главного южного канала.

Недаром инстинкт заставил его обогнуть это не понравившееся ему место.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Возмездие

1

В сухих южных и юго-восточных районах нашей страны можно встретить особенные, странные для неопытного новичка места. Издали по блеску и отсветам солнечных лучей можно заключить без малейшего сомнения, что эта котловина, низинка, ложинка наполнена водой. Ближе – и вода превращается в лед. Каким-нибудь октябрьским утром, когда солнце еще не убрало иней, можно пройти мимо, не подозревая обмана. Но в жаркое время зрелище удивительное! И только вблизи выясняется, что здесь не лед, а соль.

Кто же принес ее сюда и постарался отложить толстым, твердым слоем?

Два работника согласовали усилия: вода и солнце. Вода использовала свои свойства – капиллярность и поверхностное натяжение, – чтобы подняться вверх, на дневной

свет. А солнце, испаряя сверху воду, освобождало капилляры, превращая их в насосы постоянного действия. Двигаясь в засоленных грунтах, вода вымывает соль и выносит ее на поверхность. Вода умеет развивать давление в тонких капиллярах почвы силой до ста атмосфер, — она легко создает в земле пути для движения и подъема вверх. Сто атмосфер — это ведь сила давления столба жидкости высотой один километр. Так под поверхностными отложениями солей образуется губка — земля, источенная бесчисленными тончайшими сосудами.

Вынос соли наверх, наращивание соляного пласта может происходить неопределенно долгое время: пока снизу будет поступать вода, капилляры будут работать. Но может прийти час, когда подземный приток воды прекратится. Процесс роста соляного пласта прерывается, и черная губка почвы под ним высыхает. Проделанные в ней водой тончайшие капилляры пустеют и всасывают воздух. Прочность сухой многометровой пористой толщи грунта достаточно надежна, чтобы выносить нагрузку человека, животного, дома даже. Но эта прочность непостоянная. Стоит воде вернуться, чтобы связанный грунт превратился в трясину.

Во время высшего весеннего стояния вод резервное водохранилище канала захватило старый солончак — вернее, ту его нижнюю часть, где сейчас перед глазами Алонова застрял высокий бандит. Здесь слой соли был смыт и губчатый грунт замочен. Отойдя, вода продолжала поддерживать снизу связь с губкой, не давая ей высохнуть вновь. Однако на промытой в течение столетий почве уже не выступала удаленная ранее соль, а вода в хранилище

была пресная. Что же скрывалось под сухой серой корочкой?

Не вода, но и не земля в обычном смысле слова — не земля, по которой можно ходить. В губке осталось много воздуха, его мельчайшие пузырьки прятались в капиллярах, и вода не могла их вытеснить. Зато вода успела расклеить частицы грунта, и водяная смазка дала этим частицам возможность взаимного скольжения.

Грунт потерял свою структуру: это была механическая смесь твердых частиц, воды и воздуха, неустойчивая и объемным весом менее единицы.

Нужны многие и многие годы, чтобы грунт опять приобрел структуру, чтобы вновь замоченная водой губка старого солончака лишилась заключенного в ней воздуха и стала опять землей с ее надежными свойствами. Еще долго старый солончак останется трясинной, подобной засасывающим зыбучим пескам или бездонным колодцам-окнам северных болот.

Трясины не держат ни человека, ни зверя. Они не держат никого, кто способен своим весом вытеснить пузырьки воздуха и сжать предательскую массу, нарушив условное, случайное равновесие между разнородными частями. Еще недавно Алонову пришлось услышать, как однажды в Средней Азии, в районах нового орошения, в течение нескольких минут старый солончак засосал гусеничный трактор.

Высокий бандит еще не отдавал себе отчета в том, куда его завело преследование добычи. Разгоряченный погоней и мыслью о гнусной потехе, он не попытался вырваться из расставленной ему природой ловушки, но не решился и

пробиваться дальше. Он согнулся, выкинул руку, которая показалась Алонову длинной, как у гориллы, и схватил козу за короткий, широкий хвостик. Потянув к себе ее неподвижное тело, высокий расплатился за усилие – он сразу провалился почти до пояса.

В бинокль Алонов видел, как высокий открыл рот, точно собираясь закричать. Но он не кричал. Бинокль приближал недостаточно, однако Алонову на миг показалось, что бандит смотрит прямо на него сходящимися к узкой переносице широко открытыми глазами.

Губы высокого шевелились. Он громко выругался:

– Вот!.. Вмазался!..

Бандит подтащил тело козы вплотную к себе. Хотя он делал это медленно, осторожно, но еще глубже ушел вниз. Вокруг него и тела козы корка, как казалось Алонову, прогибалась достаточно заметной неправильной впадиной. Из центра во все стороны разбежались ломаные радиальные трещины.

Бандит выронил нож из правой руки. Нож упал вертикально, острием вниз, пробил корку и ушел почти до конца желтой костяной рукоятки. Но бандиту было не до ножа. Высокий положил свою винтовку с коротким тонким стволом на поверхность трясины и налег одной рукой на него, другой – на тело козы. Опираясь на них, он сделал сильный рывок вверх, стараясь выхватить из капкана нижнюю часть тела. Но опоры исчезли вместе с его руками, а сам он погрузился до середины груди. «Вероятно, – думал Алонов, – теперь убийца и диверсант начинает понимать, куда его занес охотничий пыл...»

Вначале он стоял лицом к Алонову. Попытавшись вы-

рваться, он сумел повернуться на три четверти назад. Алонов видел затылок в черной шевелюре, щеку и ухо, торчащее из прядей растрепанных волос.

Теперь бандит боялся пошевелиться. Он начал кричать. Сначала он выкрикивал отдельные слова:

– Ребята!.. Идите сюда-а! Помогайте! Погибаю-у-у-у! Бегите!..

Алонов видел, как побагровели щека и ухо бандита. На тощей шее, такой длинной, точно в ней были лишние позвонки, вздулись вены.

Несколько минут назад Алонов пережил острую мучительную жалость к несчастному, загубленному животному. А сейчас в его сердце не было ничего, ни капли жалости к погибающему бандиту. Как видно, Алонов исключил из числа живых существ всю шайку, и не разумом лишь, а и душой. Между ним и диверсантами не оставалось и той связи, что существует между каждым, даже не слишком чутким человеком и животным.

После раскрытия тайны Алонов, вероятно, узнал бы о казни диверсантов как о чем-то естественном. Более того, он сам готовился напасть на них, перестрелять из засады. От этого ныне его удерживала лишь мысль о своевременности и целесообразности. Будучи включен в число судей, он голосовал бы за смерть. Но быть свидетелем ужасающей казни, которой занялась сама земля, Алонов не мог.

Он не хотел, не должен был принимать в этом участие. Не отдавая себе отчета, он понимал, что пора оставить наедине бандита и бездну.

Крики бандита о помощи сменились ругательствами. Потом он завыл:

– А-а-а-а! – и закончил пронзительным визгом: – И-и-и-и!..

Алонов собирался встать и уйти, но вовремя заметил трех оставшихся членов шайки. Двое бежали на крик. Третий шел сзади быстрым шагом. Алонов переполз немного левее, куда гуще падала тень от ивняка, еще не потерявшего всю листву.

Алонов рисковал, но другого выбора у него не было. Между ним и бандитами лежала непроходимая трясина. Расстояние превосходило дистанцию выстрела пулей из его ружья, сам же Алонов мог оказаться мишенью для винтовки. Отползти еще дальше на гриву? Алонов решил остаться: маскировка достаточная, движениями он себя не выдаст. Появление бандитов как-то сразу сняло чувство морального угнетения. Теперь он хотел видеть, что будет дальше.

Начинало вечереть. Алонов заметил, что ветер уже стих. Солнце косо, но ярко освещало трясину.

2

Когда трое сообщников погибающего диверсанта подбежали к краю трясины, высокий успел сорвать голос и молчал. Он ворочал головой, глядел на берег. Над трясинной, рассеченной трещинами и разбитой усилиями бандита, виднелся только его торс – до половины груди. Высокий прочистил горло и опять закричал рвущимся, пронзительным голосом:

– И где вас носило? Вас только за смертью посылать, дьяволы! Санька Фигурнов пропадает, а вы и не чешетесь!.. Ну, чего вы на месте-то мнетесь!

Бандит с усами что-то говорил низкорослому, тот кивал, соглашаясь. Все трое отстегнули ремни ружей. Алонов заметил, что у низкорослого была такая же винтовка, как утопленная в трясине высоким бандитом, называвшим себя Фигурновым. У двух других были двуствольные охотничьи ружья. Мешок за спиной только у низкорослого и почти пустой; свои вещи они оставили где-то на гриве.

К ружейным ремням бандиты нарастили поясные ремни. У них получилась веревка длиной восемь-девять метров. Один конец взял усатый бандит, другой конец – второй, не низкорослый. Оба подошли к границе солончака, наступили на корку, слегка продавив ее подошвами сапог, и остановились, как по команде.

Алонов догадывался по их жестам, о чем они говорили, – они спорили, кому идти первым, кому оставаться на надежном месте.

Мысленно Алонов составил для них такой единственно возможный план опасения высокого бандита – Фигурнова: один идет вперед на разведку и постарается подойти к Фигурнову на длину ремней. Затем к нему присоединяются двое других. Втроем они забрасывают Фигурнову конец и общими силами, осторожно, чтобы выдержали ремни, вытягивают его шаг за шагом.

Тем временем двое на берегу продолжали торговаться между собой. Их препирательства прервал Фигурнов. Он с руганью закричал:

– Да вы что, сволочи! С ума оба спятили! Нашли время спорить! Кого да чего ждете?.. Что же мне, пропадать, что ли, из-за вас!

Вмешался стоявший сзади низкорослый:

– Хрипунов, поторапливайтесь же! Вперед, марш!

Усатый бандит остался на месте. Низкорослый подошел и встал рядом с ним. А Хрипунов отправился к Фигурнову.

Хрипунов ступал по явно внушающей ему страх корке с величайшей осторожностью. Его довольно упитанная фигура с заметным животом, бережно поднимающая ноги – он старался ощупать ступнями подозрительное место, – изумительно напоминала балованного кота, когда тот, брезгливо отряхивая лапки, вынужденно пробирается грязным двором.

Так Хрипунов раз десять успел все же шагнуть рядом с заплывавшими следами козы и Фигурнова. Алонов видел, что бандит, пожалуй, и не старается скрыть: он идет спасать сотоварища лишь по принуждению.

Хрипунов, сделав еще три шажка, окончательно застрял и решил, чтобы замаскировать остановку, поболтать с Фигурновым:

– А как мы тебя, друг, тащить-то будем? За шею, что ли? Ты почему руки спрятал?

За это время Фигурнов погрузился уже по самые плечи. Старый солончак делал свое дело, как заведенная машина.

Фигурнов ответил:

– Как ты подойдешь поближе и бросишь ремень, я руки выпростаю. А то уж больно сосет здóрово. Нельзя пошевелиться. А ты поторапливайся, черт тебя дери!

Нет, Хрипунов не хотел идти дальше. Он залез в грязь уже почти до колен. Этого достаточно. Он предпочитал разговаривать:

– И как это тебя, Санька, угораздило! Ну, брат, не ждал от тебя такой глупости. Эх, ты!

Очевидно, Фигурнов так же разгадывал тактику своего сотоварища, как ее понимал Алонов. Вероятно, Фигурнову это было куда легче сделать, чем невидимому постороннему свидетелю. И он завопил истошным голосом:

– Ты-ы! Сволочь клятая! Помешался, гад? Человек на твоих глазах погибает, а ты волынку тянешь, тары-бары мелешь!.. Хозяин! Сударев! Да пните вы его!.. Эта мокрая вошь дождется – я начну грязь хлебать!

Низкорослый, имя которого теперь Алонов узнал, произнес что-то, чего Алонов не слышал, и махнул рукой оглянувшемуся Хрипунову. Хрипунов сделал еще несколько шажков, все глубже и глубже уходя в грязь.

Не всегда, далеко не всегда медлительность, которую нельзя смешивать с осторожностью, может помочь в жизни вообще, а во время преодоления заболоченных и трясиных мест – в частности. Зачастую, особенно если опасное место не так уж велико, в болотах спасают решительность и стремительность. Так, северный лось ложится на брюхо и быстро переползает опасные моховые болота. Сильный и умный зверь научился правильно пользоваться коротким сопротивлением, которое оказывает поверхность трясины, прежде чем расступиться.

Хрипунов не знал или не хотел знать повадок смелого лоса. Бандит опять остановился, боязливо переступил последний раз и вновь застрял. Фигурнов осыпал его бранью, Сударев подбадривал сзади.

Через несколько минут Хрипунов все же добрался почти до половины расстояния между краем солончака и Фигурновым. Еще немного – и можно будет бросить спасительную ременную нить.

Вдруг Хрипунов провалился сразу обеими ногами выше колен. Он испуганно рванулся назад, но солончаковая трясина крепко вцепилась в него. Хрипунов изо всей мочи рванул за ремни. Не ожидавший этого усатый бандит едва не упал. Положение спас низкорослый. Алонов видел, как этот бандит, отзывавшийся на имя Сударева, ловко и сильно перехватил конец. Потерявший голову Хрипунов рвал ремни на себя изо всех сил.

Ремни развязались или лопнули посередине. Хрипунов качнулся, махнул руками. Он едва не упал навзничь, каким-то чудом удержался, перевернулся, упал на руки лицом к берегу и быстро побежал на четвереньках, избегая полосы уже разбитой грязи. Он мгновенно очутился на берегу, доказав все же либо личную сообразительность, либо какое-то знакомство с приемами сохатых...

Бандит забыл выпустить из руки конец изменившей ему ременной ленты. Перепачканный в черной, смолистой грязи, Хрипунов принялся в чем-то убеждать Сударева.

Указывая на трясину, бандит разводил руками. А Фигурнов кричал:

— Чего ждете? Рубахи рвите! Плетите веревки! Пособляйте скорее, совсем усосало!..

Отойдя в сторонку, Хрипунов счищал с себя грязь. Сударев с усатым бандитом празднично стояли на берегу, глаза на Фигурнова.

А от Фигурнова оставалась одна голова. Только... И эта голова с рассыпавшимися волосами, в ошейнике грязи, подергивалась и что-то говорила, говорила... Алонов видел затылок. Фигурнов как-то сумел повернуться к берегу, откуда должна была прийти помощь, спасение. Но «помощь и спасение» не шли, а стояли на месте.

Хрипунов потихоньку отправился вниз по берегу, к заливу озера. Видимо, он решил не терять напрасно времени и помыться. Алонов заметил, что бандит оставил трясине в добычу свои сапоги.

Низкорослый Сударев повернулся к усатому и что-то ему сказал. Голова Фигурнова ушла в грязь уже по самые уши. Усатый сделал шага четыре по направлению к одинокой голове и сказал достаточно громко, чтобы Алонов мог разобрать его слова в тишине вечера:

– Эх, Санька, Санька! Жаль тебя, да уж, видно, ничего не поделаешь. Сам виноват кругом. Под ноги нужно смотреть. Как говорится, не ходи босой!.. – Усатый чуть передохнул и добавил: – Сам понимаешь, тебя оттуда только трактором вытащишь. Такая, видно, тебе, Саня, судьба на роду писана. От судьбы не уйдешь!

Черная голова завопила в ответ:

– А-а-а! Гады-паразиты! Покидаете Саньку Фигурнова?.. Был нужен, так поили-кормили, Санечкой звали, по отчеству кликали! А теперь погибать мне? Пропал ни за грош! Связался я с вами! Оплели-опутали!..

Фигурнов так вопил, что у Алонова в ушах звенело от его злобных, отчаянных выкриков. Захлебнувшись криком, Фигурнов передохнул, набрал воздуха и заорал с новой силой:

– Пропадаю зазря! А уж вы-то моей бедой попользуетесь, наследники! Небось не упустите. Денежки мои себе прикарманите! Ты, Клебановский, небось на мои тысячи второй домик себе прикупишь?!

Сударев и Клебановский повернулись как по команде и пошли прочь. Пройдя полсотни шагов, они оглянулись, не

замедляя шага, и отправились своей дорогой, уже больше не оборачиваясь.

Фигурнов что-то еще кричал им в пустой след, теряя голос, задыхаясь.

Сударев и Клебановский были уже далеко, уже заходили на гриву, послужившую полем последнего посева саранчи. Фигурнов сделал последнее, отчаянное усилие. На миг бандит наполовину выскочил из трясины. В лучах заходящего солнца его длинные руки, вымазанные жирной черной грязью, блеснули, как лакированные. Он закричал:

– Сам вылезу и вам глотки перерву! Врете, гады!..

Алонову показалось, что бандит действительно сумеет вырваться. Во всяком случае, сейчас веревка, брошенная с твердого места, могла бы его спасти!

Но опоры не было. И Фигурнова точно кто-то сдернул вниз, в глубину. Он, как свайка, ушел в трясину. Смыкаясь над ним, грязь громко чмокнула...

Присев неподалеку над водой, Хрипунов тщательно смывал с себя грязь. Окончив это занятие, он вернулся к солончаку, подобрал двустволку, поглазел на опустевшую трясину. Пожав плечами, он отправился вслед за Сударевым и Клебановским, имена которых Алонов крепко запомнил.

Алонов смотрел, как Хрипунов бережно ступал по жесткой, колкой траве босыми белыми ступнями. Он не спешил и внимательно смотрел под ноги, оберегая непривычные голые подошвы.

В середине трясины осталось запавшее место. От него во все стороны разбежались глубокие трещины, и к нему вела дорожка поломанной корки. Впадина постепенно за-

плавала. После одного-двух дождей натянется новая корка...

Солнце заходило. От ковыльного плато надвигалась тень, чтобы закрыть старый солончак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тщетность борьбы вы поймете позже

1

Судареву эта ночь казалась особенно неприятной и холодной. Пусть температура воздуха и была выше, чем предыдущей ночью, но зато здесь, в низине, очень сыро. От всех этих озер, связанных с каналом, после захода солнца повеяло влагой, туманом. В начале ночи испарения были еще не очень сильными – они не закрывали звезд на небе. Но чем глубже становилась ночь, тем плотнее ложился туман. Его зябкая туча, вставая и уплотняясь, постепенно гасила звезды. Туман сгущал мрак и вызывал озноб.

Судареву не спалось – что-то мешало. Это было не беспокойство, не тревога, может быть, нетерпение: такое состояние знакомо многим из тех, кто завершил большое, трудное дело. Все равно какое...

Была вложена часть себя, было пережито большое напряжение, был риск, а в деле Сударева риск был велик и длился долго. Риск продолжал длиться, но спад уже наступил, явилось какое-то подобие разочарования – будто нечего делать. Собранные в одно внутренние силы человеческой личности приходят в беспорядок: не всегда

ощущение успеха приносит покой чувствам и отдых мозгу.

От бессонницы Судареву чудилось, что у него начинается грипп. Чушь, убеждал он себя, – все это от утомления и лишений последних суток. Давно он так не работал. Показывая всем пример, Сударев посадил больше кубышек, чем старательный Хрипунов, и значительно больше Фигурнова. Не давая себе жиреть и раскисать, Сударев избег этих опасностей, грозящих многим мужчинам в возрасте около сорока лет, атлетической тренировкой, гигиеной, закалкой. Сейчас его тяготило ощущение нечистоты тела – он слишком баловал себя ваннами, душами, растиранием жесткими полотенцами.

Бесплодные часы бессонницы досаждали. Было жестко и неудобно лежать, затекали руки от непривычного положения. Плохой бивак. Сырые ивовые сучья дымили, дым лез в горло. Но это мелочи. Главное, что дело сделано, сделано... Клебановский оказался лучше, чем подумал Сударев с первого взгляда. В пути и на работе Клебановский вел себя хорошо, степь он действительно изучил, не спорил и слушался. Каков бы ни был Клебановский, Сударев все равно сам пошел бы в степь, сам работал и следил за другими. Французы говорят: кто хочет, чтобы ему хорошо служили, служит себе сам. Не будь присмотра – содержимое драгоценных целлулоидных коробок могло быть растрчено в какой-то мере впустую...

Когда Сударев опять проснулся, костер совсем погас. Пришлось растолкать Хрипунова. Сударев лениво, вполглаза, смотрел, как заспанный человек, стоя на коленях, дул на угли. Разлетался хлопчатый пепел. Хрипунов лег и мгновенно заснул. Сударев позавидовал. Он испытывал

раздражение против неудобств, свойственное людям, привыкшим к комфорту.

Если Хрипунов будет опять храпеть – ему не спать... Хрипунов имел свои положительные черты, был молчалив, выдержан. Он безропотно тащил тяжелый груз и прилежно работал, хотя физически был слабее остальных. Сударев вспомнил, как вечером, собирая топливо для костра, Хрипунов и Клебановский развлекались полушуточным, полусерьезным спором: как поделить доли Махмет-оглы и Фигурнова. Клебановский утверждал свое право на бóльшую часть – на три четверти. Ведь он поработал, изучая степь. А проводник все равно что рулевой. Хрипунов доказывал – «настоящие товарищи» должны делиться поровну. Человек начитанный, он с какой-то непонятной Судареву иронией ссылался на практику флибустьеров и кондотьеров. «А я новатор, первооткрыватель, – возражал Клебановский. – Я здесь бродил в одиночку. Я не пропаду зря, как Санька».

Около топи Клебановский предупредил Сударева, что под невинной сухой коркой лежит очень опасная ловушка. «Ничего не сделаешь», – шепнул он хозяину. Не считая возможным явно бросить Фигурнова, Сударев не случайно посылал вперед Хрипунова: рисковать проводником Клебановским – было бы глупо.

И все же, думал Сударев, попади он в трясину, его спутники действовали бы иначе: деньги, цена за работу зависели от Сударева. Не бросают так просто того, в чьей жизни материально заинтересованы.

При мысли о возможности попасть в трясину Судареву сделалось не по себе: дьявольская штука! Но гибель Фи-

гурнова не произвела большого впечатления на нервы Сударева. Бесспорно, вид был угнетающий, и нечего было глазеть до конца. Однако в каждом событии есть и недостатки и достоинства. Дальнейшая связь с Фигурновым представлялась Судареву не слишком-то желательной. Вопреки рекомендации Клебановского, Фигурнов вел себя уголовником чистейшей воды. Этот тип не имел выдержки, задирали товарищей до ссор, был дерзок, подчинялся, по собственному выражению, «со скрипом», раздражал хвастливой самоуверенностью. В дальнейшем, получив крупную сумму денег, он мог причинить... нет, обязательно причинил бы большие хлопоты. Он собирался купить автомобиль. Сударев объяснил ему легкомыслие такого поступка, но без большого, чувствовалось, успеха. Клебановский советовал Фигурнову перекупить у выигравшего облигацию: поезжай в Свердловск, покрутись по сберкассам; схватишь облигацию, получишь по ней – вот тебе и деньги на машину, никто не придерется. В ответ Фигурнов смеялся – я, мол, сам умный.

Да, и едва не напортил в первый день именно Фигурнов. Конечно, молодого охотника, встреченного в степи, нужно было устранить. Слишком явное удивление, любопытство и недоверие было написано на его лице. Да и не будь написано... Клебановский заверял, что эта степь совершенно безлюдна. Он был прав – человек встретился лишь однажды. Тем более легко было избавиться от нежелательного прохожего. Но не так нужно поступать. Нужно было позвать его, познакомиться, пригласить ночевать – словом, действовать без спешки, наверняка... А пока Сударев обдумывал, Фигурнов изготавился к стрельбе...

Человек дела, Сударев винил и себя. Он слишком доверился Клебановскому, восхвалявшему искусство стрельбы Фигурнова. Да и самому Клебановскому захотелось пострелять по живой мишени. Что толку в том, что оба объяснили свой промах непривычкой к новому оружию. Объяснение правильное. Сам Сударев был мастером стрельбы из пистолета, револьвера – национального оружия его родины. Привычка к данному оружию – все. Спешка Фигурнова завершилась глупой потерей Махмет-оглы. Пришлось тащить на себе лишний груз. Замедлилась работа – убитый не был лишним человеком.

Сударев не был охотником до праздных размышлений. Судьба молодого прохожего его не интересовала. Жив или умер... Вероятно, ослабев от раны, он не сумел добраться до населенного пункта – слишком далеко. Но если и жив, то будет молчать. Не дурак же он, чтобы обвинить самого себя в убийстве. Мысль бросить тело Махмет-оглы в болотце и прикрыть его срубленным деревом принадлежала Судареву. Схема представлялась такой: молодой человек, убив Махмет-оглы и будучи сам ранен, затащил труп в воду и накрыл его деревом. Это он мог сделать и будучи раненным, а копать землю одному, без лопаты – трудно. Подобная версия годилась и в том случае, если бы труп молодого охотника нашли в степи, и в том, если бы он остался жив и событие в какой-то мере вышло наружу.

Впрочем, все это пустое, ныне совершенно неважное. Следов дела никто не найдет, никак. Вот что существенно.

И Сударев постарался представить себе, как здесь весной закишит саранча. Забавно было бы взглянуть. Право же, забавно... Заметят поздно. Конечно, огонь, яды... А

саранча рассыплется во все стороны, перелетит через все кордоны. Сорок пять миль в час! Дикая плодовитость! Поднимется суматоха. Здешние ученые установят новый вид, начнутся споры. Никто не догадается, кто-нибудь выдвинет теорию о развитии нового вида самопроизвольно, в глухом, малоизвестном углу, в каких-то особых условиях. А поля уже будут пустыней... Да, первые известия о появлении саранчи в России...

Нет, это – дальше, это – будущий год. Не стоит пока думать. На ближайшее будущее Сударев предвидел ликвидацию «опорного пункта» в степном городке.

Правда, отъезд на охоту всей его группы был организован с должными и обязательными предосторожностями.

Однако, маленький городок – это не большой город: люди слишком знают один другого. Дружеские связи между Клебановским, Фигурновым, Махмет-оглы и Хрипуновым известны. Если бы исчез один Махмет-оглы... Через какое-то время исчезновением двух друзей из четверых заинтересуются. Это сенсация маленького городка. Начнутся разговоры, поиски, воспоминания. Кто-то скажет, что видел всех четверых вечером в субботу на вокзале. Будут расспросы, следствие.

Вспомнится и его приезд к Клебановскому. Видели же соседи – он жил у Клебановского неделю. Его паспорт побывал на прописке. Глупая осторожность Клебановского, пуганая ворона. Не следовало соглашаться, давать паспорт.

Тень надвинется не сразу, но, надвинувшись, будет сгущаться: исчезновение сразу двоих людей не шутка, следовательно начнет создавать гипотезы. Пока же еще есть

время, Клебановскому и Хрипунову можно будет исчезнуть без спешки. Хрипунова следует обеспечить документами. Куда его послать?

Дремля, Сударев строил планы... А завтра нужно разойтись в разные стороны, возвращаться по одному и через разные пункты.

...Клебановский спал некрепко. Неудобства ночлега его совсем не беспокоили – он по призванию любил бродяжить на вольном воздухе. Хмель у Клебановского был тяжелый, грустный, к вину тянуло, а забвения не было. Забвение себя и всего приходило в одиночестве степи, леса. Какой-то частицей души Клебановский сохранил способность прикасаться к природе; часами, сутками умел развлекаться мелочью на первый взгляд – шумом ветра в ушах, рябью на чистом озере, шорохом камыша. Это называется слушать, как растет трава. Он думал – о нем забыли. Приезд Сударева перевернул спокойную жизнь.

Клебановский понимал, что придется опять бежать и еще раз менять кожу. Домик необходимо просто бросить: спешная продажа вызовет подозрения. Клебановский прижился, уезжать не хотелось. Дом стоил денег. Не рискнуть ли – и продать? Это зависело от Сударева – как прикажет, так и придется сделать.

Клебановскому все мерещился портфель Сударева. Там есть много сверх четырех долей. Документы? Клебановскому хотелось достать вольные документы с именем, которого не знал бы Сударев. Долой усы, волосы на голове можно вывести или подкрасить. Никто из жителей степного городка, привыкших к физиономии Клебановского, даже сам Сударев, не узнает его. Уехать в глушь, поближе к

хорошим, привольным местам. Для начала можно на любой большой станции завербоваться на стройку, на завод. Простым рабочим даже...

Он хотел исчезнуть. Войны не будет – предстоит бесконечный риск, риск, риск. До самой смерти? Нет, довольно! Сударев сказал бы – готовься, война. А если и будет война – еще неизвестно, что из нее получится. Верил же Клебановский в победу Гитлера, как верил! Считал последними дураками мысливших иначе, а что вышло? Уйти в нору, исчезнуть, стереться, как старинный пятак.

...Проснувшись в сотый раз, Сударев посмотрел на часы. Костер горел так плохо, что пришлось чиркнуть спичкой. Судареву казалось – он не спал ни минуты. Нужно еще раз попытаться заснуть. Завтра, нет – сегодня тяжелый день: идти и идти, без дороги...

Лежа на спине с заложенными под голову руками, Сударев открыл глаза. Он увидел над собой бледный матовый полог.

Туман стоял высоко, редел, но свет был еще молочный, без лучей, хотя солнце, кажется, уже взошло или сейчас взойдет.

– Пора вставать, Клебановский, – услышал Сударев тихий голос Хрипунова.

– Я уж давно не сплю... – так же тихо ответил Клебановский. – Хорошо-то как! – добавил он после паузы.

С воды донесся голос какой-то дикой птицы: «Чрр» или «Хрр».

С резким характерным шумом крыльев и плеском где-то вблизи с озера сорвалась большая стая, точно чем-то испуганная.

Сударев лениво повернулся на бок. Около костра стоял Хрипунов и грел руки над кучкой углей, образовавшейся за ночь. Хрипунов надел слишком большие для него сапоги Махмет-оглы. Судареву вспомнилось, как Хрипунов по-хозяйски стащил с трупа новые сапоги и прибавил их к своему тяжелому грузу, несмотря на насмешки Фигурнова. Этот спокойный и довольно образованный человек был, как видно, цепок к имуществу. Можно не опасаться, что он выдаст себя кутежами и бессмысленными покупками, как выдал бы Фигурнов... Сапоги емугодились...

Была уже видна вся поляна, выбранная для ночлега. В кустах клубился туман. Из него высывались ветки ивняка с удлинненными, темными от росы листиками, вяло висевшими на черных отростках. Утро предвещало ясный, хороший день.

Клебановский присел, опустившись на пятки. Видя, что Сударев не спит, он обратился к Хрипунову полным голосом:

— Рядом сидели! — Клебановский указал в сторону озера. — Можно было б достать на обед. Да ни черта не видать в тумане! А ведь придется кое-чего нам набить — для маскировки хоть... Ты бы вот что, флибустьер: сходил бы за свежей водой — чаю вскипятим.

Хрипунов не ответил. Он вглядывался в ту сторону, где только что взлетели гуси или казарки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Смелого пуля боится

1

Три дня преследования, три дня скрытного наблюдения научили Алонова помнить – каждое его движение, положение тела, место, которое сейчас занимает на небе солнце, – все должно быть рассчитанным, ничто не может быть случайным.

Он следил, сохраняя полную неподвижность, за гибелью в трясине бандита Фигурнова и за подло лицемерным поведением его сообщников. И он ни на минуту не забывал, что отражение солнечных лучей от стекол бинокля может выдать его, что от движения солнца тени защищающих его кустов меняют место. Наливающиеся кровью комары на шее, руках и лице не мешали. Краем окуляра он раздавил комара, устроившегося на скуле.

Алонов не только смотрел и запоминал – он наблюдал, делал выводы. Грубая, вульгарная брань погибающего бандита, тусклые, невыразительные голоса его сотоварищей... А разведка трясины, произведенная Хрипуновым, его падение, его бег на четвереньках...

Исподволь, с первой встречи, бандиты повествовали Алонову о себе действиями. Казалось, находка кубышек саранчи была завершением – дальше идти некуда. Нет, оказывается, можно продолжить рассказ... Теперь гибель одного подчеркивается обнаженным бесстыдством других.

Алонов решил, что враги сами по себе, как личности,

были хуже саранчи, которую сеяли сегодня, страшнее и злее чумы, тифа, холеры, которые будут посеяны завтра этими же руками. Увлекаясь минутой, Алонов делал врагов цельнее и сильнее, чем они были на самом деле, но это ему не мешало. Может быть, помогало.

Враги наступали, нападали. Они были уверены в себе. Они кричали о деньгах, полученных за преступление. Не обманываясь, Алонов понимал, что не в одних деньгах здесь дело, даже, может быть, совсем не в деньгах.

В глубине страны, в безлюдной степи, в тысячах километров от границ лег фронт. Не было объявления войны. Не было пушек, самолетов, танков, армий – а фронт был...

Солнце зашло. Пришла четвертая ночь после первой встречи Алонова с врагами. Это были всё разные ночи. Предыдущая, у родника на краю ковыльного плато, была самой спокойной. Алонов думал, что бандиты обкрадывают степь. Он хотел узнать, что они похищают, что делают. Замыслы врагов оказались иными – куда более сложными, нечеловечески злобного размаха.

Прожитый день заслонил предыдущие. День, который наступит после этой ночи, тоже будет другим. Будет бой. И в этом бою нужно победить.

Алонов спрашивал себя, может ли он надеяться на дальнейшую удачу, повторяя одни и те же приемы: они идут, он прячется, следит, выжидает... Сколько времени удастся ему следить за бандитами, не попадаясь им на глаза?

Трехдневный успех скрытного наблюдения не вскружил Алонову голову. Наоборот, ему начало казаться, что было нечто вроде запаса, который должен же исчерпаться.

Он говорил себе, что до сих пор ему, в сущности, помогало сочетание особенностей местности с другими удачными обстоятельствами, случайными, которых он попросту не замечал и заметить не мог. Весь первый день тяжело нагруженные враги торопились, думали лишь о трудном переходе – теперь он это знал. И все-таки он едва не попался на глаза, когда они поднялись из балки. Да, тогда его предупредили выстрелы. А не вздумай они стрелять? Если бы диверсанты остановились на привал у остренькой высотки, а не пошли в темноте к роднику, то не змея, а пуля встретила бы Алонова на берегу гнилого болота.

«А сегодня? – допрашивал себя Алонов. – Замешкайся я около трясины, и высокий диверсант в своей погоне за козой мог увидеть меня! А когда я разыскивал кубышки, забыв все на свете?..»

Сколько же раз, сам того не зная, он мог выдать себя!

Может быть, Алонов недооценивал свою ловкость, свое самообладание, свою способность быстро решать и применяться к местности, к обстановке, но он счел, что дальнейшее скрытное преследование невозможно. Завтра диверсанты пойдут налегке – их бдительность, естественно, усилится. Будет много широких пространств, открытых для обзора на километры. Заметив, они принудят его принять бой в любом открытом месте и расстреляют издали, будто безоружного, из дальнобойных винтовок. Бандит Фигурнов утопил одну, но у низкорослого вожака Сударева есть вторая, найдется, вероятно, и третья. Но и одной винтовки будет достаточно...

«Если я буду убит, никто ничего не узнает об адском посеве! И диверсанты победили, победили!..»

Эта жгучая, мучительная мысль была невыносима для Алонова. Опять он решал, что нужно скорее, как можно скорее выйти к людям, к железной дороге, устроить облаву на диверсантов, организовать истребление кубышек саранчи. Обезвредить врагов и вырвать победу из их рук!..

И опять Алонов был готов уйти, рвался уйти и – не мог.

Диверсанты останутся на свободе, пусть даже только на два дня. Они успеют исчезнуть. Достаточно им добраться до канала, до железной дороги – есть же у них план выхода из степи! – и, пока он будет еще только организовывать облаву, враги сумеют бесследно раствориться в массах людей на путях сообщения. Ускользнув, они где-то встретятся, пополнят запасы и опять займутся своим проклятым делом. До наступления зимы еще много времени. А мало ли найдется глухих, укромных мест, куда любой проходит незамеченным под маской честного охотника!

Стараясь успокоиться, Алонов доел все свои припасы – остатки второй куропатки и все, что оставалось от сухарей. Курить и пить сегодня он разрешил себе без ограничений.

Он был убежден, что ничего, кроме боя, ему не остается.

2

Когда Алонов наполнял флягу свежей озерной водой, темная гладь, ночью особенно свободная и просторная, напомнила прочитанное о морях – о том, как, желая дать знать о себе, они бросали в океан бутылки с вложенными в них записками. Так людям в беде удавалось сказать о себе последнее слово...

Бутылка видна на волнах, море может выбросить ее на

обитаемый берег. А здесь каким способом можно дать знать о себе, передать весть?

В левом нагрудном кармане куртки Алонов хранил записную книжку. Большая ее часть уже была заполнена заметками, мыслями, расчетами – все, относящееся к обследованию степи на юг от разъезда, к сооружению плотин. Должно было остаться несколько чистых листков. Карандаш был на своем месте...

Алонов занялся проверкой боевых припасов. Два заряда с пулями были в патронниках ружья и один – в патронташе. Затем шли шесть зарядов с завернутой в обрывки носового платка дробью, имитирующей пулю. Остальные патроны бесполезны. В темноте Алонов занялся их разряжением. Вытаскивая пробковые накладки и пороховые пыжи, он прятал их, а дробь и порох высыпал прямо на землю. Все это удавалось делать без света. Но нельзя писать на ощупь, и Алонов горько упрекнул себя, что мысль оставить записки не пришла ему до сумерек.

Он дожидался наступления полной ночи в кустах, почти на том же месте, откуда наблюдал за гибелью Фигурнова. Эта позиция была удобной: хорошо просматривался выход с занятой диверсантами гривы на обширный, плоский и лысый берег, служивший подножием для ковыльного плато. И у Алонова не было сомнений – враги остались ночевать на гриве между языками заливов, там, где они произвели свой третий посев.

Еще засветло они развели костер где-то в кустах: Алонов хорошо видел дым. Вероятно, они готовили себе ужин из козленка, застреленного Фигурновым, или из другой дичи. Потом дым растаял в темноте. Огня Алонову не было видно.

Он спустился по обратному склону своей гривы, в сторону, противоположную стоянке диверсантов, и там, у самой воды, развел крохотный огонек. При его свете он тщательно вывел на одиннадцати свободных листках записной книжки совершенно одинаковые записки:

«Четыре диверсанта, за которыми я незаметно следил три дня – зовут их Сударев, Хрипунов, Клебановский и Фигурнов, – сделали закладку кубышек саранчи по берегу озера, что вправо от солончака, если стоять лицом к воде. То же и на гриве между двумя следующими озерами. То же в ковыле приблизительно в трех часах ходьбы отсюда и далее – к роднику. Разыщите все три места и уничтожьте саранчу. Я пошел в бой за Родину.

И. А. Алонов из совхоза имени Ленина»

Каждую записочку он вложил в медную гильзу, заткнул просаленным пыжом и пробковой накладкой. Так бумага и написанное сохранятся очень долго. Но что делать дальше с записками?

Алонов думал: «Кто-нибудь да должен же побывать до наступления зимы и в этом дальнем углу водохранилища капала. Работники, наблюдающие за уровнем и глубиной воды. Ботаники, которые интересуются развитием растительности в новых условиях зоны канала...»

Но больше всего надеялся он на любителей охоты. Дни валового пролета северной птицы наступали – до них оставалось не более недели. А лучших угодий для охоты Алонов никогда не видал.

Где разбросать гильзы так, чтобы они оказались на виду

и в то же время не попались на глаза врагу, если Алонов проиграет бой?

Время, кажется, уже перевалило за полночь, и завтра сделалось сегодняшним днем. Перед Алоновым были озера и гривы водохранилища; за спиной, на северо-западе, — ковыльное плато. Канал должен пролегать на юго-востоке. Следовательно, где-то влево от Алонова железная дорога, делая петлю к югу, описывала дугу перед каналом и пересекала его. А вправо, как казалось Алонову, не было ничего, кроме продолжения водохранилища, степи, пустоты. Какой же путь изберут диверсанты, чтобы вернуться? Сам Алонов на их месте отправился бы к железной дороге по кратчайшему пути...

Он понимал, что у шайки обязательно должен быть план возвращения из степи и ему не разгадать этот план — ведь он не знал местности. Ждать было нельзя, посоветоваться не с кем. И Алонов узнал, что такое риск *ответственного* решения, которое, может быть, окажется наилучшим, и все же решать нужно...

Он решил отойти немного правее, к юго-западу. Это уводило от железной дороги.

Алонов прошел мимо гривы, занятой диверсантами, обошел еще одно озеро-залив, второе. Он двигался по самому берегу. Около воды всегда бывает светлее, чем в степи. До него доносились свист крыльев и переговоры валившей «на проход» пролетной казарки, стаи которой ни один глаз не различит в ночном небе. Он слышал неясные звуки, плеск ночующих на воде птиц. Утки прищлепывали и посасывали широкими носами в молоденьком, низеньком камыше: они всю ночь кормятся озерным планктоном и личинками насекомых.

Алонов выбирал на берегу чистые, незаросшие места – лысины, которые всегда бывают там, где в почве много песка. Некоторые гильзы он слегка втыкал шляпками вверх. Другие просто клал на землю. Он старался мысленно найти путь, который, естественно, выберет человек, охотник, который будет обходить озеро. Сам он, конечно, заметил бы гильзы, разложи их другой так, как сделал он.

Расставшись с одиннадцатой гильзой, Алонов остановился с чувством облегчения. Кажется, это все. Все?.. Это останется... Он постоял неподвижно, глядя туда, где увидел сегодня с высоты ковыльного плато стальной клинок канала. Сейчас перед его глазами был слепой мрак, сгущенный туманной дымкой. Тускло и под самыми ногами в воде отсвечивала звезда.

Где-то, очень далеко, поднялся толстый столб синеватого света, качнулся и исчез. Алонов подумал, что это, наверное, на канале. Там идет пароход. Это его прожектор или это береговая сигнализация. Далеко. Сам пароход в огнях. Кто-нибудь стоит на палубе, прогуливается, сидит в плетеном кресле. Алонов не знал, какие кресла на пароходах, и думал, что плетеные. Там, на удобной палубе, в уютных каютах, много разных-разных людей.

Как это все было далеко!

Может быть, сейчас пароход обгоняет попутные баржи или расходится со встречными. Буксиры тащат караваны с новым хлебом, с нефтью, бензином, хлопком, тканями, машинами, фруктами.

Очень далеко все это, так далеко, что кажется только воображаемым.

Тому, кто мог бы заглянуть в темноту, – какой ма-

ленькой, одинокой показалась бы замершая в раздумье фигурка молодого человека, затерянного в глухом краю безлюдной степи, на нетоптанной людьми полоске берега, между сообщающимися озерами!

Алонов думал, что немногим более чем через месяц начнется зима. Сначала рамка тоненького льда оденет воду у берегов. Молодой ледок колечками обвяжет камышинки. Вечером, когда стихнет ветер, вода в камышах окрепнет и на тихие плесы потянутся зеркальные языки тонкого льда. Угрожающе нависнет сизое угрюмое небо. На темных зеркалах еще свободной воды тревожно закричат опоздавшие птицы: «На юг! На юг!.. Торопитесь!.. Спешите!..»

Озера замрут. Мороз убьет тех, кто останется, – больных, ослабевших, раненых.

А потом снова придет весна, и снова птицы будут топиться с юга на север...

Что же, он старался и будет стараться сделать все, что в его силах. «Другой, более умный, более смелый и более опытный, – думал Алонов, – сделал бы и больше и лучше...» Но сам он ничего иного придумать не мог.

А так как каждому из нас, людей, все же всегда хочется считать, что мы сумеем исполнить задуманное, то надеялся и Алонов.

Он вернулся к занятой врагами гриве и прилег под первыми кустами – у выхода с гривы на берег. Ни дыма, ни огня он не видел. Костер бандитов находился в глубине, в гуще кустов, а дым ночью виден, лишь когда его освещает снизу сильное и высокое пламя.

Нужно отдохнуть.

Алонов разрешил себе заснуть до рассвета – на час, на

два, он не знал. Пусть немного отдохнут мускулы и нервы. Алонов не боялся проспать. Он сумеет проснуться в те предрассветные четверть часа, когда обычно люди спят крепче всего, – спят те люди, которых не ждет дело. Которых не ждет важное дело, самое главное, для совершения которого, оказывается, только и жил на свете...

Когда рассветет, Алонов должен напасть на бандитов. Ничего иного ему не оставалось. Ничего, кроме боя, он не мог придумать. До сих пор он мог свободно выбирать – напасть или не напасть. После сегодняшнего дня бой сделался неизбежностью.

Что-то еще нужно сделать, чтобы подготовиться? Алонов достал из кармана коробку с кубышками саранчи и спрятал между корнями ивы, выступавшими над песком. Врагам не следует знать, что он разгадал их тайну...

3

Вверху туман светлел, но на земле было еще почти темно – густой туман ограничивал видимость несколькими шагами.

Алонов приблизительно отдавал себе отчет о расстоянии до того места на гриве, где вчера диверсанты жгли костер. Но идти самой гривой он не решился: можно случайно нашуметь, неожиданно наткнуться на кого-нибудь из шайки – туман заливал кусты, как вода.

Алонов пробирался по самому берегу озера – здесь немного светлее и не было кустов.

С рассветом туман еще больше сгустился. Но свет с неба все резче пробивался вниз, и туман заколебался. Над

озерной водой и над кустами возникали прослойки водяного пара – волны, начинавшие принимать причудливые очертания.

Алонов шел будто в колодце – он видел кругом себя на шаг, на два. Внезапно его охватило особенное ощущение – точно он побывал здесь когда-то, так же шел, – но когда все это было, не мог вспомнить.

Под ногами лежал сырой, плотный песок. Алонов бесшумно шагал в своих мягких сапогах. Кусты, которыми поросла грива, то приближались к воде, становясь видимыми, то опять отходили, прячась в тумане. Его вялые, мягкие клочья свисали, цепляясь за ветки, за листья. Сверху все больше и больше прибывало света. Туман из серого стал белым, как вата, как матовое стекло. Ощущение неправдоподобного продолжалось.

С высоты ковыльного плато туман уже скатился, и отсюда можно было бы увидеть, как облако пара над низиной водохранилища все больше редело. Кое-где оно проседало, волнуясь. На высоких местах из него высывались и опять прятались верхушки деревьев.

А снизу, над озерами, туман то вдруг подскакивал, открывая на короткий миг масляно-гладкую темную воду, то снова густел, тяжелея и прижимаясь к воде.

Внимание Алонова сосредоточилось в слухе. Тишина была полной, густой, и этот мягкий мир, казалось, не мог издать ни одного звука. Потом слева, от озера, донесся слабый плеск. Опять на миг подбросило туман, и Алонов краем глаза увидел на воде крупных белых птиц, неподвижных, как нарисованных. В знакомом звуке, в знакомых очертаниях было что-то успокаивающее – была жизнь.

Алонов чувствовал, что привал врагов близок, очень близок, и двигался все медленнее. Осторожность!.. Осторожность!..

Он не мог подойти к врагам, ориентируясь издали на огонь костра – туман!.. Туман не был предусмотрен в его плане.

Приходилось ждать, ждать. Нужно ждать. Нужно дожидаться, пока не будет видно лучше.

Выстрелы должны быть точными...

Алонов ждал.

Людские голоса прозвучали вправо от него и чуть-чуть впереди. Кто-то совсем близко произнес несколько слов, смысла которых Алонов не уловил.

Туман редел. Враги рядом и – не спят. Еще немного.

Шаг, другой. Пауза... Шаг. Пауза... Еще два шага.

Внимание! Еще шаг... Где они?! Еще шаг...

Чем ближе подходил Алонов к привалу диверсантов, тем больше им овладевало спокойствие. Волнения не стало, он как-то охладел – пришло даже нечто будничное, спокойное. Только внутри что-то сжималось, напрягаясь, каменея, как мускул. Шаги, которыми он управлял не замечая, были так плавны и легки, точно он не шел, а скользил, увлекаемый по гладкой поверхности какой-то особенной силой, оказавшейся в его подчинении.

Он сделал еще шагов двадцать, длинных и плавных, и свернул от берега на гриву по некрутому подъему среди редких кустов. Когда он повернулся спиной к озеру, туман над водой подпрыгнул. Птицы, разглядев человека, начали срываться с ночевки, громко хлопая крыльями.

Этих звуков Алонов почти не слышал.

Он уже различал слабую желтизну огня, словно стертого непрозрачным воздухом. Ощущал терпкий запах дыма сырого дерева.

На пути пришелся куст. Алонов обошел его и увидел расплывшиеся в дымке паров очертания человеческой фигуры. Человек стоял во весь рост. Правее был другой, короткий. Он стоял на коленях... Третьего не было.

Шагов двадцать пять! Алонов различал лицо стоящего человека... Лицо смотрит. Сейчас оно увидит.

...Стоя на коленях, Клебановский подшучивал над Хрипуновым:

– Чего же ты застыл, флибустьер? Ты бы сходил, скондотьерил водички, чаюху погоняем... Ты что, оглох, что ли, кот в сапогах?..

Мушка уперлась в грудь врага, стоявшего над костром, и ружье выстрелило само собой, как всегда, как было нужно.

Слова Клебановского покрыл оглушительный, как взрыв, грохот. Хрипунов мешком упал навзничь, отброшенный поперек костра ударом тяжелой пули. Сударев, не вставая, схватился за винтовку.

Ружье еще давило в плечо Алонова тяжестью отдачи, а над мушкой уже возникло лицо второго врага – того, который стоял на коленях. Но выстрела все не было, не было... Выстрела не получалось! Ружье не хотело стрелять само собой, как оно стреляло всегда.

Пять лет владел этим ружьем Алонов и не знал, что такое осечка. Еще какое-то время он выжимал спусковой крючок, выжимал уже всей силой пальца, а не привычным и незаметным прикосновением. Он жал, пока не понял значения этого решительного отказа оружия.

Тогда Алонов отступил на несколько шагов и присел, спрятавшись за кустом. Он резко переломил ружье, чтобы выбрасыватель вышвырнул и стреляную гильзу, и предавший стрелка патрон.

Два заряда на смену были приготовлены не в патрон-таше, они ждали в левом, заранее расстегнутом кармане куртки: один с последней пулей и второй с дробью в тряпке. Все было предусмотрено. Все было сделано по плану. Туман и осечка не были предусмотрены: Из-за тумана не было видно, где третий бандит; Из-за осечки были потеряны, может быть, уже три самые нужные секунды.

Едва Алонов защелкнул ружье, как затрещала винтовка. Выстрелы так слитно срывались один за одним, были так близки, что никто не мог бы сказать, где проходят пули.

Что-то сильно ударило Алонова сверху по голове. Блеснуло перед глазами, в глазах завертелись огненные колеса, завертелись с воем: «У-у-у-у-у...» Враги спрятались за огненными колесами. Алонов, не выпуская ружье, оперся о землю левой рукой, чтобы не упасть.

Не вставая и не целясь — мишени не было, — Сударев разрядил магазин скорострельной винтовки. Он направлял ствол автомата в сторону озера: оттуда прогремел выстрел, оттуда после выстрела слышалось какое-то щелканье.

Когда винтовка перестала стрелять, Сударев выхватил пустую кассету из приклада и сунул руку в карман. В кармане ничего не было. Он вспомнил — запасные кассеты в мешке. Мешок служил ему изголовьем на постели из ивовых веток.

Сударев рвал ремешки, застегивающие рюкзак. Внутри кассет не оказалось. Он вспомнил... вырвал кассету из

наружного карманчика рюкзака, вогнал в магазин. Он вовсе не так уж и волновался – просто забыл, где были кассеты, так как считал – они никогда не понадобятся: здесь так безлюдно, спокойно, работа кончена. Теперь он мог мирно встретиться с кем угодно... Он спешил потому, что оказалось – здесь опасно. Когда опасно, нельзя быть безоружным.

Он лежал, положив палец на спуск. Вставать нельзя. Его мысль работала трезво, быстро. Его мозг был натренирован на неожиданностях – он знал цену осторожной спешки и разумной медлительности.

Сударев заметил и бегство Клебановского, и еще более важное обстоятельство: нападающий не подает признаков жизни. Хрипунов и Клебановский были рядом. А выстрел был только один. Значит, и нападавший был один. Почему он стрелял один раз? У него могло быть одноствольное ружье. Почему он не перезарядил?

Глухое место, очень глухое. Какой-нибудь разбойник, бродяга, набредший на них в тумане и польстившийся на возможную добычу... Должно быть, он видел одного Хрипунова, вообразил – легкое дело.

Было по-прежнему тихо. Сударев не слышал шагов, шелеста кустов. Бродяга убежал, или убит, или ранен. Сударев был уверен, что стрелял из винтовки в нужную сторону. Он буквально полил кусты пулями на метр от земли. Минуты бежали. Опасности больше нет.

Туман быстро рассеивался, уже пробились первые лучи солнца. Сударев поднялся. Клебановский не возвращался. Трус! На земле валялись два охотничьих ружья. Хрипунов лежал вверх лицом поперек дымившего без огня костра. Пахло тлеющей шерстяной тканью.

Вероятно, прошел уже добрый десяток минут. Сударев был совершенно спокоен. Все вздор, все пустое! Дело... дело сделано! А эти два дурака! Один дал убить себя, как курицу; другой удрал, бросив оружие и хозяина. Еще хорошо, что убит Хрипунов, а не проводник Клебановский. Нужно куда-нибудь запрятать труп и скорее уходить отсюда.

Держа винтовку наготове, Сударев оглядывался. Никого нет. Он закричал:

– Ого-го! Клебановский!.. Болван! Сюда-а!..

Ответа не было. Какой идиот!.. Сударев опять позвал. Клебановский не отзывался.

Огненные колеса замедлили свое головокружительное вращение, умолкли, сделались прозрачными. На голову легла тяжесть, за воротником рубашки стало горячо. Перед Алоновым висели веточки с поникшими редкими листиками. За ними виднелся низкорослый – он вертел головой, осматриваясь. Торчала короткая винтовка. В профиль низкорослый казался жирным жуком без шеи.

До приклада винтовки было точно такое же расстояние, как до мишеней в парковом тире степного городка, где иногда бывал Алонов. На этот раз его ружье выстрелило без отказа.

Сударев не понял, что с ним произошло. Винтовка, как ему показалось, взорвалась и вылетела из руки. Да, взорвалась!.. От боли Сударев даже присел, схватившись левой рукой за кисть правой.

И вдруг он увидел перед собой человека. Человек был в нескольких шагах, и Сударев не заметил, откуда он появился. Человек держал длинное ружье и целился Судареву

прямо в лицо. Появление человека оглушило Сударева, как удар дубиной. Длинные стволы заглянули в глаза, и человек сказал:

– Руки вверх!..

Сударев снизу смотрел на человека с длинным ружьем. Человек говорил негромко. Голос был бесцветен, спокоен, как у фотографа, когда тот предупреждает: спокойно, снимаю.

Человек повторил:

– Поднимите... руки. Или я вас застрелю...

Голос не был повелителен. Черные очки стволов, заглядывая Судареву в глаза, колебались. Над ними, сверху вниз, смотрели чужие глаза, неподвижные, стойкие.

И все существование Сударева повисло на тоненькой-тоненькой шелковинке. Впервые в жизни он понял, что такое настоящая смерть, не та, которой бросаются в разговоре как аргументом, – та, которая наступила. Нужно спасти жизнь. И Сударев, вобрав голову в плечи, отводя глаза, подскочил и высоко вскинул руки. Обе. И здоровую левую, и правую, о боли в которой он сразу забыл.

Алонов думал: «А где же третий?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Воля против воли

1

Действительно, где же третий диверсант, где Клебановский? Алонов узнал убитого Хрипунова.

Будь у Алонова время размышлять, он опять, который раз после встречи с бандитами, заметил бы, как исполнение меняет задуманное.

Он решил застрелить из трех бандитов двоих, обязательно оставив в живых Сударева. После двух выстрелов он хотел отойти; гремучая смесь в капсуле патрона, не сработав от удара бойка, решила иначе.

А ведь как ясно и просто, по мнению Алонова, развернулись бы события по его плану. Оставшись один, низкорослый Сударев постарается поскорее убраться из степи. Чтобы выйти с гривы на берег, можно было воспользоваться лишь одним путем. Алонов ждал бы уже наверху, на краю ковыльного плато. Куда ни двинется Сударев – ему не избежать преследования. Алонов не боялся быть замеченным: осложнение, не больше. Вдвоем, втроем – бандиты могли взять его облавой. А состязания с Сударевым в беге Алонов не опасался – он всегда сумеет остаться за пределами прицельной стрельбы из винтовки. В худшем случае получилась бы борьба на измор, за результаты которой Алонов не боялся. Таков был план, исполняя который он не выпускал из степи ни одного бандита и брал в плен вожака. План сорвался, и не стоит судить, что в нем было реального, в чем были ошибки.

Сейчас следовало спешить. И Алонов скомандовал:
– Повернитесь ко мне спиной и не двигайтесь!

Диверсант послушно выполнил приказание. Его поднятые руки раскачивались, вздрагивали. Сам он стоял в неловкой позе. Не зная, что сзади, он боялся пошевелиться.

На подобию постели из нарубленных ивовых веток лежал развязанный походный мешок. На земле валялись два двуствольных охотничьих ружья.

Алонов поднял мешок, забросил за спину, подхватил левой рукой ружья за ремни, сказал диверсанту:

– Идите прямо, вперед, не торопитесь!

Сам же Алонов, осматриваясь, подбирая мешок и ружья, торопился изо всех сил: он был уверен, что только быстрота может его спасти. Мысль о спасшемся бандите ни на секунду не оставляла Алонова. Каждое мгновение он ждал внезапного нападения. Кусты таили страшную опасность. Третий бандит постарается спасти вожака и себя, стороной опередит, устроит засаду в кустах. А до выхода с гривы на открытый берег было шагов тысячу, может быть. Пусть Алонов взял ружья, но разве у бандита не найдется в кармане пистолета. Наконец, он может и с голыми руками накинуться сзади...

Не меньшая опасность была и в том, что голова Алонова разламывалась от боли. Он не заметил, когда началась боль, но сейчас двоилось в глазах. Все оказалось еще сложнее, труднее и неопределеннее, чем он мог подумать до начала действия. Скорее, скорее на открытое место!

Ни разу за все истекшие три дня он не испытывал такого страха. Даже в первые минуты встречи с бандитами, когда он полз, замирая, не было так страшно. Тогда он был потрясен, испуган, потерялся, но он был свободен... А теперь он не мог оторваться от спины диверсанта и чувствовал себя совершенно беззащитным, каким-то голым.

Иногда Алонов пытался оглянуться. Но времени взглянуть в кусты хоть на миг не оставалось. Достаточно было отвести глаза от затылка диверсанта – и сейчас же начинало казаться, что тот успел скрыться. Отпустить Сударева чуть дальше Алонов не мог: мешали кусты. Он чувствовал,

что тупеет от головной боли. Только бы успеть выйти в степь, на чистое место! Только бы поскорее выйти отсюда!

Наконец-то нескончаемые кусты разбежались в стороны.

– Правее! – приказал Алонов.

Это значило, что он решил выйти из степи не через ковыльное плато, а прямо к северу, на сближение с железнодорожной магистралью.

Теперь с каждым шагом за спиной Алонова вырастало открытое пространство, осматривать которое удавалось и беглым косым взглядом.

Около следующей гривы Алонов остановил бандита у места своей ночевки, у куста, где была спрятана коробка с кубышками саранчи, и достал улику.

Озеро было рядом. Алонову не удалось далеко забросить захваченные на привале шайки ружья, но все же они оказались под водой, и найти их мог лишь тот, кто знал.

Алонов чувствовал, что кровь продолжает сочиться по шее: от резкого движения рана открылась. Его мучила жажда. Он вошел в воду по щиколотку и постарался напиться горстью. Это плохо удалось, так как он не решался низко нагнуться.

Выйдя на берег, он сказал бандиту:

– Помните, я никогда не промахиваюсь. Пейте, но не делайте лишних движений.

Алонов не подумал, что, давая возможность бандиту утолить жажду, он делает то, чего бандит не сделал бы, поменяйся они ролями...

Сударев пил, стараясь протянуть время и рассмотреть человека, взявшего его в плен.

Диверсант не узнал Алонова, хотя и успел, конечно, рассмотреть его во время встречи около роши с болотцем. Лицо Алонова потемнело от грязи и было испачкано кровью. Волосы сбились, на щеках отросла длинная щетина. Сударев заметил, что его противник ранен. Но фигура этого противника показалась ему сейчас едва ли не опаснее, чем на привале. Забрызганный кровью, с пристальным взглядом сверкающих глаз, с ружьем крупного калибра, направленным в лицо... А хуже всего был голос. Уж лучше бы кричал и ругался...

И Сударев, заложив руки на шею, пошел дальше. Голос сзади распоряжался:

– Скорее!.. Не бежать!.. Идите обычным шагом!.. Ускорьте!

Север и северо-восток. Так Алонов твердо решил ночью. Он был уверен, что таков самый близкий путь к линии железной дороги. Или убедил себя в этом? Он хотел верить – и верил.

Двое людей обогнули солончак, вчера поглотивший Фигурнова. Поверхность выровнялась, следы затянуло. И только поломанные корки засохшей грязи могли намекнуть на случившееся. Налево тянулся высокий край ковыльного плато – берег древнего моря. А древняя отмель, по которой шли двое людей, была широка, открыта обзору. Алонов подумал, что погони со стороны третьего бандита может и не быть.

Вскоре Сударев начал прощупывать противника. Он замедлил шаги и, не дожидаясь окрика, сказал:

– Я больше не могу идти с задранными на шею лапами! Вы могли бы убедиться – я вас слушаюсь. У меня болит правая рука. Вы меня ранили, у меня вывих.

И опять Алонов сделал то, чего не сделал бы Сударев.

– Снимите и бросьте пиджак... Стоп! Будьте осторожны... – Алонову показалось, что бандит хочет запустить правую руку в карман брюк. – А теперь опять поднимите руки и отсчитайте десять шагов! Не оглядывайтесь!.. Стойте! – предупредил он сзади.

Алонов присел и ощупал пиджак. Оружия не было. Во внутреннем кармане оказался бумажник. Работая одной рукой, Алонов снял мешок, втиснул в него пиджак и командовал:

– Вперед! Пошли.

Сударев прошел шагов пятьдесят, споткнулся, взмахнул руками и упал. Неловко. Не каждый умеет падать – иные актеры репетируют падение десятки раз и то рассчитывают скорее на условность театра, чем на правдоподобие.

Голос сзади выдохнул:

– А! – и приказал: – Не шевелитесь!

Бандит покорно замер. Падая, он успел засунуть руку в карман и вцепиться в рукоятку пистолета. Он взял в степь «игрушку» вопреки советам Клебановского. Глупые советы! Уж если люди вооружены запрещенными винтовками, то пистолет ничего не прибавит, но и не убавит.

Лежа, Сударев соображал: заметил ли противник? Можно ли уже попробовать? Он напрягал мускулы, соображая, как подскочить. Не будет же этот за спиной стоять вечно, как соляной столб. Пусть он успокоится, прикажет встать...

Сударев любил пистолет. Его уже давно не развлекали успехи стрельбы в тирах. Детская игра! Он изобретал собственные упражнения. Стрелять в темноте в неизвестно где положенный звонок, когда приятель неожиданно нажмет кнопку... Или, взглянув на пять бутылок, запомнить, где они, и разбить их, когда потушат свет... Одинаково пользоваться обеими руками, стрелять из любого положения, стрелять из кармана пиджака, не вынимая пистолета. Бить назад, спрятав пистолет под мышкой. Сударев удачно повторял трудные цирковые номера. И говорили, что такой артист всегда будет иметь под старость кусок хлеба с маслом от пистолетной пули.

Сейчас... как только скажут: «Вставайте!» – в сторону. Парень сорвет первую пулю и получит свое.

– Руки! – сказал Алонов. – Руки раскиньте! Бросьте револьвер!

«Догадался, заметил, – подумал Сударев и не послушался. – Вскочить? Нет, только не сейчас. Что этот будет делать? Если бы он хотел меня пристрелить, не нужно было ходить сюда и поить меня по дороге...»

Сзади что-то хрустнуло. И голос прозвучал с тем же бесстрашием, как у костра:

– Сейчас я вас пристрелю. Целю между лопатками...

Ставка бита... Сударев с ловкостью клоуна выкинул из-под себя пистолет и медленно приподнялся.

– Вставайте! Идите, – разрешил голос так спокойно, будто ничего не произошло.

Сударев встал и пошел. Пока человек жив, он надеется. Каждый человек!

Солнце поднялось высоко и начало жечь рану на голове Алонова. Пуля разорвала и унесла фуражку. Алонов оставил бандита, сбросил мешки и снял куртку. Он обмотал себе голову нижней рубашкой – ему стало как будто легче...

Алонов думал только о том, как бы добраться до железной дороги. Нужно суметь приказать себе дойти, дойти, дойти. Время, проведенное в степи, отучило Алонова от мысли о возможности встретить кого-нибудь. Можно рассчитывать лишь на себя. И он мечтал о железной дороге, мечтал страстно, с опьянением – так рождаются навязчивые идеи. Только бы увидеть эти блестящие сталью линии, сходящиеся вдаль. И когда он думал о них – и ни о чем другом, – голова меньше болела, прибывали силы.

Внезапно ворвался голос Сударева:

– В моем бумажнике вы нашли гроши. Какие-то две тысячи, кажется. Но у меня есть еще деньги. Много, очень много!

«В бумажнике?» – подумал Алонов. Он не смотрел что там, – не было времени. Он не ответил.

Сударев решил, что пока не стоит настаивать. Человек слышал, в его сознание брошено семя. Кто бы он ни был, он теперь станет думать о деньгах, – и семя будет расти. Сударев терпеливо выжидал по крайней мере полчаса. Потом он сказал только три слова:

– Двадцать пять тысяч!

Ответа опять не было, и Сударев опять не настаивал. Не

нужно торопиться, если можно не торопиться. Мысли подобны живым существам. Человек, который услышал о крупной сумме, обязательно будет думать, как ее получить. Еще немного, и он должен вступить в разговор. Он должен начать торговаться.

Границы водохранилища отошли вправо. Местность повышалась. Уже было пройдено устье естественного рва, который с севера отрывал ковыльное плато от степи.

Алонов видел немногое – ровно столько, чтобы идти на север не сбиваясь. Для этого нужно поглядывать на компас и находить впереди приметную точку: любую, хоть куст бурьяна или перекасти-поля. Алонов привык видеть спину бандита, привык быть готовым к выстрелу: лишившись одного пистолета, бандит может иметь другой. Алонов чувствовал себя слишком слабым, чтобы рискнуть подойти к бандиту вплотную, приставить стволы к спине и похлопать по карманам. Боялся он и того, что бандит принудит его стрелять. О приеме, по которому задержанному приказывают самому вывернуть наружу карманы, Алонов не слышал, а сам не догадался.

«Вперед, вперед! – говорил себе Алонов. – Скорее!» И тело слушалось. Ноги не спотыкались. Мускулы работали по инерции, однажды уже созданной усилием воли. Железная дорога приближалась, не правда ли?

Когда развернулась широкая степь, Сударев предложил:

– Если вы не согласны на двадцать пять тысяч, даю тридцать! Хотите?

– Скорее! – приказал Алонов.

Он видел, как мощная шея диверсанта покрывалась

пóтом. Вероятно, они действительно шли хорошо. А Сударев думал: «Крепко держится парень! Набивает цену без торга. Нельзя дать сразу слишком много. Иначе – потребует невозможного».

Приблизительно в середине дня Алонов сделал привал. Положив бандита вниз лицом и заставив его раскинуть руки, он достал бинокль и осмотрел северную часть горизонта. Там, правее намеченной им линии движения, было что-то, похожее на крутую горку с неестественно правильными очертаниями. Что это, рассмотреть еще не удалось.

– Идите! – сказал Алонов.

Бандит поднялся и крикнул:

– Сорок тысяч!

– Скорее! – последовал приказ.

– Что – скорее? У меня нет с собой денег, – притворился Сударев. – Но в городе вы получите куш немедленно.

– Идите скорее, – объяснил ненавистный голос.

И они опять шли и шли по равнине, по ковылю, по подсохшему жесткому тынцу. Они пересекали неглубокие балочки, где под высоким зверобоем с его тонко-резными листьями прятались узенькая валериана, пахучий донник, ароматный тимьян; проходили ровными, как пол, плоскостями.

Алонов вспоминал карту области. Всеми силами воображения старался он вызвать в памяти карту крупного масштаба на стене райкома. Там был и мост через канал. Железная дорога пересекала канал на самой границе области в нижнем, юго-восточном углу карты. Не фермы ли моста виднеются справа странной крутой горкой?

– Скорее, скорее! – подгонял Алонов диверсанта.

Удивительное и неожиданное чувство легкости овладевало Алоновым. Он ощущал, как его мускулы сами сокращаются, раскачивая, как маятники, послушные ноги. Совсем не стало боли. Боль поднялась вверх и висела над головой, лишь изредка прикасаясь к волосам.

– Стойте! – скомандовал Алонов.

Он глядел поверх головы бандита в трубки старенького бинокля. Да, правее был мост, а прямо, на горизонте, будто виднелись тоненькие тросточки телеграфных столбов...

– Вперед, скорее!

Но бандит не захотел слушаться. Он повернулся лицом к Алонову. Его толстые, сильные ноги точно вросли в землю. Сударев сказал:

– Слушай, друг, довольно всей этой чепухи и комедии! Ладно? Хватит нам обоим валять дурака. Я дарю тебе семьдесят тысяч рублей. Хорошая цена за балаган с приключениями, который ты старательно разыгрываешь с раннего утра. Согласен?.. Постой, подумай, ты никогда не видал и не увидишь таких денег. Наличными и через полчаса после приезда в город. Можешь потребовать любую гарантию. Ну, протяни мне руку и повесь на плечо твою пушку... Стоп! – сам прервал себя Сударев. – Я не собираюсь ловить тебя. Веди меня под ружьем, пока не доберемся до людей. На людях я тебя не съем, сам же буду в твоих руках! Идет?

– Обращайтесь на вы, – ответил Алонов.

– Вы щепетильны, и это очень хорошо, – согласился Сударев.

Он говорил теперь тоном легкой беседы, чему мешало

лишь расстояние: на тридцать шагов приходится повышать голос. Алонов слушал – он убедился, что второго пистолета нет.

– Итак, на вашем месте я согласился бы, – продолжал Сударев. – Думайте, думайте! Другого такого случая вам не подвернется, даже если вы проживете на свете сто лет. Вам мало?.. Ну что же – дело есть дело. И принято, чтобы каждый назвал свою сумму. Сколько?

– Миллион! – сказал Алонов.

Сударев рассмотрел улыбку на его лице и возразил:

– Так нельзя, это шутки, конечно. Называйте разумную сумму. Подумайте хорошенько. Сейчас вы взволнованы, возбуждены. Это понятно. Я старше вас, я знаю жизнь! В горячке упустив случай, вы потом, опомнившись, будете грызть кулаки! Воспоминание об утраченном отравит вам всю жизнь, всю жизнь! А проживете вы долго – вы молоды... Ваша настойчивость будет вознаграждена... Сто пятьдесят тысяч! Сто пятьдесят!.. Говорят, счастье приходит во сне. К вам оно прет наяву!

«Вот я и выигрываю!» – говорил себе Сударев. Он мог бы обещать и миллион. Обещать – одно, дать – другое. Иллюзий Сударев себе не создавал – его противник сумел подсмотреть посев саранчи. Иначе он не посмел бы всадить пулю в Хрипунова и тащить самого Сударева под арест. Но обещать миллион было бы глупо: он не поверит, заподозрит обман – и все пропало опять. Однако сейчас торговля шла по всем правилам. Миллион был назван. Сейчас Сударев добьет сомнения противника. И бандит произнес солидным, деловым тоном (жаль, что приходилось почти кричать):

– В моем портфеле в городе есть двести тысяч! Двести, черт вас побери! Вы настоящий мужчина, прошу мне верить!.. А если вы захотите продолжить знакомство со мной, я открою вам перспективы. Такие, что у вас закружится голова. Вы мне нравитесь! Ну? Двести – и мы друзья!.. Что? Опять мало? Ну, знаете, вы – колосс!

Тогда Алонов начал смеяться. Смех звучал дико, он походил на кашель или на рыдание. Нет, он смеялся... Ружье прыгало в его руках. Потом он сразу перестал смеяться и закричал:

– Капиталист! Торговец саранчой! Миллиард?.. Мало! Триллион? Мало!.. Вы глупы!.. Насекомое, повернитесь! Вперед!

Но Сударев двинулся на Алонова. Низкорослый атлет, напряженный, квадратный, как несгораемый шкаф, он был готов сломать молодого человека, как соломинку.

Ружье смотрело ему в грудь. Может быть, Сударев и выбрал бы в припадке отчаяния и ярости легкую немедленную смерть. Но стволы ружья направились вниз, в ноги. И строгий голос, холодный, уже без волнения, без крика, тот голос, который он уже знал, предупредил:

– Я не убью. Я разобью вам колено. Для этого мое ружье заряжено дробью, завязанной в тряпку. Но я не дам вам истечь кровью и умереть. И я вернусь с людьми, и все же я возьму вас.

Сударев остановился, Алонов продолжал:

– Но если нас застигнет ночь, я тоже должен буду выстрелом обезвредить вас, чтобы вы не ушли в темноте и чтобы я нечаянно не застрелил вас ночью насмерть... Всё. Вперед! Скорее! Не теряйте времени...

И они пошли. Приземистый бандит, – тридцать шагов, которые их связывали, точно цепью, – и победитель.

Они торопились.

3

Конечно, не познав себя, трудно понимать остальных людей нашего широкого мира. Но далеко не всегда можно правильно судить о действиях другого человека по самому себе: познание себя – только путь к познанию других.

Алонов ждал нападения скрывшегося бандита – нападения, которое могло бы погубить все. Страх Алонова не был испугом расстроенной фантазии, а результатом трезвого понимания обстановки.

Но Клебановский бежал. Сначала, около костра, он упал на четвереньки, потом вскочил на ноги. Вслед ему грохотала перестрелка, за ним гнались. Целые толпы искали его след, ломились по кустам и уже готовились схватить его...

Клебановский не был трусом: в своей жизни он с правом мог бы назвать не один случай, когда его спасало хладнокровие, способность рискнуть, встретить опасность лицом к лицу. Но перед неожиданностями он пасовал – таково было свойство его нервной системы. Когда он служил немцам, были с ним подобных два или три случая, – он удирал босиком, полуголым, испугавшись ночного налета партизан. Чтобы проявить мужество, Клебановский нуждался в предупреждении. Этим утром он проснулся в состоянии безбрежного покоя: дело завершилось, скоро дома. А там – уехать, уйти от всех, порвать с прошлым и мирно окончить свои дни в глуши...

Не разбирая дороги, Клебановский летел как на крыльях. Опять сзади ударил выстрел. Клебановский упал, затаился на минуту и помчался вновь.

Чистейший случай повернул его лицом к водохранилищу. Упав он на четвереньки лицом в другую сторону, и выскочил бы он на берег, и летел бы по открытому месту до полной потери сил и дыхания. Но он несея вдоль гривы, где был ночлег и где были заложены последние кубышки саранчи. Кусты кончились, и Клебановского вынесло на мыс. С трех сторон – вода, сзади – погоня... В воду!

Редкий и низкий камыш не мог спрятать человека. Забежав по пояс, Клебановский присел. Он цеплялся руками за дно, нащупал в иле корни камышей, ухватился за спасительные якоря и погрузился в воду, оставив на поверхности только лицо. Вода залила уши.

Осеннее утро выпало тихое. Заливы, освободившись от тумана, холодно сверкали. Клебановский сидел, уставившись на берег через редкую сетку тонких тростинок камыша с висящими на них бурыми длинными листиками. Сейчас на берег выскочат люди с винтовками, со штыками, нацеленными для удара, со страшными лицами и захватят его... Клебановский пятился, силясь найти маскировку получше.

Вода в сентябре в тех местах бывает уже весьма прохладна и никак не пригодна для купания. Десять ли, двенадцать ли градусов выше нуля, а для того, чтобы человек умер от холода, нужно понизить температуру его тела только до двадцати шести градусов.

Сразу, с горячки Клебановский не замечал холода. Но вскоре его забила дрожь, от которой залязгали зубы. Су-

дороги, скручивая, потянули мускулы. Онемели, отвалились пальцы, впившиеся в корни камыша.

Вода принялась выталкивать ненужную ей вещь. Уже помимо воли, помимо сознания, тело потащилось к берегу. Там оно свалилось, скрючившись, и замерло. Солнце отогревало вещь – она вытягивалась, оживала.

Клебановский очнулся, но психоз страха продолжался. Над ним кто-то стоял, широко расставив ноги и занеся для удара кузнечный молот. Клебановский зашевелился и пролепетал:

– Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь!..

Не слыша ответа, бандит заскулил громче:

– Не бейте, не убивайте, я сдаюсь!..

Однако его не убивали и даже не били. Клебановский рискнул повернуться на бок. Над ним стоял страх – невидимый. Но больше никого не было. И Клебановский сообразил: «А ведь никто за мной не гнался».

Сообразил и... проклял свою трусость. Ожив, он поднялся. Он ощутил прилив энергии и сил. Он жив и на свободе!..

Клебановский оказался в водяной ловушке – впереди мыс, направо и налево заливы. Путь один – по гриве, мимо привала. В самом широком месте, поперек гривы, не натянешь и полтора метра.

В воздухе, пролетая над Клебановским, застрекотала сорока, предупреждая всех о человеке. Птица летела вдоль гривы, к земле. Клебановский проследил за ней глазами.

Он медлил, дрожа в мокрой одежде. Так, пока суд да дело, простудишься насмерть. Он разделся, вылил воду из сапог, выжал одежду и белье, сидел голый – солнце пригревало.

Все было тихо. Туда же, куда летела первая, пропорхнула своим особенным полетом вторая сорока.

Вторая половина сентября – не лето: одежду пришлось бы сушить целый день. Клебановский оделся. Пора идти. Успокоившись, он уже не трусил. Он понимал – его не ищут. Если бы искали – уже нашли бы. Травленный волк, Клебановский не мучил себя догадками. Но решение, которое помогло, он нашел: добраться домой, взять портфель Сударева и исчезнуть. В портфеле должны быть запасные документы – в этом Клебановский не сомневался. Он был готов еще раз переменить имя. Что ему до имени!

Сороки летят вдоль гривы. Это было успокоительно.

Подобравшись поближе к привалу, Клебановский прислушался: там раздавались сорочьи голоса, но не тревожные. Птицы ссорились. Ближе – и из-за кустов, с места ночевки, с трескотней вырвалась черно-белая птица, за ней вторая, третья... Раз собрались эти мелкие хищники – значит, там нет никого.

Хрипунов лежал на спине в холодном пепле костра. С трупа слетела еще одна сорока. Ни Сударева с его мешком и винтовкой, ни ружей не оказалось.

Клебановский знал – Хрипунов всегда носит деньги с собой. Такая же привычка была и у него самого. Клебановский снял с трупа пачку, завернутую в медицинскую непромокаемую клеенку.

Роясь в мешках своем и Хрипунова, Клебановский нашел кусок копченой колбасы, остатки поджаренного козленка, зачерствевший хлеб. Он принялся за всё сразу – его терзал голод. Очень вкусным казалось пахнущее дымом и кровью мясо козленка. Недоеденное он бросил в

свой мешок – пригодится, ведь идти придется добрых восемь часов до станции.

Вывернув карманы Хрипунова, Клебановский взял и документы: если в пути не придет удачная мысль, он успеет их уничтожить. Пока следует затруднить опознание трупа.

Но где Сударев? Клебановский нашел стреляные винтовочные гильзы около постели из ивовых веток. Хозяин стрелял... Клебановскому не терпелось уйти – зная расписание, он хотел попасть к вечернему поезду. Если бы он обыскал кусты, нашлась бы и разбитая винтовка, и стреляные гильзы из ружья Алонова. Трудно сказать, к каким выводам тогда пришел бы бандит. Но он ограничился тем, что собрал винтовочные гильзы и утопил их. Теперь набрать воды во фляжку – и в путь. Сударев ушел, думал Клебановский, – нужно спешить и ему. Что бы ни случилось с Сударевым, довольно. Опередить его, взять портфель и уехать из города через час, через два – первым поездом, и, главное, подальше! Для всего этого потребуется не больше суток.

Бандит отлично знал дорогу – срезать кусок ковыльного плато, через впадину, часа три хода степью – и станция. Когда он оказался наверху и убедился, что нигде никого нет, тревога окончательно рассталась с ним. Он был на свободе.

Умение жить ему помогало. Он, как смазанный жиром, выскальзывал из цепких рук беды целым. У него не было никакого груза, все связи исчезли. Цыган: дома нет – есть временное пристанище; друзей нет – есть приятели; дела нет – есть увертки; семьи нет – есть случайные встречи;

людей нет – есть он один. В таких нелегко попадать – слишком мелкая мишень, задень-ка ее!

Клебановский проявил себя хорошим, выносливым пешеходом. Он почти не отдыхал, грыз куски на ходу. Около шести часов вечера он приблизился к цели. Прямой путь на станцию от водохранилища лежал значительно левее пути, избранного Алоновым. Поэтому Клебановский не только не мог заметить Алонова и Сударева, но и далеко обогнал их.

Ближайший пассажирский поезд, на который и метил беглый диверсант, проходил в восемь часов тридцать семь минут вечера. В распоряжении Клебановского было почти два часа, а в маленьком буфете станции нашлась кружка отличного пива.

Клебановский жил. Он почистился, побрился. Сидя перед зеркалом с повязанной вокруг шеи салфеткой, он с удовольствием смотрел на свое похудевшее, посвежевшее, совсем молодое лицо. Жених – да и только! Усы? Рано, с ними он расстанется завтра, снимет их собственной рукой.

В голове, опрысканной одеколоном, вполне обоснованно складывались планы новой жизни.

4

Уже давно, с добрый час, путевой обходчик увидел двух людей, бредущих к линии.

Первый раз он заметил пешеходов издалека – сам он тогда шел к границе своего участка. Теперь он возвращался к дому, и люди были куда ближе. «Немалый кусок степи протопали», – подумал обходчик.

Шли они так: один – впереди, а другой – сзади. Это обходчик подметил и, продолжая шагать, занимаясь своей привычной работой, размышлял: «Конечно, ходят люди по-разному, особенно притомившись: который посильнее – начнет вырываться передним, который послабее – оттянет».

Сам обходчик был человек не сентиментальный – он не считал, что худо дать приотстать товарищу: «Оно и правильно: сильный слабого тянет. Раз уж забрался далеко – тянись, крепись, не сдавайся! А то слабый и совсем не дойдет – раскиснет, коль его не понужать».

Но теперь, рассмотрев пешеходов поближе, обходчик забыл свои рассуждения. Он заинтересовался совсем другим. Ружье-то было только у заднего. И нес он длинную двустволку не за спиной, на ремне, как полагается, когда вымотаешься до отказа на охоте. Нет, держал наизготовку. Вот чудно... Вроде так ведь водят на гауптвахту по всем правилам устава внутренней службы...

Солнышко уже нависло над горизонтом. Обход участка был закончен, дома ждал ужин, а жена у путевого рабочего была хозяйка строгая и аккуратная. Но обходчик забыл и дом и ужин.

Увидев поезд, он машинально показал свернутый флаг, дождался, пока, рассекая воздух, не промчались тяжелые вагоны, вминая прогибающиеся рельсы вместе со шпалами в песчаный балласт.

«Что за номер? – рассуждал он про себя. – Факт! Один другого арестовал и выбирается на пути. Факт...»

Шли эти двое неровно, теряя и вновь набирая темп, но все же достаточно споро. Перед границей полосы отчуж-

дения, где за телеграфными столбами лежала темная полоса плотно укатанной по чернозему проселочной дороги, передний замялся, остановился.

– Не хочет идти? Нет, шалишь!.. Опять погнал, – вслух рассуждал увлекшийся непонятным, притягивающим зрением путеец, когда задний, с ружьем, сокращая дистанцию, приблизился к переднему и оба опять двинулись вперед.

Обходчику казалось, что эти люди его не видят, не смотрят на него. Но шли они прямо на него: «Как на столб!»

В ровной степи железнодорожное полотно поднималось над общим уровнем едва заметно – его подчеркивал светлый, чисто подметенный балласт.

– Вот так штука! Ну-ну! А дело-то неладное, – рассказывал сам себе насторожившийся путеец. – Чего-то там стряслось, факт!

Впоследствии он говорил, что сразу почуял особую беду. Он не лгал, а просто, как часто бывает, последующие впечатления заслонили первые.

А сейчас передний пер прямо на него, приземистый, широкоплечий. Шел он, как бык на убой, свесив тяжелую лысеющую голову. Задний был заметно выше ростом и тонкий. На его голове была намотана грязная рубаха в кровавых пятнах.

Обходчик невольно взял в сторону. Передний вышел на пути. Задний с натугой сказал:

– Стойте!

Он выбрался на насыпь. Он с трудом волочил ноги. Его лицо было черным, в щетине небритой бороды и щек

струпьями засохла кровь. Его глаза, так же как и ружье, лежащее в сгибе левой руки, были направлены на приземистого. Он сказал обходчику глухим, внятным голосом:

– Очень опасный бандит! Диверсант!.. Они посеяли яйца саранчи. Около канала.

Все было так удивительно, что слова «бандит», «диверсант» и «саранча» не сразу связались в сознании обходчика в образ, требующий ответа и действия. Он повторил:

– Диверсант?.. Посадил саранчу?.. – И вдруг взмахнул длинным гаечным ключом: – И ты его поймал? Понятно!.. – Обходчик замахнулся на Сударева. – Гад, гад! А ну! Не тарачи глаза! – кричал он. – И откуда ты выполз, гадюка!

Обходчик обратился к Алонову:

– Снимай погон с ружья. Сейчас мы его для верности спутаем!.. – и кричал на диверсанта так, точно тот был за версту: – Давай, давай! За спину!.. Не вертись! Однако здоров! Черт!.. Стой, а то стукну!.. Кому говорят, паразит! Нежничает? Рельсы покрепче тебя, и те гнутся!.. – Обходчик скрутил руки Сударева, приговаривая: – Шипишь, змея? Глаза у тебя подходящие. А язык-то прикусил? Что?! Поломали тебе зубы?..

Он оттащил Сударева к кювету, пригнул, заставил сесть и связал ноги бандита куском бечевки.

Алонов сидел на краю низкой насыпи, глядя на диверсанта. Ружье было наготове.

– Ты что? Болит? Царапнули-таки тебя! – быстро и ласково говорил обходчик. – Ничего. Ты не думай. Ведь в голову – так либо сразу, либо легко.

– Я устал, – коротко ответил Алонов. – А его нужно в город.

– Правильно... – согласился обходчик. – А он что, один был?

– Нет, второй ушел.

– Ушел! Вот это, брат, плохо. А?

– В город, в город нужно! – настаивал Алонов.

– Станция от нас далековато. У моста охрана есть... Или позвонить из будки? Тоже далеко, покуда придут... А мы вот что с тобой сделаем: пассажирский остановим. Скоро семьдесят восьмой пройдет. Для такого случая – можно... А ты, слушай сюда, крепись! Ты теперь ни о чем не думай, – успокаивал обходчик Алонова.

Он отбежал на несколько десятков метров, достал из подвешенной к поясу жестяной коробки три петарды и прикрепил их лапками к рельсам. Потом вернулся к Алонову и развернул флажок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дома

1

Солнце садилось.

Машинист пассажирского поезда издали заметил обходчика, стоявшего на обочине пути. Фигура человека, освещенного сзади вечерней зарей, была отлично видна, но цвет ткани флажка не различался в неверном вечернем освещении. Однако флажок был распушен, и обходчик размахивал им.

Готовясь к остановке, машинист плавно снижал скорость. Когда правое колесо паровоза раздавило первую петарду, начавшаяся уже мягкая работа пневматической тормозной системы превратилась в мертвую хватку.

Поезд остановился так, что будка машиниста пришлась над обходчиком. Перегнувшись из выреза окна, машинист брюзгливо спросил:

– Чего стряслось? Излом?

Подразумевался излом, разрыв рельса. Обходчик ответив криком:

– Диверсанта поймали!

Молоденький помощник, успевший выскочить на насыпь, поторопился с выводом:

– Куда взрывчатку заложил?

Обходчик возразил:

– Чего там взрывчатка! Саранчу распустили!

Машинист подавал тревожные гудки. К голове поезда из всех сил, точно наперегонки, бежали главный кондуктор и начальник поезда:

– Почему остановка? Что за тревога?

Алонов сидел, держа ружье на коленях и не отрывая глаз от Сударева. Он слышал голоса, но не вдумывался в смысл слов. Чья-то рука резко взяла его за плечо:

– Товарищ, товарищ! Что тут у вас случилось?

Кто-то присел рядом на корточки. Алонов видел плечо с погоном майора. С каждой минутой Алонов слабел. Он с усилием указал ружьем на Сударева:

– Главарь шайки диверсантов. Они зарыли в землю массу кубышек саранчи в районе водохранилища канала.

– Саранчи?! – подозрительно, недоверчиво переспросил майор государственной безопасности.

– Да. Есть доказательства... Примите у меня диверсанта... Вот доказательство. – И Алонов вытащил из кармана коробку.

Майор открыл. При виде странных предметов, похожих на закопченные миниатюрные тыквы-горлянки, настороженность исчезла.

Алонов говорил с натугой, его голос звучал вяло, тускло:

– Наблюдайте за диверсантом. Не опускайте глаз... Он хотел броситься на меня, чтобы покончить с собой. Он может попробовать повторить...

Майор спрятал в свой карман коробку, ставшую особенной ценностью – вещественным доказательством, уликой.

На подножках висели гроздья пассажиров. Несколько десятков человек, выскочивших из головных вагонов, успели образовать круг около паровоза. Вдоль поезда к месту происшествия бежали любопытные. Майор вскочил на ступеньки паровозной лестницы и закричал:

– Товарищи! Ничего особенного не произошло. Поезд отправляется! Просьба разойтись по вагонам! По вагонам, по вагонам!.. – Он знаками подозвал к себе нескольких офицеров, оказавшихся поблизости. Двое офицеров взяли диверсанта за плечи. Обходчик развязал ноги бандита – и Сударев надолго исчез для Алонова.

«Вот и всё», – подумал Алонов. Он переломил ружье, извлекая из патронников заряженные гильзы, как это должен сделать перед возвращением домой каждый уважающий себя человек.

Тут-то его и сковала усталость. Он так и остался сидеть

с раскрытым ружьем. Слабели руки. Опять заныла, заболела голова. Перед глазами опускались тени, закрывшие последние краски вечерней зари. Все ли дело окончено? Нет...

Майор спрашивал:

– Почему вы не отвечаете? Вы можете идти?.. Нет?

Алонов так и не ответил. Его подхватили на руки и куда-то понесли. Ему казалось – несли далеко, долго. Алонову было стыдно, что его несут, как маленького, но он ничего не мог поделать с собой. Чья-то голова оказалась рядом с его головой, и Алонов заговорил:

– Еще один диверсант остался там... Он на свободе и будет продолжать. Еще один бандит остался в степи...

Алонова поднимали по крутым ступенькам вагона, задели коленом за острый косяк узкой двери, и он очнулся.

– Я ничего не сумел сделать со вторым бандитом, – громко пожаловался Алонов, – он на свободе! Еще один... Его необходимо немедленно поймать!

Кто-то говорил:

– Сюда, давайте его сюда. В это купе.

И рокот, и удар задвинутой двери...

Что-то жесткое, едкое, колючее забралось в ноздри, в грудь и заставило Алонова проснуться.

Он почувствовал раскачивание вагона движущегося поезда, услышал стук колес и открыл глаза. Сбоку падал очень яркий, неприятный свет настольной лампы, а над Алоновым было женское лицо в белой косынке. Удивительно гадок нашатырный спирт – тяжелый, противный запах. Но он помог Алонову увидеть три мужских лица, сменивших женское. Майора он узнал по погонам, два других были незнакомые.

Майор спросил:

– Вы слышите? Вы можете говорить?

– Да... А где Сударев?

– Какой Сударев? – удивился майор.

И допрос свидетеля преступления пошел не по установленному порядку снятия показаний.

– Это диверсант, которого я вам сдал! – настаивал Алонов. – Где он?

– Не беспокойтесь. Я помню, что вы говорили. Его хорошо охраняют, с ним ничего не случится. Но вы знаете его? Вы знакомы с ним?

– Нет, но я слышал, что его так называли.

– Кто?

– Бандиты.

– Сколько их?

– Их было пять.

– Почему было?

– Я застрелил двоих. Третий сам погиб. Утонул... В трясине...

Чей-то другой голос, не голос майора, что-то сказал, майор ответил. Но смысл фраз ускользнул от Алонова. Он попытался понять, его мысли опять стали путаться. Засыпая, он успел попросить:

– Дайте нашатырного спирта.

Медицинская сестра, по правилам сопровождающая поезда, поднесла флакон. И Алонов заставил себя вдохнуть грудью.

– Может быть, вы знаете, как звали других? – продолжал свои вопросы майор.

– Фигурнов – тот, которого засосало. Одного я застре-

лил, когда еще не знал имен. Потом... Клебановский и Хрипунов. Хрипунова я застрелил сегодня утром. Я напал на них в тумане. Клебановский скрылся. У меня осеклось ружье...

Майор поспешно записывал, а Алонов продолжал, не ожидая вопросов:

— Они заложили кубышки саранчи в трех местах. Очень много. Они работали два дня. Долго... На плато в ковыле, на берегах, между озерами. Там масса таких кубышек... Я видел. Я там разложил гильзы с записками, написал, что видел... Нужно уничтожить саранчу... Ружье осеклось, иначе я застрелил бы и третьего. Он может убежать...

— Откуда они?

— Не знаю.

— Когда вы их заметили?

— Давно.

— Когда? Вы не помните дня?

— Кажется, в воскресенье... Да, в воскресенье вечером.

— Сегодня четверг, — сказал кто-то из спутников майора.

— Мешки осмотрите, — попросил Алонов. — Там пиджак Сударева и его бумажник. И там один мешок его, Сударева...

— Как вас зовут? — спросил майор.

— Алонов. Я из совхоза Ленина... Но ведь нужно скорее поймать Клебановского. Которого я упустил!..

— Его найдут, товарищ Алонов. А теперь пока отдыхайте.

— Спать!..

– Замучился за четверо суток и ранен, – сказал областной работник; он ехал в командировку.

Третьим в купе был заводской мастер в отпуску, с санаторной путевкой. С майором они успели познакомиться в пути и сейчас стали его помощниками.

Около спящего Алонова эти трое людей, беседуя вполголоса, составляли план действий. Нельзя было терять время, и областной работник, превратившись в секретаря майора, записывал тексты телеграмм тут же, на разложенном на колене блокноте.

Вещи диверсанта были осмотрены. В захваченном Алоновым мешке не оказалось ничего интересного: две обоймы винтовочных патронов были впоследствии обнаружены в кустах около привала. А в бумажнике, кроме денег, нашелся паспорт. Перелистывая, майор говорил:

– Действительно, по паспорту бандит значится Сударевым, и фотография его. Сударев, не Сударев – это потом. Паспорт настоящий, выдан давно и далеко. А вот здесь вещичка интересная. И свежая! Всего десять дней прошло. Временная прописка. Места, можно сказать, здешние... Так, – читал майор, – улица Веселая, дом номер семь. Штамп – всё, как полагается. Подписал начальник паспортного отдела третьего отделения милиции. С этой ниточки начнет разматываться клубок!

– Я как раз еду в этот город, – сказал областной работник.

– Отлично, но уж до утра мы с вами ждать не будем, – возразил майор. – Мы немедленно приступим к делу! Се-

стру опять позовем приглядеть за ним, а сами – пошли, – пригласил майор, вставая.

Поезд, подходя к станции, снижал ход.

Майор побежал на телеграф, а областной работник – к дежурному по станции.

График – это закон железной дороги. Его соблюдение есть дело чести каждого железнодорожника. Кому не знаком этот лозунг!

Диспетчеры движения и дежурные на линейных станциях были крайне раздосадованы. Чрезвычайное происшествие! Пассажирский семьдесят восьмой окончательно выпал из графика! По какой-то еще не объясненной причине он простоял в степи на перегоне одиннадцать минут. И тут же добавил еще шестнадцать минут, которые он простоял сверх полагающихся трех минут на станции, следующей за злосчастным перегонем! Эти двадцать семь минут уже не нагнать. Семьдесят восьмой снизил показатели дороги.

За девятнадцать минут стоянки (вместо трех) усиленно поработали станционные телеграф и телефоны. И не успел еще главный кондуктор семьдесят восьмого свернуть флажок, запрещающий движение, не успели еще убрать свои флажки проводники вагонов, дублирующие сигнал главного, не успел еще прозвучать долгожданный сигнал отправления, как в самых разнообразных и порой довольно удаленных друг от друга и от района происшествия местах началась работа.

Авиация собиралась обозреть степь сверху, как только рассветет. По проводам летели приказы сельсоветам и колхозам, составлялся план патрулирования границ об-

ширного и ставшего весьма подозрительным района с тем, чтобы надежно его прочесать в дальнейшем.

Служебное радио предупредило суда, движущиеся по каналу. Скоро быстроходные глиссеры и катера вспенят воду, шаря прожекторами по берегам и стремясь к зоне резервного водохранилища.

Политический отдел дороги обратился по селекторной связи к общественности. Смысл обращения был таков:

«Бандит бродит где-то около вас, товарищи! Диверсант покусился на благо нашей Родины. Будьте бдительны!»

В понятии людей саранча и классовый враг слились в одно, и люди потеряли покой.

На железной дороге работает много людей, они живут ее интересами и говорят: «У нас на дороге», – как мы говорим: «У нас на заводе, в колхозе...» Словом – у нас дома.

Кто только не дежурил этой ночью в полосе отчуждения, считая длинные тревожные часы! Жители путевых будок и домов ремонтных бригад поделили между собою всю линию. Это легко, на каждые сто метров путей имеется свой столбик с цифрой. Сторожили рабочие, их жены, матери, отцы. И, конечно, дети. Как мечтали поймать диверсанта мальчики и девочки! Это может понять только тот из нас, взрослых, кто не забыл свое детство. А кто забыл – тот не поймет, сколько ему ни толкуй. Скудный он человек, бедняга!..

Уж во всяком случае велосипед, футбольный мяч, всякие там клюшки, куклы, любимые книги – все, что делает жизнь прекрасной, без звука отдал бы каждый за миг величайшей удачи. Поймать диверсанта!

Нет, задержиесь Клебановский, не пройти бы ему.

И не виноваты путейцы, что диверсант ускользнул от них. Безродный бродяга знал цену времени и преодолел перегон от водохранилища к станции до начала тревоги. На той самой станции, где поезд семьдесят восьмой простоял вместо трех минут – девятнадцать, Клебановский погрузился в вагон.

Буфетное пиво действительно оказалось первоклассным, а водка вообще всегда и везде одинакова. Клебановский не выдержал характера. Чувствовал он – не стоит много пить, чувствовал, как накатывает пьяная тоска, а воздержаться от лишней стопки не сумел. И оправдания-то не было – он был уверен в себе, не трусил. Или думал, что не трусит...

Поезд опаздывал, и бандит уже начал клевать носом скатерть буфетного столика. Когда семьдесят восьмой прибыл, сил у Клебановского хватило ровно настолько, чтобы, вручив билет проводнице, повалиться на гостеприимный вагонный тюфяк, застеленный чистым бельем, и блаженно заснуть.

Вагоны до поздней ночи гудели голосами возбужденных пассажиров, были хождения, споры, выкрики, целые речи. И из всего многолюдного населения поезда, пожалуй, один Клебановский не слышал ни слова из того, что относилось теснейшим образом к нему и к диверсии.

Едва поезд отошел от станции, новые друзья Алонова собрались в купе, где молодой человек спал под надзором медицинской сестры.

Сестра с неохотой собралась было опять будить своего пациента, но майор ее успокоил:

– Пусть себе спит. Да и вы идите отдыхать. Мы уж тут за ним сами присмотрим.

Медицинская сестра объяснила, что в дорожных условиях она не пыталась снять присохшую к ране грязную рубашку и обмыть лицо раненого: в неподходящей для перевязки обстановке легко внести инфекцию.

– Ничего, – возразил заводской мастер. – Боевая грязь – она что орден... Спи, победитель!

Никому из троих, бывших в купе около Алонова, спать не хотелось. Наверстывая потерянное время, пассажирский поезд мчался со скоростью экспресса. Прожекторы паровоза резали черную ночь. В окне не виднелось огней. Широкие пространства степи были безлюдны, вагоны вздрагивали, раскачивались, колеса торопились, торопились, торопились...

Майор сказал:

– Я не говорил с этим, с Сударевым, но присматриваюсь. Он молчит, спокоен. Алонов предупредил, что бандит хочет покончить с собой. Может быть, хотел. Он, конечно, хотел что-то подобное выкинуть. Но повторений не будет. Алонов успел его растрепать. Сломанный человек... Сейчас он сидит, размышляет. Предложит сделку...

Над одной из кубышек саранчи трое людей повторили опыт Алонова. На бумаге лежали обломки оболочки и кожистая сумка, разрезанная вдоль. Живая слизистая масса вспучилась. Не тронутые ножом зародыши скоро будут обращены в небытие...

За час до прихода поезда в степной городок проводница вагона, приютившего Клебановского, разбудила отдыхавшую напарницу. Взмолвленная своими мыслями, разговорами пассажиров и наблюдениями, она поделилась с подругой:

– Ты и не заметила – на той станции, где нас из-за диверсантов задерживали, к нам сел какой-то. На девятнадцатое место я его положила. Вещей с ним мешок, как у охотника; одет, как охотник, а ружья нет. Пьяный! Сам до того противный – сказать нельзя! А вдруг он тоже какой-то бандит? Я к нему все подхожу, смотрю...

Многие пассажиры, не замечая скромной проводницы, принимают ее за какую-то естественную деталь поездки, исполняющую свою служебную функцию. Однако, наблюдая за чистотой, заботясь о постелях, кипятке и прочем вагонном быте, проводница видит, слышит, делает выводы. Она получила семилетнее или десятилетнее образование; разговоры и мысли пассажиров для нее понятны. Привычка общения с большим числом людей развивает наблюдательность. И приходится порой удивляться, какие меткие определения даются иному пассажиру уже на третий не день, а час пути. Пьяные пассажиры возбуждают естественную антипатию и брезгливой женщины, и человека, ответственного за порядок в вагоне.

– А ну-ка, покажи мне его, – предложила напарница, наспех закрутив косу.

Обе они очень не жаловали пьяниц. Может быть, именно поэтому физиономия с разинутым ртом и растрепанными усами возбудила подозрения и у второй проводницы. Диверсия, саранча, необычайное покушение – вызывали острую реакцию.

Спрятавшись в служебное помещение, проводницы, будто кто мог их подслушать, шушукались:

– И главное, ему скоро вылезать. Скоро его будить. А вдруг по правде бандит?

– Ой, бандит ли? Матушки, да как же быть? А вдруг не бандит? Стыд-то какой будет!

Нашлась старшая возрастом и опытом:

– Пора уборку делать. А ты добеги до начальника, скажи ему. Что-то он присоветует?

Начальник поезда недолго думая спросил:

– У тебя сколько там пассажиров сходит? Только один? Этот самый, значит. Вот что, слушай: там стоянка пятнадцать минут. Так что ты его буди по остановке. Поняла? А теперь лети в свой вагон.

– А вдруг не тот? – замялась проводница. – Стыдно будет!

– А что, у тебя, что ли, никогда на улице документа не спрашивали? Чего особенного? Значит, ищут кого-то. Никакой обиды нет.

...Спящего глубоким сном Алонова бережно вынесли на носилках и уже увезли в вызванной телеграммой санитарной машине, когда Клебановский, которого с трудом растолкала проводница, вышел на перрон вокзала степного городка.

В стороне стоял начальник поезда, а перед вагоном прогуливался милиционер. Он пошел вслед за пассажиром в сапогах и с охотничьим мешком за спиной. В конце перрона, у открытых решетчатых дверей, ведущих в город, стоял другой милиционер.

Первый милиционер догнал Клебановского, козырнул:

– Гражданин! Ваш документ.

От неожиданности Клебановский вздрогнул. Он с трудом вытащил свой паспорт. Тоненькая книжка промокла во время купания в озере, где ее хозяин спасался от воображаемой погони.

Осторожно, чтобы не повредить размокшую бумагу, милиционер пытался расцепить слипшиеся листки. Исправный службист выговаривал неаккуратному человеку:

– Эх, гражданин! И какое же у вас обращение с документом! Как же можно допускать? Надо сказать – уничтожили вы свой документ, менять ведь придется...

Проводница изнывала в нескольких шагах, удерживаясь от желания заглянуть через плечо милиционера и попросить его поторопиться. Наконец тот отделил первый листок.

– И где вы только были? Тонули, что ли? – Милиционер не мог удержаться от последнего упрека.

Заглянув на первую страницу, милиционер, как это обычно делают, спросил:

– Как фамилия?

– Клебановский...

– Так. Клебановский. Все правильно.

Милиционер спрятал паспорт в свой карман и опять козырнул:

– Прошу пройти в отделение!

Второй милиционер придвинулся вплотную.

– Почему, в чем дело? – возмутился Клебановский, скрывая страх. – Меня знают, я в этом городе имею постоянное жительство, работаю.

– Идемте в отделение, гражданин, – сказал второй милиционер. – Вам там объяснят.

Отделение милиции было рядом, в помещении вокзала. Осмелевшая проводница и начальник поезда проникли вслед за приведшими Клебановского милиционерами. Они слышали, как дежурный лейтенант железнодорожной милиции приказал:

– Обыскать!.. – И тут же по телефону доложил кому-то с нескрываемым удовлетворением: – Клебановский взят! Куда его доставить?

Ударил второй звонок. Всплескивая руками от волнения и восторга, проводница помчалась к своему вагону, издалека делясь с напарницей:

– Арестовали! Арестовали! Кажется, тот! Страх-то какой! В одном вагоне с ним были!

Так закончились путешествия Клебановского. Еще с ночи бандита ждали в маленьком домике на окраине степного городка по адресу: Веселая улица, дом номер семь, ждали и на перроне вокзала. В другие места должны были быть разосланы его фотокарточки, которые уже готовились для размножения: организовывался розыск. Алонов опередил Клебановского. Избранный диверсантом план в лучшем для него случае мог привести его лишь в собственный дом.

Тревога, объявленная по линии железной дороги, была снята...

Главный хирург городской больницы, осматривая Алонова, лежащего на операционном столе, привычно внятно говорил через марлевую повязку:

– Спит. Всё в норме... Спит спокойно. Потеря крови и переутомление. Сколько он там гонялся за мерзавцами?.. Суток трое или четверо. Спрашивается: как он питался? Никак. Как спал? Не спал. А волнения? Отмобилизовал все ресурсы. Смотрите, как высох... А фигура у него хороша! Молодец! Отдохнет!.. Готовьте, но, чур, не будить!

Легчайшие прикосновения нежных рук освобождали голову Алонова от рубахи с запекшейся кровью, брили

волосы, обмывали лицо. Открылась длинная рваная рана от лба через темя.

– Анестезия интрахеально!.. – командовал хирург. – Попробуем его не будить... Рауш! Вот так, отлично... – сказал он, когда Алонов чуть вздрогнул от наложенной маски со смесью эфира и хлороформа, употребляемой для экстренной наркотизации. – Смотрите, – продолжал хирург, накладывая швы. – Два миллиметра ниже и... видно, смелого пуля боится...

После окончания операции почти все врачи и многие сестры столпились в операционной. Необычайный случай нарушил строгую дисциплину. Всем хотелось увидеть Алонова.

Прислушиваясь к тихим, взволнованным восклицаниям женских голосов, хирург мыл руки. Глядя в зеркало, ви-сящее над умывальником, он хитро подмигнул сам себе, улыбнулся и сказал:

– А все-таки у него кое-где на голове останутся плешинки. Придется ему сбоку проборчик делать и волосики подмазывать, а то девушки любить не будут. Да-а...

Хирургу ответил хор возмущенных женских голосов:

– Как вы можете так говорить! Вы совершенно ничего не понимаете в женщинах, ничего!..

* * *

Один из моих знакомых, доктор естественных наук, принимал участие в изучении нового вида саранчи. Я получил возможность увидеть и кубышки и зародыши. Я видел и самую саранчу, которой дали выплодиться для наблюдения.

Экземпляры опасных чудовищ, сохраняемые в форме, нашли свое место на столе вещественных доказательств в зале суда.

Мне дали прочесть следственное дело по обвинению диверсантов в преступлениях, предусмотренных статьями нашего Уголовного кодекса. В деле я нашел не только показания Алонова, – его имя упоминалось достаточно часто...

От железнодорожной станции до животноводческого совхоза имени Ленина я пошел пешком. Уж очень хороши здесь бывают дни конца марта: прищвинская весна света прекрасна не только у нас, в центральной России. Ничуть не менее обаятельна она и в западно-сибирских степях.

Приятно пройтись после трех с лишним суток, проведенных в вагоне. На солнце подтаивало. И так славно дышалось, что я незаметно прошел четыре или пять километров.

Я не застал ни директора совхоза, ни его заместителя. Хозяйство здесь очень большое, разбросанное. Об Алонове мне сказали, что он уехал «на филиал», но вернется к обеду.

– Наверное?

– Как сказал, так и будет...

От секретаря партийной организации я узнал, что в конце минувшей осени совхоз успел построить плотину в местах, обследованных Алоновым.

– Земли нам там отводят, – говорил мой собеседник. – Если будет вода, сядем там еще одним филиалом. У нас тесно.

Здесь саранча, как видно, ушла в прошлое. Ее, как говорил секретарь, выкопали, выпалили, всю уничтожили.

– Сами бандиты указывали места. Да и без них обошлись бы. Наш Алонов все разглядел, все запомнил. Если осталась кубышка-другая, то туда скоро выезжают специальные наблюдатели – как снегу сойти. Не упустят. Главное с этой гнусью – вовремя захватить. Тогда и самая усовершенствованная не страшна.

Мы пошли с секретарем: он – по делу, я – взглянуть на совхозное хозяйство.

Из-за ограды обширного, сейчас пустого загона показался молодой человек. Он широко шагал по тропке, пробитой в оседающем снегу. За ним, остывая после езды, шел серый конь. Я, по старой привычке, заметил, как, по всем правилам кавалерийского марша, стремяна перекинuty через седло, подпруги отпущены и повод закинут на шею. Серый играл с хозяином, подталкивая его сзади храпом под локоть. Секретарь сказал мне:

– А вот и наш Иван Александрович вернулся.

Секретарь познакомил нас. И в воображении и только что, издали, Алонов казался мне высокого роста: а был он чуть, может быть, выше среднего.

С первых слов я понял, что для Алонова и мой приезд, и его вероятная цель уже не были секретом: кто-то сумел «доложить». Вместе с Алоновым я прошел на конюшню, где он поставил коня в денник. Стараясь смягчить натянутость первых минут и найти дорожку к сердцу Алонова, я горячо похвалил серого. Моя невинная хитрость не произвела нужного действия.

Мы пообедали в совхозной столовой, обмениваясь малозначащими фразами. Ледок натянутости оставался – я не умел его сломать, а Алонов не хотел. Типом лица, русыми

волосами, цветом серых глаз Алонов был северянин. На мой вопрос он коротко, но довольно охотно объяснил, что родители его родом олонецкие, откуда, надо думать, и фамилия. Надо бы – Олонов, но в русском языке начальное «о» в именах легко переходит в «а»... Этим и закончилось личное. Кругом нас были люди. Я видел, что Алонова и любят и уважают, что он у себя дома среди тридцати или сорока человек обедающих. Но я для него был совсем посторонний. Это меня стесняло, а его – нет.

После обеда он пригласил меня к себе. Я видел, что он подчиняется обязательным правилам гостеприимства – не больше. Он угостил меня каким-то особенным табаком – крупная крошка самосада имела приятный вкус и запах.

– Я примешиваю донник и еще кое-какие степные травы, – объяснил Алонов.

В комнате был порядок. Над кроватью висели три ружья. Я поинтересовался оружием. Алонов снял одно:

– Это мое.

– А те два?

– Они – оттуда. Лежали в мелком месте. Мне они ни к чему, но там все настояли, чтобы я взял себе: боевой трофей... Даю товарищам на охоту, кто попросит. Своего – не давал и не дам.

И тема иссякла. Славное девичье лицо смотрело из рамочки. На столе было много учебных книг. Я узнал, что в этом году Алонов хочет поступить на заочное отделение Института животноводства.

– Почему вы не хотите пойти на основной курс? – спросил я. – Там было бы легче.

– Конечно, легче, – сразу согласился Алонов. – Да мне

не хочется отрываться от нашего совхоза. Постараюсь как-нибудь справиться.

Я подумал, что он наверное справится. Разговор опять оборвался. Алонов был по-прежнему холоден, спокоен. Я сделал последнее усилие – и начал говорить сам. Я рассказывал о том, чего Алонов мог не знать, привел несколько примеров борьбы зарубежных коммунистов.

Алонов оживился. Когда я сделал паузу, он ею охотно воспользовался:

– Они – настоящие герои. А я? Что я? Я ведь был у себя. И, знаете, ведь я все время боялся, все время. Да, я боялся! Сначала за себя, а потом...

И он увлекся. Он рассказал мне о своем страхе, о своей борьбе со страхом, о своих делах и мыслях. Один за другим передо мной прошли дни, проведенные им в борьбе.

В этой повести я постарался передать все, как было...

1951

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИБАДУЛЛЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тяжелый путь

I

С равнины горы видны издалека. Для жителя степи они закрывают и возвышают горизонт, кажутся границей мира и служат рубежом, за которым воображение рисует иную землю. Сверкающие вершины висят над голыми стенами, которые опираются на пятнистые склоны.

Изменчивые, непостоянные краски гор зависят от часа дня и времени года. Летом белые шапки укорачиваются, осенью начинают сползать вниз и всю зиму опускаются к равнинам, никогда не достигая их. Под солнцем горные льды вспыхивают, блестя голубыми, зелеными, розовыми лучами.

С равнин горы не кажутся далекими. Думается человеку, что довольно ему сесть на доброго, сильного коня, чтобы уже к концу дня достигнуть подножий. Но проходит полдень, близится вечер, а горы все отступают. Упрямый наездник ночует в степи.

На второй день всадник начинает замечать в горах движение. Это изумительное зрелище! Кажущееся един-

ство гор распадается на пояса укреплений, они перемещаются, множатся и устанавливаются в глубину, готовясь к борьбе с человеком. Навстречу выходит первый вал обороны, за ним шевелятся другие. Проверая готовность, они меняют очертания, обнажают каменные мускулы скал.

Первый вал открывает лысины, разбросанные среди лесов. А вот уж это и не леса, а выпяченные травянистые ребра. Тени лесов, превратившись во впадины, извиваются и стекают с подножий. Там, в глубоких выемках, и вправду прячутся леса.

Вчера смутная зелень только угадывалась. Сегодня всадник видит весь первый вал гор с его мягкими, закругленными вершинами. Он порос травой и кустами, по нему ползут медленные тени облаков. Высокие каменные стены, которые вчера, казалось, опирались на мягкие дерновые подножья, отступили назад, насупились – дикие, мрачные. А белые шапки все еще висят где-то далеко, не приближаясь и не удаляясь.

Конь идет по диким полям. Маки миллионами чашечек едино и гибко повинуются движению солнца и заливают землю алым цветом. Кончаются маки, и их сменяют низкие заросли тюльпанов.

Всадник поет. Мотив его песни однообразен и прост. Повышая и понижая голос, человек рассказывает обо всем, что видит. Он поет о цветах и травах, о сусликах, которые свистят тревогу и прячутся в хитрых норах, о ястребе, который охотится за сусликами, о ветре, о солнце и о себе самом с сокровенными думами одиночества.

Кончив свою песнь, всадник вспоминает другие – о черном медведе и барсе, жителях пещер, о кабанах, пасу-

щихся в сочных долинных лесах, о прохладных ручьях, которые бегут с гор, чтобы напоить поля и исчезнуть в песках. Всадник поет от полноты сердца и радости жизни. Ему вольно и хорошо.

На третий день в шапках гор проступают синие и зеленые льды, и наконец-то видит всадник, как далеки они и те хребты, которые их носят. Они спрятались за первым поясом, прикрылись скалистыми стенами второго и не над ними стоят, а смотрят из-за них!

И человек постигает не со слов других людей, а собственным опытом несравненное величие гор. Он останавливается и озирается кругом. Положив руку на круп коня, он оглядывается, ищет взором места, откуда пришел. Внизу лежат его равнины! А сам он уже в горах; сам того не заметив, он уже поднялся над степями и пустынями.

Познавая необычное, он смотрит, он мыслит и продолжает свой путь уже без песен.

II

Дышится плохо, дышится трудно. Голова так тяжела, точно набита тем же камнем, по которому ступают ноги. Дороги нет – скользкая узкая тропа бесконечно ползет и ползет вверх, цепляясь за отвесную стену ущелья.

Слишком мало света проникает сверху, и в ущелье темно. Где-то на дне бежит ледяная вода. Живая вода должна бурлить на камнях, прыгать и пениться на скалистом ложе. Но не видно и не слышно воды – такой мрак лежит внизу и так глубока пропасть. Там, под ногами, пусто и тихо. Пустота терпеливо ждет неверного шага че-

ловека, бродящего по горным кручам. Карабкаясь по оврингу – карнизу, подвешенному на случайных выступках скал, томительно напрягаясь, тянутся люди и выючные животные.

А наверху кружит метель. Ветер бьет снегом в горные вершины, терзает камень, залепляет трещины, полирует скалы и льды. На овринг сыплются упущенные вихрем струи песка и мелких камней, летит сухая снежная пыль. Люди смотрят вверх с тревогой: если ураган спустится в ущелье, он сорвет маленький караван с узкого карниза, как осенний ветер уносит вялые листья. Лучше остановиться и переждать во впадине стены. Есть надежда, что здесь удастся спастись.

После невольной передышки люди вынуждают себя идти и заставляют двигаться животных. Ураган наверху стихает; нужно выбраться из теснины до наступления ночи.

Наконец достигнут перевал. Его обозначают невысокие пирамиды камней, сложенных редкими путешественниками много лет тому назад. Кое-где между камнями торчат рога горных козлов – нахчаров и гульджей. Это благодарственные жертвы богам или богу за то, что смерть еще раз пощадила людей, позволила им подняться на перевал из далеких равнин.

Наверное, были здесь и лоскутки цветных тканей, знаки суеверного почтения и благоговения, привязанные к рогам и зацепленные за камни. Если и были, то время унесло их. Уже десятилетия минули, как перевал заброшен. Современные пути прошли стороной.

III

Недалеко от каменных пирамид с рогами нахчаров стоял рабат, хижина для путешественников, – грубо сложенные четыре стены из дикого камня с примкнувшим к ним загоном для скота.

Много лет ушло с того дня, когда через перевал прошел последний караван, и никто не знает, кем и когда был построен этот рабат. Однако его крыша и навес над загоном хорошо сохранились. На больших высотах гниение не властно над деревом. Здесь нет ни грибка, ни точащих древесину насекомых.

Даже неожиданный запас топлива нашли путники в углу рабата. Это была куча терескена – растения, благословенного горцами за то, что оно умеет распускать на мертвых галечных осыпях пучки веток, похожих на сплюснутые кочки.

Не произнося ни слова, путешественники развьючили косматых, дикого вида яков и поставили их в загон. От ветра дыру входа завесили кошмой и развели огонь в грубом очаге без трубы. Терескен вспыхнул сразу и дал сильное, жаркое пламя. К нему протянулись шесть рук. Люди молчали, им не о чем было разговаривать между собой. У них не было общих мыслей, которыми они могли бы поделиться. Двое из них получили деньги за работу – они обязались проводить третьего до границы и указать ему путь за рубеж.

Обещая все хорошо исполнить, проводники поклялись рассветом, десятью ночами, всем великим и единственным и приходящей ночью. Клянясь, они вкладывали свои руки в

руки нанявшего их человека. Таковы формула и ритуал нерушимой клятвы. Путник был уверен в своих проводниках и мог положиться на то, что запас продовольствия и топлива, оставляемый в рабате на случай, если он вернется, никто не тронет.

Несколько дней тому назад этот путник пришел с юга. И если он сумел найти затерянный кишлак, значит, он был сильный человек, который не боится гор. В кишлаке он был принят по обычаю, как гость, у которого не спрашивали имени и цели прихода, пока он сам не назовет их. О чем говорил пришелец с главой кишлака аксакалом, старший проводник узнал, когда его позвали, – чужой искал дорогу за рубеж, и аксакал согласился помочь ему.

Целая жизнь прошла с тех черных дней, когда русские и афганцы устанавливали новую границу между своими владениями. Хитрые инглезы сумели навязаться в судьи для разрешения и примирения пограничных споров, и они обманули и русских и афганцев. Плохая получилась граница: она разделила таджикские семьи, разъединила братьев. С тех пор изменились караванные пути, но аксакал, старый человек, помнил горные тропы и знал, кому поручить путника. Аксакал сказал проводнику: «Этот человек говорит, что хочет вернуться на родину и он оплатит твой труд».

Каждый должен иметь родину и стремиться к ней – это такая же очевидная истина, как то, что каждый труд следует вознаграждать. Теперь путник близок к цели. Дальше он пойдет один.

«Что суждено этому человеку? – думал старик. – Ждет ли его жизнь или смерть? Разве кто-нибудь из живых читал книгу судьбы? Никто...»

Дым терескена легко уносился в дыру над очагом. Вода быстро закипела в медном, насквозь черном от давней сажи кумгане, но чай был невкусен. На высоте перевала вода начинала кипеть при температуре около восьмидесяти градусов и больше не нагревалась, поэтому путешественники и не пробовали сварить себе рис – они знали, что твердые зерна не разварятся и за целые сутки. Рис – пища жителей долин и предгорий, но не тех, кто бродит по хребтам Крыши Мира.

Трое людей насытились привезенным с собой холодным вареным мясом и черствыми лепешками, легли и скоро заснули. Вокруг рабата рвался ветер, метал снег и песок, шуршал, стонал и выл дурным голосом. Где-то вдали загремело...

Старший проводник поднялся, поправил терескен в очаге, вслушался, покачивая головой с длинными редкими волосами на остром подбородке худого морщинистого лица. И снова в горах прошла лавина. Едва заметно дрогнула земля...

Наутро лица всех троих почернели – не от дыма очага, но потому, что ночи на больших высотах бывают тягостны. Глянув один на другого, они смолчали.

Все вместе они сложили в углу рабата оставляемые путнику скудные запасы и заботливо завалили их большими камнями. Вьюки сделались легкими, и младший проводник один седлал яков. Старший показывал и объяснял путнику, как тот должен идти дальше один.

Перед ними лежала безотрадная каменная пустыня.

Повсюду – скалы, мертвые галечные поля, перепутанные острые хребты с рваными позвонками. В чистой пустоте неба над обледелеными вершинами висели перистые полосы облаков. Стало совсем светло, но солнце все еще не могло взойти, прячась внизу, под горами. От мерзлых камней веяло мертвенным холодом.

Рассказывая о дороге, проводник почти не прибегал к словам. Расстояния он изображал числом поднятых пальцев, повороты обозначал движением согнутых под углом ладоней. Путник должен был дойти до реки и переправиться на другой берег. Тряся пальцами и чуть прищелкивая языком, старик изобразил стремление бурной воды. Жестикуляция, редко подчеркиваемая отдельным коротким словом, служила непередаваемой манере горца рассказывать о местности, так он привык. Бессознательно подражая забытому искусству древних мимов, актеров старинной пантомимы, старик как бы лепил руками, и его немой рассказ печатался в сознании и памяти слушателя, как ясная рельефная карта.

Своими жестами проводник переходил реку – он сказал «об», что значит по-таджикски вода, – проникал в долины, карабкался по кручам и шел уже там, за границей. Наконец он чуть слышно, нехотя произнес: «Кишлак», присел, изображая окончание пути, и выпрямился. Все. Остальное его не касалось.

Зажимая в руке короткую клочковатую бородку, путник внимательно слушал и следил за жестами проводника, потом попросил повторить все сначала. Тот терпеливо повторил, после чего они взглянули друг другу в глаза и путник сказал:

– Возьми пищу из рабата. Увези ее с собой. Я не вернусь.

Ничем не выразив своего удивления, старый горец сделал рукой отрицательный жест. Он поклялся оставить тут продовольствие, и как же можно привезти его обратно? Аксакал обвинит его в обмане гостя. Нет, все останется здесь...

Вскоре двое людей и три яка двинулись в обратный путь. Оставленный в одиночестве путник – его звали Ибадулла – слышал, как младший проводник запел. Юноша вывел высокую ноту и смолк. Потом повторил, взяв ниже, и вдруг рассыпал скорбные музыкальные фразы, точно заплакал.

Это была грустная, за душу хватающая песнь горца, печальная, как ледяные пустыни и вековой гнет, в которых родились и певец и мелодия. В душе одинокого путника она отдавалась тревогой.

А старый проводник торопил яков. Теперь они были свободны от груза и на них было удобно ехать верхом. Солнце, наконец, встало в небе, и ветер внезапно стих. Сделалось тепло, и все стало обычным. Но жутко было старику. Он чувствовал: место на перевале стало плохим, почему-то дурным стало место – вот что! Скорее прочь отсюда: день встал недобрый, и час наступает недобрый.

О человеке, оставленном на перевале, горец уже забыл. Старика давило предчувствие беды, грозящей ему самому и его любимому младшему сыну, который умеет так хорошо петь, и его дорогим якам. Скорее, скорее бежать отсюда – злой час подступает! Дьявол-Иблис, ломающий горы, затевает возню в темных ямах преисподней...

И верно, в ущельях гудело и ухало, под ногами чуть вздрагивала земля.

V

Расставшись с проводниками, Ибадулла тоже не медлил. Он забросил за спину шерстяной мешок – курджум с черными и грязно-белыми полосами – и пошел к северу, где внизу, после спуска, должна протекать горная река, служившая пограничным рубежом.

Дороги не было, тропа умерла на перевале, и где было ее продолжение – неизвестно. Белые кости животных, разбросанные там и сям, были единственными свидетелями прежних путей.

Ибадулла ступал нелегко, воздух высокого плоскогорья был слишком редок, чтобы человек мог позволить себе свободу быстрых движений. Тотчас же сердце напоминало о себе мучительно-быстрым биением. Грудь требовала воздуха, и ничем не удавалось утолить ненасытную жажду: ни поднимая плечи, ни растягивая, сколько хватало силы, сделавшиеся тесными ребра. Одно помогало – частый отдых.

Путник знал режим пешехода в горах и не боялся припадков удушья – они кончались после короткой передышки, и Ибадулла вновь двигался дальше. Дорогу ему указывали три вершины – две справа и одна слева.

Проходили часы. Много раз по мере движения солнца ветер менял направление. Налетали внезапные шквалы, полные снежной пыли и острого песка, потом вновь прорывалось неожиданно жаркое солнце.

Ибадулла миновал плоскогорье и сползал вниз по осыпи. Спуск был крут и тяжел, но дышать становилось все легче. Уже ушли три путеводных горных пика, сменившись двумя другими.

Иногда человек скользил и падал, хватаясь руками за что попало. Срывались камни и скачками мчались вниз. Один камень сбивал с места другой. Вся поверхность осыпи принималась греметь, морщиться, течь.

Такие места называются тарахташ – гремящие камни.

Ибадулла боялся движения камней. Порой ему казалось, что вся осыпь готовится ожить и смолоть его в беспощадной громаде. Скорее бы достигнуть поворота, где можно будет расстаться с предательской дорогой... После каменной реки рубеж должен быть близок.

Наконец Ибадулла увидел под собой стремнину настоящей реки. Рожденная невдалеке, она была маловодна и от пены казалась белой, как вата хлопчатника. Ледяная вода была еще холоднее, чем воздух, и над рекой стлался легкий туман.

Изображая реку, проводник указывал себе на пояс – поток был мелок. Но трудность заключалась в том, чтобы перейти реку незамеченным и не обнаружить себя на том берегу.

Ибадулла затаился на краю наречной террасы. Он знал, что сам он неразличим среди скал. Но как же трудно было и ему рассмотреть кого-нибудь на том берегу! Если он войдет в воду, то будет замечен, как камень или бревно. Но камни в реке неподвижны, а бревен здесь не бывает.

Далеко и много видел Ибадулла из своей засады. Он

удалился от рабата на расстояние, быть может, в целый таш, то есть на десять или двенадцать километров. Здесь, внизу, дышалось свободно, полной грудью.

Разница в высоте обозначалась теплом и весной. Здесь повсюду, где мог зацепиться корень, распускались растения. На корявых ветках шиповника зеленели листья, кое-где выскочили розовые стрелы эремурусов, алели первые цветы.

Кристалльная прозрачность воздуха сокращала расстояния и чудесно приближала все предметы. Далеко вправо и несколько ниже виднелись маленькие, как спичечные коробки, приземистые здания и квадратные башни серо-желтого цвета. Осведомленный проводником, Ибадулла знал, что там афганский пограничный пост. На противоположном берегу не удавалось различить ни одного строения. Там было пусто: каменные осыпи, скалы, кое-где живая зелень — и только. Но Ибадулла не доверял глазам и не спешил. Не следует спешить. Ведь он мог ждать день, два, неделю... Нужно присмотреться, понять, освоиться и не сделать ошибки.

Никто не гнал Ибадуллу, не было никакого приказа, лишаящего его самостоятельности и связывающего сроком. Хотя он не считал, что готовится совершить что-то дурное, но знал, что должен скрываться и что для осуществления его намерения ночь будет благоприятнее дня. Он поправил веревки, удерживающие курджум за плечами, и встал, невидимый в тени скалы.

VI

Вдруг под ногами Ибадуллы земля пошла в сторону или что-то дернуло его за ступни, он не понял. Но он уже падал, тщетно пытаясь удержаться. Инстинктивно сгибая колени, он вытягивал руки, ловя несуществующую опору. Опять его бросило, он боком коснулся земли и, извиваясь, пытался подняться.

Ибадулла видел, как берег реки раскололся и начал медленно, нестерпимо медленно разворачиваться, как створ грандиозных ворот, открывающих выход из подземного мира. Весь целиком раскачивался горный хребет и так неторопливо, точно само время остановилось. Лениво и мягко проседали скалы... И, наконец, человек услышал гром кончины мира. Точно труба звучала над землей и в земле. Она гудела, ее рев налегал, давил и нестерпимо мучил кости и мускулы бессильного тела.

Удар, и еще удар, и еще... не было счета, и некому было считать. Все разрушалось.

Ибадулла еще слышал треск и грохот гор, но уже ничего не видел. От разрушенных гор поднялась пыль, затмившая небо. Но человек успел подумать, что сам он уж мертв, погребен и для него ничего больше не осталось в этом враждебном мире...

Ибадулла очнулся, пораженный тем, что он еще живет и дышит. Пыль редела. Крупные частицы выпадали вниз, а мелкие еще долго будут плавать в атмосфере, подкрашивать дождь и придавать особенную, тревожную красоту небу и зорям.

День вернулся; горы успокоились, но Ибадулла больше

не узнавал их. На том месте, где были здания пограничного поста, высилась гора. Не стало вершин, служивших ему указателями пути. На юге, откуда он спустился, был обрыв, за ним вставали высочайшие стены. На севере река исчезла – там зияла впадина, сухой отрезок бывшего русла.

Из всего, что только что неизбежно было здесь, лишь он, маленький слабый человек, остался невредимым. Ибадулла почувствовал нестерпимую муку одиночества. Чего не отдал бы он за звук человеческого голоса!

Еще плохо сознавая, что он делает, путник устремился на север. Как муравей, он карабкался в диком ландшафте только что рожденной поверхности земли. Одного страстно хотелось ему – скорее уйти от гор и от этого страшного места.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дневной рассвет

I

Солнце село, и темнота заставила Ибадуллу лечь. Он заснул сразу тяжелым, лишенным сновидений сном.

Очнувшись утром, путник вспомнил все. Рядом с собой он нашел курджум с запасом пищи и удивился ему, как чуду.

В горах стояла тишина – такая давящая и тяжелая, как вода на дне колодца. Глядя в бледное рассветное небо, Ибадулла думал об удивительной прихоти судьбы, которая разрушила горы и сохранила в целости слабое тело человека...

Итак, он совершил задуманное и пришел на эту землю. Позади остался рубеж, граница двух государств в диких горах, где все разрушено землетрясением. Теперь его жизнь разделилась на две части...

Ибадулла старался вновь и вновь осознать значение совершенного. Нет, он не сделал ошибки. На мгновение он ощутил силу и свободу. Да, пусть будет так. Но в его мыслях было смирение, а не гордость.

Пора. Ибадулла поднялся, закинул за плечи курджум. По привычке он забрал в кулак свою короткую курчавую бороду. Нужно понять, куда идти. Он немного постоял, озираясь по сторонам, спокойный, неторопливый, тщетно стараясь вспомнить жесты и редкие слова старого горца-проводника, найти в памяти указание и связать его с местностью. И он двинулся вниз по ущелью, твердо зная одно: нужно спускаться, чтобы выйти из гор на север или на запад.

В середине дня Ибадулла почувствовал близость селения. Встретились бесспорные признаки: сначала на узенькой террасе нашелся кусок возделанной почвы и под ногами оказалась тропа со следами, оставленными домашними животными. Но вскоре тропа исчезла под беспорядочным нагромождением обломков камней. Пришлось проделать трудный и опасный обход по кручам. Потом вновь попалась тропа.

Вдруг до слуха Ибадуллы дошел первый за все время голос живого существа. Он увидел человека, лежащего ничком. Рядом с ним мохнатая собака протяжно выла, задирая к небу узкую морду.

Ибадулла приблизился. Собака встала и, охраняя не-

подвижное тело, с грозным и жалким рычаньем обнажила желтые зубы.

Путник попятился. Он не испугался клыков, но отдавал должное верному сторожу. Не делая резких движений, он присел в стороне и наблюдал. Руки человека были раскинуты, подогнутые ноги застыли, и в открытых глазах не было жизни.

Ибадулла нашел в курджуме вареное мясо, отрезал кусок и бросил собаке. Обманутое взмахом руки человека, животное отскочило, но потом жадно проглотило мясо. Привыкнув к незнакомцу, собака позволила ему приблизиться к телу хозяина.

Путник заметил рану на голове и засохшую кровь на руках мертвого. Застигнутый подземным толчком, спасаясь от смерти, он, очевидно, выскочил из дому, но камень настиг его.

Грусть сжала сердце Ибадуллы. Он понял, что под обвалом погиб целый кишлак – так же, как вчера на его глазах исчез афганский пограничный пост. Путник опустил голову и закрыл лицо руками...

Нехорошо покинуть без погребения тело человека, бросить его на добычу птицам и зверю. Собака не мешала Ибадулле опустить погибшего в расщелину и завалить его камнями. Животное пошло было за путником, но скоро отстало.

В ущелье, где брел Ибадулла, было сухо, и это все больше беспокоило его. Человек не может слишком долго обходиться без воды.

II

Среди ночи рассыпались молнии. Синие извилистые вспышки били сразу со всех сторон. Ибадулла видел, как грозовые стрелы падали сверху и поднимались снизу. Гром рвался в скалах, и никто не мог бы сказать, что грохочет сильнее – небо или горное эхо.

Воздух сделался жестким и сухим, как песок пустынь. Ибадулла чувствовал, что во рту у него появилось странное ощущение кислого. Ему казалось, что по телу прыгают искры. Вскоре обрушился свирепый короткий ливень. Он потушил молнии и напоил человека.

Утром от ночных потоков остались во впадинах лужи светлой воды; они утолили жажду, и путник двинулся дальше.

В тени ущелий было прохладно, а на освещенных местах солнце палило. Ибадулла лихорадило, он пил жадно и много.

Ущелья бесконечно ветвились, по-прежнему мертвые, безлюдные. Изредка в неизмеримом пространстве прозрачного воздуха мелькал орел. Порой на кручах виднелись табунки горных каменных козлов-нахчаров. Однажды особенный звук поразил внимание Ибадуллы. Он остановился и наблюдал за маленьким, блестящим на солнце самолетом, который огибал высокий пик горы. Издали казалось, что он не летит, а ползет по круче. Самолет оторвался от горы и исчез. В горах стало еще пустынное...

На третий или на четвертый день Ибадулла понял, что он блуждает. Время шло, а воды больше не было. Пришло утро, когда путник бросил пустой, отслуживший свое

курджум. Человек устал. Теперь он шел по долинам, где встречались полянки, поросшие низкой весенней травой. Иногда почти из-под ног вспархивали доверчивые куропатки. Кое-где встречались ленивые сурки. Но у путника не было оружия, чтобы сбить птицу, и он не умел ловить сурков. Кроме возможности идти, у Ибадуллы ничего не было. Он не хотел думать и умел не думать о том, что с ним будет, когда отсутствие воды и пищи станет сильнее его воли. Он шел и шел.

Одна из ночей застигла его у выхода из ущелья. Наверное, уже очень далеки и перевал и страшные места, разрушенные землетрясением. Ибадулла вглядывался в темноту, но нигде не мерцал огонек. Засыпая, он понял, что не знает, сколько дней уже длится его блуждание в горах.

Ночь не принесла отдыха, утром усталость была еще большей. Ибадулла еле заставил себя подняться на непослушные ноги. Он долго стоял, мучительно борясь с головокружением.

В предгорных равнинах весна доживала свои последние недели. Воздух был свеж, полон тонкого запаха цветущих трав.

Наконец перед Ибадуллой открылось свободное пространство. Постепенно, мягкими террасами в неизмеримую даль уходили равнины. Им не было предела. Горизонт спрятался за туманной сухой дымкой дрожащего воздуха. Где-то там лежали горячие пески пустынь. И где-то, невидимые отсюда, были людские поселения.

Ибадулла уверял себя, что не могут быть слишком далеки жилища, и люди, и вода... Нужно идти, нужно заставить себя идти.

Голода уже не было. Рот высох. Нельзя было сомкнуть растрескавшиеся, твердые губы, нельзя было сказать ни одного слова, даже если бы было кому сказать.

Ибадулла заставлял себя считать шаги и на каждую сотню загибал один палец. Когда пальцев не оставалось, он позволял себе остановиться, поднять голову и взглянуть вдаль. А на ходу приходилось смотреть под ноги, чтобы не упасть. Ибадулла постоянно сбивался со счета, но не хотел отказаться от него. Счет осмысливал движение и очень помогал бороться с соблазном поскорее лечь и отдохнуть.

Нужно беречь, беречь время, ведь силы уходили сами собой с каждым исчезающим часом. Ибадулла знал, что у него остается не так много часов.

Когда он оглядывался назад, горы казались такими близкими, точно он не отходил от них. Но как-то он заметил блеск в горах, и это утешило его. Он смотрел на игру льдов в лучах вечерней зари. Солнце садилось, были освещены только верхушки гор, и от почерневших подножий на степь наступал мрак, приближаясь и сгущаясь.

Ибадулла понял, что много прошел, и пожалел, что у него не хватит сил дойти до конца. Но о том, что он выполнил свое желание и пробился через горы, он не жалел.

Жажда и голод неотвратимо, помимо воли человека, делали свое дело. Как Ибадулла двигался дальше и что с ним было или должно было быть, он больше не знал. Переставая понимать и помнить, Ибадулла все же брел вперед, шатаясь, запинаясь и падая.

III

В пустой высоте неба таился орел. От нагретой солнцем земли взвивались токи горячего воздуха, но тепло не могло подняться так высоко, как птица. Жестокий мороз властвовал там. Орлу не было холодно. Его спину согревали прямые солнечные лучи, его жилистое тело покрывал черно-желтый пух, его могучее сердце мощно толкало в артерии горячую кровь.

Нежные концы перьев на распростертых крыльях ловили малейшие изменения плотности воздуха, на который опирался орел. Принимая их сигналы, грудные мускулы бессознательными, но верными движениями поддерживали равновесие и сменяли короткие нисходящие спирали восходящими. Орел был свободен, и его глаза искали добычу.

К горам медленно, почти незаметно ползло что-то, что с этой высоты показалось бы всякому другому глазу бесформенным, слегка меняющим контуры пятном, тенью почти неподвижного облака. Но орел различал уверенных вожаков стада, могучих баранов, которые помнят дороги на летние пастбища, и стройных молодых овец, и внимательных маток с беспокойными, беспомощными ягнятами – нежной, желанной добычей.

Уже пора бы орлу совершить разбойничий налет на стадо, уже прошел не один час, но хищник еще выжидал. Он видел повозки, следующие за стадом, и фигуры всадников. Не разумом, а опытом, переданным от длинного ряда предков, орел ощущал смертельную опасность.

Кроме людей, безопасность стада охраняли чуткие со-

баки. Точно гибкая кольчуга покрывала стадо, и орел терпеливо ждал удобного случая для внезапной атаки.

Орел висел над стадом и следил за ним не отрываясь. Но видел он в степи и еще одно живое существо: навстречу массе овец двигался человек. Он перемещался еще медленнее, чем стадо. Иногда он падал и долго лежал, точно таясь и прячась, потом полз и был похож на волка, который скрадывает добычу. Изредка человек поднимался, но вскоре опять падал и замирал надолго.

Орлы не нападают на людей, для них человек не служит добычей, за которой охотятся, которую выслеживают. И все же одинокий обессиленный путник привлекал его внимание. Долгие остановки и неверные движения человека возбуждали орла. Слабость, проявленная живым существом, всегда волнует хищника.

Орел сложил крылья и, управляя хвостом, начал падать. Над землей он осторожно расправил крылья, описал круг над телом, опустился вблизи и застыл, глядя на человека круглым глазом. Казалось, что оба — и птица и человек — мирно отдыхают. Орел чувствовал, что человек еще жив, и это заставляло его быть осторожным.

Постепенно хищная птица осваивалась, смелела и раздражалась. Переступив раз и два, она нацелилась. И вдруг человек пошевелился! Орел взмахнул крыльями и тяжело оторвался от земли.

Бригадир Умар Ишанбаев не первый час приглядывался к врагу, устроившему засаду в небе. Когда орел упал в степь, Ишанбаев отъехал от стада, но не прямо к орлу, а наискосок, чтобы не спугнуть осторожного хищника.

Метрах в четырехстах Ишанбаев остановил приученного к стрельбе с седла коня и приготовил карабин. Он уже держал орла в крестике оптического прицела, когда на земле что-то пошевелилось, и птица взлетела.

Краем глаза Ишанбаев заметил лежащего человека. Это не помешало ему завершить начатое. Затаив дыхание он слился с ружьем, легко, не напрягаясь, повел прицел, определил хищника и мягко нажал на спуск.

Камнем рухнул на землю орел, а Ишанбаев поскакал к человеку. Глаза лежащего были открыты, взгляд странный, дикий.

— Друг, что с тобой?

Ответа не было.

Ишанбаев присел, осторожно приподнял голову человека.

— Товарищ, кто ты? Откуда?

Глаза изменили выражение. Губы не шевелились, но слышался какой-то слабый гортанный звук. Ишанбаев, подставив ухо, спросил еще раз и услышал откуда-то издаля:

— ...шел... гор...

Потом глаза закрылись, но не совсем. От истощения между веками осталась щель, через которую проглядывала полоса глазного яблока. На своих ладонях Ишанбаев ощутил мертвую тяжесть головы.

Подскакал еще один пастух.

— Он пришел с гор, — объяснил бригадир. — Плохо, совсем умирает.

Пастухи знали о большом землетрясении, о большом несчастье, случившемся в горах две недели тому назад. В

тот день толчки были и в их районе, но без разрушений и жертв.

Они смотрели на почерневшее лицо с присохшими к деснам губами полуоткрытого рта. Умиравший, быть может, один уцелел из населения погибшего горного кишлака...

Ишанбаев закинул на ремень дорогой карабин – премию райисполкома за отличную работу, приказал товарищу:

– Постереги! – и с места бросил в галоп своего кровного туркменского скакуна.

Медленно надвигалось громадное овечье стадо. Тысячи тонких ног попирали землю, тысячи ртов сбивали траву. Слышались густые голоса баранов, высокие вскрики маток, жалобно-нежные возгласы ягнят. На границах стада за порядком следили деловитые собаки, сознающие меру своей ответственности.

Одним крылом стадо коснулось умирающего путника и спешенного пастуха. Подбежала и замерла сторожевая собака, приняхиваясь к чужому запаху. Несколько любопытных овец вытянули головы. К ним примкнули другие. Пастух выпрямился и крикнул. Собаки бросились восстанавливать нарушенный порядок. Пастух охватил за шею ближайшую матку, достал из-за пазухи алюминиевую чашку и принялся доить.

Послушная овца скосила горбоносую голову и глядела на человека добрым взглядом красивых глаз. С другого бока суетился шустрый ягненок. Пользуясь случаем, он толкался мордочкой и ловил длинный сосок. Матка щедро отдавала душистое молоко из полного вымени и своему ягненку и человеку.

Пастух тщетно пытался напоить бесчувственного человека, молоко напрасно проливалось. Тогда он поступил как с маленьким, потерявшим мать ягненком: опускал палец в молоко и смачивал им запекшиеся губы. Не открывая глаз, человек слабо глотнул.

– Будешь жить! – сказал пастух.

В обозе стада находилась радиотелефонная установка для связи с районным центром на время летнего похода.

– Случилось происшествие, товарищ Шарипов, – общал из степи бригадир Ишанбаев. – Нашел человека. Он пришел с гор. Лежит без сознания. Нужно спасать.

– Подержи его у себя, напои, накорми. Отправишь к нам с очередной связной машиной, – ответил тот. – А что он рассказывает?

– Что рассказывает? – вспыхнул Ишанбаев. – Он не рассказывает, а умирает! У Умара Ишанбаева не бывает напрасных слов, ты разве не знаешь? Он умирает! Его орел уже хотел клевать! Ты забыл разве, что было в горах? – горячился бригадир, увлеченный свойственным сильному человеку желанием немедленно действовать при виде чужого несчастья.

Шарипов не забыл о землетрясении. Бедствие разразилось в почти безлюдном районе, но один из горных кишлаков действительно исчез без следа. Не изменяя своему обычному спокойствию, Шарипов сказал тем же бесстрастным голосом:

– Будем быстро спасать, хорошо... Повтори, где ты находишься. Так... Место для посадки есть? Посылаю самолет.

IV

Районная больница находилась на окраине кишлака. В саду, обрамленном высокими тополями, доцветал урюк, на лозах винограда завязались грозди.

В палатах было свежо, просторно и тихо. Разносили завтрак. Главный врач в сопровождении дежурного врача делал обход больных. Найденный в степи путник вызывал особенное сочувствие. Вначале жизнь в истощенном теле едва теплилась. Но сильный, еще молодой организм – пострадавшему было лет тридцать – быстро оправлялся от перенесенных лишений. Вскоре незнакомец стал без посторонней помощи одеваться и передвигаться. Но с психикой его творилось что-то неладное. Больной молчал. Не было сомнений, что еще недавно он владел речью, так как не умел объясняться знаками и не был глух. Он слышал и понимал, но не отвечал.

В истории болезни он значился как житель погибшего во время катастрофы горного кишлака, пока – без имени.

Врачи и весь персонал больницы относились к несчастному с ласковой, бережной предупредительностью. Врачи надеялись, что уход, покой и время восстановят утраченную способность говорить. Следовало терпеливо ждать, когда нервная система найдет потерянное равновесие, и осторожно помогать больному. Медицине известен не один случай расстройства или даже полной потери речи у людей, пострадавших от стихийных бедствий. Главный врач говорил:

– Он вполне сознательно смотрит. Рефлексы почти в норме, он все понимает, он уже не возбужден. Никаких

расспросов, никаких напоминаний о катастрофе. Покой. Испытаем его еще недели две, к тому времени он успеет восстановить физические силы. Потом посмотрим, быть может, прибегнем к специальному лечению.

Больной подолгу сидел в саду, медленно, понуриив голову, точно глубоко задумавшись, бродил по затененным дорожкам. Заметили, что он подолгу глядел на воду, которая бежала по арыкам сада.

Через несколько дней главный врач разрешил больному гулять и за пределами больничной усадьбы. Он ходил по улицам, смотрел, слушал, о чем говорят люди, но молчал. Изредка с ним заговаривали посторонние, и он отвечал знаком, что нем.

Однажды один из колхозников повел немого в поле. Как хозяин колхозник показывал немому горцу обильные всходы хлопка, объяснял новинку – систему временных оросительных каналов, высвобождавшую дополнительную землю под посев... Добрый человек и сведущий сельский хозяин, он хотел вызвать интерес к жизни у того, кто, как считали, потерял всех близких во время землетрясения. Разве не замечательно, что теперь умеют заставлять арыки ходить по полю, не отнимая у колхозников землю, как было прежде?

Потом они отправились взглянуть на новую машину для уборки хлопка. Кто бы мог подумать, что хлопок будут убирать машиной? Это чудо!

Добровольный «врач» был строгим критиком и не скрывал, что машина еще не так хороша, как должна быть. Он назвал ее «опытной». Ему хотелось втолковать немому гордую мысль о том, что в нашей стране люди решают

невероятную задачу: убирать хлопок не руками, а машинами!

После этого дня в больнице заметили, что немой полюбил бродить по ближним полям. Никто не видел его улыбки, но он наблюдал за всем с таким нескрываемым вниманием, точно познавал жизнь впервые.

– Он поправляется, – с удовлетворением говорили врачи.

Прошли назначенные две недели, и главный врач сказал больному:

– Мы решили, что вам будет полезно показаться специалистам в городе. Они помогут вам восстановить способность речи. – Следя за выражением лица больного, главный врач продолжал: – Вы еще молоды, сильны, перед вами вся жизнь, и вы хотите жить, правда?

Больной опустил голову в знак согласия. Ободренный этим проявлением логического мышления, врач заключил:

– Вы поедете в город с нашим провожатым, который позаботится, чтобы вас поместили в специальную больницу. Вам будет там хорошо. Вы согласны ехать?

Немой опять утвердительно опустил голову.

Больному выдали одежду, обувь и пояс, в котором хранились советские деньги, что он достал в обмен на золото у менялы-сараффа перед тем, как уйти в горы.

В город ехали на автобусе. Путь продолжался весь день и всю ночь. Немой смотрел по сторонам не отрываясь. Утром его осмотрели в городской клинике нервных заболеваний и предложили явиться на следующий день для помещения в стационар.

Весь день немой и его провожатый осматривали расположенный в предгорьях город.

Вдали виднелись снежные вершины. Город был новый, он вырос за последние два десятилетия на месте старого кишлака. Его окружал пояс садов; на широких улицах лежала тень деревьев, в арыках щедро бежала вода. Немой так смотрел по сторонам и так слушал объяснения своего провожатого, что тот начал испытывать к нему настоящее дружеское чувство.

– Не горюй, – говорил провожатый, – голос тебе вернут. А в случае чего – и так дело найдешь.

Вечером, исполняя данные ему указания, провожатый повел немого в театр. Шла старая, построенная на преданиях народа, вечно живая пьеса, рассказывающая о правде, чести, любви, побеждающих злобу, измену и самую смерть.

Рано утром провожатый, уверившись в здравом рас-судке немого, оставил его в саду клиники и простился, торопясь на отходящий автобус.

Немой выждал с полчаса, а потом отправился на вокзал и взял билет до города, расположенного в глубине страны, километрах в семистах к западу.

Ибадулла свободно владел речью и не затруднился назвать кассиру нужную станцию.

Дорога уходила через предгорья. Рельсы были проложены по путям движения древних племен, на родину Ибадуллы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Священный город

I

Ибадулла последним спустился по ступенькам вагона, пробрался через толпу и отошел в сторону. Он на родине, его ноги наконец-то на родной земле!

Была вторая половина дня, солнце висело еще высоко. На станционных путях тянулись длинные вереницы вагонов. Гудки, лязг буферов, людские голоса то сливались в общий гул, то слышались раздельно. Из высоких кирпичных и металлических труб и из труб паровозов поднимались дымки, смешивались и рассеивались, затягивая безоблачное небо желтовато-серой дымкой.

Ибадулла наудачу пошел вдоль перрона. Вскоре каменная платформа кончилась. Вдаль, уменьшаясь и сужаясь, уходила аллея из столбов с толстыми нитями проводов и сходящихся тускло-серебряных полос рельсов. Там лежала уже пустыня, буро-желтая, туманная под жаром солнца.

Где же город?..

Толпа уже разошлась. Ибадулла нашел выход и оказался на площади.

Всю дорогу он просидел скромно в углу вагона, не произнося почти ни слова. Спал урывками, но усталости не чувствовал. Сейчас он стоял на площади с тем же невозмутимым видом, с каким сидел в вагоне. Каждый сказал бы, взглянув на Ибадуллу, что этот человек никуда не то-

ропится, свободно располагает временем и еще не решил, куда пойти: вправо или влево. На самом же деле Ибадулла был растерян и потрясен. Где же город, его город?

Уже давно в его сознании жило точное представление о внешности города, которого он не видел, но который хорошо знал. Здесь же не было ничего, что могло бы связать зримую действительность с образом, созданным силой воображения.

Ибадулла пошел по широкой улице. Дома с окнами по фасадам, высокие деревья, прозрачные решетки оград... Ничего, что бы напоминало тот город! Он шел дальше. Его вело ощущение, знакомое каждому заблудившемуся человеку: еще немного, и он выйдет на знакомое место. Но знакомых мест не было.

На проволоке телеграфных столбов и на ветках деревьев висели паутинки – волокна хлопка. Где-то поблизости занимаются очисткой хлопка от семян.

Потянулась нескончаемая оштукатуренная и побеленная стена.

Над ней виднелись крыши заводских корпусов и длинные, белые как сахар горы хлопка. Как много его! Началось лето, через четыре месяца созреет новый хлопок. Как видно, на родине в прошлом году собрали хороший урожай...

Кончилась стена, и город сразу оборвался. Ибадулла повернул обратно и вновь пришел на вокзальную площадь. Наверное, его город лежит в другой стороне.

Ибадулла бродил и бродил по широким улицам. Прошел час, может быть, два... Везде дома с большими окна-

ми, много воды в арыках, тенистые ряды сильных тополей, акаций, карагачей. Бессознательно описываемая кривая вывела его опять к вокзалу. Ибадулла сел на скамью. Или он вышел из вагона не на той станции?

На площади былолюдно. Проезжали автомобили, останавливались большие красно-желтые и синие автобусы, забирали пассажиров и отправлялись куда-то. Вдруг на одном автобусе Ибадулла прочел три слова: «Хакан – Старый Аллакенд».

Ибадулла встал. Конечно, – отец же рассказывал! – проведенная русскими железная дорога между Самаркандом и Ашхабадом прошла в двух часах ходьбы от Аллакенда. Отец говорил, что около станции был ничтожный поселок из глиняных мазанок. Это он стал теперь большим городом! Не пойти ли в Аллакенд пешком? Нет, через два часа настанет ночь.

Ибадулла направился к автобусу с надписью, но машина тронулась раньше, чем он успел подойти к ней. Незная, что делать, он остановился. Сзади кто-то сказал:

– Пойдем на аллакендский поезд, он скоро отправляется!

– Пошли, – ответил другой.

Ибадулла обернулся – двое мужчин шли к вокзалу. Он догнал их у кассы, купил билет и, не упуская из виду невольных проводников, сел в поезд. Через полчаса он вышел на маленьком вокзале. Вдали, над вершинами деревьев, поднимались высокие купола и закругленные головы минаретов.

II

Со времени последнего весеннего дождя минуло больше трех недель. Теперь до поздней осени с безупречно чистого неба больше не упадет ни одной капли.

Поднималась едва заметная пыль. Ибадулла видел, как в неподвижном воздухе за идущими людьми оставались длинные, низкие облачка, золотистые и прозрачные в солнечных лучах. Мельчайшие чешуйки земли порхали, как видимая часть воздуха, и медленно, неохотно оседали вниз.

Лето стояло уже в полной силе. Жгучие косые лучи солнца били в лицо, заставляли щурить глаза. Узкая дорога казалась бесконечной среди стен и домов предместья.

Ибадулла медленно ступал по истертым плитам старинного тротуара. В щелях между квадратами обожженного кирпича кишели муравьи, занятые бесконечным и безнадежным восстановлением постоянно осыпающихся тоннелей в свои подземные городки.

Ибадулла устал. Дойдя до поворота, он остановился в тени за выступом глиняной стены. Сверху нависали ветки, густо осыпанные еще зеленым, но уже крупным урюком, первым по времени созревания сладким плодом родной земли.

Предмесье кончилось. Скоро город. Пусть будет то, что будет...

Ибадулла опустил голову и, точно в первый раз, заметил свои сапоги, растоптанные, разбитые. Пыль въелась в баранью кожу и казалась такой же естественной, как покров сожженной солнцем земли. Наверное, и халат имел не лучший вид. Одежда нищего? В этом не было стыда...

Ибадулла вышел за угол. Уже город? Нет еще. На расстоянии четверти часа ходьбы стояла городская стена, построенная из глинистого грунта. Выбитые зубцы, осыпающиеся боевые башни – бурджи, глубокие, почти до самого основания, бреши. Стена крепости Кала была изувечена временем, а не таранами и пушками завоевателей.

Прямо перед Ибадуллой, за дорогой, вздымалась голая и неровная насыпь пухлой солончаковой почвы, бесплодная, без единой травинки, без единого кустика. В ней виднелись белые куски, точно обломки гипса или извести.

Ибадулла взобрался на насыпь и оказался на длинной и широкой возвышенности, изрытой ямами и забросанной обломками кирпича и костей.

Каждый древний город окружается кладбищами. Но Ибадулла знал и другую особую причину обилия кладбищ за стенами Аллакенда. Тысячу лет город считался в мире ислама священным, и верующие мусульмане стремились получить погребение в его земле. Издалека старики и больные приезжали в Аллакенд и терпеливо ждали в нем смерти. Кладбище из года в год поднималось все выше. Ибадулла вспомнил, что путь между Хаканом и Аллакендом так и звался прежде – Дорога Смерти.

Старый могильник истлел. Не было видно ни одного туга – шеста с изображением раскрытой человеческой ладони наверху, – чтобы привлечь мысли и молитву прохожего. Не было видно ни одного почитаемого мазара – склепа, святого – гази или имама – учителя ислама. И нигде ни одного человека. Да, люди не ходили сюда...

Охваченный созерцанием, Ибадулла чувствовал себя человеком, который пришел, чтобы поклониться могилам

предков. Те, кто дал жизнь его дедам и прадедам, были и здесь, безразлично смешанные с прахом тысяч и тысяч. Пыль, забвение, покой...

III

Несколько дальше возвышалось одно из величественных древних сооружений, которыми всегда славились Аллакенд и его окрестности.

Поднимая тонкую пыль рыхлой земли могильника, Ибадулла спустился вниз. Пришлось обойти поле, залитое водой для орошения. Вот и хонако, как назывались мечети дервишей.

Ибадулла хорошо понимал смысл архитектурных линий здания. Каменная громада портала означала Ворота Вечности. Не случайной была и форма стрельчатой арки, прорезавшей портал. Грандиозный свод, суженный книзу, расширялся вверху и заканчивался стрелой. Рисунок, полный традиционного смысла: ноги, широкие плечи и острый шлем на голове. Абрис гиганта-воина. Ислам учит: вечная жизнь открыта бойцу за коран. Прямая линия верха портала символизировала жизнь праведника, мудреца – учителя культа. «Почему не жизнь народного героя, о котором не забывают предание и песнь?» – подумал Ибадулла.

За порталом возвышался широкий сферический купол – знак седьмого неба или достигнутой мечты.

Еще не вся чешуя прекраснейшей древней мозаики осыпалась с портала. Сохранились пятна, глубинно-синие, как Аравийское море или как горное бездонное озеро,

нежно-голубые, как полуденное небо, бирюзовые, как лист весеннего тюльпана. На темени синего купола лежала лохматая шапка из ветвей – гнездо неприкосновенного аиста, птицы мира, благоденствия и тихого семейного счастья...

Здесь все было многозначительно. Но великолепное здание явно покинуто, и сознание Ибадуллы остро воспринимало эту заброшенность ненужного людям места. И все же своими мощными формами портал хонако вопреки времени и окружающему его запустению утверждал:

– Я существую!

А в нескольких сотнях шагов от мечети-хонако за низкой оградой высились многочисленные здания какого-то крупного завода.

Ибадулла присел в тени портала. В тишине он слышал только один звук – страстное воркование невидимой горлинки.

Тишину разорвала заводская сирена, означая конец смены. Ибадулла встал и заметил мраморную доску, прикрепленную к стене. Надпись на ней была составлена на двух языках: узбекском и русском, и, называя год сооружения и имя строителя, предупреждала, что хонако, как памятник народной архитектуры, находится под охраной правительства республики. Паспорт и охранный лист... Только сейчас Ибадулла обратил внимание на чистоту вокруг хонако. Входы во внутренние помещения были тщательно замурованы. Было ясно, что это здание хотели сохранить...

Вдруг Ибадулла услышал звук шагов. Так все же здесь бывают люди?..

Появился человек в белом костюме, желтых ботинках, в черной узбекской тюбетейке, расшитой белыми разводами. Судя по чертам лица, он был узбеком. Остановившись шагах в десяти от Ибадуллы, рослый и, видимо, сильный человек разглядывал его с непринужденностью, которая была непристойной по понятиям путника. Следовало произнести традиционное слово приветия, но человек молча прошел мимо и опять задержался, на этот раз спиной к Ибадулле. Он чего-то ждал. Потом прошел мимо и исчез за углом. Ибадулла вскоре забыл об этом прохожем.

Осматривая здание, он обогнул восточный фасад, и тут перед ним открылась странная, неожиданная картина разрушения. Из десяти или двенадцати колонн чудовищной толщины, образующих перекрытую сводом галерею, только две или три стояли прямо. Остальные покосились наружу, и свод над ними разрушился.

Ибадулле приходилось слышать о том, что после установления советской власти многие старые, освященные временем здания стали разрушаться, и он с особенным вниманием осмотрел покосившиеся колонны. Быть может, фундаменты подмыло водой? Нет, квадратные цоколи колонн из тесаного камня стояли вертикально. Это сами колонны были подрублены почти наполовину своей толщины! Работала чья-то рука. Зачем? Кто-то сознательно покушался на хонако. Но ведь не та власть, которая взяла его под охрану! Такие раны наносят втихомолку, исподтишка...

Осматривая одну колонну за другой, Ибадулла дошел до крайней, нетронутой. Его внимание привлекла надпись, начертанная мягким графитным карандашом, свежая, чет-

кая, быть может вчерашняя или сегодняшняя. Она сказала путнику привет в трех строках витых арабских букв:

Пришедший издалека, тебя ждут.

Иди смело, ты посол друзей.

Путь известен. Для тебя он безопасен и прям.

Надпись находилась на уровне глаз Ибадуллы. Чистый слог напоминал стихи корана. Ибадулла внимательно осмотрел поверхность колонны. На другой стороне и ниже он нашел карандашные черточки: пять рядов по пять черточек в каждом, всего двадцать пять.

Под рубахой на груди Ибадуллы висел маленький кожаный, тщательно зашитый мешочек. В нем прятался свернутый в трубочку листок пергамента, наследие деда и отца. Быть может, сто лет тому назад писец-каллиграф без единой ошибки изобразил на мягком, почти прозрачном лепестке кожи такими же буквами, как надпись на этой колонне, слова священного талисмана:

*Во имя бога милостивого и милосердного
скажи: я ищу прибежища у господа дневного рассвета,
от злобы сотворенных им существ,*

от вреда застигающей нас темной ночи,

от злобы дующих на узлы,

от зла—завистника, ненавидящего нас.

Во имя бога милостивого и милосердного

скажи: я ищу прибежища у господина людей,

царя людей, бога людей,

от зла тайно внушающих нам злые мысли,

*от вдувающих зло в сердца людей,
от враждебных джиннов и злых людей.*

Этот талисман в точности воспроизводил две последние главы корана. Его назначением было оградить верующего от зла. И только... Ибадулла вглядывался в надпись на колонне. Место, заполненное извилистыми значками и точками, обозначавшими чью-то темную, полную загадочного значения мысль, чем-то отличалось. Похоже, что здесь уже не раз писали и стирали написанное.

Вдруг Ибадулла нахмурился. Он вспомнил, что такие двадцать пять черточек были паролем тайной исламистской организации. Помещенная рядом с ними надпись должна иметь свой, но непонятный ему смысл. И неприятный прохожий, и чья-то злоба, подрубившая колонны, и темный смысл надписи слились в один образ... Ибадулла поднял темно-коричневую от загара и дорожной грязи руку и стер жесткой ладонью надпись и черточки.

Солнце уже село. Ибадулла обошел мечеть-хонако и двинулся к городской стене, пересекая кладбище.

IV

С каждой секундой небо синело все глубже, темнота падала на город с южной стремительностью. Запад угасал. Там, где недавно еще было солнце, ему вослед уже спешила вечерняя звезда, которой привык клясться старый Восток. День уходил в ночь, как клинок меча, исчезающий в черных ножнах.

Городская стена зияла темными провалами, густые

тени кутали кладбище. От полуразрушенного сводика согоны – могильного холмика – метнулось какое-то животное, пронзая тишину визгом и хохотом. От неожиданности Ибадулла вздрогнул и остановился. Отвратительный лай шакала смолк в отдалении. Путник ступил в глубокий ковер пыли под городской стеной.

Он прошел по мосту через широкий арык и вскоре оказался на каменном тротуаре улицы, которая вела в город от ныне исчезнувших ворот в стене. Сбоку бежала вода в арыке. Казалось, что это от нее поднимается прохлада.

Быстро холодало – сухой воздух не препятствовал нагретой земле отдавать накопленное за день тепло. Невидимыми волнами тепло мчалось вверх, в холодное небо.

Ибадулла был одет в короткий, едва по колено, стеганный халат из алачи, подбитый отборной ватой. Красные, синие и зеленые полосы на бумажной ткани уже выцвели и потускнели от пыли и грязи. Как и земля, тело человека быстро отдавало тепло. Ибадулла зябко стянул халат на груди.

Он очень устал. Усталость смирjala волнение и заставляла желать простого покоя и сна. Найдет ли он нужную ему дверь, и откроется ли она перед ним? Кто встретит его там?

Чтобы найти дорогу, Ибадулла остановил случайного прохожего и расспросил его.

V

Улица поднималась к центру города. Подъем был бы заметен и менее усталому человеку, чем Ибадулла.

Больше тысячи лет Аллакенд строился и перестраивался на одном и том же месте. Фундаменты первых домов покрыла толща городских отложений в десять человеческих ростов. Она засосала целые сооружения, ныне в ней находят засыпанные здания и хорошо сохранившиеся храмы древних культов.

За пределами города и его предместий вода текла в мелких ложах оросительных каналов – арыков. А здесь, ближе к центру, вода оказывалась все ниже, струилась где-то очень глубоко, среди отвесных каменных стен, носящих следы последовательного наращивания. Она текла там, где тысячелетие тому назад стояли дома на ровной плоскости еще не превратившегося в холм оазиса.

Через узкую черную щель с невидимой на дне водой были перекинuty к саду частые мостики. Там, под деревьями, стояли длинные помосты, покрытые коврами.

Вокруг электрических ламп вились рои ночных насекомых. На коврах, поджав скрещенные ноги, сидели люди. Около них стояли чайники и лежали вкусные пшеничные лепешки. Пленительно пахло пловом. Только десяток шагов сделать в сторону... Зеленый чай легко и незаметно освобождает человека от гнета утомления, пусть копившегося не один день и даже не одну неделю... Это было настоящее искушение. Ничего не нужно говорить, чайханщик сам принесет чайник и пиалу, а если молвить два слова, то появится и вкусный рис с пахучими кусками нежного бараньего мяса. В цветном платке, которым был подпоясан Ибадулла, нашлись бы еще деньги, но он сдержался и пошел дальше.

Сад сменился высокой стеной двухэтажного медресе.

Массив из тонких кирпичей, старинной формы с такими же, как кирпичи, швами строительного раствора казался шершавым даже в ночной темноте. В нескольких местах из маленьких прямоугольников окон вырывался электрический свет. Внизу устроилась парикмахерская. Ибадулла видел, что духовное училище перестало служить местом воспитания будущих мулл; в его кельях-худжрах больше не жили имамы, учителя ислама, и их послушные талоба – ученики.

Все многолюднее становилось на главной улице города. Его население отдыхало, пользуясь ночной прохладой. И вместе с Ибадуллой и навстречу ему двигались люди, они занимали всю улицу от одной стены до другой. Медленно и осторожно в толпе пробирались редкие автомобили. Уличные фонари освещали много лиц, и загорелых дочерна, и светлых, халаты и европейские костюмы, непокрытые головы, чалмы, тюбетейки...

За бывшим медресе поднималось высокое здание мечети. Ибадулла подошел к широко открытым дверям. В ярко освещенном обширном зале за столами сидели самые разные люди, занятые чтением газет, книг и журналов. Радио передавало музыку. Ибадулла пошел дальше.

Все плотнее становилась уличная толпа. Опять за решеткой показались деревья, под ними теснился народ. Ибадулла протолкался вперед и оказался перед старым хаузом – водоемом глубиной в четыре или пять человеческих ростов, длиной шагов в девяносто, а шириной, может быть, в шестьдесят.

Сверху и до дна колоссальной ямы гигантскими ступенями спускалась каменная облицовка. В старину да и в

самом недавнем прошлом в таких открытых громадных водоемах город хранил запасы воды. В стоячей гнилой воде и в жидком иле дна хаузов водились мельчайшие насекомые, а в их телах гнездились личинки страшной ришты.

Тонкий, как волос, червь-паразит переселялся под кожу человека, вырастал там в громадных нарывах. Это была одна из самых распространенных в священном Аллакенде болезней. Лечение – многодневная, мучительная операция. Червя вытаскивали постепенно, наматывая его на палочку. От оператора требовалось большое терпение. Если ришта разрывалась, то на месте одного нарыва появлялось несколько, и нужно было вновь ждать, чтобы черви созрели.

Теперь водоем стал ненужным. Его осушили. Дно было твердое, ровное, как стол. Над хаузом висели яркие электрические фонари, они освещали сетку и две группы девушек в белых костюмах. Из разговоров окружающих Ибадулла понял, что команда города и гости оспаривали на спортивном поле приз имени Республики в волейбол.

На краю хауза росла трехсотлетняя шелковица. В одном месте ее корни вытолкнули каменную ступень. Ствол поднимался толстой бочкой и на высоте трех человеческих ростов делился надвое. Одна мощная ветвь засохла. Выставившись над хаузом, она, как рука, держала гнездо аистов.

Разбуженные ночным шумом высокие черно-белые птицы стояли на гнезде. Они поворачивали длинноносые головы вниз то одним, то другим глазом и следили за ходом состязания, не пугаясь свистков судьи и криков людей.

Ибадулла пробился назад и пошел по улице не спеша, заложив за спину руки. Он знал, что уже близок к цели, и волновался.

VI

Худое лицо Ибадуллы с правильными резкими чертами было обрамлено черной клочковатой бородой. На подбородке она торчала вперед, а к ушам поднималась узкими полосами по краям нижней челюсти. С темного лица смотрели карие глаза с золотыми искорками на радужной оболочке. Их взгляд был прям и смел. Порой в нем возникало что-то настойчивое и вместе с тем быстрое. Тогда взгляд делался острым, как лезвие ножа, проникающего в мякоть спелой дыни.

Синее полотнище чалмы из дешевой крашенной индиго маты было так умело замотано вокруг головы, что сливалось с тюбетейкой. Чалму можно было снимать, как шапку. На давно не бритой голове отросли черные волосы.

И внешностью и одеждой Ибадулла походил на многих жителей города, но все же чем-то он выделялся, какой-то трудноопределимой суммой внешних проявлений личности. Ведь никто не мог знать, что в складке чалмы путника таился забытый им самим кесек – традиционный для мусульманина кусочек земли. И никто не мог узнать о спрятанном в сознании Ибадуллы его прошлом и о том, что привело его в священный город.

Внезапно улица скрылась под сложными кирпичными сводами, будто уйдя под портал грандиозного здания. Но это особенное сооружение лишь перекрывало перекресток двух улиц. Его возвели много столетий тому назад, чтобы дать тень прохожим и место торговцам. По рассказам отца Ибадулла знал, что когда-то здесь, в темных нишах-лавках,

сидели неподвижные, молчаливые люди с ящиками, полными любых денег. Менялы-банкиры торговали деньгами со всем миром. По векселю банкира-сараффа можно было получить любую сумму денег в Бомбее, Калькутте, Тегеране, Стамбуле, Пекине, Бангкоке, Каире и даже в далеких Феце или Тимбуку. По имени менял купол звался Сараффон – имя, сохранившееся до настоящего дня.

Отойдя в сторону, Ибадулла остановился у стены с видом человека, который явился сюда для условленной с кем-то встречи, и только. Однако он заметил, что за ним следят.

Еще до того, как войти под купол, Ибадулла обратил внимание на двух людей, шедших навстречу. Если теперь он видит их здесь, значит они повернули и пошли за ним по пятам... Зачем? Чего они хотят?

Он искоса поглядывал на незнакомцев. Таких людей Ибадулла привык называть инглези, если это были англичане или американцы, и фаренги, если это были европейцы других национальностей.

То были фаренги. Они тоже остановились шагах в десяти. Один улыбался и что-то говорил другому, молодому человеку лет двадцати пяти. Это русские. Они заинтересовались им и не скрывают своего любопытства.

Нужно выждать. С детства Ибадулле внушали, что судьба каждого человека predetermined от рождения и до последнего дыхания. Если это правда, то встреча с незнакомыми русскими, быть может недобрая, была предначертана, как и все другое.

VII

«Судьба или воля человека, предначертание или убеждение в своей правоте – что же решает, что перевешивает в ту или иную сторону, когда действие человека зависит от его чувств?» – спрашивал себя Ибадулла, глядя вслед уходящим русским.

Не чувствуя себя более связанным, путник не стал ждать. Он повернул налево, от купола Сараффон и через несколько десятков шагов оказался в темноте и одиночестве. Весь свет и все оживление остались на главной улице. Контраст был разителен.

Как во всех древних городах, имеющих длинную историю, так и здесь внезапно происходила эта перемена обстановки. Несколько шагов уводили в другую эпоху, на столетия в прошлое.

Ибадулла заторопился. Он минул два переулка и свернул в третий. Глухие стены домов высились по сторонам, и проулок был таким узким, что казалось, можно достать руками сразу до двух противоположных стен. Как тени, мимо ног человека метнулись занятые своими делами молчаливые собаки.

В темноте на выбеленных стенах с трудом различались пятна дверей и ворот. Память Ибадуллы цепко хранила рассказы отца. Ибадулла считал двери и ворота; чтобы не ошибиться, он шепотом повторял счет. Наконец он остановился. Ладони нащупали сухое резное дерево и холодные шляпки громадных кованых гвоздей. Рука нашла тяжелое кольцо, подняла его, уронила. Медь кольца ударила о металл подкладки. Звук утонул где-то в глубине дома или в толстом дереве двери.

Ибадулла приложил ухо к доскам. Ничего не было слышно. Не ударить ли вторично?

Нет... Где-то уже шаркают медленные шаги. В щели блеснул луч света. Но оклика из-за двери не было.

Ибадулла слышал, как по внутренней стороне двери шарают руки. Звякнула и закачалась в петле полоса железного засова. Сердце Ибадуллы сжалось. Что будет?..

Дверь открылась, и на лицо путника упал яркий свет ручного электрического фонаря. Он закрыл от Ибадуллы того, кто стоял перед ним. И путник сказал кому-то державшему фонарь:

– Мир тебе.

– Тебе мир, – был негромкий ответ, произнесенный спокойным старческим голосом. В голосе был вопрос. Ибадулла произнес:

– Не ты ли хозяин дома, Мослим-Адель? Я пришел к тебе. Я – сын Рахметуллы, Ибадулла...

Луч света дрогнул и упал на порог. Хозяин отступил, давая дорогу гостю. Молча, приложив ладонь к левой стороне груди, старый человек поклонился пришельцу и жестом пригласил его следовать за собой.

Из внутреннего двора по извилистой лестнице они поднялись на второй этаж и оказались на открытой веранде. За ней была освещенная комната. Они вошли, и хозяин вновь поклонился гостю, жестом указывая ему место.

Ибадулла опустился на ковер. У него больше не оставалось сил, и он боялся, что может упасть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошлое и настоящее

I

– Эмир Сеид-Алим-Хан умер в изгнании. Люди, ушедшие с ним, умерли или состарились. Они, их дети и дети их детей лишены родины. Это истина, Мослим-Адель.

Такими словами начал Ибадулла беседу с хозяином на следующее утро.

Мослим помедлил с ответом. В серьезном деле нельзя торопиться, а поспешность в высказывании своих мыслей – неуважение к собеседнику...

Старик держал в руке маленькую, похожую на грушу, тыкву. Ее желтая поверхность гладко зашлифовалась от времени, из узкого конца выдавалась деревянная пробочка с черной ременной кисточкой. Мослим вытащил пробку, насыпал на ладонь чуть-чуть буро-зеленого порошка табака и стряхнул его себе в рот под язык. Потом сказал гостю:

– Это истина... Но ты шел по земле родины, и вот ты в городе твоих отцов, где увидел свет и где твои ноги сделали первые шаги.

В словах Мослима не было скрытого смысла. Видимо, он хотел только слушать гостя. Он молчал и смотрел на Ибадулла спокойным взглядом темных глаз в морщинистых веках.

– Да, я прошел через горы и шел дальше, – сказал Ибадулла. – Я заблудился в ущельях, умирал от жажды и

голода. Меня нашли. О чудо, со мной, чужим, поступали так, как не всегда братья поступают с братом! Не зная, что сказать им, я молчал. Для них я был немым, но я слушал. Я видел, как живут люди в том кишлаке, где больница, я видел город. Люди показались мне счастливыми, и они добры. Я не сказал слов благословения тем, кто заботился обо мне с любовью, не желая платы... В сердце я храню благодарность как священный долг. Но моя душа тоскует...

Ибадулла остановился, сжал руки, сосредоточился. После паузы, не нарушенной Мослимом, он продолжал:

– Там, за горами, я слышал разные слова о родине. Много дурного и злого, но и хорошее также. Мое ничтожное наследство – воспоминания несмышленного ребенка и рассказы отца. Он любил родину и учил меня. И я решился. Я говорю правду, нехорошо для человека только слышать о родине, которую он не знает. В родном городе я видел вчера разрушающиеся стены крепости, толпы людей на улицах и забытые народом мечети. Чем живет народ? Что знает он и что помнит? До сих пор, Мослим, я слушал, но молчал. Душа моя открыта перед тобой. И с кем мне еще говорить? Ты помнишь моего отца, и ты принял в свой дом его сына...

Без нарочитости, но внимательно наблюдал Мослим за Ибадуллой. Чтобы понять человека, нужно не только слышать его слова. Часто главное читается в движении рук, в интонации голоса, в выражении глаз и рта. Старик отвечал медленно, наблюдая, как действуют его слова:

– Мне было тридцать пять лет, Ибадулла, когда бежал эмир. Тогда я был твоего возраста. И я, оставшийся на родине, не лишенный ее неба и воздуха, помню и знаю больше, чем ты.

Глубокие морщины пересекали лицо Мослима. Он погладил обеими руками свою желтовато-белую бороду и продолжал:

– Я помню день, когда брат твоего отца, мой отец и несколько их друзей были зарезаны палачами по приказу эмира. Эта смерть навечно соединила их для меня... Ты можешь посетить подземную тюрьму – зиндан. Теперь он пуст, его ходят осматривать те, кто не видел прошлого. Сторож покажет тебе место, где пролилась родная кровь. В дни моей молодости на нашей родине лилось слишком много крови и слез, Ибадулла.

– Пусть это было так, – последовал поспешный и горячий ответ. – Прошрое есть прошрое, но мы, Мослим, живем сегодня и будем жить завтра. Правда, что дни рождаются из дней, а настоящее происходит из прошлого. Но почему ты напоминаешь мне о смерти? Я пришел для жизни.

Мослим улыбнулся. Его лицо смягчилось, голос зазвучал теплее:

– Да, ты похож на отца, теперь я вижу. Среди многих людей я сумел бы узнать – вот, вот он, сын Рахметуллы. Я любил его. Мы спорили перед его отъездом, я едва не последовал за ним. Тогда я колебался... Твой отец был сильным мужчиной. А твоя мать... я не видал ее лица, но моя жена называла ее красавицей. Увы, красота лица гаснет и не возвращается.

Улыбка исчезла с лица Мослима, и он продолжал:

– Так же не возвращается и прошрое, Ибадулла. Роковая ошибка некоторых людей скрывается в мысли о возможности вернуть прошрое. Эта ошибка приводит к раз-

рушению и к смерти. Может быть, и ты не сразу поймешь это. Послушай, сын друга, я видел необходимые перемены в жизни нашего народа, оценивал их, познавал их благо. Ты говоришь, спасшие тебя люди добры? А знаешь ли ты, почему они добры и почему они не могут быть злыми?

– Нет, – ответил Ибадулла.

– Да, ты еще не можешь понять, – согласился Мослим, – и трудно объяснить это в нескольких словах. Но помни, наши люди добры потому, что они свободны и сильны. При эмирах были бесправие, насилие и войны. Поэтому люди были слабы и злы. Теперь родина живет в мире. Кому может не нравиться мир? Я всю жизнь до недавнего времени учил детей и юношей добрым наставлениям правды. Мой сын и моя дочь учат их тому же и сегодня. У меня много внуков. Но у тебя нет детей, Ибадулла?

Ибадулла сидел на сложенном вдвое ватном одеяле, удобно скрестив ноги и опираясь локтем на подушку в пестрой наволочке. Остро поведя желтоватыми белками глаз, он резко ответил на неожиданный вопрос:

– Почему ты спрашиваешь об этом, почему напоминаешь? Хотя... ты не знаешь. Были. Их унесла оспа. Так суждено.

Мослим покачал головой и мягко промолвил:

– Сожалею, Ибадулла, сожалею... И мне знакомо жгучее горе отца. Но из моих внуков ни одного не убила оспа. В нашем городе давно нет оспы. И заботятся об этом наши врачи, а не судьба. Но ты еще молод, горе проходит, ты успеешь вновь познать счастье отцовства. Дети освежают взор человека, – привел Мослим народную поговорку. –

Теперь же скажи мне, правда ли, что эмир Сеид-Алим-Хан после войны и незадолго до своей смерти просил разрешения республики вернуться к нам?

– Да, – ответил Ибадулла, – близкие к нему люди передавали, что он почувствовал приближение смерти и хотел быть похороненным в священной земле на родине.

– Не всегда человек предчувствует приближение конца, – возразил Мослим. – Только ли умереть на родине хотел эмир? Ты действительно веришь, что у него не было других мыслей?

– Я не был приближенным эмира, он не советовался со мной, – безразлично ответил Ибадулла. – Говорят, ему сообщили, что не нуждаются в нем, и не позволили вернуться. Он умер.

– Не каждый человек искренен даже перед лицом смерти. Некоторые умеют лгать до последнего вздоха, – сурово заметил Мослим. – Я знал эмира, он был жесток и лжив. Верю, он хотел вернуться, но зачем? Я никогда не поверю, что он томился тоской по родине. Не родину он любил, а другое... На сотне верблюдов он увез в изгнание драгоценные камни и золото. Разве он не перевел заранее много миллионов за границу и не держал всю жизнь награбленные им здесь громадные капиталы в индийских и английских банках! Он был отвратительно жаден. Богач, он не стыдился принимать денежную помощь от афганского падишаха – двенадцать тысяч рупий в месяц... А! Кто бы мог поверить, что он полюбил родину в изгнании? Он не имел родины. Я хорошо помню Сеид-Алима. Больше всего на свете он любил деньги и остатки власти, которую ему когда-то сохранили русские.

— Зато теперь русские имеют всю власть на нашей родине! — воскликнул Ибадулла. — Тебя зовут Мослим-Адель — Мослим-Справедливый! Скажи, разве я говорю неправду?

Глядя в помрачневшее лицо гостя, Мослим отрицательно покачал головой. Он искал взглядом темно-карие глаза собеседника. Найдя их, заговорил:

— Было время, когда я думал так же: до революции, когда я не знал жизни и мой разум был темен. Я говорил себе: русские стесняют и ограничивают власть эмира в свою пользу. И был не прав. Русские прекратили войны, которые вел эмир со своими соседями. Одно это было уже благодеянием. И мы стали многому учиться у русских. Прежние русские сами не были свободными. Но когда они свергли своего царя и уничтожили власть богатых, к нам пришла завоеванная русскими свобода и сделалась нашей свободой!

Мослим вытянул руки к Ибадулле и с силой продолжал:

— Тех русских, о которых ты думаешь и говоришь, нет больше. Это прошлое! Есть новые русские. Мы живем с ними рядом, они наши братья. Ибадулла! Ты не знаешь этого, и ты не виноват. Ты жил за высокими горами, и они заслонили от тебя родину.

Ибадулла уронил голову на грудь и закрыл глаза. Он не чувствовал себя виновным, но тяжесть лежала на его сердце. Как понять Мослима?..

— Кто хочет жить, мыслить и трудиться, — продолжал между тем старик, — тот нуждается в мире. Труд приносит покой душе. Но разве мирная жизнь нравится тем, кто ищет угнетения других людей, кто говорит, что одни люди хуже

других, если у них не такой цвет кожи и другой язык? Нет, сын Рахметуллы, нет! Угнетатели не имеют родины ни на равнинах, ни в горах.

– Горы качались и падали, Мослим, когда я спускался с них, – сдавленным голосом ответил Ибадулла.

– Горы рассыпаются, но дела людей остаются. Они могут оказаться крепче гор, Ибадулла.

Случайно рука Ибадуллы встретила под халатом рукоятку ножа, форма которого не менялась столетиями. Талисман на груди и клинок отличной гиссарской стали были всем, что оставалось от наследства... Ибадулла чуть слышно прошептал:

– Ты стал суров, Мослим-Справедливый, и гнев звучит в твоём голосе. Итак, все и навсегда изменилось? Если не верить тебе, то кому ещё могу я поверить? Твоими устами со мной говорит родина, но я плохо понимаю её язык.

– Но разве ты знал его, сын друга? Разве ты слышал его раньше? Во мне нет гнева, истина сурова, но не зла.

– Я стремлюсь к ней.

– Тогда время принесет тебе познание. Но скажи мне теперь, свободен ли ты от помыслов злобных безумцев, мечтающих поднять меч ислама против твоей родины?

– Я пришел на родину, и мое сердце томится по любви, а не по злобе...

Мослим взял руки гостя в свои руки и сказал:

– Ты мой гость, и ты путник по родной земле. Живи, ищи, и ты найдешь утоление жажде сердца.

Ибадулла прошел базар и остановился у подножия башни Калян, главного и великого минарета священного города Аллакенда.

Круглая, сужающаяся вверх башня была сооружена в пятьсот двадцать втором году хиджры. С тех пор прошло восемь с четвертью столетий. Отец рассказывал сыну о всех деталях замечательного сооружения, описывал цвет кирпича, разнообразие узорных поясов кладки. Ибадулле показалось, что он уже бывал здесь. Глядя вверх, он видел, как минарет уносится в небо, и сразу навсегда полюбил его.

Потрясенный новым миром идей, завесу перед которым отдернул Мослим, Ибадулла уже давно бродил по городу. Вначале, точно ослепнув и оглохнув, он так ушел в себя, что не видел лиц и не слышал голосов. Он очнулся только у мавзолея Исмаила Самани и долго сидел на прохладном камне ступени.

Вход внутрь закрывала решетка. Гробница основателя первой династии мусульманских владык Аллакенда белела в углу, чистая, нетронутая.

Мавзолей стоял на мощенном плитами дворе. С течением времени земля поднялась вокруг, а двор ушел вниз. Если пустить воду, то мавзолей сделается островком в прямоугольном озере. Перед мавзолеем небольшой кусочек земли не имел плит, и на нем росло несколько деревьев. Ибадулла вспомнил рассказ отца о засыпанном ходе под мавзолеем. Так же как гробница, этот ход был не тронут.

Прежде первый Саманид почитался святым, но сегодня никто не приходил поклониться его могиле. И путник не

нашел слов молитвы. Он думал о другом. Он вспоминал, что есть в городе один человек, ученый и мудрый. Разные слухи ходили о нем и проникали через границу, но никто не отрицал глубины его познаний. Что скажет он ищущему родину?

Пришел уборщик, надзиравший за мавзолеем. Республика заботилась о памятниках старины. Вслед за уборщиком Ибадулла вошел внутрь, приблизился к гробнице. А вот и отверстие в ней. Отец говорил с осуждением, что в старом Аллакенде сюда опускали прошения и получали ответы. Муллы обманывали народ...

Ибадулла спросил уборщика о человеке, имя которого он вспомнил, и узнал адрес.

— Это большой человек. Многие приезжают к нему даже из далеких мест, — с уважением говорил уборщик, запирая решетку, — его дверь открыта для всех. Народ любит его.

Путь к ученому шел мимо большого минарета. Остановившись у его подножия, Ибадулла искал отдыха мыслям в воспоминаниях о прошлом величии города. Приближавшиеся к Аллакенду караваны видели постепенно поднимающуюся над горизонтом резную чалму минарета, первый признак города. Утомленные лаучи, погонщики верблюдов, радовались концу длинного и опасного пути через пустыни, становились на колени и творили благодарственную молитву. Затем они шли дальше и видели, как снизу минарет обрастал бесчисленными куполами мечетей и дворцов. Ночами, когда страшный ветер теббад вздымал соленую пыль и делал мрак непроглядным, в небе поднималось спасительное зарево нефтяных факелов, пылающих

на вершине минарета, чтобы указать путешественникам дорогу.

Обходя башню, Ибадулла невольно ждал призыва муэдзина, возвещающего час молитвы, а слышал голоса русских. Двое сидели в тени минарета, а третий стоял спиной к Ибадулле и с увлечением говорил:

– Пусть рассказывают. Пусть это не сказка, а быль. Сверху сбрасывали людей, и кто-то обижается, если этот минарет называют минаретом смерти? В средние века всюду свирепствовали жестокие казни. В Аллакенде средневековые сильно задержалось, но кто старое помянет, тому глаз вон. Ведь не для казней же строили минарет!

Русский в серой шляпе повернулся лицом к минарету, и Ибадулла узнал молодого человека, внимание которого вчера так смутило его под куполом Сараффон. Но в своем увлечении русский не заметил теперь Ибадуллу. Подняв голову, он говорил:

– Вы пригляделись, товарищи, а для меня тут все ново. Уметь найти такие пропорции, такие линии! Сколько столетий уже минуло, а созданное людьми чудо живет и живет... Вы говорите, что почти на четверть своей высоты минарет закрыт городскими отложениями? Но и сейчас он кажется неизмеримым. Как гениально осуществил древний зодчий свою власть над ощущениями человека, как изумительно выполнена работа!

Русский отступил, выбирая новую точку для обзора. Один из его товарищей сказал:

– Я прожил здесь тридцать лет, но люблю старые памятники города, как в первый день. Они несравненны. Здесь у нас есть еще много замечательных, неповторимых сооружений.

Ибадулла был поражен: эти русские умеют так же понимать и чувствовать, как он! Но молодой русский не дал ему времени на размышление. Он заметил Ибадулла и подошел к нему со словами:

— Вот мы и опять встретились. Вы иначе одеты, но я сразу узнал вас. Я не совсем вежливо вчера вас рассматривал. Простите меня, я впервые в Средней Азии, меня увлекают и лица и здания... Но вы, может быть, не понимаете по-русски?

Ибадулла с видимым трудом подобрал слова, нужные для ответа:

— Я понимаю... я плохо говорю... Но я понимаю.

— Ну вот, тем лучше, — похвалил русский. — А вы согласны с тем, что мы говорим о минарете?

— Да. Ваши слова — правда.

— Значит, мы единомышленники! — радостно воскликнул русский. — Так будем знакомы, — и он протянул Ибадулле правую руку, а левую приложил к сердцу. Русскому не удалось изящно сделать это движение вежливости; было видно, что у него совсем нет привычки. Однако Ибадулле было приятно желание русского подражать узбекским обычаям, он охотно принял протянутую ему руку.

III

Первые русские... Никогда еще не приходилось Ибадулле говорить с русскими. Кто они, коммунисты? Они были дружелюбно приветливы.

Вчетвером они зашли в столовую, ели острый мясной суп — шурпу и кебаб из баранины. Впервые в жизни Иба-

дулла сидел за столом вместе с людьми, так внешне похожими на инглезов или фаренгов. Это было странно, но еще более странной была манера русских говорить просто и горячо, как будто они не обдумывали свои слова.

О себе никто из русских ничего не говорил: или собственные дела были им неинтересны? Они охотно говорили о прошлом Аллакенда, обсуждали перспективы развития города и оазиса. Свои мысли русские излагали так, как будто от высказываемых ими мнений зависело их личное благополучие.

События семидесятых годов прошлого века... Русские войска в Самарканде. Решающая встреча с армией эмира и бескровная победа русских – сарбазы эмира разбежались при первых же выстрелах. Они не хотели защищать своего повелителя. Дехканин и ремесленник, насильственно загнанные в армию эмира, при первом удобном случае бросали оружие и уходили домой – они не боялись русских.

Малочисленные русские отряды страдали только от жары и тягости непривычного климата. Собеседники приводили удивительные цифры. Несколько тысяч русских солдат осуществили присоединение эмиратов, населенных миллионами людей. По мнению собеседников Ибадуллы, произошло так потому, что народ ненавидел эмира...

Как большинство людей, родившихся и всю жизнь проживших на Востоке, Ибадулла в совершенстве владел выражением своего лица и умел ничем не выдавать своих чувств и мыслей. Иногда русские обращались к нему, спрашивая его мнение. Он отвечал одним словом или жестом. А ему очень хотелось вмешаться в разговор – задавать вопросы, спорить. Он был глубоко взволнован.

Некоторых выражений русских Ибадулла не понимал, его запас слов был ограничен, но общая нить рассуждений не ускользала. Они не хотели вреда его народу и, что было удивительно, о делах Узбекистана говорили совершенно как о своих. Так мог бы говорить узбек, а эти люди были посторонними!..

Вот они перешли к истории России и осуждают свое старое царское правительство с тем же жаром, как обвиняли эмират.

Ибадулла успел разобраться в своих новых знакомых. Младший недавно приехал из Москвы, он умел искать воду и строить каналы. Двое других были старыми жителями Аллакенда. Самый старший был очевидцем революции. Он рассказывал об энтузиазме восставших против эмира дехкан, рабочих и ремесленников, об отрядах революционеров, наступавших на Аллакенд сразу с нескольких сторон, о восстании, организованном коммунистами в решающую минуту в самом городе, и о тайном бегстве последнего эмира – Сеид-Алим-Хана.

– Никакая сила, – говорил старший русский, – не могла удержать народ в эмирском ярме, когда люди осознали значение происшедшей в России революции! Каждый хотел получить свою долю свободы.

Русский рассказывал о сговоре эмира с англичанами. Чтобы удержаться, эмир готовился продать Аллакенд Англии. Старшему русскому пришлось видеть примчавшегося в Аллакенд для заключения сделки английского генерала Малиссона. Аллакендские националисты-джадида, объединившись в партию джумхуриет-улема, в союзе с религиозными фанатиками пропове-

довали призыв англичан и священную войну против русских. Народ решил иначе...

Ибадулла думал о стране, откуда он пришел. Ему казалось, что она находится в таком же состоянии, как его родина тридцать лет тому назад: ее явно готовились подчинить наследники инглезов-англичан американцы. И в ней богатые люди и муллы заключали союз с англоамериканцами. Но русские продолжают говорить о родине:

– Будь Аллакенд вне пределов бывшей Российской империи, весьма вероятно, что сегодня здесь властвовали бы англичане и американцы в союзе с местной буржуазией...

Новые знакомые не позволили Ибадулле заплатить за обед.

– Вы были нашим гостем, – заявил старый аллакендский житель. – Мне кажется, что вы не местный, иначе я помнил бы ваше лицо.

Ибадулла не возражал. Да, он приезжий. Наудачу он назвал дальний предгорный район – тот, где его нашли и позаботились о нем, как о брате. Тогда молодой русский сказал Ибадулле, что он скоро поедет в те края искать воду. И тут же русские заговорили о тяжелом наследстве, оставленном эмирами. Воды было так мало, что каждый новый ребенок, родившийся в эмирате, оказывался лишним... потому что системы орошения пришли в упадок, последние эмиры не заботились о них.

Дальше Ибадулла потерял нить. Что? Русский сказал, что республика со временем уничтожит все пустыни?

«Может ли быть? – думал Ибадулла, глядя на русского. – Но ведь на родине всегда было больше пустынь, чем орошенной, возделанной земли...»

Он унес с собой странное ощущение прикосновения к некоему быстрому-быстрому движению, которое может унести человека, как река уносит попавший в нее кусочек дерева. И, как видно, жизнь этих трех людей так же полна, как эта река. Ни одной пустыни? Высокая, благородная цель!

IV

Ибадулла нашел дом, указанный ему уборщиком мавзолея. Но оказалось, что Мохаммед-Рахим был не дома, а в своем рабочем кабинете, в здании одного из бывших медресе.

Главный вход в портале медресе был закрыт, и Ибадулла проник внутрь через боковую калитку. Изолированное со всех четырех сторон, здание открывалось обозрению только изнутри замкнутого двора, вымощенного каменными плитами. Посредине его росли высокие белые акации с полуотцветшими гроздьями пожелтевших цветов.

Стены, только в отдельных местах пробитые узкими неправильными щелями редких окон, снаружи не давали возможности определить число этажей. Таков обычный план древних строителей: они стремились и укрыть обитателей от прямых солнечных лучей и дать возможность защищаться от штурма. Со двора было видно, что этажей только два. Двери комнат-худжр первого этажа открывались прямо во двор, а двери второго выходили на массивную каменную галерею.

Уже вечерело, и весь двор был в тени. Ибадулла невольно ожидал увидеть многих мужчин. Одни будут прогуливаться по обширному прямоугольнику двора, тихо и

внушительно обмениваясь заранее взвешенными словами, другие – готовить пищу на горящих в мангалах углях, третьи – просто сидеть, размышляя, дремля. Так должно быть в медресе.

Но это было необычное. Из открытой ближней худжры первого этажа доносился резкий стук пишущей машинки. В двух или трех местах висели доски с названиями каких-то учреждений. Во дворе – женщины, дети... Великий минарет, мавзолей Исмаила Самани, мечеть-хонако существовали как памятники, а это громадное, отлично сохранившееся здание жило новой жизнью.

Ибадулла назвал имя Мохаммед-Рахима, и ему указали на одну из худжр второго этажа.

Очертания входа в худжру напоминали линии порталов древних мечетей. Здесь меньшие размеры еще яснее раскрывали мысль древних зодчих. Ислам навечно сузил рамки искусства запрещением изображать живые существа. Но чувство художника трудно сковать и невозможно избавить от заманчивого соблазна: дверной проем сужался в ногах, расширялся в плечах и венчался сводом – острой чалмой.

Линии входа, хорошо знакомые Ибадулле, сейчас смутили его. Он немного помедлил, а потом, пользуясь тем, что никто не ответил на его стук, тихо нажал рукой на тяжелое полотнище двери. Ибадулла переступил через высокий порог. Перед ним открылось удивительное по своей неожиданности зрелище.

Ему не приходилось видеть такой обширной худжры. Она была, быть может, шагов двадцать в глубину и не меньше в ширину. Здесь могли бы жить десять, нет, пят-

надцать студентов-талоба и не мешать один другому. Но не размеры удивили Ибадулла – книги. Они были всюду: и в шкафах вдоль чисто выбеленных известью стен, и на этажерках, и просто на полу. Царство книг. Толстые фолианты, распухшие от времени, в тяжелых деревянных переплетах, обтянутых истертой бурой кожей, – для одного такого нужна отдельная полка. Свитки рукописей. Самые разные по формату тома современных изданий, журналы в мягких обложках, газеты... Сколько знания!

В дальнем углу помещения Ибадулла заметил узкую деревянную кровать с небрежно брошенным на нее полосатым узбекским халатом. Налево стоял большой письменный стол. Перед сидевшим за ним человеком на специальной резной подставке лежала раскрытая старинная книга, рядом – письменный прибор, стопки чистой и исписанной бумаги. Каменный пол покрыт потертым, почти черным ковром. Ибадулла сделал несколько шагов и неуверенно остановился. Погруженный в чтение, хозяин не замечал посетителя.

На голове Мохаммед-Рахима была черная тюбетейка, лицо обрамляла короткая борода смоляно-черного цвета, подчеркивавшая необычный цвет лица – белого, без тени загара. Очевидно, ученый редко выходил на солнце.

Ибадулла ждал, соблюдал приличие. Через несколько минут Мохаммед-Рахим оторвался от книги и заметил его. Не удивляясь, протянул Ибадулле руку, и тот, сделав несколько шагов навстречу, пожал ее обеими руками.

Мохаммед-Рахим сделал рукой знак, приглашая сесть, и кивнул головой, предлагая гостю говорить.

– Я Ибадулла, сын Рахметуллы, – начал гость. – Мой

отец покинул город и родину вместе с эмиром Алим-Ханом и умер в изгнании. Теперь я вернулся на родину...

– Так... Подожди! – перебил его Мохаммед-Рахим. Он встал и прошелся по просторной худжре, повторяя: «Рахметулла, Рахметулла...» Ибадулла следил за ним глазами. Ученый носил свободную куртку, расстегнутую на груди, широкие полотняные брюки и легкие туфли. Он был высок ростом, худощав и заметно сутуловат, но отнюдь не стар – лет на десять старше Ибадуллы, не больше.

Наконец он подошел к Ибадулле:

– Ты сказал – Рахметулла? Помню такое имя. Я изучал тот период. Среди беглецов и добровольных эмигрантов было два человека с таким именем... Чем занимался твой отец? Кем он был?

Мохаммед-Рахим стоял перед Ибадуллой и смотрел на него сверху вниз. Ибадулла хотел подняться, но Мохаммед-Рахим положил ему руку на плечо.

– Он был толмачом, – ответил Ибадулла.

– Какой же язык он знал?

– Русский.

– Хорошо. Ты говоришь правду. Итак, сын толмача Рахметуллы вернулся. Мой друг Мослим рассказывал мне о твоём отце, который имел несчастье покинуть родину. Ты вернулся? Вероятно, твой отец не сумел забыть землю отцов... А кто ты? К чему ты стремишься и чего ищешь на родине?

– Я ищу покоя моей душе, – ответил Ибадулла. – Я ищу указания и знания. Ты мудр, я слышал о тебе за пределами родины, даже в той стране, где жил. Я прошу тебя сказать, в чем долг человека и в чем величие родины.

Мохаммед-Рахим сел на свое прежнее место и спросил:

– Что ты делаешь сейчас?

– Я пришел в город, и я гость Мослима.

– Ты говорил с ним? Народ по праву зовет его Аделем – Справедливым. Слушайся его.

– Истина имеет много сторон, – возразил Ибадулла.

– Вот как?! – усмехнулся Мохаммед-Рахим. – Узнаю отзвуки хитросплетений, выдаваемых за науку учителями ислама! И ты действительно полагаешь, что одна сторона истины способна опровергать другую? Или ты, как истощенный жаждой конь, напившись из одного колодца, спешишь к другому?

– Я ничего не скрываю и не привык лгать. Мослим потряс мое сердце. Но во всем ли он прав?

Ученый резко захлопнул лежавшую на подставке книгу и повернулся к Ибадулле всем телом:

– Чего же тебе нужно от меня? Тебя кто-то послал? Говори правду!

– Я говорю только правду. Меня никто не посылал. Я одинок, свободен и люблю историю своего народа! В ней я ищу примера для себя.

Мохаммед-Рахим вглядывался в лицо гостя, стараясь определить его искренность.

– История, история... – произнес ученый после молчания, показавшегося Ибадулле очень долгим. – Поистине верно сказано, что ложь есть не что иное, как искаженное отражение правды. Я понимаю тебя. Но поймешь ли меня ты? Ты думаешь, что знаешь историю родины. Ты можешь

любить родину, но не понимать ее истории, ее стремлений. Чего стоит такая любовь! Скажи, ты, конечно, не знаешь русского языка и не умеешь читать по-русски?

– Отец учил меня.

– Хорошо. Он любил своего сына. Читай!

На корешках книг, стоявших на ближней полке, Ибадулла прочел:

– Ленин...

– Ленин! – громко повторил за ним Мохаммед-Рахим. – Вот настоящий ключ к настоящему свету! Ты не имеешь этого ключа.

– Но я имею право искать истину и родину! – воскликнул Ибадулла. – Человек не может дышать, не зная истины и не имея родины.

– Ты говоришь громко, – с иронией заметил Мохаммед-Рахим. – Когда люди говорят слишком громко, они слышат только свой собственный голос. Ты выражаешься как человек, получивший образование. Ты учился?

– Да, в медресе.

– Почему же ты не стал муллой?

– Я не захотел. Я хотел знать истину и не узнал ее.

– Это признание делает тебе честь. Но ты жил среди людей, которые кричат изо всех сил, чтобы заглушить голос правды. А знаешь ли ты хотя бы такую простую истину, что не криком, а своей деятельностью люди доказывают любовь к родине? И что никто не получает родину по наследству, как дом или сад?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Знаки величия

I

– Итак, – продолжал Мохаммед-Рахим, – ты утверждаешь, что знаешь историю. Хорошо... Посмотрим, узнаешь ли ты ее теперь. Читай! – И Мохаммед-Рахим дал Ибадулле несколько листов рукописи. Это были наброски одного из докладов, сделанных недавно.

«...Аллакендская земля обладает неограниченным плодородием, но у нас, как и во многих странах Азии, с ранней весны и до поздней осени не бывает дождей. И жизнь нашего народа, естественно, привязана к течениям рек».

«Для меня прекрасное имя Зеравшана звучит, как бег воды, звенит, как золото. Зеравшан – Золотораздаватель! Действительно, в его песках можно найти чешуйку золота. Кто-то пытался объяснить имя реки такими находками. Любители желтого металла близоруки, золото Зеравшана – его вода!»

«Он, Зеравшан, рождается на хребте Кок-Су. Это тоже значительное имя – зеленая или живая вода. Собравшись из речек Матчи, Ягноба, Рамы, Искандер-Дарьи, Зеравшан вливается из гор на запад и изгибается к югу».

«Наш Аллакендский оазис создан плодородным илом, который Зеравшан принес в пустыню Кызылкум – Красные Пески. Здесь, перед своим впадением в Амударью, Зеравшан некогда разливался по низменности многими протоками, речками, озерами, болотами».

«Тогда древний низинный оазис был богат водой, тугаями, камышами. Озера и дельта Зеравшана изобиловали рыбой, тугаи кишели зверем и птицей. И первые люди появились здесь очень давно. В те дни Зеравшан был еще полноводным притоком Амударьи. Это было задолго до изобретения письменности... Тогда в горах на месте современных кишлаков Духаус и Тобушин еще лежали языки могучих ледников».

«Первые поселенцы на нашей земле были охотниками и рыболовами, и до нас дошло полное глубокого смысла предание об обстоятельствах появления первой государственности».

«В те годы оазис обладал уже развитой системой искусственного орошения, люди нуждались в централизованной системе управления каналами. Общим собранием народ из своей среды избрал первого бия по имени Аберци, и первый город возник как его резиденция и получил название Бийкенд – княжий город».

«И вот Аберци, по преданию, вскоре злоупотребил властью. Богатые начали покидать оазис, унося свое достояние. Но бедные люди без имущества восстали из любви к родине, силой свергли Аберци и избрали нового бия, Караджурину...»

«Богатый водой и землей оазис быстро заселялся. Из года в год тугаи отступали перед обработанными участками. Искусство проводить воду на поля так развилось, что уже не каждую осень Зеравшану удавалось достичь Амударьи. Взгляните на карту – Азия имеет характерную особенность: многие реки, начинаясь в горах, как бы теряются в пустынях. Это печать труда человека, а не прихоть природы!»

«Заселились и верховья Зеравшана. Под Самаркандом появилась плотина, и река распалась на два русла – Кара- и Акдарья, между которыми лег единственный в мире искусственный плодороднейший межречный остров Мианкаль».

«А в Аравии Магомет уже начал проповедь новой религии – ислама. В нем правящая верхушка арабов получила обоснование идей нетерпимости, захвата, угнетения и исключительного превосходства. Ислам узаконил право завоевания всех других народов: «Да будут они схвачены и да погибнут в страшной резне!», «Рабы вне всякого закона, их жизнь зависит от прихоти господина!»

«Богатый Восток давно привлекал внимание арабов. Мирные народы подвергались внезапному нападению фанатичных воинов и были насильственно обращены в ислам».

«Среди других завоеванных арабами городов Аллакенд выделился как торговый узел и перевалочный пункт на пути в Индустан и как центр исламистского благочестия, исламистской «науки». Объявленный «священным», Аллакенд застраивался пышными зданиями мечетей и высших исламистских училищ – медресе».

«Через четыре столетия после арабского захвата Средняя Азия испытала новое бедствие – нашествие монголов. Оно также осуществлялось под лозунгом нетерпимости. Великий хан монголов Темучин-Чингиз, разрабатывая теорию захватнических войн, сказал: «Оседлые – рабы, они должны быть вещью и пищей кочевников».

«История монгольского нашествия была историей предательства. Развращенные исламом правящие классы

не сделали ни одной серьезной попытки к сопротивлению и бежали, бросая области и города. Вооруженные силы использовались лишь как конвой для охраны вывозимого богатства правителей».

«Нашествие монголов ознаменовалось неопишным истреблением незащитного населения. По словам поэта: «Они явились, предали все огню и мечу, пожару и грабежу».

«Реки по-прежнему не отказывали людям в воде, но страна, потерявшая значительную часть населения, оживала мучительно и медленно. Трудящиеся восстанавливали разрушенные оросительные системы. Однако и через семьсот лет после монгольского нашествия еще встречались заброшенные каналы и поля».

«Осевшие монголы частично восприняли культуру завоеванных ими народов и охотно приняли ислам. В исламе монгольские ханы нашли более тонко и убедительно разработанную теорию захвата и насилия, чем в простых и грубых заветах «Чингис-хана».

«Пора отметить две типичные исторические особенности нашей родины. Зависая от непрерывного действия сложных оросительных систем, народ был прикован к созданным им сооружениям. Поэтому наши предки были более уязвимы в эпохи нападений захватчиков, и этим же облегчалась неограниченная эксплуатация трудящихся правящими классами. Тот, кто распоряжался головными сооружениями каналов, за горло держал народ».

«Второй особенностью была роль ислама как мировоззрения, поставленного на службу правящим классам. С помощью ислама тормозилось духовное развитие народа.

Даже в семье ислам создал как бы два враждебных класса тем, что закрепил женщину как рабу и вещь мужчины».

«Развращающая роль ислама особенно проявилась в Аллакенде. Наш город почти тысячелетие был мировым центром исламистского образования...»

«Возвышались и падали властители, сменялись династии. За Саманидами явились Сельджуки, за ними хорезмские ханы. Монгольское нашествие оставило Чингизидов; им наследовали потомки Тамерлана. В 1500 году Шейбани утвердил свой род на престоле. Через сто лет власть захватили Аштарханиды. Им наследовала династия Мангитов. Она сумела дотянуть до года освобождения народа – тысяча девятьсот двадцатого».

«Но как бы ни называлась династия и какое бы имя ни носил ее представитель, всегда в Аллакендской цитадели, Арке, сидел ничем не ограниченный повелитель эмир. Что было народу, орошающему и возделывающему земли Аллакенда, до его имени? В руке эмира народ был как стадо в руке пастуха».

«Имамы, ишаны, муллы, чтецы корана и учителя грамоты всегда внушали народу одну и ту же тысячу лет неизблемую истину: «Как пастух может в любое время резать любую овцу в своем стаде, так и эмир имеет священное неоспоримое и самим богом установленное право по своей воле пресечь жизнь любого человека».

«Эмир заботился о двух вещах: во-первых, нужно собрать как можно больше налогов; и сборщики-дарги грабили народ в пользу эмира, не забывая и себя. Во-вторых, нужно грабить другие народы, а свой держать в повиновении. На награбленные деньги эмир содержал армию и

вел войны. Пословица говорит: «Кто взялся за рукоятку меча, тот не ищет предлогов». И эмиры никогда не выпускали из рук ни рукоятки меча, ни кривого кинжала убийцы».

«И третья забота была у эмира, подсобная к первым двум: чтобы было с кого собирать налоги, нужно заставлять народ поддерживать сети магистральных арыков».

«Каждый мятежник, вольнодумец и непослушный объявлялся вероотступником: ведь, посягая на священную власть эмира, он разрушал ислам. Для таких всегда были открыты двери зиндана – подземной тюрьмы; их всегда ждали длинные ножи палачей. Для них был открыт и сиях-чах – черный колодец. В глубокой яме хранилось это единственное за тысячу лет изобретение эмиров Аллакендских, повелителей «Города бога». Там жили особенные насекомые, называемые в народе «овечьими вшами». Прожорливые, они могли заживо обглодать узника. Когда сиях-чах случайно пустовал, жизнь воспитанников эмира поддерживали кусками свежего овечьего мяса».

«Шпионы эмира бродили повсюду, ловкие, вкрадчивые, внимательные. Двухногие ищейки были натасканы в особом искусстве: скрещенными в руках халата руками они вслепую, но разборчиво записывали услышанные речи».

«Таков был мир ислама. Не только в Аллакенде, но и в Хиве-Хорезме, в Коканде, в Дели, в Тегеране, в Каире, в Феце и в Руме – Турции, империи Кейсар-и-Рума – султана, меча ислама...»

«Однако же Аллакендские эмиры владели еще одним рычагом власти и дохода, не менее важным, не менее, если не более, мощным, чем меч, нож и шпионы.

В Аллакенде не было ни священного черного камня Каабы, ни гроба пророка Магомета. Гробница льва ислама Али лежала далеко от Аллакенда, в увядшем городе Мазари-Шериф. Отпечаток ноги праотца всех людей Адама показывают на высокой горе на острове Цейлоне, а оттиск ноги Магомета на камне, называемом Кадам Рассул, хранится в Индии, в городе Лукноу...»

«В чем же таился секрет духовного могущества Аллакенда?»

«Вот поучительная история возникновения известного медресе Диван-Беги, здание которого отлично сохранилось и поныне. В 1033 году хиджры, системы мусульманского лунного счисления, в году, соответствующем 1623 году солнечного счисления, на месте, удобном для этой цели, началось возведение обширного караван-сарая. Но вмешался эмир и повелел:

– Да будет и это здание медресе».

«Были возведены два этажа, вмещающие девяносто худжр, удобных келий для наставников ислама и их учеников. Знатоки архитектуры и сейчас находят в здании некоторые отклонения от типичного плана медресе – эмир вмешался поздно. Так священный город получил двести сорок восьмое духовное училище. Да, двести сорок восьмое!»

«Эмиры Аллакенда были прославлены как владельцы «дома науки» и «аудитории познания для всего света». Они отлично понимали свои особые преимущества – крупных торговцев исламом».

«Диплом любого медресе Аллакенда признавался везде, где исповедовали ислам. Обладатель такого диплома

повсюду становился – на выбор – муллой, учителем, судьей, чиновником, придворным летописцем, поэтом».

«Питомцы аллакендских медресе угодливо творили лживые исторические описания и создавали дутые репутации восточных владык, так легко принятые на веру многими европейскими учеными. Цветистые восхваления, потоки пышных слов прикрывали и оправдывали любые злодеяния».

«Выходцы из аллакендских медресе служили глашатаями и надежнейшими опорами власти. А для них самих диплом медресе являлся драгоценным ключом, отпиравшим двери к выгодным должностям и богатству».

«Со всей Средней Азии, из Индии и Турции, из Крыма и Казани прибывали разноязычные ученики всех цветов кожи. И, может быть, только один на сто тысяч стремился к истинному познанию. В иные годы в Аллакенде скопилось больше тридцати тысяч талоба – студентов».

«И со всей Азии «Святой город» собирал стариков, благочестиво жаждущих погребения в благословенной земле аллакендских кладбищ».

«Благодарные «ученые» ислама рьяно проповедовали народу покорность эмиру, внушали ненависть к другим народам и к свободной мысли, воспитывали злобу и презрение ко всему, что находилось вне ислама».

«Их деятельность была успешной. За тысячу лет власти эмиров не произошло ни одной перемены. Ни одного изобретения или технического усовершенствования. Наоборот, древние ремесла и древнее искусство народов падали. Общественные отношения так же заостенели, как ручные ремесла, изумительно трогательные по тщательности, терпению и мастерству работника».

«Неизменные приемы обработки почвы, постепенно истощаемой невежеством руководителей; слепое уничтожение степных кустарников и трав, вызвавшее распространение пустынь; непрестанные эпидемии, остановившие прирост населения. Тысячелетие деревянного плуга-омача, кетменя и цепи...»

«Таково наше прошлое... Я утверждаю, что подлинная основа истории нашего народа заключалась в стремлении освоить приречные территории созданием искусственного орошения, и, невзирая на все помехи, народу это удавалось».

«Характернейшая черта нашей новой, советской истории есть впервые полученная народом возможность всецело заняться своим настоящим делом. Пройдут десятилетия, и в один плодороднейший массив соединятся все приречные оазисы – от Каспийского моря на западе до горных восточных границ. Перед нами – будущее исключительного благоденствия. Тому, кто понимает величие наших дней, прошлое невольно кажется малым и темным...»

«Чем больше наши успехи, тем острее борьба врагов. И среди нас еще живут скрытые, но злобные враги народа».

«На вооружение врага принят и ислам. Чтобы помешать человечеству стать счастливым, империализм использует исламистские идеи, развращающие сознание и волю людей...»

«Кто-то сказал, что лучшая религия та, которая приносит прекрасные надежды юношам, здравые советы – зрелости и нежные утешения – старикам. Сколько коварства в этих простых на вид словах! Наша сила – знание, а не

вера. Мы спокойно отвергаем ислам и всякую другую религию».

«Но мы не можем забыть об исламе. Им питаются сохранившиеся у нас пережитки буржуазной, частнособственнической идеологии и морали!»

II

В худжре Мохаммед-Рахима было два окна. Одно открывалось на уровне пола, оно пряталось в глубокой щели стены, подобное амбразуре-бойнице для старинной медной пушки. Другое было прорезано наверху, наискось от нижнего. Его подоконник начинался высоко, на уровне человеческого роста.

Снаружи на толстую стену бывшего медресе падали лучи вечернего солнца. Отсвет проникал в худжру, освещал почти черный ковер, закрытую книгу на подставке и белые пальцы Мохаммед-Рахима.

Ибадулла смотрел на неподвижное лицо ученого и думал: «Сейчас этот суровый мудрец скажет мне: «Уходи, ты мог бы и не приходить сюда».

Мохаммед-Рахим поднял глаза и, не моргая, взглянул на Ибадуллу. Молчание длилось.

Заходящее солнце опускалось все ниже, лучи пробились в худжру, осветили лицо Мохаммед-Рахима, и он опустил глаза.

Ученый размышлял. Наконец он опять посмотрел на гостя. Во взгляде было сочувствие. Оно пробудилось в его сердце для человека, решившегося вернуться на родину из далекого невольного изгнания. Мохаммед-Рахим сказал:

– Ты нашел меня в здании медресе. Наши предки хорошо умели строить, мне удобно работать за этими непроницаемыми для звуков и зноя стенами. Я попробую говорить с тобой языком, который много столетий однообразно звучал здесь. Вероятно, этот язык будет тебе понятней. Итак... «не скрывайте истину, когда вы знаете ее». Вот изречение, знакомое тебе с раннего детства. Да, путь человека тяжел и должен освещаться. Я вижу, ты бредишь великим прошлым нашей родины, ты хочешь великого будущего и готов добывать его даже мечом... Не отвечай, я знаю и помогу тебе. Когда ты, погружаясь в предания, читал и слушал повествования о прошлых днях, с кем ты был? Твои чувства увлекали тебя с полководцами и властителями! Ты вторгся в Синд вместе с всадниками Имад-ад-дин-Мохаммеда, ты завоевывал Индию рядом с Мохаммедом-Газневи и Мохаммедом-Гхори. Ты строил государство рука об руку с Исмаилом Самани, защищался от монголов с Джелал-ад-дином, совершал походы с Тимурленгом, был советником Шейбани... Да, ты страстно хотел победы одним, желал поражения другим. Тяготясь медлительностью героев, потрясавших твое воображение, ты всей душой подстрекал их к войнам и сражениям...

Ибадулла бессознательно кивал головой, соглашаясь. Ученый читал в его душе. Так было – и трепет, и горечь неудач, и восторги побед.

Мохаммед-Рахим увлекался и говорил все более громким голосом:

– Вместе с завоевателями ты выступал в походы, взбирался под тучами стрел на стены крепостей, истреблял армии и тешился уничтожением народов!.. Безумец, ощу-

пью, без света ты бродил в прошлом. А страдания народов, кровью которых, как пиявки, жили твои «великие мира»? А жалкая участь угнетенных и поработенных? А безысходное бесправие мужчин и позорное рабство женщин? Что это? Только пыль под копытами коней твоих героев? Твои заблуждения глубоки, человек!

Ибадулле показалось, что большие черные глаза ученого раскалились и жгут. Ибадулла вздрогнул, как человек, внезапно уличенный в совершении злого дела.

– Величие? – продолжал Мохаммед-Рахим. – Наши отцы и матери были живым зерном в жерновах угнетения, а все же находили силу заботиться о родине, любить друг друга и воспитывать детей. Не там, где следует, ищешь ты, Ибадулла, сын Рахметуллы, знаки величия! Ты невежда, и ты еще имеешь гордость кричать?!

В лице Мохаммед-Рахима было столько грозного, что Ибадулла невольно откинулся назад.

– Не бойся, – сказал ученый, – следуя велению совести, я даю тебе наставление, и только... Нет границы, отделяющей прошлое от настоящего, но прошлое зачастую может быть рукой мертвеца, который ловит живого за ногу. Ты человек, и никто не может оспорить твое право на счастье! Но я смотрю на тебя и думаю: ты еще окружен тенью, единственное место которым в могиле. Ты раздражаешься, когда жизнь оказывается непохожей на образ, созданный твоим воображением. В сущности, ты находишься в смертельной опасности, но знаешь ли ты это? Ты стоишь на краю гибели, ибо среди мертвых призраков прячутся живые злодеи – таков их обычай.

– Нет, я ушел от них! – почти крикнул Ибадулла.

– Не лги, ты не ребенок, – строго возразил Мохаммед-Рахим. – Ты должен понять, что, если не сумеешь сорвать со своей кожи коросту предрассудков, злодеи найдут тебя и на краю света.

Уже наступили сумерки, и в худжре ученого стало темно. В яйце свода точно сама собой зажглась электрическая лампочка. Падая сверху, желтый свет положил резкие тени на взволнованное лицо Мохаммед-Рахима.

III

...Да, в новую жизнь нечего взять с собой; как нищий, пришел он на родину.

Ибадулла растерялся. Ему казалось, что само движение времени остановилось и опять наступил страшный час, как в горах, когда разрушались вечные каменные хребты. Ничто не защищало его. Он закрыл лицо руками, его глаза стали влажными впервые за несколько лет.

Мохаммед-Рахим заговорил вновь, прерывая гнетущее молчание:

– Иногда во мне думают найти злого и глупого фанатика-муллу, полного затверженных наизусть слов и готовых на все случаи жизни изречений. Есть люди, которые могут во всех видеть только отражение собственных заблуждений. Не будь таким. Я разорвал ислам, религию богатых, вероучение насильников, исповедание рабства и крови. В наши дни создается подлинная религия мира созидания. Самый скромный строитель оросительного канала достойнее чингизов и тамерланов, его кетмень драгоценнее меча искандеров.

– Я знал труд и уважаю труженика, – прошептал Ибадулла, – я не жил чужим потом...

Голос ученого смягчился:

– Придя на родину, ты должен знать, что она зовется Советский Союз и наш Узбекистан – часть дома для всех людей и для всех народов. Падение ждет угнетателей во всем мире. Они теряют власть, но корни зла еще живут. Есть один общий враг – богатство одних, созданное из нищеты других. Пока это еще есть в мире, люди разделены и народы несчастны. Есть много плохих людей, но никто не дурен или хорош лишь потому, что родился узбеком, таджиком, туркменом, казахом, киргизом, евреем, русским, индусом, китайцем... Твоя родина, сын Рахметуллы, живет в семье народов, доверяй братьям. Теперь я отпускаю тебя, в твоей душе нет зла. Моя дверь будет открыта для тебя.

– Но назови мне людей, кому я могу довериться, – попросил Ибадулла.

– С чистой целью верь чистым людям. Верь коммунистам, остерегайся тупиц, пытающихся идти с лицом, обращенным вспять, и злобствующих в тиши. И здесь есть злобные безумцы, до сих пор проклинающие в душе эмира Мозаффара за то, что при нем пришли русские. Верь доказывающим любовь к родине делом, не доверяй болтунам... Различай человека, а не цвет его кожи или место его рождения. Ты гость Мослима, доверься ему как отцу!

IV

Когда утром Ибадулла ушел, чтобы походить по родному городу, глубоко и надолго задумался Мослим-Адель,

справедливый человек, заслуженный учитель республики. Он сидел неподвижно, с привычно поджатыми ногами. Его глаза были устремлены в одну точку. Свое сердце и дверь своего дома он раскрыл перед человеком, пришедшим из-за рубежа...

Медленное и слабое старческое дыхание не беспокоило пчелу, присевшую отдохнуть на длинной желтоватой бороде спокойного человека.

Размышление перешло в легкий сон. Пчела улетела, луч солнца переместился из одного угла комнаты в другой.

Пробуждение принесло уверенность и решение. Мослим поднялся, взял трость и вскоре вошел в здание, расположенное на площади, недалеко от городской крепости Арка.

Тургунбаев не заставил посетителя ждать. Он немедленно принял Мослима, обеими руками пожал его руку, усадил его на диван и сел рядом.

Мослим рассказывал не торопясь: хозяин слушал не перебивая, озабоченно покачивал головой. Уже окончилась повесть о путнике Ибадулле, но не сразу заговорил Тургунбаев. Он встал, несколько раз прошелся взад и вперед, открыл дверь в соседнюю комнату, сказал своему секретарю:

– Я еще занят, если кто придет, пусть подождет. – Вернулся и вновь сел рядом с Мослимом. – Что же ты хочешь посоветовать мне сделать?

– Закон справедливо строг к преступнику, но добр к человеку, не умышляющему злого, – ответил Мослим. – В своих помыслах Ибадулла невиновен. Его отец был слаб и совершил роковую ошибку, последовав за эмиром. Он по-

терял родину. Увез сына... Но сын не должен отвечать за отца. Ошибки родителей не могут быть судьбой для детей.

– Конечно, нет. И сын не отвечает... Да. Но сам он скрытно перешел границу. Это его преступление.

– Его толкало желание найти родину, и он был готов совершить проступок. Но в стране, где он вырос, иначе понимают многое, чем мы. Он не думал о преступлении. И в том месте и в тот день, когда он шел, границы не было.

– Как?! – и Тургунбаев удивленно поднял свои густые черные брови.

– Это было во время большого землетрясения в горах.

– Ах, вот что! Но ведь граница все же осталась.

– Не думая о дурном, человек не посчитался с границей.

– И это верно... Действительно, какой трудный случай.

Зазвонил телефон. Тургунбаев поднял трубку:

– Прошу извинить, я очень занят, позвоните позже.

Мослим настаивал:

– Прошу тебя, пойми. Ты молод, ты не знал таких людей, для тебя это история. Он пришел из прошлого, пришел в мой дом доверчиво, как ребенок. Он ищет родину и не хочет нам вреда. Он не преступник, он несчастен. Нужно помочь ему. Мы всегда были строги к врагу, но добры к человеку... Я верю ему. Убедись и ты.

V

С трудом возвращается домой Мослим-Адель. Прохожие здороваются со старым учителем. Кого только не знает он! И все знакомы с ним. Он приветливо отвечает, но перед его глазами ходят круги. Нет, без отдыха не дойти домой...

Тяжело человеку его возраста слишком много волноваться. И спал он очень плохо – после прихода сына Рахметуллы болело сердце, ныли ноги и плечи. Во рту был дурной вкус, точно от плова, сваренного в плохо полуженном котле. Печень давила в бок и мешала дышать.

Память, злая память, она хуже больных сердца и печени. Всю бессонную ночь ходила память по страшным закоулкам прошлого. Все вышло из глубокой могилы, все вновь поднялось, как только человек назвал себя. Лет пятнадцать назад Мослим писал Рахметулле, приглашал вернуться на родину. Теперь пришел его сын и с ним – образы ужаса и крови.

Тридцать лет прошло со дня бегства эмира Сеид-Алима, никогда не воскреснет прошлый мир. Но он живет в памяти, проклинающий и злобный, как ядовитая серая эфа. Нет, не отдаст Мослим и одного дня своей дряхлой, угасающей жизни за целый год той молодости, что была прожита в старом Аллакенде, владении последнего династа из рода Мангит.

Мослим сидел на скамье в маленьком городском саду и обеими руками опирался на загнутую рукоятку трости. Сердце уже билось ровнее, и дышалось легче.

К месту, где отдыхал Мослим-Адель, подошел его старый друг, профессор Аллакендского педагогического института. С ним был молодой человек, москвич, в серой фетровой шляпе, работник одной из многочисленных экспедиций, занятых съемкой в пустынях и изыскивающих новые источники воды для орошения.

Мослим оживился. А не будет ли новому русскому другу нужен работник? Мослим может поручиться за од-

ного человека. Он еще молод, вынослив, знает местные условия и способен выполнять любую работу, не требующую, конечно, специальных знаний.

VI

Ночь. Высокие минареты и закругленные купола древнего Аллакенда растворялись в черном небе. В неизмеримой выси мелькнула золотая стрела падающей звезды – по преданию кочевников это ангел метнул копье в джинна, подслушивающего тайны неба...

Ибадулла сидел около минарета Калян, неподвижный, как камень. Без обязанностей, без семьи, он был свободен.

В родном городе нашлось все описанное отцом. Память подсказывала лишь, что прежде – ведь он был тогда трехлетним ребенком – все – и здания, и улицы, и площади – было гораздо больше. И все же дом предков весь перестроен, потому что в нем живет новое поколение, говорящее на том же языке, но чувствующее и мыслящее иначе. Ибадулла признавал себя отставшим, опоздавшим, точно родина в своем движении опередила его, стоявшего на месте.

В доме старого Мослима Ибадуллу ожидали хозяин и двое гостей. Один был зрелым мужчиной, лет на пятнадцать старше Ибадуллы, другой мог быть ровесником пришельца.

– Мои друзья, – представил их старый учитель. – От них я ничего не скрываю, я просил их прийти, чтобы они вместе со мной выслушали повесть твоей жизни и дали советы, как помочь тебе.

Рассказ был труден. Ибадулла вспоминал вслух, не пытался оторвать одно или отбросить другое. Рассказ не был связан, детские годы заслоняли недавнее прошлое; вмешивались впечатления последних дней и заставляли повторять, давая новое ощущение и смысл пережитому раньше. Не замечая, пришелец говорил и о быте народа, среди которого он жил до сих пор, о печалях покинутых им людей, об их надеждах, о бедности и о жестокости борьбы за существование.

Поднимая глаза, Ибадулла видел спокойные и внимательные лица гостей Мослима и чувствовал, что его понимают. Никто ни разу не прервал Ибадуллу, не помешал говорить и не помог подсказом.

...На следующее утро гости Мослима навестили Тургунбаева.

— Мы видели этого человека, — сказал младший, — и выслушали его.

— И что же?

— Нет нужды принимать по отношению к нему какие-либо меры ограничения. Нужно дать ему право на жизнь и на работу. Мослим прав.

— Да, так, — подтвердил старший. Он не был многоречив, и Тургунбаев знал цену его слов.

— А этот Ибадулла не подозревал, кто вы? — спросил Тургунбаев.

— Нет, — ответил старший.

— Он искренен и доверчив, — дополнил младший.

— Благодарю вас, товарищи, — сказал Тургунбаев. — Итак, Мослим не ошибся. Я рад за него и за этого человека.

— Я тоже, — заключил старший.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кровавые планы

I

Другая страна, иной, чужой мир... За пределами азиатской границы Советского Союза, в полутора или в двух часах полета к юго-востоку, есть город. Его узкие, кривые переулки сходятся и пересекаются без всякого плана, под самыми случайными углами. Переулки не мощены, изрыты ямами – неизгладимыми следами зимних дождей – и забросаны нечистотами – свидетельством тесноты и невежества жителей.

Здесь, когда начинаются дожди, пешеход тонет выше колена. Никто не в силах избежать ловушек глубоких рытвин, когда все затоплено жидкой глиной, клейкой, как кисель, коричневой, как кофе, и смрадной. Счастлив тот, к чьим услугам ноги лошади, мула или осла...

Летом переулки высушены солнцем, разрезаны короткими тенями, душны, знойны, зловонны. Стены на солнечной стороне облеплены сплошной черной и живой массой из мириад мух.

Здесь мухи – стихия, упорная, непобедимая и злая. Недаром древние народы имели особого бога и для мух по имени Зебуб.

Целыми часами можно блуждать в переулках, поворачивая неизвестно куда. Ничего не видно, перспектива ограничивается несколькими десятками шагов. Все однообразно, все близко. И случайный пешеход быстро теряет представление о времени, и путь кажется бесконечным.

Нигде ни одного окна. Из глухих стен торчат бурые, растрескавшиеся и сухие, как порох, концы тонких балок. Местами свисают неровные срезы кровель из почерневшего камыша или рисовой соломы, прикрытые слоем все той же глины. Вероятно, за глиняными стенами стоят глиняные дома, но с улочек их не видно. Все сложено из глины. Это не простая глина, она – плодороднейший азиатский рыжий лёсс.

В стенах встречаются узкие двери, они всегда заперты. Замкнуты и узенькие ворота.

Через ямы и бугры с трудом тащится высокая повозка на двух огромных колесах с толстыми деревянными спицами и массивными ободьями. Возница сидит на спине осла, его ноги касаются земли. Перед своими воротами человек слезает и выпрягает осла. Противоположная стена переулка так близка, что оглобли не дают возможности повернуться. Пока человек возится с воротами, потревоженные мухи гудят и густыми роями опускаются на осла. Истощенное животное не шевелится, только болезненно передергивает потертой кожей и моргает гнойными глазами.

На стене распласталась пестрая кошка, которая провожает прохожего диким взглядом суженных, как черточки, зрачков. Пробегает молчаливая собака. У нее лохматая желтая шерсть, уши срезаны вплотную к черепу, а хвост

обрублен до корня. Это сделано для того, чтобы сторож имел хороший слух и был зол. Старые обычаи прочны... Собака измождена и печальна. Стрелой она проскакивает мимо прохожего в страхе перед привычной жестокостью человека.

Не слышно голосов, все точно вымерло. Изредка гнетущее молчание разрывает безобразный, задыхающийся рев осла; ему отвечает другой такой же.

Люди встречаются редко. Мужчины смотрят прямо перед собой, они безразличны и не обращают внимания на случайного прохожего. А на кого смотрит женщина и смотрит ли она вообще, кто может сказать? Лица женщин спрятаны под черными покрывалами из толстого конского волоса. Покрывало падает низко, ниже колен. Что оно скрывает? Нежную смуглую кожу или глубокие морщины? Ясный взгляд или вывороченные трахомой веки? Строгий профиль или страшную «львиную» маску проказы?

По закону ислама женщина обязана иметь во рту «платок молчания». Зачастую волосяные сетки попорчены на уровне рта. Может быть, так легче дышать... Привычка закусывать покрывало свойственна многим женщинам.

II

Почему же, за чью вину эти женщины обречены из поколения в поколение видеть свет дня через черный сумрак плетеного лошадиного волоса? Это древняя легенда, не каждый знает и понимает ее смысл...

Случилось как-то престарелому пророку Магомету почтить посещением дом своего приемного сына Гарета.

Молодой человек не был предупрежден и отсутствовал. Честь принять святого гостя выпала на долю его жены. Пророк долго и громко восхищался ее несравненной красотой. Вернувшись домой, Гарет немедленно отослал женщину в дом пророка, и живой подарок был принят с радостью.

Мусульмане, сведущие в коране, по-разному говорят о смысле этого события. Иные склонны возвеличивать силу сыновней любви, восхвалять преданность старшим и умение угадывать их желание. Другие одобряют и ставят в пример мудрость человека, умеющего вовремя и добровольно уступить свое достояние. Жена есть такое же владение мужа, как конь или одежда. Лучше отдать самому, чем ждать, когда отнимут силой; это истина, познание которой облегчает существование слабых.

Так или иначе, но и в те дальние годы нашлись люди, которые вслух усомнились в правоте Магомета. Их смелые слова дошли до ушей пророка, и он обратился к богу. Наутро бог устами своего пророка изрек пятьдесят девятый суррат корана, разъясняя, что отец имеет право взять себе жену не родного по крови сына. Этим откровением бог вновь укрепил власть Магомета над душами и телами людей.

Однако же бог милостив и милосерден. Чтобы в дальнейшем уменьшить соблазны, покончить с поводами для сомнений и разлада и навсегда обезопасить правоверных от искушения красотой чужих жен, бог приказал пророку:

– Предпиши своим женам и всем дочерям и женам правоверных опустить покрывало донизу!

Это повеление бога записано в том же пятьдесят девятом суррате корана, оно – закон!

И вот уже больше тысячи трехсот лет женщины всех народов, принявших ислам и исповедующих коран, открывают свои лица только перед мужьями. Старые обычаи прочны...

Но мешает ли черное покрывало богатым и сильным людям отнимать красивых жен и дочерей у бедных и слабых?

Горячий ветер врывается в переулки и подхватывает сухую мелкую пыль. Серые облака взлетают над слепыми стенами. Местами из-под стены вытекают ручейки мутной воды и прячутся под другими стенами.

Только ветер и вода знают, что делается в домах людей, они не расскажут.

Мусульманин живет спиной к улице, он привык тщательно прятать свое имущество и все мелочи своей личной жизни от жадного случайного взгляда. Но спасают ли его стены от насилия со стороны тех, кто имеет власть?..

III

Внезапный и крутой поворот переулка выводит прохожего на простор. Он видит широкую белую дорогу, и перед ним открывается неожиданно обширный мир.

По обочинам дороги выстроились высокие деревья. За обочинами, в двух широких, обложенных камнем канавах, бежит обильная вода.

Поистине здесь пролегает граница двух миров. Против глиняного городка открывается подлинный Эдем – рай, обещанный своим последователям пророком Магометом. Не нужно умирать, чтобы увидеть его!

Среди густых садов белеют красивые дома. В пышной листве прячутся крытые веранды, виднеются опущенные над окнами полотнища парусины – защита от солнечных лучей. В садах повсюду струится обильная вода. Над одним из домов развевается большой американский флаг со звездами и полосами. Дом выстроен по европейскому образцу, но на его крыше поместили киоск в восточном стиле, с резными столбиками и остроконечным куполом.

Из киоска открывается отличный вид на ближние и дальние окрестности. Отсюда лабиринт переулков, тесный мирок глиняных стен и плоских крыш представляется отталкивающе грязным пятном даже дельцу, умело эксплуатирующему дешевый труд нищего народа.

От «земного рая» его надежно отделяет дорога, бегущая с запада на восток от недалекой государственной границы. Дорога широка и пряма. «Земной рай» хорошо виден обитателям глиняного городка.

Учителя и вожди ислама утверждают, что такие наглядные примеры приносят поучение правоверным. Религия разъясняет, что только собственные грехи удерживают людей в земном аду. И совсем не так плохо, когда перед взором человека постоянно находится убедительная картина награды, которая обеспечена в той жизни за унижения и бедствия в этой. А так как та жизнь, за гробом, вечна, то что значат в сравнении с ней короткие годы между рождением и смертью человека?

А в этой жизни бог награждает своих избранников богатством. Чем богаче человек, тем больше он отмечен милостью бога! И покушение на неравенство между людьми есть покушение на бога!..

Из киоска под полосатым флагом обозревается равнина с возделанными полями. Магистральные арыки обозначены прижавшимися к ним безобразными, почти голыми, корявыми стволами тутовых деревьев, с которых срезаны все побеги с листьями, чтобы кормить червей шелкопряда.

Поля рассечены лабиринтом низких глиняных стен. Как ни драгоценна орошаемая земля, каждый мелкий собственник ограждает свой клочок. Каждый сеет то, что вздумает и когда захочет. В году бывает два, три и четыре урожая. Где-то нужно кормить осла, козу, овцу. Для всех нужд есть только один маленький кусочек плодородной почвы, в нем вся жизнь семьи.

Легко заметить, что на орошенных полях арыки и стены занимают больше трети всей удобной земли. Странно, расточительно, бессмысленно... Но старый уклад прочен.

Такие города и поселки, как этот, расположены и в полутора и в двух часах полета от границ Советского Союза и на других расстояниях. Их много.

IV

К западу от дороги, среди возделанных полей, резко выделялась широчайшая ровная площадь однообразного желтого цвета, освобожденная от арыков и деревьев. Внимание трех человек, поднявшихся в киоск под полосатым флагом при восходе солнца, было обращено туда.

Лицо генерала сэра Барнса Этрама, сухое, длинное, с выцветшими глазами и серыми усами, которые падали на квадратный подбородок, отвечало типу офицера английской армии, хорошо известному по иллюстрированным

журналам. Генералу было больше шестидесяти, однако он держался очень прямо и имел весьма бодрый вид в свежем широком полотняном костюме, который казался на нем мундиром, хотя на плечах не было погон, а на груди — знаков отличия. Тип военного, которого легко узнать в любом костюме.

Совсем иначе выглядел полковник американской авиации Джошуа Сэгельсон, крепкий мужчина лет сорока пяти. Его можно было бы так же легко вообразить и хозяином фабрики, и владельцем гаража, и банкиром, и даже официантом бара. Полковник был в брезентовых сапогах, а рукава его военного кителя были «по-штатски» засучены выше локтей. Широко расставив ноги, он опирался локтями на перила киоска и смотрел в бинокль на темные полосы взлетных дорожек и на маленькие домики, выстроившиеся на правом краю аэродрома.

Третий, английский инженер Никколс, уселся на плетеный стул и после беглого взгляда на аэродром вытащил из кармана трубку и закурил. Ровесник полковника Сэгельсона, Никколс имел некоторое количество житейских правил и почти никогда не нарушал их. До завтрака он не курил, и эта трубка ломала порядок.

Никколс был недоволен. Начало завтрака затянулось, предстоит хлопотливый день, а он собирался посвятить сегодня все время личной переписке. Программу испортил преждевременный приезд этого американца и генерала Этрама.

На аэродроме около домиков распласталось несколько тяжелых самолетов. Чуть дальше присели в ниточку меньшие самолеты. Оттянутые назад плоскости придавали

им стремительный вид — они казались скворцами, готовыми сорваться с телеграфной проволоки.

Крайний из тяжелых самолетов медленно пополз вперед, остановился, развернулся на месте, пробежал по дорожке и оторвался от земли. На аэродроме осталось длинное облако пыли. Доносилось мощное постепенно глоснущее гуденье моторов. Самолет уходил к горам; на большой высоте он повернул обратно.

Можно было различить, как под машиной появились шарики, точно кто-то бросил горсть резиновых мячей. Мячи падали и разворачивались куполами парашютов. Крохотные фигурки людей приземлялись, собирали парашюты и сбегались в кучку.

Освободившись, самолет снижался, описывал широкий круг, ожидая очереди на посадку. Другой в это время готовился к взлету. А когда поднялся и описал круг, от него тоже отделились точки. Но это были уже не люди, а тюки вещей. Автомшины подобрали их.

— Очень метко, — сказал сэр Барнс Этрам полковнику Сэгельсону.

Внизу прозвучала гулкая нота гонга. По обычаю, метрдотель приглашал к завтраку.

Тренировка воздушных десантов на аэродроме продолжалась.

V

Какие только деревья не растут в саду дома с полосатым флагом! Груши, абрикосы, персики, яблоки, сливы, апельсины. Аллеи бамбука, струящие солнечные лучи через прозрачную сетку тонких стволов, сменяются густыми

зарослями толстых бананов. Очаровательный сад! Одни деревья цветут, на других завязываются плоды, на третьих уже созрели.

А сколько разнообразных птиц! Здесь никто не тревожит пернатых, никто не мешает им жить и пользоваться бездумными и легкими птичьими радостями.

Порхали стайки легкомысленно-крикливых зеленых попугаев. Вороны, ряженные в яркие синие и зеленые перья, прохаживались по дорожкам. Взлетали карие удоды; серые и хлопотливые, как везде, сновали воробы.

После утреннего завтрака генерал Барнс Этрам, полковник Сэгельсон и инженер Никколс совершали в саду утренний моцион: чтобы сохранить силы и молодость, генерал Этрам считал необходимым ежедневно пройти пешком не менее шести миль.

Предназначенная для прогулок аллея была предусмотрительно затянута виноградом. Толстые лозы, на которых висели длинные гроздья ягод, сплетались наверху. В аллее царили утренняя прохлада и радостный зеленый сумрак.

Генерал Этрам совсем недавно вернулся из Англии. Он охотно рассказал бы о многом – ведь старые люди разговорчивы и любят, чтобы их слушали, – но сдерживается. Будь он наедине со своим соотечественником Никколсом... Но полковник Сэгельсон чужой. Генерал вспоминает: «Карточки, постоянные карточки на предметы потребления, они въелись в жизнь, как ржавчина, хотя со дня окончания войны прошли уже годы! Истощенные люди, заплаты на домах и локтях. Даже бриться стали хуже! Толпа на улицах отвратительна, мужчины угрюмы, а

женщины? Как это он сказал своему другу? Да, женщины смотрят, как голодные кошки. Еще бы... цены растут, не каждая семья в состоянии выкупить причитающиеся по карточкам продукты...»

Генерал твердо ставил ноги и в конце аллеи делал четкий поворот через левое плечо. Но его лицо мрачно. Никогда еще он не покидал остров в таком угнетенном состоянии духа. Генерала преследует неотвязчивая мысль: ему кажется, что для многих его соотечественников жизнь стала не лучше, чем для тех цветных, которые прозябают здесь за дорогой, в гадких берлогах за глиняными стенами. Это ужасно, империя тяжело больна...

Мысли сэра Барнса прервала свалившаяся сверху гусеница. Вцепившись в редкую ткань белого пиджака, она упорно сопротивлялась осторожным усилиям генерала. Наконец он оторвал длинное кольчатое тельце с жесткими волосками и рогатой головой и бережно посадил гусеницу на виноградный лист.

– Я вижу, вы вегетарианец, дорогой сэр Барнс, – насмешливо заметил полковник Сэгельсон. – Да раздавите вы эту дрянь!

– Вы ошибаетесь, милейший полковник, – возразил генерал Этрам. – Из этой «дряни» вылетит красивейшая ночная бабочка по имени аттакус-атлас. Размах ее крыльев достигает десяти дюймов...

Дальше генерал продолжал с тонкой улыбкой и с чуть заметной иронией, с какой воспитанный человек позволяет себе поставить на свое место невежу:

– Никколс, такой же старый индеец, как я, меня отлично понимает. Мы все здесь привыкли мягко обращаться

с живыми существами, таков обычай народа. Неблагодарно по мелочам раздражать людей, среди которых приходится жить. Примите мой совет, полковник.

Сэр Барнс Этрам родился в Индии, научился ходить с помощью заботливой индийской няньки, был отправлен в закрытую школу в Англии, затем окончил военное училище и вернулся в Индию – так же, как его отец и дед. Его ожидала прямая, ровная дорога, открытая представителю третьего поколения тех, кто удерживал в короне английских королей и королев самую драгоценную жемчужину. Поручик в двадцать пять лет, капитан – в тридцать пять, полковник – к пятидесяти и генерал – в шестьдесят. Когда почувствуется усталость – обеспеченная старость, отдых на родине в уютном коттедже, на полной пенсии и с созданием отлично проведенной жизни. Общее уважение, визиты почтительных соседей и, при желании, даже кресло в парламенте...

И вот все рухнуло. Что в том, если Англия еще имеет сильные позиции и в Индии и в Пакистане! Не то, не то! Жалкое положение, если вспомнить прошлое. Не признаваясь самому себе, генерал ненавидел туземцев, как он называл народы, населяющие полуостров, ненавидел всех, правда мусульман немного меньше, чем индусов.

Сэр Барнс Этрам так ушел в свои мысли, что не сразу услышал полковника, задавшего ему какой-то вопрос, и ответил не американцу, а своим мыслям:

– Вы удивились моей гуманности по отношению к гусенице, полковник. Это дело привычки, рожденной целесообразностью. Но мы умели и всегда сумеем быть беспощадными. Юношей я слышал в офицерском собрании

рассказ фельдмаршала Робертса Кандагарского о штурме Дели. Приказ на штурм гласил: «Грабить воспрещается, вся добыча будет собрана в одно место и справедливо поделена. Раненых не подбирать, кто бы они ни были. После победы о них позаботятся, а при неуспехе гибель ждет одинаково всех. Пленных не брать, их некому караулить».

Сэр Этрам перевел дыхание и продолжал:

– Дели – громадный древний каменный город. Бой был длителен и беспощаден. После победного штурма столица стала безжизненной. Нигде ни звука, только стук копыт английских коней нарушал гробовую тишину. Трупы валялись повсюду, собаки глодали тела. Коршуны, слишком сытые, чтобы летать, бесшумно вспархивали, давая дорогу всадникам. Кони тряслись и фыркали от страха. Сердца победителей торжествовали!..

Генерал еще больше выпрямился и продолжал особенно внушительным тоном:

– Уверяю вас, Сэгельсон, нам есть что вспомнить в этой стране. Мы еще храним национальные традиции, мы еще не перестали быть воинами. Будущее это покажет.

После длинной паузы, в течение которой был сделан еще десяток поворотов в аллее, полковник Сэгельсон обратился к более современной теме:

– А как у вас на острове с коммунистами, генерал? Они будут когда-нибудь поопаснее сипаев, а?

– Эта язва опаснее вам, чем нам, – возразил генерал.

– Ну! – усмехнулся полковник Сэгельсон. – Не смущайте меня этим пугалом. Мы их давим и окончательно раздавим в нужную минуту.

– Желаю успеха, – отпарировал генерал. – Но у вас не

всегда понимают, что убеждения походят на гвоздь: чем больше по нему бьют, тем глубже он входит. Не следует перегружать предохранительные клапаны. Вспомните историю германской разведки у нас на острове перед второй мировой войной. Мы знали сеть германской агентуры, но беспокоили осторожно, чтобы не спугнуть до времени. А в тридцать девятом году срезали сразу все и ослепили немцев на всю войну. Это был мастерский ход старого Уинстона. Мы сумеем повторить его с коммунистами.

– Принято к сведению, – произнес Сэгельсон тоном военного, выслушавшего приказ. – А как поживает старый лев? Вы не виделись с ним? Хотя, прошу прощения, сэр Барнс, ведь вы, кажется, лейборист?

Генерал скрыл свое неудовольствие под отлично разыгранным смехом. Он не только виделся с премьером, но и слышал знаменательные слова: «Англия еще может удивить мир блеском национального гения в тот день, когда она неожиданно смирит наглость американцев». Но эту тайну генерал Этрам не выдал бы даже на смертном одре. Премьер был раздражен отказом американцев пустить Англию на тихоокеанскую конференцию, где участие принимали собственные английские доминионы, раздражен американскими интригами в Иране, на Ближнем Востоке и в других местах, это верно. Но премьер был спокоен, и его слова были обдуманны.

Будучи бесконечно далек от того, чтобы догадаться о чувствах генерала, полковник Сэгельсон взял его под руку с товарищеской фамильярностью:

– Наша судьба в том, чтобы еще теснее сплотиться, – сказал он.

– Конечно, – охотно согласился сэр Барнс. – Поэтому я так же искренен с вами, как с соотечественником. Но ведь не может же наш остров со всеми его владениями причалить к вам где-нибудь между Балтиморой и Чарлстоном! Разговоры о сорок девятом штате – злостная коммунистическая демагогия и пропаганда Советов. Однако вечность нашего союза является исторической действительностью. Не так ли, Никколс?

Инженер Никколс прогуливался с безучастным видом и не слишком внимательно следил за мыслями, высказываемыми Этрамом и Сэгельсоном. Несколько вынужденно он принял участие в беседе:

– Мне кажется, что наша традиционная политика, как бы сказать... сейчас не удовлетворяет. Мы давно умели поддерживать в Европе более слабые государства и склонять чашу весов в свою пользу. После того как царь Петр выказал силу России и эта страна стала опасна для Англии, мы несколько раз сбивали спесь с Москвы чужими руками. А результат? Россия ныне сильнее, чем когда-либо прежде. Восточный колосс получил стальные ноги вместо глиняных. Правда, я обыватель и лучше разбираюсь в железобетоне, чем в политике. Но с точки зрения инженера конструкция сегодняшнего дня не кажется мне устойчивой. Почему так бесконечно длится война в Корее, и что мы выиграем от нее? Что будет дальше при всех наших приготовлениях?

Никколс сам не ожидал, что скажет так много. Это было результатом дурного настроения.

Генерал Этрам чуть заметно пожал плечами. Никколс наивен и бестактен: он, невежда в политике, должен был

отделаться незначашей фразой и подтвердить мысль старшего. Никколс – великолепный инженер, и этого достаточно.

Под тремя парами подошв хрустел песок аллеи. Было слышно мелодичное карканье сизоворонки. Вдали чуть слышно гудели авиационные моторы.

Полковник Сэгельсон обладал ценными свойствами дельца – он умел заставлять людей высказываться и возобновил разговор:

– Так почему бы не удовлетворить законное любопытство нашего уважаемого строителя, дорогой сэр Барнс?

– К величайшему сожалению, – неохотно ответил генерал Этрам, – общие дела может исправить только война. Видит бог, я не хочу ее. Мы готовимся, лишь следуя проверенному историческому закону – хочешь мира, готовься к войне. Поэтому вина не падает на наши головы. После войны за круглым столом усядутся двое – вы и мы. Я не пророк, но полагаю, что тогда-то будут просто и конструктивно решены все вопросы нашего единства. Я, как и многие, считаю, что все беды человечества зависят от неустройства общественной иерархии. Именно за поддержание этого высокого принципа – каждая нация на своем месте, как и каждый человек! – мы с вами возьмем на себя высокую ответственность.

– После тотальной войны, – подсказал Сэгельсон.

– Затасканное выражение... и неуместное, – поморщился генерал. – После войны за нашу цивилизацию, против коммунистической опасности, против тирании, как хотите. Когда это нужно, тотчас же находятся отличные определения и лозунги.

– Отличные определения и лозунги... – повторил Никколс так тихо, что его не услышали. Последние недели он никак не мог избавиться от навязчивой мысли о «малой войне», которая, по его мнению, бесконечно и бесплодно тянулась на Дальнем Востоке.

Точно сговорившись, все трое взглянули на часы. Пора. Время, назначенное для утреннего моциона, истекло.

После тени аллеи открытое пространство между зеленым тоннелем и домом казалось ослепляющим и враждебным. Нужно было сделать усилие, чтобы покинуть тень и выйти под воинственные лучи солнца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пещеры

I

Из ворот дома с полосатым флагом медленно выкатывался большой автомобиль, блестя лаком и никелем. Несколько полуголых и совсем голых детей, мальчиков и девочек, выскочили из засады за стволами деревьев. Дети бросились к автомобилю с пронзительными криками.

– Взгляни, господин! Сжался, смилуйся! Дай рупию! Взгляни, благодетель! Кинь рупию, сжался!

Во всех городах, поселениях, на всех дорогах страны раздается этот, всюду один и тот же, пронзительный крик. Голодные дети голодных родителей ведут борьбу за существование своими скудными средствами – такова их жизнь, и они делают то, что могут.

Дети забегали перед автомобилем, почти бросались под колеса:

– Смилуйся, сжался!

Шофер дал сердитый, продолжительный сигнал, и дети, как воробьи, порхнули в стороны. Они хорошо знали по опыту, что автомобили не любят шутить. Генерал Этрам и инженер Никколс бросили несколько мелких монет, и на дороге осталась кучка тощих маленьких тел, роющихся в пыли.

Автомобиль с развевающимся на коже полосатым флажком без остановки прошел мимо аэродрома. На хорошем, но пыльном шоссе было тесно, так как дисциплина движения плохо соблюдалась. Часто попадались ослы, навьюченные разными грузами или несущие людей на своих острых спинах. Непривычным глазам странно было видеть маленькое животное, быстро перебирающее тоненькими палочками сухих ног под нагрузкой, которая казалась больше и тяжелее его самого. Зачастую на одном осле было по два седока.

Преобладали пешеходы. Они брели целыми группами – одни сторбленные под тяжестью мешков с пожитками, другие только с палками в руках. Женщины, которым, вероятно, было трудно дышать под традиционными черными покрывалами, тащили детей, посадив их себе сзади на пояс и подавшись вперед всем телом. Попадались и женщины с открытыми лицами. Но какие же это были жалкие, истощенные, опаленные беспощадным солнцем лица!

Полковнику Сэгельсону все люди и все лица тут казались совершенно одинаковыми, чуждыми и неинтересными, как песок на океанском берегу. Очевидно, бес-

сильные и бесполезные, они начинали раздражать деловитого полковника.

– И куда они все тащатся? Почему не сидят где-нибудь у себя дома и не занимаются чем-нибудь?

– Идут по своим делам... Многие переселяются, – неопределенно ответил генерал.

– Куда? – полковник хотел все знать.

– Куда-нибудь. Прямо перед собой. В пространство, – генерал улыбнулся. – Кто-то сказал, что в другом месте лучше, и они тронулись. Это те, кто ничем не связан. Они свободны, у них нет ни земли, ни имущества... Не забывайте о разделении страны на Индию и Пакистан. Индусы продолжают выселяться, а мусульмане – приходить. Основные волны уже схлынули, но, – и генерал чуть заметно усмехнулся, подыскивая слово, – процесс взаимного изгнания еще продолжается...

Встречались длинные вереницы живописных верблюдов. Во главе каждого каравана на осле ехал вожак. Конец недоуздки первого верблюда был привязан к седлу осла, а каждый следующий верблюд – к идущему впереди. Создавалось навязчивое впечатление, что именно маленький живой осел приводит в движение эти тяжелые четвероногие автоматы.

Длинные ноги верблюдов небрежно шлепали мягкими лепешками ступней, каждая нога казалась самостоятельной, действующей сама по себе. Порой слышался тоскливый голос верблюда, как бы жалующегося на скучную судьбу.

Люди шли молча...

Чужая, непонятная жизнь медленно струилась по

пыльному шоссе. Роскошный автомобиль с европейцами плыл, как в мутной воде, расчищая себе дорогу повелительными звуками клаксона.

II

В пятнадцати или шестнадцати милях от аэродрома автомобиль свернул на подошедшую к шоссе с севера более узкую дорогу. Здесь сразу стало пусто, встречались только группы рабочих, занятых ремонтом. Замечая машину, рабочие заранее расходились и стояли, темнокожие, полуголые, с лохмотьями вокруг бедер и разноцветными тряпками, обмотанными вокруг головы. Охотно бросив кирки, лопаты и кетмени, они безучастно смотрели на автомобиль, медленно преодолевающий ремонтируемый участок, и потом не спешили браться за дело.

– Никчемные работники, – презрительно бросил Сэгельсон. – Мне было бы трудно с такими. Хорошо, что работы окончены. Вероятно, вы извелись с ними, Никколс?

Вместо ответа инженер махнул кистью руки. Вмешался генерал Этрам:

– Они таковы от рождения, и ничто и никогда их не изменит. Я давно привык к туземцам и привязался к ним. Меня они не раздражают. Нужно их понимать. У них скромнейшие потребности, их вполне удовлетворяет горсть сушеной шелковицы, кусок пресной лепешки, две унции риса и немножко фруктов. Наша кошка ест больше.

Автомобиль проходил район, занятый рисовыми полями. Под солнцем металлически блестели затопленные мутной водой участки, разделенные низкими валиками

грунта. На некоторых поднималась зеленая щетка ростков драгоценного злака, другие казались пустыми. Тучи комаров вились над дорогой, и шофер прибавил ход, хотя автомобиль и подбрасывало на частых мостиках через арыки.

— В лучшем случае четверо здешних рабочих выполняют работу одного вашего или нашего, — продолжал генерал Этрам. — Однако все вместе они стоят в три раза дешевле. И они ничего не требуют. На этой дороге они работают вдали от дома, спят на земле и ходят домой, лишь когда у них кончается запас принесенной с собой пищи. Попробуйте-ка поставить *наших* рабочих в такие условия. Они вымрут через несколько месяцев. В этой стране европейцы должны управлять, а в остальном следует обходиться местными ресурсами.

Заметив, что около последней группы рабочих на земле лежали два человека, полковник Сэгельсон приказал шоферу остановить машину. Он быстро подошел к лежащим и толкнул одного из них носком сапога под ребра.

— Бездельник, встать!

Рабочий не пошевелился.

— Вернитесь, полковник, — позвал генерал Этрам. — Это, наверное, больные.

Сэгельсон обернулся. Десять или двенадцать человек, которые составляли ремонтную бригаду, видимо, хотели подойти к полковнику ближе, но остановились и сейчас стояли неподвижно.

Рабочие были очень худы. Большие глаза на сухих, обтянутых тонкой кожей лицах, обожженные солнцем до черноты, пристально смотрели на американца.

– Почему вы не работаете, болваны? – строго спросил Сэгельсон.

Никто не ответил, и полковнику при всей его самоуверенности сделалось неприятно под упорными взглядами двух десятков глаз. Отмахиваясь от налетевших комаров, он сел в автомобиль, и машина покатила дальше. Генерал был доволен, что Сэгельсон получил маленький урок, но воздержался от комментариев.

Дорога приближалась к предгорьям и описывала широкие, мягкие петли. На одном из поворотов пришлось задержаться перед металлической штангой шлагбаума, охраняемого вооруженным патрулем. Наконец открылось ровное и широкое плато, где можно было развить большую скорость. Предгорная терраса вытягивалась и сужалась, сжимаемая голыми скальными обрывами. После третьего шлагбаума автомобиль остановился.

III

В гористых районах Средней и Центральной Азии встречаются места, где сразу обрывается пространство, покрытое плодородным грунтом, и над ним встают горы. Многометровый пласт рыжего лёсса внезапно ограничивается стеной камня.

Как видно, здесь еще не закончен, еще продолжается процесс горообразования. Здесь скалы по-своему, по-горному молоды, они крепки, не выветрены, голы. Их острые трещины созданы быстрым и сильным движением, а не постепенной работой времени.

Молодым горам свойственна резкая крутизна откосов,

взбираться на них трудно и небезопасно. Весной, когда дикая окрестная растительность еще живет зимним запахом влаги и не убита солнцем, подножия окружены густой зеленой каймой. Такие места встречаются в предгорьях Гималаев. Слово «Гималаи» было бы правильнее произносить Хималайи – Царство Снегов. Они грандиозны; если рассыпать составляющую их массу по всей суше Земли, то уровень ее поднимется на высоту пятиэтажного дома. А Хималайи продолжают расти.

Царство Снегов – это древнейшее гнездо человеческих цивилизаций, и в нем много чудес, созданных рукой человека. Работа была начата давно, в те времена, когда история еще не вырезалась на каменных плитах, не чертилась на глиняных пластинках, не писалась на папирусе и пергаменте. А если и писалась, то лишь в форме иносказаний темных загадок, вкрапленных в описания дел забытых богов...

На расстоянии полутора часов полета по прямой от долины в предгорьях Хималаев, где остановилась автомашина, есть место, именуемое Бамьян. Там в ущелье кем-то выбиты ниши, где стоят сорокаметровые исполины. Время изъело чудовищные фигуры и сделало отвратительно-страшными когда-то величественные лица. Но высеченные внутри горы проходы и винтовые лестницы еще сохранились. По ним можно подняться на лысые головы колоссов.

Гиганты имеют имя – Шах-Мама. Это искаженное имя Будды, легендарного индусского философа-вероучителя Шакья, или Шахиа-Муни.

Местные жители не советуют всходить на плоское темя

главного колосса. Горцы считают, что он не любит человеческой болтовни и кощунственных прикосновений. Случается, что дерзкий падает...

Есть в Хималайях и грандиозные храмы, выдолбленные в жестком теле гор. В тех, что известны современным людям, за малыми входами открываются высочайшие залы с колоннами причудливой резьбы, с толпами высеченных из камня фантастических фигур, соединивших в своих удивительных образах черты человека и зверя. Дивно, величественно воплощены замыслы неизвестных художников.

Но как подумаешь, что весь этот чудовищный труд был осуществлен рукой, едва вооруженной куском плохой мягкой стали или хрупкого бронзового сплава, — преклоняешься перед мужеством работников и дивишься цели столь великих усилий. Зачем?

Чтобы увековечить имя какого-нибудь тирана, ненавидимого при жизни и проклятого после смерти, или чтобы возвеличить власть выдуманных богов и их именем требовать от народа приношений хлеба, золота и самой человеческой крови!..

IV

Строители секретной базы американской авиации, расположенной на легко преодолимых расстояниях от границ Советского Союза, затратили на свои сооружения неизмеримо меньше усилий, чем древние. Но современные строители пользовались и наукой, и могучими взрывчатыми веществами, и совершенными механизмами...

Ни с воздуха, ни с земли нельзя было рассмотреть со-

оружения авиационной базы, все они находились внутри, в массиве горного отрога.

Точно самой природой предназначенное для летного поля, плоское дно долины сжималось постепенно сходящимися к северу высокими каменными откосами. В них были высечены глубокие пещеры.

Каменные ангары могли вместить самолеты максимального размаха плоскостей. Мастерские были насыщены оборудованием, рельсовыми путями; тянулись транспортеры, стояли подъемные краны.

Главный строитель базы инженер Антони Никколс сдавал в эксплуатацию законченное им сооружение. Полковник Сэгельсон принимал базу как начальник, а генерал Барнс Этрам играл роль представителя правительства. Сопровождаемые подчиненными Никколсу инженерами, они обходили помещения и осматривали устройства.

База была обеспечена обслуживающим персоналом. Часовые встречались повсюду. Особенно тщательно охранялись уже укомплектованные склады оружия и еще пустые хранилища для атомных, водородных и других бомб.

Помещения для бактериологического оружия находились несколько в стороне. Входы в них преграждались массивными, герметически закрывающимися дверями, как в банковских кладовых. Были готовы установки для дезинфекции газами и перегретым паром на случай аварии. Бактериологическое оружие требовало особенных и еще больших предосторожностей, чем атомное.

Попав в свою сферу, инженер Никколс разговаривался. Он приводил интересные цифры. По его словам, при со-

временной технике подземные сооружения выгоднее наземных. Выстроенная на открытом месте база обошлась бы дороже и не могла бы быть так идеально замаскирована и столь недоступна для поражения с воздуха.

— Самая крепкая база из известных мне, — утверждал увлеченный своим искусством строитель. — К тому же весьма важно, что конструктивное единство сооружений и горы придают нашей базе высокую сейсмическую стойкость. Недавнее катастрофическое землетрясение на советской границе отразилось и здесь толчком силой восемь баллов, но у меня все сохранилось в целости...

— Да, да, — небрежно отозвался полковник Сэгельсон. Он не был знаком с подземными толчками.

Недавно он побывал на одном из «предприятий», занятых подготовкой бактериологической войны, и, путая поспешно нахватанные сведения по бактериологии и энтомологии, пустился рассказывать о достигнутых успехах в этой области. Сэгельсон поминал об «обобщении корейского опыта», погружался в грязные подробности гнусных экспериментов...

«Опять Корея...» — с раздражением подумал Никколс, набивая трубку, и оживление покинуло его. Положительно, этот Сэгельсон обладал способностью действовать на нервы главного строителя базы.

V

В одной из пещер оказался обширный и, видимо, глубокий бассейн с бурлящей водой. Вода поднималась снизу с сильным напором, который выдавал себя характерным

водяным бугром на поверхности. Широкий канал отводил воду.

— Здесь проблема водоснабжения решена своеобразно, — пояснял Никколс. — Нам удалось на относительно небольшой глубине обнаружить мощный источник. Вода подается своим напором, но в избыточном против проектной потребности количестве. Мы пробурили колодец, нашли известняк с карстовыми пустотами и сбрасываем туда излишки воды.

— Куда же девается эта вода? — заинтересовался генерал Этрам.

— Выходит где-нибудь в русле Инда, а может быть, и на дне Индийского океана. Во всяком случае, далеко, так как мы бурили сбросовые колодцы на глубину почти двух тысяч футов.

— К чему такие сложности и лишние траты? — фыркнул полковник Сэгельсон. — Почему вы не пустили воду верхом? Сколько вам стоило бурение?

— Э, нет, дорогой полковник, — вмешался генерал Этрам. — Вы забыли местные условия. Здесь острый водяной голод. Из-за недостатка воды много удобной земли не обрабатывается, а орошаемая чрезвычайно дорога. Находка нашего уважаемого Никколса вызвала бы крики и вредную демагогию со стороны так называемых патриотов. Мы обсуждали вопрос с нашими местными друзьями.

— Пусть, — не сдавался Сэгельсон. — Наша концессия, наши недра! А если мы завтра найдем урановую руду?!

— В местных условиях вода дороже урана, — настаивал Этрам. — За очередь на полив здесь сражаются целыми де-

ревнями, и люди доходят до полного отчаяния. Я видел это не раз. Разгласите находку, покажите воду, и вы создадите новые затруднения нашим друзьям в правительстве, откроете еще один путь для интриг против них!

— Чертова дипломатия с этими черномазыми! — выбранился Сэгельсон.

Полковник решил немедленно приступить к переводу всего авиационного хозяйства с пригородного аэродрома. Он категорически отверг замечания генерала Этрама о нежелательности преждевременного обнаружения базы.

— В случае надобности мы все официально опровергнем, — заявил полковник. — Что же касается тайны, то вы, сэр Барнс, хоть и старый индеец, но склонны к иллюзиям, — уколол он генерала. — Утверждаю, что вся округа посвящена в наш секрет, сотни тысяч человек знают его. Бросим пригородный аэродром цветным, пусть разводят на нем рис. А здесь я буду как у себя дома. Непрошеному посетителю я, не консультируясь с цветными властями, предложу длинную исповедь, короткую веревку и глубокую могилу, — добавил полковник, вспомнив сток воды, исчезающий в земных недрах.

Несколькими десятками миль выше в узком месте долины инженер Никколс соорудил предохранительный барраж — плотину, надежную гарантию от опасности затопления лётного поля в случае наводнения. Убеденный в высоком качестве работ, полковник принял барраж без осмотра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пауки

I

К городу, разделенному белым шоссе на две так не похожие одна на другую части, с востока приближался пешеход. Он медленно передвигал босые грязные ноги по пыли и изредка восклицал:

– Валлаги, биллаги, таллаги! Именем истинным, единым! Валлаги, биллаги, таллаги!

Судя по чистому и сильному голосу, пешеход был далеко не стар. На его худом теле висел ветхий халат, весь облепленный заплатами. Сальные пятна, дым придорожных костров, копоть очагов караван-сараев и грязь безвестных ночлегов придавали своеобразное единство этому пестрому одеянию.

– Валлаги, биллаги, таллаги! – разносился настойчивый громкий крик.

Пустая скорлупа кокосового ореха, похожая на ссохшуюся почерневшую дыню, длинный бамбуковый посох и свернутая чалмой тряпка на голове были единственным достоянием странствующего дервиша-дивоны.

Их много бродит по дорогам. Спросите у дивоны его имя. Он услышит вас, если захочет, ответит то, что вздумает, если захочет ответить. Обычно у него нет ни одной монеты и никогда никаких документов. Бродячих дервишей никто не считал в стране, где отсутствие имущества освобождает человека от необходимости удостоверять

свою личность, а сколько-нибудь точное количество даже оседлого населения никому не известно и определяется лишь приблизительно.

Странствующие дервиши не придерживаются каких-либо определенных норм поведения. Один молчит, другой проповедует, третий показывает ловкие, остроумные фокусы, выдаваемые за чудеса.

Некоторые дервиши являются представителями общин, подчиняются кое-каким правилам. Союзы дервишей напоминают средневековые общины странствующих монахов. Многие дервиши свободны от всяких союзов. Среди них можно встретить и религиозного фанатика, и упрямого лентяя-тунеядца; бродягу по призванию и несчастного, кто остался один и не нашел в себе сил, чтобы создать новую семью, новый очаг...

Там, где законы состоят из одних запретов, где государство, имея права, не имеет обязанностей, существование человека случайно, непрочное...

Странствующий дервиш-дивона не умрет от голода. Люди, почти такие же нищие, как и он, не отказывают в подаении. Народ беден и добр. Он кормит бродягу и не отказывает ему в крове, не спрашивая имени и не вдумываясь, кто протягивает пустой кокосовый орех – «праведник» или мошенник.

Дивона вошел в город. Пройдя почти треть его, он воскликнул:

– Скажи: мы сотворили человека прекраснейшим образом!

Заимствованное из корана изречение преобразило дивону. Он выпрямился, гордо откинул голову и делал ши-

рокие, смелые шаги. Держа бамбуковый посох в левой руке, он поднял правую, сжимая пальцы в кулак и указывая в зенит свободным указательным пальцем. Таков традиционный жест утверждения установленного кораном единобожия.

Но вскоре человек остановился, поднес руку ко лбу, точно вспоминая что-то, и начал неожиданно низким и скорбным голосом:

– Скажи: потом низвергли мы его на низайшую ступень лестницы!..

И это изречение было взято из корана. Оба они, поставленные рядом как бы случайно, свидетельствовали о жестокости божества и о жалкой роли человека – хрупкой игрушки в руках злого создателя.

С каждым словом печального откровения дивона горбился, уменьшался. Голос его замирал, он ронял голову на грудь и остро выпячивал костлявую спину. На подогнутых коленях он едва тащился дальше, казался стариком, таким же изношенным, как и его одеяние.

Наступал вечер. По широкой дороге поодиночке и группами шли жители города, возвращаясь в свои дома после дневного труда. Странствующий дервиш-дивона не был для них необычным зрелищем, однако многие останавливались и вслушивались. Встречные уступали дивоне дорогу, он же шел вперед, как бы никого не видя.

Вблизи от ограды сада, где стоял дом под флагом со звездами и полосами, дивона заметил высокого человека в костюме европейского покроя из желтоватого шелка: его голову обвивала ослепительно белая чалма.

Дивона остановился и издали закричал, указывая на высокого человека своим посохом:

– Скажи: тогда объявят каждому, что он совершил! А также и то, чего он не совершил, хотя и следовало! Тогда твои ноги прилипнут одна к другой. Тогда твой взор будет блуждать, а твое сердце подойдет к горлу!

Ни один богослов не мог бы обвинить дивону в искажении текстов священной книги. Но обращенные к человеку, они звучали обвинением, напоминали о смерти.

Человек в шелковом костюме шел прямо на дивону, а тот стоял как врытый в землю и не собирался уступить дорогу.

– Ты опять явился к нам, Эль-Мустафи? – гневно спросил высокий. Его красивое лицо исказилось от гнева и презрения. – Ты опять будешь кричать на улицах и базарах? Берегись! Тюрьма и палки скучают по тебе, вонючая собака!

Издеваясь, он зажал двумя пальцами нос и брезгливо описал дугу, обходя дервиша. А дивона поворачивал ему вслед черное от густого загара и грязи лицо, на котором сверкали белые зубы и белки глаз, и кричал:

– Скажи: бог един! Скажи: взвешивайте верно и не давайте погибнуть равновесию! Скажи: бог не любит изменников!

Высокий человек хорошо знал коран. В обрушенных на него проклятиях не было ничего, что оказалось бы в противоречии с книгой. Это лишало его возможности предпринять против дивоны какие-либо серьезные действия...

II

Высокий человек в шелковом костюме скрылся в воротах сада, смежного с владениями дома под полосатым флагом. Там над густой зеленью возвышалась крыша из рифленого железа, покрывавшая здание европейской архитектуры.

Гневные возгласы дивоны собрали толпу в несколько десятков человек. Мужчины в халатах или в коротких шароварах с голыми торсами, в разноцветных чалмах, почти все босые, женщины с закрытыми лицами стояли молча и с безразличным видом. Очевидно, они ждали, что еще скажет дивона.

Из ворот владения, принадлежащего оскорбленному дивонной человеку, вышли пять или шесть мужчин с палками в руках: слуги, которым было приказано рассчитаться за хозяина. Но они, заметив толпу, остановились. А дивона, опустив голову, беседовал сам с собой тем голосом, каким человек обычно говорит только наедине.

— Существует ли жилище слабее дома паука? — спрашивал он и торопился ответить четкой скороговоркой: — Нет, нет и нет. Легкий ветерок уносит и дом и хозяина, топит их в луже. Крыло стрекозы разрушает дом паука и крыло шмеля тоже. Да, да, да. Это истина, истина, истина, — внятно повторял дивона, зная, что его не только слушают, но и понимают. — И, однако же, для мухи нет крепче пут, чем пути паука. Почему же это так? Почему, почему, почему? Какой закон дал пауку такую великую власть? Нет такого закона, нет, нет, нет. Но почему же силен паук? А, а! Не потому ли, что сам паук был раньше мухой? А, а! Кто

может быть страшной мухи, сумевшей превратиться в паука?

– Смотри-ка, что ты там видишь? – спрашивал себя дивона, указывая на дом под крышей с рифленным железом, и отвечал: – Дом паука, если ты не слеп и способен понимать. А там что ты видишь? – дивона указал на дом под полосатым флагом и подтвердил: – Тоже дом пауков, это истина.

Дивона опустил на корточки на обочину шоссе и заговорил тихим голосом:

– Повсюду стоят дома пауков, пауков, пауков... Не хватает мух, чтобы их накормить... Пауки едят один другого, но мухам от этого не становится легче.

Дивона замолк, погружившись в созерцание. Посох и чаша из скорлупы кокосового ореха лежали рядом с ним. Кто-то нагнулся и положил чашу вверх отверстием. Несколько мелких черных монет упало в нее.

Люди с палками в руках, вышедшие из дома под рифленой крышей, уже вернулись за ворота. Один из стоявших близ дивоны сказал ему:

– Эль-Мустафи, ты устал и голоден. Отойдем со мной, будь моим гостем, если угодно богу.

Окружавшие дивону люди разошлись так же молча, как собрались. Только с десятков мужчин задержались, еще чего-то ожидая.

Человек, пригласивший Эль-Мустафи, нагнулся и тихо сказал:

– Мы ждали тебя...

Эль-Мустафи пошевелился и указал рукой на запад. Уходящее солнце лило оттуда потоки света. По шоссе,

окутанному сияющей золотой дымкой пыли, приближалось нечто похожее на черный шар. Дивона опустил руку и принялся искать что-то в дорожной пыли.

Стремительно увеличиваясь, шар превратился в автомобиль. Не доезжая до места, где сидел Эль-Мустафи, автомобиль резко снизил скорость, свернул вправо и, повелительно сигналив, подошел к воротам дома с полосатым флагом.

Дивона выпрямился и метнул камень. Седоки в автомобиле заметили Эль-Мустафи в тот момент, когда он размахнулся. Но камень не пролетел и пятой доли разделявшего их расстояния.

– Я никогда не привыкну к этим дурацким фигурам! – воскликнул полковник Сэгельсон. – Какой беспорядок! Тоскую по нашим полисменам и полицейским судам для бродяг. В Штатах мы быстро отучили бы подобного проходимца шататься по дорогам.

– Вам придется привыкать, – возразил генерал Этрам, тяжело вылезая из автомобиля. – Местный колорит, так сказать фольклор. Дервиш-исламита, дивона, как их еще называют. Как видите, они бывают агрессивны, но не следует обращать на них внимания. Особенно если агрессивность, как в данном случае, условна. Лучше не задевать их. Мой любимый Киплинг – мы когда-то встречались – с его добродетельными бродягами, увы, безнадежно устарел...

III

Поздний обед затягивался надолго. Генерал Барнс Этрам любил поговорить и нашел в полковнике Сэгельсоне

внимательного слушателя. Полковник ждал извещения о присвоении ему генеральского звания. Он был доволен собой, доволен базой и охотно интервьюировал генерала Этрама. Молчаливый инженер Никколс не мешал.

– Нужно быть терпимым, нужна привычка, и... следует уметь подавлять в себе чувство брезгливости, чтобы понимать местное население, – повествовал генерал. – В наши дни на карте полуострова появилось молодое и крупное мусульманское государство. В умах мусульман Пакистан заменяет упавшую Турцию. Начинают мечтать о возрождении мирового значения ислама. Полезная, нужная даже, по-моему, вспышка панисламизма естественна, но не будем преувеличивать ее масштабов. Нет, средние века ислама, времена Салах-ад-динов, Омаров и Баязетов не вернутся, конечно, как нельзя возродить крестовые походы. Но мы ни в коем случае не должны мешать пылким мечтаниям цветных интеллигентов. Больше того, мы обязаны всячески поощрять и развивать панисламизм. Пусть они опьяняются мечтами, они всегда останутся нашими союзниками. Наличие широких опор панисламизма в народе для меня сомнительно, но что это за народ? Лучшее, что в нем есть, это фанатики. Нужно уметь их направлять.

Генерал и полковник встретились глазами, и Сэгельсон подмигнул сэру Барнсу.

– Вот именно, – продолжал генерал, – среди фанатиков уже сегодня мы находим нужных людей для непосредственной и повседневной борьбы с коммунистами. Но в массе туземного населения есть всякие течения... Ныне Индия и Пакистан получили «независимость», и нужно быть виртуозом, чтобы не извлекать фальшивых нот.

Генерал задумался: мысль о возможных осложнениях с американцами требовала осторожности и сковывала его слова.

Полковник немного выждал и подсказал генералу:

– Не извлекать фальшивых нот или обладать достаточной силой понуждения, чтобы заставить уважать себя.

Вошли слуга и переменили блюда. После их ухода сэр Барнс ответил:

– Не всегда удастся и накопить силу и применить ее в нужную минуту. Вообще лучше избегать осложнений с управляемыми народами.

– За мою базу я ручаюсь, я не опоздаю. К тому, что уже имеется, скоро накоплю там оружия на моторизованную дивизию, останется только перебросить солдат, – возразил полковник. – Как только понадобится, я вылезу из своей каменной скорлупы и устрою им второе Дели, о котором вы так красочно рассказывали сегодня утром. На современный лад! У них, я слышал, есть какие-то специальные ангелы смерти?

– Накир и Монкир, – блеснул эрудицией генерал.

– Так вот, пусть только они пикнут. Тут-то я и спущу на них всех этих Накиров и Монкиров и всех чертей, возведенных в напалмово-атомно-водородную степень, клянусь честью! И... Словом, еще несколько лет, и строительство наших баз будет закончено во всем мире. Тогда мы сможем повсюду разговаривать без дипломатических тонкостей! – грубо закончил полковник Сэгельсон.

– Никогда нельзя забывать о дипломатии, – возразил генерал Этрам, шокированный не программой, а формой ее изложения.

– Согласен, согласен, – успокоил его полковник. – Вернемся к местным делам. Итак, что следует думать о местных революционерах?

– Как вам сказать... – ответил генерал. – Здесь есть свои особенности. Конечно, и тут есть законы, и личность имеет формальное правовое положение, но дело в том, что каждый противник власти, основанной на законах ислама, нарушает ислам и тем самым в глазах исламитов ставит себя вне закона. Таково существо дела. А практика... – генерал усмехнулся, – практика бывает достаточно решительной. Здесь охотно и неограниченно прибегают к так называемому «благодетельному произволу». Уверяю вас, ислам хорошая вещь.

– Я не совсем понял, – признался Сэгельсон, – кроме того, это может быть неудобным для нас, европейцев.

– Постараюсь сформулировать. Для ислама нарушение социального строя есть ересь, отступничество. Особенно теперь, когда мистическая сторона ислама значительно ослабела и усилилась, как выражаются господа коммунисты, классовая сущность, что, впрочем, характерно не только для ислама...

– Вы имеете в виду христианство?! Позвольте, я христианин! – перебил полковник Сэгельсон.

– Мы все христиане, – солидно парировал генерал, – но ведь есть политика.

– Ну... допустим, – согласился Сэгельсон.

– Мусульманское духовенство, – продолжал сэр Этрам, – повсюду ведет проповедь священной борьбы против коммунистов. Муллы обладают хорошо развитым политическим чутьем, и коммунисты для них заняли то место,

где еще недавно были христиане. Это обязывает нас уважать ислам и его руководителей. У нас общий враг! Заметьте также, что в исламе духовное звание зачастую совпадает с личной состоятельностью. Муллы – обычно коммерсанты, часто – крупные собственники. Сегодня у нас общая стратегия, нужно избегать тактических ошибок и быть честными конкурентами. Тогда все исламисты пойдут с нами рука об руку...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

За глиняными стенами

I

Дивона Эль-Мустафи и пригласивший его к себе человек по имени Бекир остановились в одном из безымянных переулков глиняного городка.

За дверью в стене дома Бекира оказалась вторая стенка. Следовало повернуть, чтобы проникнуть в бирун, двор и помещение для мужчин, обитающих в доме, и доступные для гостей-мужчин.

Влево, у стены, отделяющей двор от улицы, на тонких столбиках резного дерева возвышался навес. Его крыша из камышовых циновок была застелена рисовой соломой, смазанной толстым слоем глины для защиты от дождя и зноя. Под навесом – низенький, всего на четверть от земли, деревянный помост.

По канавке через двор Бекира протекала мутная вода, которой население пользовалось для всех нужд. Дивона

вымыл лицо, руки и ноги. Наступал час вечерней молитвы, и уже слышались визгливые голоса муэдзинов, напоминающие правоверным об их долге перед вечным. Однако ни хозяин, ни его гость не совершили обязательного обряда.

Хозяин расстелил на помосте под навесом рваное ватное одеяло, и Эль-Мустафи сел на приготовленное место.

Бекир принес закопченный фаянсовый чайник с надбитым носиком и скрепленными медными скобками трещинами, широкую пиалу, тонкую серую лепешку и пригоршню пыльных сухих фруктов на маленьком медном подносе. Эль-Мустафи отламывал от сухой лепешки крохотные кусочки и долго жевал их, запивая маленькими глотками теплого чая.

Из двери, отделявшей бирун от эндеруна, женского двора, на четвереньках выползло живое существо. Оно с усилием поднялось на ноги, и дивона заметил маленькую девочку в короткой грязной рубашонке. На руках и щиколотках блестели ярко начищенные широкие медные браслеты. Волосы были острижены, и только над ушами оставались две пушистые прядки – основа будущих кос. Какие мать и отец не мечтают о падающих ниже колен черных косах красавицы дочери?

Из той же двери эндеруна скользнула толстая серая змея – даман-крысолов. Девочка не обратила внимания на змею, постоянного жителя дома и свою игрушку, с которой она умела пить из одной чашки. Змея опередила ребенка и скрылась под помостом, на котором отдыхал дивона.

Неловко переставляя слабые, еще неумелые ножки, девочка побежала к отцу.

Бекир присел и протянул руки навстречу дочери. Девочка тоже тянула ручонки, спешила, торопилась. Ее ножки заплелись, но отец успел подхватить ее. Он целовал дочь, щекоча нежную детскую кожу своей жесткой курчавой бородой. Девочка прильнула к отцу, теребила его бороду и что-то щебетала.

В двери эндеруна появилась женщина в коротком, чуть ниже колен, платье из яркой бумажной материи. Из-под платья до щиколоток опускались узкие шаровары из пестрого ситца. Лицо женщины было закрыто. Увидев дивону, женщина отбросила чачван и приветствовала гостя застенчивой, но радостной улыбкой.

Бекир опустил дочь на землю и любовно подтолкнул ее к матери, приговаривая:

– Беги, мой цветочек, лети, моя птичка, чистая вода моих глаз, беги, радость моей души...

От внимательного взгляда дивоны не скрылась болезненная худоба рук и ног ребенка, его неестественно вздутый живот.

Эль-Мустафи сурово спросил хозяина дома:

– Почему так плохо идет твоя торговля, человек? Ты забыл свои обязанности, ты проводишь дни в чайханах, стал ленив и небрежен?

Бекир развел руки широким и безнадежным жестом:

– Какая торговля может быть там, где покупатели так же нищи, как продавцы? Пока тебя не было, мулла Аталык открыл еще три лавки и окончательно задушил нас, бедных розничников. Богатые, они торгуют, а бедным осталось обмениваться нищетой. Не будь у меня клочка земли, уже полгода как меня и всей семьи не было бы на свете. Но и с

землей человек погибает. Мираб дает так мало воды, что мой ячмень совсем засох.

– Мирабы заботятся только о садах богачей и инглезов. Их деревья сочны, и густа даже трава, будь она проклята, которую они разводят для бесполезного украшения, да будут прокляты все украшения, и да возьмет Эблис души всех богачей, инглезов и мирабов! – раздался во дворе приглушенный голос.

Около короткой внутренней стенки, ограждавшей вход из переулкa во двор, стояли двое мужчин. Не успел один из них закончить свою злую жалобу на богачей и чиновников, распоряжающихся водой, как за его спиной появилась третья голова в чалме.

II

Один за другим люди входили во двор Бекира. Босые ноги бесшумно ступали по твердой, чисто подметенной земле. Обязательные слова приветствия «мир вам» произносились шепотом.

Солнце уже зашло. Быстрые сумерки падали как черный войлок, закрывающий вход в палатку кочевника. Но еще быстрее наполнялся молчаливыми людьми гостеприимный двор Бекира.

Дивона опустил голову и закрыл глаза – он казался спящим. Он видел песчаный берег тяжелого, как расплавленный свинец, и такого же гладкого океана, видел окраину города и дом, куда он пришел проститься с друзьями перед дальней дорогой на север родной страны. Придется ли опять увидеться?

Сейчас он будет говорить людям слова правды. Нужно суметь поднять знамя независимости родины и свободы человека. Объяснить, как и кому богатые продают народ. Пусть из народа двинется волна смелых и сильных, обильная смена ему, Эль-Мустафи, если он сделает неверное движение...

Только что Бекир произнес имя Шейх-Аталык-Ходжи. Эль-Мустафи встречал этого человека в медресе.

Люди собираются, пора заговорить языком, понятным всем.

Отдохнув, Эль-Мустафи чувствовал себя молодым, бодрым. Он был даже весел, смутьян-дервиш, мечущий во врага тонкие стрелы, полные невидимого яда.

III

Кривые тесные переулки малолюдны. В слепых стенах нет окон, откуда люди могли бы увидеть проходящих мимо Бекира и Эль-Мустафи. Все двери тоже закрыты. Стены не имели ушей, чтобы услышать шаги. Однако жители глиняного городка знали, что дивона пришел к ним, и нашли дом, где он должен провести ночь.

Все теснее и теснее окружали люди дивону. Поджимая под себя ноги, заполняли помост под навесом, присаживались на сухой теплой земле поближе к Эль-Мустафи. Опоздавшие пробирались в сумраке, подыскивая себе свободное местечко с той особенной ловкостью движения, которая позволяет им свободно ходить в тесноте базаров, где неуклюжий инглез не сделает и шага.

У стен эндеруна, женского двора, возникали непод-

вижные фигуры в черных покрывалах. Все молчали. Фигура сидящего дивоны казалась бесформенной кучей грязных лохмотьев. Вдруг Эль-Мустафи провел по лицу обеими руками и поднял голову со словами:

– «Мы сотворили человека прекраснейшим образом». Вам говорили, что это слова бога. Но поистине разве не прекрасны вы, мужчины и женщины? Разве не прекрасны ваши дети, цветы вашей любви? Да. Но истина не может утаиться под покровом лжи, даже если этот покров велик, как Хималайи.

Эль-Мустафи говорил негромким грудным голосом, но так искусно, что до людей доходил каждый оттенок его речи. Он продолжал:

– Если же вы будете лгать себе и друзьям, если вы будете сами себе замазывать грязью глаза, что случится с вами? – Дивона приподнялся и протянул к толпе обе руки. – Что будет с вами, когда вы заткнете себе уши и оттолкнете руку друга?

В голосе дивоны зазвучали грозные ноты, вопросы сменились обличениями.

– Вы молчите, точно наелись земли. Много дней я не видел вас и не говорил с вами. Сделались вы лучше? Нет. Стали вы умнее? Нет. Может быть, вы стали богаче? Конечно, нет!

Дивона шипел, как рассерженный питон:

– Вы, низверженные на последнюю ступень, не поднялись ни на полступени. Наша родина прекрасна, нет лучше ее. Нет земли лучше нашей, ее хватит на весь народ. Вы же продолжаете лениво гнить в нечистотах и ту же участь готовите вашим детям. Кто виновник? Вы!

Было уже совсем темно. Очертания человеческих тел сливались. Двор Бекира между выбеленными стенами был так наполнен, что казался черной ямой, набитой мешками риса.

Когда дивона переводил дыхание, были слышны резкие вскрики ящериц: «гек-ко», «гек-ко...»

В погоне за насекомыми гекконы на широких лапках с острыми коготками бегали по крышам и стенам. Почти задевая людей за головы, проносились летучие мыши

– Вас постигает несчастье, и вы в унынии... Но вы не хотите понять урок. Вы постоянно произносите: «Такова воля бога». Бог сотворил несчастье еще до дня рождения ваших отцов, говорите вы. И болтаете о судьбе. А ведь вам уже говорили: люди, судьба есть западня для глупцов, злой хитрец называет свой обман вашей судьбой. Вы глупы, люди!

Столько гнева вложил дивона в последние слова, что они ударили как проклятие. Люди вздрогнули, и, как стон, раздалось возражение:

– Не сердись, святой. Мы всегда голодны, и мы слабы...

– Ты солгал, человек, – возразил дивона. – Вы голодны, но вы сильны. Всю жизнь вам не хватает пищи, умирают ваши дети, сохнут поля. За одну рупию, взятую в долг, вы возвращаете три. Почему?

Кто-то решил ответить:

– Инглезы и богатые все взяли себе и не дают нам.

– Наконец-то ты познаешь истину, человек. Много времени понадобилось тебе для этого! Когда ты будешь умирать, ты, быть может, поймешь, что сила инглезов и богатых длится только до того часа, пока ты ее терпишь.

Дивона сделал паузу и добавил безразличным голосом:

– Я вижу, что больше мне нечего сказать вам. Мир вам, люди. Я устал и хочу спать.

Люди зашевелились, но никто не поднялся. Раздались возражения:

– Нет, нет. Мы не уйдем. Мы поймем тебя. Говори!

– Хорошо, – ответил дивона. – Я расскажу вам о делах других людей и о примерах, достойных подражания...

Над глиняным городом висело не видимое во мраке облако тончайшей горячей пыли. Дыхание людей казалось знойным.

IV

Духота в зале умерялась размахами громадного веера, подвешенного к потолку. Бесшумный мотор приводил в движение широкие лопасти. Искусственный ветер разгонял табачный дым и освежал обширную столовую.

На белой скатерти стояли электрические вентиляторы. Тихое жужжанье пропеллеров помогало вееру и не мешало разговаривать.

– Вы положительно делаете из меня ходячую справочную книгу, мой дорогой Сэгельсон, – самодовольно шутил за вином и десертом генерал сэр Барнс Этрам.

– Ничего не поделаешь, мы всегда торопимся, а от такого чичероне, как вы, не отказался бы и сам президент, – польстил Сэгельсон. – Я всегда хочу понимать все, что видят глаза. Например, сегодня этот грязный нищий бросил в нас камень...

– И не добросил его...

– Вот именно. Не понимаю его психологию. Он сумасшедший, а? Ведь здесь не запирают сумасшедших? Я рассуждаю так: у нас каждый парень, у которого ладно с мозгами, выберет удобную позицию на верный выстрел, влепит пулю в цель и ударит, если это нужно.

– Был такой разбойник Баче-Сакао, он же Хабибулла, сын водоноса. Счастливый соперник афганского падишаха Амануллы, калиф на час... А вы не помните, полковник, какой смертью закончились дни его недолгого величия?

Вопрос показался полковнику Сэгельсону совершенно не идущим к делу. Он сморщил лоб, пытаясь вспомнить, и ответил наугад:

– Кажется, его пристрелили? Нет, зарезали.

– Память изменяет вам. Был зарезан законный преемник Амануллы, Надир-Хан. А Баче-Сакао был судим афганским судом по мусульманскому праву и по приговору был побит камнями во рву кабульского кухендиза, городской крепости, в ноябре 1929 года.

– Бр... – поежился полковник. – Паршивая, собачья смерть. Но позвольте, какая же связь с нашим бродягой?

– Прямая и простая. Камень в руке мусульманина выражает проклятие. И совершенно не обязательно попасть в цель. Уверяю вас, что далеко не каждый брошенный собравшейся толпой камень долетал до Баче-Сакао. Я был там и видел. Но это ничуть не мешало символичности народного проклятия и реальности самой казни.

– Черт побери! – злобно воскликнул полковник. – Теперь я буду обращать больше внимания на того, кто, будь он сам проклят, посмеет бросать в меня камнями!

– Советую вам ограничиваться более меткими, чем сегодняшний дервиш, – порекомендовал генерал.

В зал вошел метрдотель-европеец и торжественно доложил:

– Мистер Касим-Хан!

За слугой появился тот самый красивый высокий человек в шелковом костюме и белой чалме на голове, которого обличал дивона Эль-Мустафи.

Совершенно как в оперетте «Баядерка», как показалось полковнику Сэгельсону, Касим-Хан приложил ладонь к груди и наклонил голову для общего поклона. Затем он по-европейски пожал всем руки и непринужденно уселся, не ожидая приглашения.

Полковник вопросительно взглянул на инженера Никколса, и тот представил гостя:

– Мистер Касим-Хан, видный деятель и негодциант. Мистер Касим-Хан был нашим генеральным подрядчиком по найму и расчетам с рабочей силой во время строительства базы.

– Я поспешил сюда, чтобы приветствовать моего старого друга, достопочтенного сэра Барнса, а также и вас, многоуважаемый полковник, и поздравить вас с благополучным прибытием. Я был заблаговременно извещен нашими общими друзьями, – говорил Касим-Хан, играя низкими нотами голоса.

– Очень приятно, мистер Касим. Надеюсь, все в порядке и нет никаких спорных претензий? Как, Никколс, вы не собираетесь жаловаться друг на друга?

– Вполне удовлетворен нашей совместной работой, – опередил Никколса Касим-Хан. – Надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество. Я могу всегда поставить

любое количество рабочих. То же самое относится к материалам. Могу оказать кредит на самых выгодных условиях и на разумные сроки. Мой девиз – братство и взаимопонимание, дружба наций и взаимопомощь.

– В свое время, в свое время, – не слишком любезно отозвался полковник. Ему не понравилась развязность мулата, как он про себя окрестил неожиданного визитера, и, чтобы поставить его на место, Сэгельсон небрежно бросил:

– Итак, хорошо заработали? Неплохо набили себе карманы на подряде, признавайтесь?

Лицо Касим-Хана выразило возмущение. Он откинулся на спинку плетеного стула и протестующе вытянул руки с растопыренными пальцами.

– Я возражаю, я обижен – взвизгнул генеральный подрядчик неожиданно тонким голосом. – Клянусь именем всемогущего и всемилостивого, я лишь свел концы с концами. Кто назовет это барышом? Округа полна голодных, у них дети, они хотят есть. Кто о них позаботится? Наши люди сами как дети. Следуя святым заветам корана, я забочусь о бедных, и мое сердце полно любви.

– Э, да вы, оказывается, филантроп, мистер Касим! Вы добродетельный человек, как некоторые наши богомольные деятели, – рассмеялся полковник. – Это почтенные чувства, я ценю их, поверьте! Не обижайтесь, всегда и всем нужны опытные посредники, организаторы и сотрудники. Мы с вами деловые люди и найдем общий язык. Никто из дельцов во всем мире не жаловался на нас...

После того как мистер Касим-Хан откланялся, полковник Сэгельсон спросил генерала Этрама:

– Я понял, что цветной джентльмен тоже входит в местный колорит и, сдается мне, вместе с прочим инвентарем, не так ли?

– Да, без него нельзя обойтись. У него большие связи. Никто не знает истинных размеров его состояния, но, несомненно, он очень богат. Он аристократ, его полное имя Сеид-Касим-ад-дин-Хан. Он один из родственников, чуть ли не сын недавно умершего Сеид-Алим-Хана, бывшего эмира аллакендского. Эмигрант, но пустивший прочные корни, что доказывает его силу, – здесь неохотно принимают чужих... Он – местный банк, и у него десятки тысяч должников. В этой стране, должен вам сказать, мелкие долги всегда выплачиваются, а проценты зачастую в несколько раз превышают одолженную сумму. Выгодное занятие... Тот, кто должен ему несколько десятков, сотен или тысяч рупий, никуда не уйдет. Иной раз находят труп зарезанного или застреленного человека. Это *неисправный* должник. Полиция ничего не знает, и убийц никогда не обнаруживают...

Полковник слушал с горящими глазами.

– Здорово, клянусь душой, здорово! – с чувством сказал он, когда генерал кончил. – Интереснейшая страна, прямо тысяча и одна ночь! Кажется, я не был достаточно любезен с этим Аладдином...

Генерал Этрам молчал, опустив голову. Откуда-то донося ослабленный расстоянием крик, в котором звучали

боль и отчаяние. Сэгельсон и Никколс невольно вздрогнули и прислушались. Крик не повторился. Слышались лишь мелодичные голоса лягушек, населяющих арыки сада.

Полковник Сэгельсон вернулся к интересовавшей его теме. Он рассуждал, что хотя с мертвого долга не получишь, но такой решительный прием побуждает остальных должников. И не приходится возиться со взысканиями... Да, на совете акционеров Сэгельсон поддержал бы правление такого банка.

– Да и вы, сэр Барнс, отозвались о действиях этого банкира без осуждения, как я понял? – обратился полковник к генералу Этраму. Но ответа не получил.

Сэр Барнс Этрам переутомился за день; вероятно, последний стакан вина был лишним. Свесив голову на грудь, генерал спал. Его серые усы оттопыривались от спокойного дыхания, а пух на старчески облысевшей голове шевелился в освежающей струе вентилятора.

Сэгельсон подмигнул Никколсу и обратился к нему:

– Поставляя рабочих на строительство, этот Касим попросту заставлял вас платить их долги. Молодец...

Неразговорчивый Никколс неопределенно пожал плечами. Полковник удовлетворился этим. Они сидели молча и курили. Трубка Никколса слегка хрипела. Сегодня он много курил и потерял прибор для чистки.

Никколс любил строить. В 1940 году он, тогда молодой тридцатилетний инженер, обратил на себя внимание во время работ, спешно производимых военным министерством Англии под угрозой нависшего над островом германского нашествия. Он участвовал в сооружении морских

баз и аэродромов, был в числе строителей, тянувших бесконечные бензинопроводы от берегов Нормандии в глубь Франции, когда англоамериканская армия неторопливо оттесняла слабый западный заслон третьего рейха.

Никколс одинаково страстно увлекался и проектированием и самим производством строительных работ – качество, довольно редкое среди инженеров. Для него строительство было самоцелью. Строить и строить как можно больше и как можно лучше. Но после войны Англия строила мало и плохо. Никколс принял предложение военного министерства и начал строить авиационные базы в Азии. База, сданная им сегодня, была второй и очень интересной. Удалось быстро осуществить сложные подземные работы, смело решить многие трудности. Никколс гордился, показывая базу.

Сейчас он чувствовал себя вялым и опустошенным. Весь день пришлось выслушивать нудные разговоры на политические темы. По понятиям Никколса, полковник Сэгельсон не был джентльменом, а его рассказы о бактериях и зараженных насекомых были просто отвратительны...

Никколсу не было дела до того, зачем он строит. Сегодня некому было оценить его работу. Они даже позволились осмотреть великолепный барраж, построенный в горле долины близ берега Инда...

Громадная, как птица, сумеречная бабочка влетела в зал и порхала, привлекаемая огнем, то поднималась, то опускалась. По столу носилась причудливая, меняющаяся тень.

Полковник потянулся и зевнул. Приятная истома охватывала его тело, не хотелось сделать усилие, чтобы

подняться и направиться в спальню. Интересная мысль, а не войти ли в компанию с Касим-Ханом? Что ни говори, а все же настоящий восточный принц, аристократ!

Телефонный аппарат на столике в углу загудел, резко нарушив тишину ночи. Генерал Этрам вздрогнул и очнулся.

Инженер Никколс подошел к телефону.

– Да, – сказал он. – Да, он недавно был здесь... Что?! Вот как... Очень жаль, – ответил Никколс на какое-то сообщение. Затем повернулся к сидевшим за столом и произнес безукоризненно спокойным тоном джентльмена: – Печальное событие: только что убит Сеид-Касим-Хан. В саду, почти на пороге своего дома. Голова разбита камнями. Убийцы успели исчезнуть в темноте. Производится следствие.

Полковник Сэгельсон встал и оглянулся на находившееся за его спиной окно, задернутое легкой шторой.

– Завтра же переезжаю на базу, – категорически заявил он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Верующие

I

Мулла Шейх-Аталык-Ходжа полулежал на заднем сиденье автомобиля. Он удобно вытянул ноги в черных кожаных туфлях с острыми, слегка загнутыми носками и распахнул узкий сюртук, обычно застегнутый на длинный

ряд пуговиц. На голове муллы была туго свернутая зеленая чалма.

Шейх-Аталык-Ходжа так глубоко погрузился в свои мысли, что не видел поворота с белого шоссе на дорогу, отходящую к секретной авиационной базе. Не будь резкого толчка, бросившего муллу к борту автомобиля, он ни на секунду не вышел бы из состояния глубокой задумчивости. Его шофер не смел так водить машину! А эти американцы ездят, как одержимые Иблисом, да поразит их истинный и единый!

Мулла чуть заметно шевелил губами, а его пальцы перебирали четки. Бог пророка Магомета наделен девяноста девятью именами, и таково число зерен в четках каждого мусульманина. Однако сейчас мулла не думал о боге и числе его имен и не молился, хотя имел вид человека, сосредоточившегося в благочестивом созерцании. Чем бы ни были заняты его мысли, всегда казалось, что он молится: велика сила привычки, а хорошие привычки – благодеяние для разумного человека...

Шейх-Аталык-Ходжа владел многими хорошими привычками и обширными познаниями. Он изучал тонкости учения ислама под строгим руководством мудрецов в знаменитом медресе, находящемся в одном городе Индии. Правда, некогда, в восьмидесятых годах прошлого столетия, основатели этого высшего духовного училища увлеклись было светским образованием. Они осмелились счесть недостаточным свет ислама и включили в учебный курс математику, физику, химию, географию и историю чужих стран. Но вскоре настоящие мусульмане взяли дело в свои руки. Знаменитое медресе давало и будет давать только нужные правоверным знания.

Мулла Шейх-Аталык-Ходжа учит народ усвоенным им самим истинам: коран есть единственный источник мудрости, шариат – неизменно-вечный свод всех законов и правил, адат – единственное собрание освещенных временем обычаев и примеров постижения законов и их применения. Все же прочее находится вне ислама – и ложь!

Шейх-Аталык-Ходжа обладал широкой эрудицией. В борьбе со «светским» образованием он приводил веские примеры. Когда некий еретик Локман привез в Мекку списки поэм, сложенных из преданий таджиков о подвигах Рустама и других легендарных богатырей, бог через пророка Магомета гневно предупредил мусульман:

«Иной купит пустые сказки для отвлечения других с божьего пути. Он ищет, чем бы позабавиться. Таким людям приготовлено бесчестное наказание».

А великий халиф Омар приказал сжечь величайшую в древнем мире библиотеку завоеванного арабами египетского города Александрии.

«Если в этих горах книг, – сказал Омар, – содержится противоречие корану, уничтожьте их. А если в них говорится то же, что уже выражено семьюдесятью тысячами шестьюстами тридцатью девятью словами корана, то к чему вам это собрание книг?»

Пусть в огне погибло громадное количество единственных в мире экземпляров сочинений древних ученых, философов, прозаиков и поэтов, пусть история получила непоправимый ущерб – зато восторжествовала истина ислама, облегчилось ее проникновение в умы!

Но сейчас не помогает мудрость. Ничто не может успокоить муллу; уже много недель, как он полон гнева: до

сих пор не схвачены убийцы славного Сеид-Касим-ад-дин-Хана, близкого друга и делового компаньона муллы!..

Автомобиль несется по отлично отремонтированной дороге к секретной авиационной базе, задерживается на миг у первого шлагбаума и вновь, как подхваченный бурей, уносится вперед.

Сменив шофера, сам Джошуа Сэгельсон, недавно произведенный в генералы, наслаждается быстротой, выжимая из мотора все данные ему конструкторами «лошадиные силы».

Губы Шейх-Аталык-Ходжи шевелятся, зерна четок скользят в его послушных пальцах. А убийцы здесь, где-то рядом; они ходят в мечети, слушают чтецов корана – да покарает их единый мучительной смертью, – осмеливаются совершать намаз...

Гибель Сеид-Касим-Хана принесла мулле неожиданное наследство: часть общего капитала, не оформленная расписками, была в руках муллы, и наследники не узнали о ней. Люди по-прежнему, хвала богу, хотят жить, берут в долг и вносят проценты... Но покоя нет.

При вести о страшной смерти компаньона и друга земля дрогнула под ногами муллы, как при землетрясении. Ведь нищие злодеи могут завтра наброситься и на него, опору веры, имама – учителя ислама. И он утроил заботы о своей личной охране...

Мулла думал о печальной судьбе ислама. Законы ислама позволяли казнить только добровольно сознавшегося в преступлении человека. Но как много было способов в

руках прежних кади-судей, чтобы быстро добиться признания! Пытка помогала воспитывать народ и управлять им. Сначала немцы, потом американцы поняли это, заимствовали пытку у мусульман. Но сами мусульмане теряют былую решимость. Заблуждение! Опытный палач теперь нужнее, чем прежде! Народ глупеет и безумеет!

Шейх-Аталык-Ходжа уставился в спину генерала Сэгельсона. Приходится признавать руководство свиньи, родившейся от женщины с непокрытым лицом в нечистой стране, уступать ему доходы, слушать его грубые речи. Мулла охотно скормил бы генерала Сэгельсона червям, как сто лет тому назад поступил с британскими послами полковником Стоддартом и капитаном Конноли славный эмир аллакендский Насрулла-Хан. Но... это только игра воображения... Нет других союзников, судьба ислама отныне связана с судьбой Америки. Это мулла понимает так же ясно, как то, что от любого волнения народа он найдет убежище только в воздвигнутой американцами крепости в предгорной долине...

Автомобиль остановился. Генерал Сэгельсон обернулся, и лицо Шейх-Аталык-Ходжи расплылось в сладчайшей улыбке:

– Да, доехали очень быстро, я наслаждался стремительностью, подобной полету сказочного волшебного ковра. Господин генерал управляет машиной, точно вдохновленный богом. Я испытывал несказанное удовольствие и чувствую себя отлично...

II

– Вы направляетесь в страну, временно принадлежащую коммунистам, – говорил мулла. – Советский Союз есть дар-уль-харб, то есть страна врага. В ней мусульмане должны уничтожать нечистых людей и завладевать их имуществом. Так велит бог. Он, милостивый и живой, приготовил великолепные награды воинам ислама.

У муллы горбатый нос, густые черные брови и черные, без единой седой нити, усы и борода. Его лицо покрыто загаром черно-желтого цвета. Он умеет говорить громким и внушительно-сильным голосом проповедника, гордо откидывая голову. Значение своей речи он подчеркивает жестами то одной, то другой руки, простирая их вперед к слушателям, с четырьмя вытянутыми пальцами и опущенным вниз большим. Кисти рук у муллы узкие, а пальцы тонкие и длинные, заостренные на концах – руки человека, чьи предки из поколения в поколение не знали физического труда.

Единый и вечный начертал для каждого его судьбу и обещал показать книгу, где записаны все дела людей. Идите же смело и без страха. Без воли милосердного ни одна пылинка не падет с одежды человека, ни одна мысль не тревожит разум, ни одно желание не пробуждается в сердце.

Подвернув под себя полы халата и скрестив ноги, слушатели муллы сидели на каменном полу, застеленном толстой светлой кошмой с красными разводами. Небольшая комната, высеченная в горе, как и все помещения секретной авиационной базы, служила им временным жилищем.

В углу лежали аккуратно свернутые толстые шерстяные одеяла и подушки. Окон не было, едва слышно ныли вентиляторы, нагнетающие и отсасывающие воздух. Комната освещалась электрическими лампами в длинных трубках, укрепленных на стенах.

По-разному люди слушали муллу.

Сафар и Исхак сидели застыв, не делая ни одного движения с привычно напряженными и мрачными лицами. Худые, жилистые, сильные, с проседью в бородах, они положили руки на колени и опустили глаза. Они хорошо знали истины, излагаемые муллой, безусловно верили каждому его слову, черпали в них внутреннюю силу и могли бы слушать его часами, не испытывая ни скуки, ни нетерпения.

Пожилые, одинокие, Сафар и Исхак чувствовали себя обреченными: относясь безразлично к чужой жизни, они не слишком дорожили своей. Им в жизни больше не на что было надеяться, кроме как на единственное прибежище человека – на деньги. Если же ждет неудача, они войдут в рай. Сейчас земные деньги зависели от удачного исхода рискованного предприятия, а что такое риск, они знали.

Судьбы Сафара и Исхака были сходны, как две истертые медные монеты. Они были молодыми отчаянными джигитами, когда в марте 1931 года в числе двух тысяч других всадников переправились через Амударью и напали на кишлаки советских таджиков и узбеков. Но удалые джигиты были разгромлены народным ополчением под руководством Мукума Султанова, а их начальник Ибрагим-Бек живым попал в плен. Спаслось лишь несколько десятков его бойцов. Порознь, на надутых бурдюках, они переплыли обратно через Амударью.

Истекшие с тех дней два десятилетия Сафар и Исхак провели, питаясь подачками случайных господ. Зачастую кто-нибудь из богатых и сильных людей нуждался в вооруженной челяди, в молодцах, способных молчать, умеющих обращаться с оружием и не задумывающихся, когда прикажут спустить курок или ударить ножом человека, не спрашивая, кто он и кому мешает на этом свете.

Бурхану было не больше тридцати или тридцати двух лет. Он носил только усы по афганскому обычаю. Лет десять тому назад Бурхан был советским солдатом, сдался гитлеровцам в плен и предпочел измену родине длительной голодовке в фашистских лагерях для военнопленных. Впоследствии он прошел через американские лагеря для «перемещенных лиц», получил специальную подготовку и считал своей «профессией» ту работу, что его ждала. Бурхан сидел беспокойно, вертелся, ему очень хотелось курить, но он не смел позволить себе такую вольность.

– Истинный наложил проклятие на неверных, – звучал повелительный голос муллы. – Правоверные обязаны убивать их, где бы ни застали. Только мусульманин свободен и имеет право жить на земле. Запомните то, что я вам скажу, это великое откровение. Ныне христиане более не враги ислама! Помните: американцы и англичане, следующие ошибочному учению пророка Исы-Христа, ныне – вернейшие союзники ислама! А неверные, назначенные быть уничтоженными, это коммунисты. Они восстали на бога, и бог проклял их. Убийство коммуниста есть высшая заслуга перед богом... Бог требует от вас их крови и открывает вам двери Эдема!

Ахмад, Исмаил и Юнус слушали, не отрывая глаз от

лица муллы. Когда Шейх-Аталык-Ходжа вытягивал острые пальцы, увлеченным его красноречием Ахмаду и Исмаилу казалось, что он обращается именно к ним. А Юнус чуть сжимался – ему думалось, что мулла может знать об одном его проступке.

Ахмад и Исмаил прошли тщательную подготовку в школе, организованной американцами для агентов по борьбе с коммунистами. Юнус был присоединен к ним несколько позже. Эти трое были рекомендованы американцам муллой Шейх-Аталык-Ходжой, тогда как Сафар и Исхак были присланы в американскую школу покойным ныне Сеид-Касим-Ханом.

Ахмад и Исмаил принимали участие в нападениях на индусов в период разделения Индустана на два государства. У них уже были «заслуги» перед богом ислама. Оба действовали на территории Кашмира и откровенно хва-стались убийствами индусов – «поклонников коровы», как они выражались.

Юнус был сыном одного из неоплатных должников муллы. Взятый за долг ребенком, он вырос слугой в доме кредитора отца, привык почитать и бояться Шейх-Аталык-Ходжу. Мулла отдал его американцам как принадлежащую ему вещь.

Все шестеро слушателей муллы были обучены обращению с разным оружием, прыжкам с парашютом с больших высот, умели производить съемку местности, читать карты и знали многие необходимые им в дальнейшем уловки и приемы. В школе мулла не спускал с них глаз и занимался воспитанием их чувств и мыслей как воинов ислама.

– Отнимая жизнь у нечестивого коммуниста, вы совершаете благое дело, – продолжал мулла свое последнее, торжественное напутствие. – Однако будьте осторожны, вступая в борьбу. Милостивый разрешает вам давать неверным дорогу, оставлять их на некоторое время в покое с тем, чтобы пришел благоприятный час для их полного уничтожения. Закон разрешает вам не только не брить голову в пути, но позволяет нам все, потому что Советский Союз есть дар-уль-харб. В случае надобности нарушайте предписания святой веры, не бойтесь даже пропускать часы омовений и молитв. Не остерегайтесь ничего, что названо в законе гарамом – недозволенным, и мекрухом – мерзким, даже употребления в пищу мяса свиньи...

Внезапно вспомнив «мерзкого» дивону Эль-Мустафи, мулла прервал свою речь и замер, беззвучно шевеля губами, точно читая немую молитву.

Ведь по его указанию, по его настоянию этот наглый смутьян и подозреваемый еретик и безбожник, оскорбивший Сеид-Касим-Хана за несколько часов до его смерти, был арестован властями по подозрению в убийстве. Бродяга, не имеющий ни земли, ни дома, ни денег, возмутитель порядка, ведущий странные речи, замеченный им еще в медресе. И что же? Не семь и не двенадцать свидетелей, требующихся по обычаю, а едва ли не тридцать человек явилось сразу и в установленном законом порядке сняли с дивоны справедливые подозрения. Народ волновался, и власти освободили бродячего проповедника. Тогда мулла приказал своим людям схватить дивону и тихо расправиться с ним. Но смутьян исчез, точно в воду канул...

«Положительно смерть моего несчастного друга ли-

шила меня самообладания», – подумал мулла и, поймав утерянную нить мыслей, продолжал святую речь:

– Итак, вам все дозволено. Когда вы вернетесь сюда, в дар-уль-ислам, вы будете очищены от всех невольных прегрешений. Поэтому да не будет ничем отягощена ваша совесть в стране врага! А после смерти вас введут в сады Эдема. Там под чудными деревьями текут реки прозрачной воды и исполняются все желания воина ислама, отдавшего жизнь за дело веры. Вас ждут там скромные взоры нежных молодых дев, подобных гиацинту и кораллу, которых еще не видел до вас ни человек, ни джинн...

Юнус успокоился. Мулла кончает речь и, как видно, не знает, что Юнус не так давно встретил около американской базы дервиша Эль-Мустафи, которого разыскивал мулла, и поленился сказать об этом. Сейчас Юнус искренне раскаивался в своей небрежности.

III

В последнее время генерал Сэгельсон не скупился на улыбки и любезности по отношению к своему «дорогому другу», как он стал называть муллу Шейх-Аталык-Ходжу.

Мулле был предложен ужин, приготовленный специальным поваром-мусульманином, следовательно вполне приемлемый и ничем не могущий оскорбить чувства законоучителя. Для рассеяния всех сомнений повар был вызван и представлен мулле.

Охотно поглощая острые блюда, генерал хвалил местную кухню, говорил о своем уважении к исламу и всячески старался расположить к себе гостя в зеленой чалме. Это

были не первые уверения в дружбе, и Шейх-Аталык-Ходжа безукоризненным чутьем делового человека сразу понял, чего следует ждать от командующего базой. Но мулла был вежливо холоден, так как предлагающий дело обязан говорить первым. Пусть неуклюжий американец сам скажет нужные слова.

Часа через два, устав от непонятливости азиата, Сэгельсон сделал прямое предложение. Он предполагает добиваться кредитов на дополнительные работы по устройству запасного аэродрома и дорог. Согласен ли Шейх-Аталык-Ходжа принять подряд на поставку рабочих при условии, что три четверти барыша пойдут генералу?

Неравноправность условий генерал Сэгельсон обосновывал особо высокими сметными ценами, что будет его специальным вкладом в дело, и тем, что ему придется кое с кем поделиться.

Мулла не был ученым-экономистом, но твердо знал основной закон — доход на вкладываемый в дело капитал тем выше, чем дешевле рабочие руки. Генерал еще не знал, как дешевы рабочие руки, которыми мог располагать мулла. Не четверть реального барыша, а три четверти достанутся мулле. Однако следует заставить генерала поволноваться и сбавить. Поэтому Шейх-Аталык-Ходжа холодно попросил времени на размышление.

С большой предупредительностью генерал усадил дорожного гостя в автомобиль и строго поручил его бдительности офицера, назначенного с двумя солдатами охранять муллу в пути и до двери дома. Сейчас здоровье муллы сделалось особенно ценным.

Ехали медленно, осторожно. Автомобильные фары

выхватывали из мрака куски дорожного полотна. Какой-то зверь, попавший в луч света, поспешно свалился в кювет.

В нескольких километрах от базы мулла приказал остановить машину. Он знал, что здесь, невидимая в темноте, стоит гробница – мазар святого. Мулла вышел из автомобиля, отошел в сторону и, недоступный для нечистого взгляда, сотворил глубокий поклон – саджад.

Шейх-Аталык-Ходжа горячо молился. Он просил у бога помощи и покровительства мусульманам, которые сейчас должны отправиться в дар-уль-харб – страну врага. Просил об успехе их дела, умолял приблизить день великой войны против коммунистов.

Потом мулла горячо благодарил бога за предстоящие барыши от сделки с американским генералом. Он был убежден, что в этом деле уже проявляется милость всевышнего, что бог наглядно поощряет союз с христианами. Увеличивая богатство муллы, бог ислама зримо благословляет своего слугу...

Неподвижная машина ярко светила фарами, чтобы мулла не потерялся в темноте. На обратном пути к автомобилю мулла вспомнил о дурном мусульманине, гордом и строптивом человеке по имени Ибадулла, который оскорбил его отказом от совместной деятельности и исчез. У муллы были длинные руки, но след Ибадуллы потерялся в горах, недалеко от советской границы...

Мулла остановился. Ночь была безветренна и тиха. Издали доносились лай, тьяканье и стоны шакалов. Привлекаемые раздражающим запахом обильных остатков пищи, которые щедро выбрасывались из кухонь американской базы, шакалы откочевывали с тощих свалок на

улицах глиняного городка и крались, озираясь и поджав хвосты, по пустынному летному полю.

IV

Яснее и яснее слышен гул авиационных моторов. Судя по звуку, самолет идет где-то за Амударьей, за границей.

Лунная азиатская ночь светла, ярка, прозрачна. На поверхности земли видно хорошо. Отраженного света достаточно, чтобы без труда читать газетные заголовки. Острому молодому зрению пограничника доступен даже и текст статьи. Солдат невольно всматривается в небо. Но даже в самую светлую ночь невозможно рассмотреть самолет.

В последнее время за рубежом отмечалась повышенная активность авиации. Самолеты появлялись в сумерки или в самом начале ночи. Они проходили на большой высоте, в десять или одиннадцать тысяч метров, всегда слева направо, то есть с востока на запад. Иногда одна машина, иногда две.

Из-за высоты шум моторов казался более отдаленным, чем на самом деле, – звуковой волне требуется тридцать секунд, чтобы донести сигнал с высоты в одиннадцать тысяч метров.

Полеты тревожили границу. Там, за мутной рекой, кто-то усиленно упражнялся в искусстве ночных полетов и выбрал для своих занятий приграничную зону.

Самолет на большой скорости шел вдоль реки. Вдруг шум изменился, усилился и вот уже падает сверху! Самолет над головой! Граница нарушена! Тревога!

Проходит десять минут. Двенадцать. Пятнадцать... За это время неизвестный самолет успел описать в верхних слоях атмосферы дугу длиной больше ста пятидесяти километров и снова оказаться вне нарушенной им границы. Зачем это понадобилось?

Немедленно начинается тщательный осмотр, без внимания не остается ни одно местечко дикой, почти не населенной местности.

Днем с самолета «ПО-2» обнаруживают раскрытые парашюты. Они лежат на колючих кустарниках и на песке, среди гребней песчаных холмов.

Но никаких следов людей нет, хотя их ищут те, кто умеет смотреть. Да, ошибки нет: никто не отходил и никто не приближался к месту, где нашлись парашюты. В сброшенных тюках ничего не оказалось, кроме шерстяных одеял. Анализ не установил в тканях каких-либо болезнетворных бактерий.

О факте нарушения границы пошлют ноту. Вскоре, по истечении полагающегося по дипломатическим традициям срока, поступит ответная нота:

«Произошла непредумышленная ошибка во время учебного полета. Пилот был введен в заблуждение неточностью штурманских вычислений... дефекты в приборах обнаружены при обследовании самолета... сброшен учебный, условный груз».

Последуют извинения. Есть нерушимое правило: до последней секунды мира и до первого выстрела на границе дипломатия говорит с безупречной вежливостью.

Многомоторный самолет проходил над Гиндукушем. Это название горного хребта было бы правильнее писать Хинду-Куш – Могила Индуса. Почему родилось такое мрачное название?

С именем хребта связан кусок кровавой истории ислама. Арабские завоеватели в цепях гнали вереницы «нечистых многобожников» индусов в ледяные горы добывать алмазы в пещерах диких хребтов. На своей теплой родине индусы не знали даже легких заморозков, и невольные искатели сокровищ никогда не возвращались домой...

Неспокойно было лететь над Хинду-Кушем. Горные пики вздымались рядом, обрамляя воздушные проходы, по которым проносился самолет. Местами пространства были так узки, что невольно казалось – вот-вот и громадная машина заденет за камни или за льды концом длинного крыла.

Самолет тащил за собой на стальном тросе большой ширококрылый планер. Длинное и узкое, как у хищной птицы, тело планера прикрывал легкий колпак. Планер был особой конструкции, почти без металлических частей. В нем находились семь человек: пилот и шесть пассажиров, тех, кто напутствовал в дальнюю дорогу муллы Шейх-Аталык-Ходжа. Чтобы воины ислама не нарушали равновесия планера и не затрудняли пилота во время трудного полета, американцы рассадили людей по точно определенным местам и разъяснили опасность перемещения.

Пассажиры чувствовали, как от холода и неподвижно-

сти их тела цепенеют. Но они знали, что это ненадолго, и терпели. Иногда кто-нибудь осторожно шевелился, стараясь немного изменить утомительное положение, и пере-дергивал затекшими плечами под лямками парашюта.

Наконец горы ушли вниз и назад, кругом легла тусклая спокойная пустота. Земли уже не было видно. Скорее бы прозвучал сигнал, по которому придется броситься вниз, на теплую землю!

Прыжок никого не смущал. Они уже не боялись, как в начале обучения, кажущейся неизмеримости воздушной бездны. Они верили в качество парашютов, в свое умение и ловкость, доверяли силе документов и денег, полученных от американцев, но больше всего они полагались на непререкаемую судьбу, освобождавшую их от тягот сомнений и свободного выбора...

И все же ожидание угнетало...

Увлекаемый буксиром, планер вибрировал. Людей оглушал страшный рев и грохот. Работа моторов буксирующего самолета обрушивалась всей силой на легкое тело планера. Казалось, что не рассекаемый пропеллерами воздух, а именно этот шум заставляет дрожать планер и скоро его разрушит. В тревоге кто-то громко молился, сам не слыша произносимых слов.

VI

Неожиданно всех резко рвануло, и планер дернулся назад. Сначала он взвился, потом нырнул вниз и выпрямился приподнимаясь. Сразу пришла тишина. В легком оперении машины тонко свистел воздух.

Приблизились решающие минуты. Планер отцепил буксирный трос и теперь парил над дар-уль-харбом, страшной врага, парил как вампир на гибких прочных крыльях, невидимый, свободный и бесшумный.

Доставивший его самолет уже ушел далеко для исполнения своей второй задачи – отвлечь внимание от места действительного приземления воздушного десанта.

Скоро дадут сигнал. Пассажиры напрягали мускулы и шевелили руками, стараясь вернуть гибкость затекшим и окоченевшим телам.

Сафар громко произносил исповедание веры: нет бога, кроме бога... В тишине все слышали презрительное «ха!», изданное Бурханом.

Зазвенел колокольчик. Ожидаемый всеми тихий звук показался пронзительным, громким.

Последовательность прыжков была установлена заранее и твердо заучена.

Один за другим люди вываливались из люка и падали. Специальный прибор откроет парашют приблизительно в двухстах метрах над поверхностью земли. Автоматическое управление удачно разрешало проблему затяжных прыжков в ночное время.

Облегченный планер набирал потерянную высоту и послушно поворачивал. От жарко нагретой дневным солнцем земли поднимались токи воздуха, они мягко и сильно жали снизу на крылья планера.

Пересекая Амударью, планер попал в глубокую воздушную яму и клюнул вниз. Но умелый пилот вынесся в теплое пространство над левым берегом и вернул часть потерянной высоты.

Все дальше и дальше от нарушенной границы скользил невидимый планер, бесшумный, как сова. Пилот был обязан посадить машину в таком удалении от рубежа, чтобы никто не мог заметить его днем и разгадать хитрую тайну ночного маневра. Но высоты хватит еще на полчаса свободного полета. Этого достаточно...

VII

Исполняя приказ, Сафар выбросился первым и первым оказался внизу. Приземляясь, он подогнул ноги, чтобы смягчить толчок, свернулся комком, мягко повалился на бок и так же легко вскочил. На земле было светло, почти как днем, – так казалось после мрака неба. И совсем не было ветра. В сторону метнулось какое-то мелкое животное, испуганное упавшим с неба человеком.

Не раздумывая, Сафар бросился собирать парашют. Озноба как не бывало, сразу стало тепло. Окоченевшие пальцы мешали. Сафар заметил, что ему не удастся так быстро собрать парашют, как на тренировках, но скоро в его руках уже был компактный пакет шелка и тонких шнурков.

Сафар был назначен старшим группы, и его первой обязанностью было собрать людей вместе и уничтожить парашюты.

Луна светила очень ярко, и Сафар увидел, что стоит на дне мелкой песчаной котловины. Не так далеко от себя он различил две темные фигуры: десант сумел упасть кучно!

– Вот и трое! – сказал он себе вслух.

Вскоре нашлись еще двое. Не хватало Бурхана-безбожника, как называл его Ахмад.

Десантники были твердо уверены, что их выбросили именно в назначенном месте, в пустыне и вдали от населенного пункта, но все же они не решались дать сигнал или громко кричать.

Бурхана искали долго и бранили его. Он должен был выбрасываться последним и наверняка задержался, упустил время.

Сафар и Исхак тоже не любили Бурхана. Прозванный в американской школе «человеком со многими языками», Бурхан надоедливо хвастался своими похождениями, смотрел на всех свысока и позволял себе смеяться над людьми, старшими по возрасту и по опыту жизни.

Нетерпеливый Ахмад предлагал прекратить поиски. Но потеря одного человека на первом шагу была бы плохой приметой... Только через час, когда все успели измучиться и начали думать, что Бурхан остался в планере, он нашелся.

Он лежал, поэтому было так трудно его заметить. Когда товарищи подошли, он стал ругаться, смешивая узбекские, таджикские, русские, арабские, немецкие и английские ругательства. Сафар сразу понял, что Бурхан вовсе не хотел, чтобы его нашли.

– Я ушиб ногу! – кричал Бурхан. – Оставьте меня в покое и уходите. Я отлежусь здесь и приду потом, я знаю маршрут.

– Не кричи, – сказал ему Ахмад, – ты забыл, где находишься?

Бурхан замолчал. Сафар ощупал его ногу. Под коленом было что-то странное, и нога имела неестественное положение. Но Бурхан не дал посмотреть как следует и назвал Сафара позорным именем.

– Убирайся от меня! – злобно вскрикнул он, лежа на боку и сжимая в руке пистолет.

Сафар отошел и, глядя на пистолет, напрягся, готовясь отскочить, если Бурхан начнет стрелять. Да, идти со всеми Бурхан не сможет... И оставить его нельзя, его могут найти, и он постарается купить себе жизнь, безбожник...

Исхак подобрался сзади к Бурхану и выхватил пистолет из его руки. С помощью Ахмада Исхак отстегивал лямки парашюта и что-то говорил Бурхану, стараясь его успокоить. Но Бурхан не слушал и продолжал оскорблять Сафара. Он знал обязанности старшего, но редкий человек может примириться, когда приходит его последний час... Пусть бранится. Сафар с достоинством молчал, хотя Бурхан называл его старой тощей свиньей и вшивым шакалом.

Ахмад ловко вытащил свой пистолет и ткнул дулом в затылок Бурхана, заглушая звук выстрела.

Бурхан смолк, и Сафар сказал:

– Бурхан был плохой человек, но судьба послала ему легкую смерть.

– Он был дурной мусульманин, – заметил Ахмад. – Бог сломал ему ногу, чтобы избавить нас.

– Ты прав, – сказал Исхак, – он мог продать нас, как уже продавал других.

– Вы все правы, – заключил Исмаил. – Мы избавлены от него, и это добрый знак.

Они постарались поглубже зарыть тело Бурхана. На его могилу навалили камни, о которые он сломал себе ногу, чтобы до трупа плохого мусульманина не добрались шакалы и не открыли тайну.

На рассвете, когда огонь уже не виден, а дым еще плохо различается, они сожгли парашюты.

Потом по компасу двинулись в путь. Следовало найти один маленький кишлак – первую ступеньку на пути по дар-уль-харбу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ДВИЖЕНИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поиски

I

Странной, удивительной казалась земля этой ночью. Прямоугольник света, падающий из окна вагона, бежал рядом, причудливо стелясь и прыгая по краю бесплодной насыпи железнодорожного пути. Чуть дальше было темно, и там неслась смутная путаница резко изломанных черт, точно почва была перевернута плугом, оставившим поднятые черные пласты.

Горизонт казался близким, но был мутным, без звезд. Они как будто забрались еще выше и сделались маленькими и тусклыми.

В двенадцати или тринадцати вагонах пассажирского поезда могло бы поместиться население целого кишлака: больше пятисот человек стремились куда-то этой ночью вместе с Ибадуллой. Но, кроме него, никто не обращал внимания на землю и звезды.

Не было видно, куда паровоз тянет вагоны, и Ибадулла ощущал стремительный бег поезда, как движение по прямой. Позади остались город с его великими памятниками, мечетями, минаретами, мавзолеями, дом доброго Мослима – справедливого друга, строгий мудрец Мохаммед-Рахим, знающий прошлое и настоящее. Там осталось и время, составленное из дней, которые никогда не вернутся. Нельзя взять назад ни одного прошедшего часа и ни одной прошедшей секунды. Никто не в силах этого сделать.

«Бог бессилен вернуть время назад и изменить прошлое, не так ли?» – спрашивал себя Ибадулла. «Да, – отвечал он, – дела человека переходят из дня в день, связывают прошедшую минуту с настоящей. Дело – вот основа бытия человека, цель и средство жизни. Дело связывает дни так крепко, что нет силы, могущей нарушить эту связь, перестроить и изменить ее. Следовательно, воля человека, совершающего дело, сама соединяет его прошлое с настоящим. Сам человек, создавая причину, предопределяет следствия. А где же место для бога и для творимой им судьбы?..»

Не первый год подобные мысли тревожили Ибадуллу. За последнее же время место, отведенное в его сознании богу, уменьшалось с особенной быстротой.

Его учили думать, что человек отдан судьбе, безраздельно управляющей жизнью. Судьба мусульманина лишила его родины, жены, детей. Мослим сказал, что для оспы нет судьбы, а есть врачи, и это правда! Если бы Ибадулла жил на родине, где нет оспы, его близкие были бы теперь с ним, живые...

Шейх-Аталык-Ходжа, и все его друзья, и учителя ис-

лама считали, что величие прошлого было основано на мече и цель мусульман была воевать и побеждать. И всегда должно быть так. Так ли это?

Судьба мусульманина отдавала его, Ибадуллу, в руки Шейх-Аталык-Ходжи и американцев. Но он ушел. Где же была судьба? Ведь он сам, и никто иной, так решил и так сделал. Там, за горами, утверждался ислам, а народ был жалок, нищ, угнетен. Родина же отвергает ислам. Но ведь родина вознаграждена! Она обильна хлебом, сердца людей богаты добротой, а их умы – знанием... И кто ты, Ибадулла, в этом большом мире? Человек стоял у окна вагона, повторял про себя свое имя и спрашивал, кто же он, кто, кто? – пока у него не закружилась голова...

Он нашел наверху большую яркую звезду и не отрывал от нее взгляда. Звезда не оставалась на месте, она обгоняла поезд, затем поезд нагнал ее, опередил и оставил где-то сзади. Наверное, эта дорога не была прямой, какой казалась. Путь извивался, и поезд вместе с ним – по воле людей, проложивших в пустыне стальные рельсы. Поезд идет по земле родины, и никогда Ибадулла не покинет ее пределы.

– Идите ложитесь, Ибадулла, – позвали его, и он послушно отошел от окна. – Мы скоро приедем, нужно немного поспать.

Это говорила девушка Фатима. Она лежала под легким одеялом на нижнем диване. Наверху, против предназначенного Ибадулле места, крепко спал тот самый русский, с которым Ибадулле пришлось встретиться и в первый и во второй день своего пребывания и городе. А в третий раз их свела воля Мослима, как считал Ибадулла.

Русского звали Ефимов, Иван Сергеевич, товарищ. Следовало говорить или «товарищ Ефимов», или «Иван Сергеевич». Но когда Ибадулла ошибался и говорил «товарищ Иван» или просто «Ефимов», русскому было все равно, он также охотно отзывался.

Ибадулле не хотелось спать. Однако он послушно забрался на верхнюю койку, заложил руки за голову и закрыл глаза. Он продолжал спрашивать себя, кто он, и постепенно уходил далеко в прошлое.

II

Уже маленьким мальчиком Ибадулла знал все закоулки громадного Кабульского базара. Отец и сын иногда сидели вместе в чайханах базара, как все мужчины, и ребенок учился держать себя так же строго и спокойно, как взрослые.

Были очень вкусные кандилаты – шарики из тростникового сахара и муки, – сушеные дыни и финики, шелковица, абрикосы и мягкий сморщенный изюм из винограда без косточек.

Сожженные солнцем дочерна водоносы с громадными бурдюками, похожими на безголовых облысевших баранов, кричали на разные голоса одно и то же: «Воды! Воды! Свежей воды!»

Сквозь густую толпу, не стесняясь, проезжали большие люди на маленьких ослах. Ослы были спокойны и серьезные, никого не толкали, никому не наступали на ноги. Когда хозяин слезал и уходил, осел оставался ждать его, будто вкопанный в землю. Отец знал интересную поговорку: будь у осла ноги толще, он поднял бы весь мир.

Без конца тянулись кузнечные ряды. Там с потолков свисали длинные ремни. Дергая за ремень рукой или ногой, кузнец приводил в действие мехи. Струя воздуха дула в яркую кучку раскаленного угля, и кузнец вытаскивал из маленького горна кусок желтого, как солнце, железа. Он бил по нему молотком, железо краснело, темнело и превращалось на глазах мальчика в подкову, кетмень или нож. Отец говорил, что всегда так обрабатывали железо, со дня, в который родился пророк Магомет. Но теперь нет таких мастеров, которые делали клинки, рубившие пух.

Ярчайшими цветами и блеском переливалась поливная глиняная посуда, и отец говорил, что в старину посуда была даже лучше.

Целыми улицами висели ковры, шелка, платки и бумажные материи, ими можно было бы одеть весь мир.

В крошечных будочках сидели золотых дел мастера. Они возились с цветными камешками, крутили и вили серебряные и золотые проволоочки, и вдруг один из них показывал серьезному мальчику в большой, не по росту чалме, державшемуся за руку отца, браслет, бусы или женскую серьгу с подвесками, такую же, как у матери.

Проходили молчаливые женщины в накидках на головах, к которым спереди были пришиты большие, длинные покрывала, сплетенные из черного конского волоса. Издали все женщины казались похожими на мать. Но эти женщины никогда не открывали своих лиц, они были чужие, а он — мужчина...

Важно сидели сараффы-менялы, торговцы деньгами, такие неподвижные, точно под шелковыми халатами были не живые тела, как у всех остальных людей, а тяжелые

мешки, туго набитые золотыми монетами. Среди менял было много индусов в красных чалмах-пагри, обмотанных не так, как у мусульман, и с рогатыми знаками, нарисованными на лбах. К сарафтам приходили люди, садились и пили с ними чай. И разговаривали – по одному слову в час. Отец говорил, что так заключаются большие сделки на суммы, равные стоимости товаров целых базарных рядов и от которых может зависеть судьба десятков и сотен тысяч людей, сделки на ввоз и вывоз риса и зерна, хлопка, шерсти, винтовок, патронов и даже пушек...

Так же было и на родине, в Аллакенде. Отец постоянно рассказывал о городе, его улицах, мечетях и окрестностях. Показывая сыну какое-нибудь место в Кабуле, отец обязательно замечал: «У нас тоже было так», или: «У нас было похоже», или: «А у нас было иначе».

Во всем, что попадалось на глаза, отец находил повод для сравнения и рассказа. Иногда мальчик говорил: «Я тоже помню». Ему *казалось*, что он помнит, он не лгал. Он никогда не лгал – ложь позорна для мужчины... Отец всегда удивлялся и слушал сына вздыхая... А вечером он говорил жене: «Ты знаешь, он сегодня вспомнил...» – и тогда вздыхала и мать.

Сын твердо знал, что нет в мире лучшего места, чем его родина! Ведь он родился в великом Аллакенде, как его отец, дед, прадед.

Иной раз для забавы отец и сын следовали за жадным инглези – англичанином или американцем, искавшим на базаре старое оружие, ковер или другие красивые вещи. Люди на базаре говорили, что на родине инглези нет красивых вещей и никто не умеет их делать.

Инглези выбирал кривой кинжал с рукояткой из пожелтевшей слоновой кости в источенных белыми муравьями бархатных ножнах, бронзовую чашу с тонкой насечкой, седло с высокой шишкой луки, шашку с золотым узором на клинке и со стихом корана на синеватой стали...

Инглези не понимал языка *людей*, и купец, вежливо кланяясь покупателю, в глаза называл его паршивейшим псом, незаконнорожденным сыном черепахи и свиньи. Никто не смеялся, все умели искренне забавляться с серьезными лицами.

Много лет прошло с того черного года, когда войска инглези напали на Афганистан, взяли Кабул и выжгли город и базар. Но ненависть к ним продолжала жить в обиженном народе.

Просто совершаются дела между правоверными, но нужно узнать, позволит ли судьба заключить сделку с неверным. И купец начинал гадать на четках. Он захватывал наугад горсть зерен и считал: раз – Адам, два – Ева, три – Иблис. Если выходил Адам, продажа совершалась без затруднений. Ева давала указание повысить цену и не уступать. Но когда в конце гадания выпадал Иблис, купец махал инглези рукой и поворачивал спину. Нечистый пожиратель свиного мяса может убираться восвояси, ни за какие деньги ему ничего не продадут. И нищие протягивали к инглези черные ладони, одинаково издеваясь над ним и проклиная его, давал ли он им что-либо или нет.

...Эмир Сеид-Алим-Хан был большой, красивый человек в золотом халате и в громадной, как гнездо аиста, белой чалме. Он ездил в Кабул разговаривать с самим афганским падишахом. Окруженный свитой, он ехал на красивой лошади карабаире, которую вели под уздцы.

Быть может, тысяча человек, ушедших с эмиром, ютилась и теснилась в купленном им поместье под Кабулом, по имени Кала-и-Фата. Люди без родины, они постоянно говорили о ней. Она была за горами, куда заходит солнце, и следовало молиться, обратившись к ней лицом. Иногда кто-нибудь уходил туда. Редко случалось, что кто-нибудь возвращался, их рассказов хватало на месяцы.

...Мулла читал детям строфы из корана, и мальчики повторяли за ним вслух, чтобы заучить наизусть. Этим начиналась и кончалась обычная наука мусульманина, но Ибадуллу обучили и арабскому письму. Он был понятлив и трудолюбив, в тринадцать лет он без ошибки писал священные тексты, не только имея книгу перед глазами, но и на память, как настоящий мирза. На родине, при дворе эмира, отец служил толмачом, переводчиком с русского. Он сохранил три или четыре русские книги и тщательно, потихоньку от других, учил сына говорить и писать по-русски. У отца не было такой ненависти к русским, как у эмира.

Мальчик не помнил, когда он впервые услышал и впервые понял, что родиной владеют русские. Отец надеялся, что сын дождетсся дня, когда изгнанники вернутся на родину. «Мир есть лучшее из решений», – говорил Рахметулла и вздыхал – он не хотел, чтобы его сын сделался воином. Мальчик охотно учил русский язык и восхищал отца своими способностями. У ребенка была хорошая память, и услышанное однажды оставалось в ней навсегда, подобно камню, положенному в стену.

...Проходили годы. Ибадулле эмир казался маленьким человечком, утонувшим в парчовых халатах, точно раз-

давленным громадной чалмой. Или Сеид-Алим-Хан всегда был таким, а вырос сам Ибадулла?..

Пророк Магомет имел девять жен, и столько же разрешено законом святым имамам, верховным учителям ислама, преемникам пророка. Всем прочим людям, даже эмирам, закон разрешает четырех жен. Кроме разрешенных жен, эмир имел сорок семь наложниц. Закон говорит о *женах*: наложница – не жена.

А у отца была одна жена, мать Ибадуллы. Близились пора женить сына и устроить его. Отец продал все, что имел, зарыл в землю деньги на выкуп за будущую невесту, а на то, что осталось, купил немного дешевой земли, бесплодной, без воды.

Два года они жили, как дикие звери, на мертвой земле. Два года двое мужчин, отец с сыном, как кроты, рыли кяризы. Колодцы пробивали склон пологой возвышенности и соединялись по дну водотоком, узким проходом-норой для вывода наружу собирающейся на дне колодцев воды. Было устроено два кяриза: один на двенадцать, другой на пятнадцать колодцев. Тяжелая, опасная работа.

Ибадулла познал великую радость человека, оросившего поле, давшего жизнь земле и хлеб своей семье. И вторую, когда девушка впервые открыла свое лицо мужчине, ставшему мужем. И дважды третью радость – двух сыновей, одного за другим, подарила жена.

...Умер отец. Перед смертью он проклял эмира и собственное безумие, лишившее внуков родины. А потом пришла оспа...

III

Ибадулла не мог оставаться в месте, опустошенном смертью. Он продал орошенную землю, спрятал золото в поясе и ушел в Индию, в город, где находится знаменитое высшее духовное училище для мусульман – университет ислама, медресе. Там он стал талоба – студентом, ищущим света познания и покоя душе.

Многим из духовных руководителей ислама в тот год казалось, что время начинает благоприятствовать тем, кто думает о возрождении мирового значения мусульманства. По их мнению, Советский Союз был обречен упасть под ударами германцев, подобно всем остальным государствам Европы. И медресе закипело слухами и мечтами...

Победа Германии вновь возвысит Турцию, старого друга немцев. Уже даны обещания и произошел обмен тайными, нерушимыми клятвами между турецким правительством и германским фюрером – так утверждали некоторые, точно они сами присутствовали при переговорах. Империя Кейсар-и-Рума возродится в еще больших пределах, и вновь заблестит меч ислама.

Англичане и французы будут изгнаны из Азии и Африки...

Воспаленные мечты исламистов не знали предела: Советский Союз будет разорван на мелкие куски. Вновь создадутся бывшие эмираты Аллакенда, Хивы, Коканда. В Сибири, на Волге, в Крыму и на юге бывшей Российской империи появятся новые ханства.

Предосудительность чтения газет и книг иноверной печати была забыта, все обсуждали политические вопросы.

Передавали якобы точнейшие сведения о религиозном и национальном кипении на территориях, входящих в Советский Союз. Ссылались на верных людей: советские мусульмане не могут дождаться сигнала восстания!

Утверждали, что Гитлер почитает ислам и рядом с ним стоят скрывающие до решительного часа свои имена мусульмане, чьих советов слушается владыка Германии. Передавали даже как известие абсолютно достоверное, что Гитлер порывает с христианством и поклялся содействовать распространению ислама во всей Азии и Африке.

Строились планы перекройки карты мира, один смелее и решительнее другого.

Профессора-мудариссы и студенты-талоба, считая себя призванными руководить движением ислама, организовали особый тайный союз.

Под видом талоба в медресе появился таинственный человек по имени Сеид-Али, знаток законов ислама. Под печатью клятвы избранные поверяли друг другу его секрет. Оказывается, Сеид-Али – не кто иной, как принявший ислам внук бывшего императора Германии Вильгельма Второго, этого умершего в изгнании друга Турции и всех мусульман. Сеид-Али – друг нового германского повелителя славного Адольфа Гитлера и прислан к мусульманам со словами любви и союза.

Все ждали сигнала – вступления Турции в войну против Советского Союза. Тогда-то и поднимется повсеместно зеленое знамя джихада, беспощадной к коммунистам войны за ислам.

Прибыл посол и с Дальнего Востока. Император Японии Хирохито хотел знать, как отнесутся мусульмане к

вступлению японских войск в Индию и чего они хотят за союз со страной Восходящего Солнца...

IV

Фанатики ислама разыскивали потомков пророка Магомета, чтобы заместить долженствующие вскоре открыться с помощью Гитлера и Хирохито многие вакансии мусульманских владык. Возникали многочасовые яростные споры о правах кандидатов на будущие престолы.

Дряхлый Сеид-Алим-Хан, бывший эмир Аллакендский, пытался расправить свои согнутые развратом и старостью плечи и проявлял неожиданную щедрость, поощряя не только словом, но и золотом подготовку войны против коммунистов.

Политики медресе утверждали, что Турция выступит против Советского Союза немедленно после поражения советских армий на волжских рубежах. Такое условие принято якобы в тайном договоре между Гитлером и турецким правительством.

Решающая минута приближалась. Германское радио, агенты гитлеровской пропаганды и шпионы третьего рейха кричали о выходе германских войск на Волгу, о поражении Советов...

...В медресе талоба помещаются по двое, по трое и более, в зависимости от размера худжр. Ибадулла жил вместе с Шейх-Аталык-Ходжой, происходившим из рода богатейших феодальных землевладельцев—заминдаров в Западном Пенджабе. Богач нуждался в дипломе медресе для увеличения своего личного авторитета. Он честолю-

биво мечтал сделаться шейх-уль-исламом, то есть одним из вождей религии. В скромном узбеке Ибадулле дальновидный политик усматривал одно из возможных средств связи с низами осевшей под Кабулом колонии аллакендских эмигрантов и самим Аллакендом. В медресе Шейх-Аталык-Ходжа щеголял аскетической скромностью личной жизни, бредил величием ислама и жаждал священной войны... Однажды он, веря в успехи Гитлера, приближающегося к Волге, в присутствии верных девять раз подбрасывал волшебный камень ядаташ, чтобы узнать, в каком дне наступающего месяца начнется, наконец, война. И девять раз получилось – в двадцать третьем...

...Ударом, не сразу правильно понятым и оцененным, была поражающая весть о разгроме прославленных непобедимыми войска Гитлера на Волге. Фанатики отказывались верить. Один из талоба, осмелившийся легкомысленно сделать вывод о предстоящем крушении гитлеровской империи, был тяжело изувечен. Но с непреклонностью судьбы каждую неделю и каждый месяц, как проткнутый пузырь, уменьшалась на карте захваченная германцами территория. Под ударами советских армий войска Гитлера гибли, бежали, сдавались в плен, рассыпались прахом.

Разочарование исламитов было жестоким. Приходилось признать, что считавшиеся «мусульманскими» советские республики Средней Азии и не собирались предпочесть зеленое знамя красному.

Гитлер исчез. В общем разгроме Турция сумела уцелеть, но не могло быть и речи о восстановлении ее прежней силы.

Таинственный талоба Сеид-Али бежал. Говорили, что

он едва успел скрыться от ищеек инглези в афганских горах. Его искали как германского агента и шпиона.

Молчаливый и грустный Ибадулла, прислушивавшийся ко всему, чтобы найти надежду вернуться на родину, испытывал прежнюю горечь и новое смятение.

Вскоре многие политики медресе воспрянули духом. Начался кровавый дележ громадного полуострова Индостана. Возникло новое мусульманское государство – ведь раздел происходил по признакам исповедуемых населением религий.

«Ученые» изуверы разъезжались, чтобы подстрекать мусульман избивать «нечистых» индусов, многобожников, не признающих ислама. Лилась кровь бедняков, наживались богачи, захватывая за бесценок или совсем даром землю и имущество выселяемых индусов. Но все это было чуждым Ибадулле делом, и резня претила его сердцу.

Пришли вести от Сеида-Али. Он обращался к своим братьям по исламу с горячим призывом резать не столько нечистых почитателей коровы, сколько коммунистов, кто бы они ни были. И, что было весьма многозначительно, все четыре гонца, доставившие послание от Сеида-Али и усиленно рекомендуемые им как единомышленники, были инглези, его недавние враги! Поистине менялись времена, и новые светила вставали на небе ислама!

...И глубокая трещина прошла в отношениях между Ибадуллой и Шейх-Аталык-Ходжой. Рассыпалась непрочная постройка дружбы между бедным сыном невидного аллакендского эмигранта и представителем знатной семьи, кичащейся своим происхождением от древних шейхов-князей былых арабов-корейшитов, завоевателей Синда.

Шейх-Аталык-Ходжа принадлежал к числу тех, кто быстро понял значение происшедших политических изменений. Он безоговорочно согласился с тем, что пришло время, когда борьба с коммунистами сделалась неизмеримо важнее резни индусов. Бывший ярый враг всех инглези, противников Гитлера, ныне утверждал истинное, но, если вдуматься, не такое уже новое откровение: сущность ислама заключается в беспрекословном повиновении богу, установившему раз и навсегда незыблемое место для каждого человека, как бедного, так и богатого. Пробуждая вражду бедных к богатым, коммунисты разрывают ислам!

В кругу верных Шейх-Аталык клялся в ненависти к инглезам, но умел с блеском обширной эрудиции доказывать и неизбежность и необходимость длительного союза с ними.

Охладевшие друзья расстались. Ибадулла тосковал, чувствовал себя потерянным, ненужным, без родины, без надежды, без дела, к которому можно приложить руку и найти забвение в труде. Жизнь потеряла цену.

Иногда он перечитывал старое, полученное отцом лет пятнадцать тому назад, письмо из Аллакенда от старого друга Мослима. Человек, о котором отец всегда отзывался с уважением и любовью, звал примириться и вернуться на родину.

Развязку невольно ускорил сам Шейх-Аталык-Ходжа. Он разыскал Ибадуллу и предложил ему готовиться к переброске на родину с помощью американцев.

Происходила организация диверсионных групп из мусульман, разыскивались надежные люди. В секретных, созданных американцами школах проводилось обучение современных воинов ислама.

Ибадулле пришлось выбирать. Он не хотел ни связи с американцами, ни службы им. Он ушел тайно, полагаясь лишь на себя.

Где же была судьба? Ведь он сам, и никто иной, так решил и так сделал...

V

Пассажирский поезд остановился только на две минуты. Чем-то случайным, условным могла показаться железнодорожная станция человеку, незнакомому с ландшафтом Средней Азии.

Кругом неровная степь, обманчиво казавшаяся ночью вспаханным полем, несла редкие пучки жесткой травы. Уже минуло короткое время весеннего цветения, середина мая – это разгар лета. Сожженная жаром и безводьем растительность сделалась черно-серой, ее щетинистые, растрепанные кочки торчали на бесплодных лысинах коричневого такыра.

Недалеко от станции медленно бродили и лежали несколько верблюдов. Большие тела вялых животных были такого же цвета, как грунт. Их горбы с клоками темной шерсти подражали кустикам засохших трав. Пустыня умело маскировала своих обитателей.

Кругом станционного здания не было никакой ограды, и пустая земля начиналась прямо от дверей. Рядом в степь вросли пять или шесть низких глинобитных строений с плоскими крышами. В стороны расходились тропы, извилистые пути в невидимые за горизонтом поселения и стоянки скотоводов.

Между станцией и железнодорожными путями стояли несколько пыльных акаций. От рельсов отходил наклонный желоб, кончающийся в бетонном горле подземного водоема. Воду для людей, животных и деревьев привозили в вагонах—цистернах.

Недалеко от станции высился горб моста, переброшенного через глубокую впадину. Она подходила к железнодорожным путям с северо-востока и уходила на юг. С моста открывалось глубокое и пустое русло. Местами его отлогие склоны перерывались отвесными стенами, источенными неправильными рядами черных отверстий нор, проделанных стрижами.

Полупустыня, полустепь издавала особенный и едва различимый запах. В нем слышалась тончайшая лёссовая пыль, смешанная с ароматом недавно засохших растений. Сухой, печальный запах. Но в нем различалась особенная, бодрящая струя смолистого креозота от железнодорожных шпал.

В безводном ущелье, сужающемся под мостом, изгибалась черная тень стальной фермы, отброшенная недавно взошедшим солнцем. Горы находились на севере и на востоке, но отсюда их еще не было видно. Сухая впадина тянулась от них, как говорил Ефимов. Он показывал обеими руками: там, слева и справа, выходят отроги хребтов, между ними втягивается пустыня. Сухое русло должно вписываться в самую низкую линию местности, в тальвег этого плоского обширного куска земли.

Легкое снаряжение исследовательской группы было погружено на трех ослов. Главный груз составляли переносные резиновые резервуары для воды, наполненные до-

верху. Группа должна была перемещаться от колодца к колодцу, имея запас воды на длинные переходы.

Все малочисленное население станции вышло пожелать доброй удачи в пути людям, обследующим пустыню. Железнодорожники тоже принимали участие в организации экспедиции, это они выбирали ослов, самых сильных и выездженных. По маршруту экспедиции не было удобных троп для автомобиля.

VI

Каждое утро было жарким, а к полудню зной становился таким тяжким, что угнетал даже привычного человека.

Маленький караван двигался вдоль впадины. Сетка сухого, растрескавшегося ила затягивала ее дно. Грязно-белая корка была совсем тонкой, ее обновляли недолгие воды, сбегавшие по впадине в дождливое время года. Но и тогда, как видно, воды едва хватало, чтобы покрыть низ русла по колено человека.

Люди искали следы воды, но не на дне мертвого русла, а в его окрестностях. Иногда им попадались красноречивые знаки.

В своих естественных движениях природа никогда не следует прямым линиям, ее случайные следы извилисты, как буквы арабской грамоты. А работа человеческих рук оставляет прямой след. Человек спешит и любит прокладывать кратчайшие пути к своим целям. Он всегда овладевал землей, прямыми линиями дорог, городов и каналов. Такие следы и искали Ефимов и Фатима.

Едва заметные очертания выемок могли рассказать изыскателям о системе бывших арыков и каналов для орошения полей. В холмиках угадывались очертания рассыпавшихся глиняных стенок.

Инженер Ефимов был начальником, студентка Фатима Аюбова проходила производственную практику, Ибадулла исполнял обязанности рабочего – таков был его первый деятельный шаг на земле родины. Он не сразу понял, что в республике все люди очень заняты и никто не оказывает человеку благодеяния, предлагая работу, обеспечивающую его жизнь.

Ибадулле было очень стыдно, когда он в первый раз держал рейку и не понимал, зачем Ефимов смотрит на него в трубу и делает ему какие-то знаки рукой. Рейку он научился держать в один день, но чертить план, вычислять угол и работать с масштабом не мог. Оказывается, и считал он плохо.

Математику арабы переняли в Индии, и весь мир пользуется их цифрами и системой счета. Среди узбеков были и ныне есть известнейшие ученые-математики. Но все это Ибадулла впервые услышал от русского Ефимова и от узбекской девушки Фатимы, никогда не носившей покрывала на лице.

Ни к чему оказались науки, с таким трудом постигнутые в медресе. Кому нужны знания старых священных книг и тонкие толкования основ ислама и его законов, кому?

Но цель работы, в которой он ныне участвовал, Ибадулла понимал без всяких объяснений. Пустынь нет, есть места без воды и места, имеющие воду. Некогда здесь была вода, потом она ушла, за ней ушли и люди...

Книги в библиотеке медресе упоминали о подобных событиях: некогда и в Сарыкамышской впадине было пресное озеро, большое, как море. Бог ислама, разгневанный на туркменов, высушил озеро и лишил поля воды. Так же он поступал и с другими людьми, чтобы наказать их за неверие.

Ефимов и Фатима чертили планы. Кусок за куском укладывалась карта системы древнего орошения. На бумаге легко соединялись части этой системы, тогда как на земле связь между ними была стерта.

– Зачем? – спросил Ибадулла.

– Чтобы знать, сколько воды здесь было прежде, сколько людей жило и кормило себя своим трудом, – ответил Ефимов.

– Но зачем это знать? Воды нет.

– Чтобы дать сюда воду. Чтобы найти пропавшую воду. Или чтобы привести сюда новую...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Привидения

I

Длинный деловой день приближался к желанному концу... Было время, когда, как рассказывают, в жаркие месяцы года день разбивался на две части, утреннюю и вечернюю, с длинным перерывом и сном между ними.

Но если бы сейчас кто-нибудь напомнил Садыку Исмаиловичу Исмаилову о порядках, свойственных старому быту, он вряд ли получил бы хоть слово в ответ от занятого

человека. Садык Исмаилович был целиком погружен в подписывание исходящих бумаг. Курьер должен успеть сдать почту в отделение связи до шести часов вечера, а сейчас большие часы в кабинете показывали уже пять.

Бумаг много: несколько статистических сводок о продаже разнообразных товаров за истекший месяц, бухгалтерский отчет, конъюнктурный обзор работы торговых точек, шесть писем.

Исмаилов внимательно прочитывал все бумаги, перед тем как поставить свою подпись. Одну он недовольно отложил, написав в углу: «Совершенно не так! Переговорить со мной!»

Рядом с директором стоял управляющий делами и подкладывал начальнику очередной документ, перевертывая в случае надобности страницы. К сделанной подписи он бережно прикладывал пресс, хотя было так жарко, что чернила мгновенно впитывались и высыхали на пересохшей до ломкости бумаге, и пресс не успевал выполнить свое назначение. Но таково правило, установленное Исмаиловым. Когда директор напряженно работает, нужно ему помогать, а его четкая, красивая подпись не должна подвергаться риску быть смазанной.

Наконец управляющий делами собрал бумаги и ушел. Исмаилов надавил кнопочку звонка и сделал знак вошедшему секретарю. На столе появились бутылка и стакан. Исмаилов налил себе пенящегося вишневого напитка. Он жадно всасывал освежающее питье, вытянув шею, чтобы ни одна капелька не попала на чистейшую шелковую рубашку, покрывавшую его выпуклую грудь.

Покончив с бутылкой, Исмаилов удовлетворенно

вздыхнул и откинулся на спинку кресла. На минуту ему сделалось очень приятно после холодной и вкусной воды. Но вскоре стало опять жарко, пожалуй еще хуже, чем было.

Конечно, во время жары лучше всего утолять жажду зеленым чаем. Но советское учреждение не чайхана. Исмаилов не допускал ни малейших признаков распущенности.

До конца занятий оставалось еще минут двадцать. И еще четверть часа директор должен пробыть в конторе после окончания рабочего дня, чтобы все работники имели перед своими глазами пример сознательного отношения к труду. Отвратительная манера спешить уйти, как будто труд — это тягость.

После легкого стука, на который Исмаилов поленился ответить, в кабинете появился его приятель Хассан Хамидович Хамидов. Так же как Исмаилов, Хамидов носил белые брюки, шелковую рубашку и черную тюбетейку с вышитыми белыми разводами, напоминающими огурцы с загнутыми концами. Однако костюм Хамидова не был так безупречно опрятен, как костюм Исмаилова.

Хамидов придвинул стул к креслу друга и тихонько спросил:

— Сделал? Можно брать?

— Да, — ответил Исмаилов, не поворачивая головы. — Пусть возьмут за полчаса до закрытия магазина. Там готово.

— Сколько?

— Двенадцать кусков. Шерсть высшего сорта в ассортименте. И штапельное полотно.

Диалог между друзьями заключал лишь самое необ-

ходимое и мог показаться постороннему условным, точно люди говорили на каком-то жаргоне. Но друзья привыкли. Далеко не в первый раз они обменивались подобными вопросами и ответами. Результатом же подобных переговоров было исчезновение тех или иных товаров из магазинов или из складов торгующей организации и их последующая перепродажа из рук в руки по повышенным ценам. Однако это была совсем не кража. Номинальная стоимость товаров незамедлительно и полным рублем вносилась в кассу.

Слишком быстро богател народ. Колхозники-дехкане имели так много денег и так повысились их требования, что каждый хотел носить одежду обязательно из самых лучших шерстяных и шелковых тканей. Легкая промышленность не успевала удовлетворять растущий с каждым днем спрос на ткани, которые еще недавно были роскошью. А те, кто хотел их купить, не торговались с посредниками.

Таким несложным способом Садык Исмаилович Исмаилов обеспечивал себе регулярный ежемесячный доход, в несколько раз превышающий его директорскую ставку. Привычка делала свое, и Исмаилов не представлял себе, что можно жить иначе.

Хамидов не задержался сам и не помешал директору выйти из конторы в шестнадцать минут седьмого. Ночной сторож уже пришел. Он низко поклонился хозяину, стыдливо прикрывая спиной ступеньку. Там разворачивалась нехитрая и малодоходная торговля: рассыпные папиросы, спички, мешочек каленых семечек, леденцы.

Исмаилов делал вид, что не замечает. Пусть этот человек имеет свое маленькое «дело». Мелочь, за нее директор не отвечает.

От конторы до купола Сараффон было не больше трехсот шагов, а от купола – пять минут ходьбы до дома.

Ни слова не сказав жене, открывшей ему дверь, Исмаилов поднялся на второй этаж маленького дома в переулке. В комнате с выходившими на веранду затемненными окнами хозяин, не нагибаясь, скинул с ног ботинки. Жена поспешила подставить туфли и подала легкий халат. Затем женщина бережно повесила на распорки брюки и рубашку мужа и подобрала обувь. Исмаилов слышал, как она сказала детям в соседней комнате:

– Шш! Сидите смирно. Не слышали? Отец пришел, он устал.

Садык Исмаилович был доволен своей женой. Он считал, что семейная жизнь ему вполне удалась. Послушная, молчаливая и работающая женщина была быстро приучена делать все, что от нее требовалось, без излишних напоминаний.

В хозяйстве она умела обходиться раз и навсегда установленной и, Садык Исмаилович про себя это признавал, довольно скромной суммой денег. Исмаилов жил, укладываясь в получаемый им оклад директора. Хорошая жена. Прежде, при эмире, когда Садык был грудным ребенком, мужчина брал себе вторую жену, третью, четвертую.

Совсем не трудно управлять несколькими женами, нужно быть мужчиной и уметь взяться за дело. И не так дорого было содержать нескольких жен, если заставить их работать, а не бездельничать.

Умные люди имели прежде хорошие доходы от жен. В

досоветском Аллакенде три женщины, помимо всех прочих обязанностей и работая только урывками по вечерам, ткали первосортный шерстяной ковер в шесть квадратных метров за полгода. Такой ковер, настоящий аллакендский, был золотой валютой. За него без торга платили шестьсот двадцать пять аллакендских тенег, или двенадцать с половиной фунтов стерлингов, или, что еще лучше, шестьдесят пять могущественных зеленых американских долларов, заработанных между прочим. А если заставить жен ткать весь день? Многие мужчины покупали побольше жен и жили в полном достатке их трудом. Было время. Тогда действительно стоило родиться мужчиной!

Но что пользы вздыхать о прошлом? И сейчас Садык Исмаилович может содержать трех жен, даже не заставляя их работать. Но и этого нельзя себе позволить, и это считают безнравственным, недопустимым, незаконным. Ничего, есть и другие пути. Капитал увеличивается и отлагается в виде золотых слитков и драгоценных вещей. Они не потеряют ценность, когда исполнятся желания...

Исмаилов в одиночестве пообедал и прилег отдохнуть на веранде. Вечерело, и дневной жар спал. В доме и в маленьком дворике было тихо. Садык Исмаилович не любил шума. Но у соседа Мослима всегда шумят. И о чем они все время болтают, эти люди?! Неприятный дом, в нем женщины и дети не знают своего настоящего места, им позволяют говорить громким голосом.

Садык Исмаилов спокойно и холодно ненавидел старого Мослима и всех его домочадцев и друзей. Это ничуть не мешало ему радушно приветствовать соседей при неизбежных встречах и вежливо осведомляться об их здоро-

вье. Но когда придет вожаделенное время, он захочет сам перерезать им всем горло, как это делалось в старом Ал-лакенде.

Осужденного со связанными руками ставили на колени. Исполнитель казни, а им по закону мог быть и каждый личный враг осужденного, хватал его одной рукой за лицо, отгибая голову назад, и водил ножом по горлу. В городском музее, что помещается в Арке, хранятся эти ножи, их лезвия источены долгим употреблением, но еще годятся...

Исмаилов повернулся спиной к стене, за которой жил старый Мослим со своими домочадцами, и принялся в уме подсчитывать стоимость уже накопленных драгоценных вещей – это было приятным упражнением памяти и воображения. Хамидов принесет еще денег. Кроме того, Хассан многозначительно предупредил, чтобы друг не ложился спать, – будет серьезное дело. Исмаилов не собирался утруждать себя мыслями о значении намека. К чему думать о том, что без труда узнаешь через несколько часов?

III

Хамидов появился за двадцать минут до захода солнца. Мануфактура была вывезена, и директор имел право немедленно получить свою долю. Всегда и повсюду скорый и точный расчет – надежнейшая основа дружбы. Присев на корточки около Садыка, Хассан сосчитал и вручил ему деньги. Потом они погрузились в тихую беседу.

После окончания средней школы Исмаилов и Хамидов избрали наилучшую, по их мнению, карьеру и поступили в торгово-финансовый техникум. Они покорно подчинялись

учебной и общественной дисциплине, успешно сдавали все зачеты и получили дипломы специалистов.

Сдержанный, спокойный и внушительно-вкрадчивый Садык Исмаилович опередил товарища. Он успел достичь поста директора одной из городских торгующих организаций, тогда как Хамидов застрял на должности рядового банковского работника. Исмаилов успешно делал карьеру, зато Хамидов умел устанавливать связи с *нужными* людьми. Это он создал надежную организацию, ловко распоряжавшуюся украденными у государства товарами. Хамидов артистически носил удобную маску добродушного, даже несколько легкомысленного человека. Он был другом всем, открывал душу каждому и был готов любить первого встречного. Бойкий оратор, он охотно выступал на собраниях, умел насмешить присутствовавших. На самом деле он был выдержанным и смелым. Он тоже умел не «показывать» добытых спекуляциями денег и набивал кубышку не менее жадно, чем Исмаилов.

Удобно растянувшись на ватном одеяле, Хамидов почти на ухо рассказывал Исмаилову некоторые новости и мелочи, которые имели для обоих приятелей определенное значение.

Недавно Хамидов встретил андижанца, который приехал из Ферганы на поклон могиле двенадцатиметрового богатыря, якобы погребенного под Хаканом. Старик андижанец побывал и в Аллакендском музее, где нашел ветхие предметы с надписью: «Чаша и плеть Рустама, о котором писал Фирдоуси». Посетитель обратил внимание и на плакаты, разоблачающие старого эмира Мозаффара.

Андижанец узнал «камчу и чашу Рустама». По его

словам, эти ветхие предметы принадлежали не Рустаму, а тому самому богатырю, поклониться могиле которого он приехал. До революции колоссальные чашу и камчу показывали за деньги на аллакендском базаре. Старик очень доволен, что святые вещи догадались спрятать в музей и теперь даром позволяют их трогать...

И андижанец согласен с тем, что на плакатах музея ругают проклятого Мозаффара.

Садык терпеливо и не без интереса слушал Хассана. Если у приятеля есть что-либо более важное, он сам доберется до нужного сообщения. Хассан любил начинать издалека; он вертелся повсюду, собирал и сам пускал слухи, а для Садыка служил живой газетой.

Исмаилов знал и чашу и плеть, которые по своим размерам могли действительно принадлежать двенадцатиметровому великану. Националисты ловко подсунули их в музей; прикрываясь именем Фирдоуси, они поддерживали исламистские суеверия.

Таким же ловким ходом были и «антиэмирская» пропаганда против старого Мозаффара, который умер за пятьдесят лет до революции, и выставка картин, изображающих «зверства завоевания» русскими Средней Азии – под лозунгом разоблачения капитализма.

Дело в том, что Мозаффар признал зависимость эмирата от России. С этого, по мнению националистов, и начались все бедствия, которые закончились социальной революцией и образованием Узбекской Советской Республики.

Затем Хамидов рассказал о менее приятном случае – на улице молодежь шумно осмеяла муллу, заявившего, что

дождь бывает по воле бога, а орошать осужденные богом пустыни – грех.

Садык и Хассан учились в тех же школах, что все мальчишки, и преподаваемые науки были достаточно убедительны, чтобы друзья потеряли интерес к проблеме существования бога. Но они были готовы исполнять самые стеснительные обряды религии и ненавидели антирелигиозную пропаганду.

Об исламе нужно тактично молчать, как будто бы с ним покончено, как будто бы его совсем нет. Пусть ислам остается в тени, пусть пишут о чем угодно: о колхозах, заводах, каналах... Но только не о религии! Пока жив ислам – жива надежда...

Исмаилов и Хамидов считали себя просвещенными и исторически мыслящими людьми. Личный атеизм не мешал им. Примером для них был видный деятель младоаллакендской партии первой четверти столетия Абу-Фитрид. Разве такой человек мог верить в бога? Нет, конечно. Но в разгар революции кто, как не он, обратился к последнему эмиру, так прославляя Аллакенд:

«Солнце образования, дом науки, аудитория познания для всего мира».

Когда Аллакенд был полон учеными ислама и их учениками, торговля кипела и легко завязывались связи со всем миром. Ислам особенно хорошо утверждал право каждого на неограниченное обогащение. Не было религии лучше ислама, чтобы держать простой народ в повиновении.

Шариат предписывает брать с человека тем меньше налогов, чем он богаче. В эмирате владелец сорока баранов

платил зякет ценой одного барана, а владелец четырех тысяч платил зякет только в сорок баранов, а не в сто. Ислам мудро поддерживает богатство!..

Исмаилов глубоко уважал себя за способности и знания – у него были развитые вкусы и широкие потребности. И с него, с директора, вычитают налоги в большей сумме, чем с ничтожной уборщицы и с других его подчиненных! И получает он только в четыре раза больше уборщицы, а должен был бы получать в сто раз больше. С этим нельзя примириться никогда! Каждый раз, подписывая ведомость заработной платы, Исмаилов внутренне возмущался несправедливостью.

– Да, плохо, – мрачно сказал Исмаилов. – Вот вам узбеки, бывшие мусульмане! За примером ходить недалеко. Вот он, сын раба Мослим. Вот сын нищего без имени Мохаммед-Рахим, воображающий себя умным. Сколько их, будь они прокляты! Они восстановили одних узбеков против других, расшатали основы нашей жизни, развратили узбеков. Расшатав ислам, они подорвали самые основы жизни узбекского народа.

Отец Исмаилова был одним из третьеразрядных многочисленных и полуголодных чиновников эмира, питался объедками двора и ползал на животе перед каждым. Зато иной раз и его удостаивали приказанием прочесть народу приговор главного судьи – казни-каляна, – и тогда мирза Исмаил, раздувшись от гордости, в расшитом халате и высокой чалме, присутствовал при совершении казни. Костюм неудобный, но следует показаться народу в величественном виде. Отец Хамидова был мелким даргой – сборщиком базарного налога, но и его руки не знали иного

труда, кроме счета денег. Сыновья родились слишком поздно, чтобы видеть «величие» отцов, но их память бережно хранит хвастливые рассказы.

IV

Невеселые разговоры и еще более мрачные мысли испортили настроение Исмаилова. Хамидов еще о чем-то болтал, но хозяину уже надоело его слушать. Очевидно, он недослышал, и у Хассана нет никаких особых сообщений. Пора спать... Но Хассан вдруг еще больше понизил голос, и это пробудило уставшее внимание Садыка.

Хассан шептал:

– Наконец-то пришел тот человек, оттуда... Он здесь. Он сидит у тебя внизу.

Исмаилов не понял. Какой человек? Почему Хамидов кого-то привел и не сказал об этом сразу?

Хамидов продолжал шептать.

– Я ждал, пока совсем стемнеет, чтобы твои соседи не смогли его случайно увидеть через стену. У меня неудобно, большой общий двор, ты знаешь. Ему будет лучше жить у тебя, к тебе никто не ходит. Сейчас я его приведу.

Исмаилов сообразил, что это за гость. Внезапно его начала бить мелкая дрожь. Он приподнялся, пытаясь схватить руку Хассана, но того уже не было.

Заскрипели ступеньки ведущей со двора лестницы. Их знакомый звук казался Исмаилову очень громким. Кто-то сел перед ним на корточки. Затарахтели спички в коробке, и вспыхнувший огонек осветил согнутые ладони рук. На секунду свет ударил Исмаилову в лицо и заставил его

прищуриться. Спичка погасла, и на ее месте остался красный огонек папиросы. Незнакомый голос произнес:

– Мир тебе, мусульманин.

– Тебе мир, – автоматически ответил Исмаилов. «Хамидов мог бы предупредить заранее. Хорошо, что темно...»

Три головы сблизились. Пришелец дышал густой смесью лука и табака. Он говорил таким низким и глухим голосом, что в трех шагах ничего нельзя было бы разобрать:

– Правоверные, близится торжество. Коммунисты осуждены погибнуть в страшной резне, и ад переполнится их телами. Могучие американцы помогают нам. Они дают деньги и оружие. Они обучают мусульман способам борьбы против коварных коммунистов.

Незнакомец перевел дыхание и продолжал:

– Добрые вести. Новые бури идут на русских. Я сам видел знаменитого ревнителя веры Сеида-Али. Заключен новый добродетельный союз. Скоро меч выйдет из ножен. Но бойтесь опоздать. Проявивший малое усердие застанет жатву убранной другими, и ему не достанется ни колоса...

Гость говорил не спеша. Его речь, наполненная заимствованными из корана образами, успокаивала и внушала доверие. Он, без сомнения, фанатик, твердый и надежный. Исмаилов успел прийти в себя.

Месяца два тому назад, кажется в начале мая, Хамидов принес дошедшее долгим и извилистым путем сообщение: «Ждите гостя из-за рубежа». Бывали и раньше такие вести, но никто не приходил, хотя Хамидов и писал на уцелевшей от его кирки колонне мечети-хонако, неподалеку от входа в город, условные слова и знак из двадцати пяти черточек, расположенных в пять рядов...

Исмаилов умел, меняя почерк, мелко исписывать листки тонкой бумаги, наполняя их сведениями о жизни города, о движении самолетов, поездов, грузов, о воинских частях. Директор торговой организации бывает в курсе многого, многое знает, о многом догадывается. Доверяя своей счастливой судьбе и ловкости друга, он передавал листки Хамидову для пересылки.

Отнюдь не расчеты на денежное вознаграждение руководили Исмаиловым. Честолубец метил далеко, он хотел, чтобы когда-нибудь его имя было произнесено громко и его деятельность награждена высоким постом.

Чего же еще хотят от него? Разве недостаточны его заслуги перед любым будущим правительством? Неужели он еще должен скрывать этого человека и подвергаться непосредственной смертельной опасности?

Воспользовавшись паузой, Исмаилов попытался избавиться от гостя, которого так ловко всучил ему Хамидов.

– Надолго ли прибыл, друг? – прошептал он. – У меня будет плохо уважаемому послу. У меня дети, глупая и болтливая жена. Я опасаюсь несчастья от легкомыслия женщины...

Пришелец немного помолчал, взвешивая слова. Потом он сурово ответил:

– Муж есть владелец жены, жена – владение мужа. Твоя жена так развращена тобой, что ты не управляешь ею и она не слушает тебя? Сожалео о тебе. Бог сказал: правоверные имеют врагов в своих женах и детях, забота о них отвращает от святой войны. Ты опасаешься жены? Не медля ни минуты, изгони ее. Близок день, когда мужа и здесь получают власть и право смерти над женами. Если не хочешь изгнать, напomini женщине ее обязанности, мужчина.

Исмаилов, наконец, сообразил, что напрасно поставил себя в неловкое положение. Его слова должны были резко противоречить тому, что гость наверняка слышал о нем от Хамидова, прежде чем решился прийти в его дом. Исмаилов поспешил поправиться:

– Нет, моя жена послушна. Но женщина слаба.

– Так укрепи ее, – резко приказал гость.

V

Амина подкрадывалась к выходящей на веранду двери. В своем доме женщина не нуждается в свете, чтобы передвигаться бесшумно и незаметно. Ни одна половица не скрипнет под ее ногой, и она ничего не заденет.

Женщина хотела понять, что за человека привел Хамидов, почему он сначала сидел в нижней комнате; для этого нужно подслушать, о чем говорят мужчины.

Обитательницы соседнего дома, где жил Мослим, жалели Амину за то, что она всегда сидела дома и не знала ничего, кроме магазинов и базара. Старшая внучка Мослима смеялась над ней и называла ее трусливой овцой и глупой курицей. Это все из-за того, что Амина боится мужа и во всем его слушается. Амина никогда и никому не жаловалась на Садыка.

Она не знала его прежде, он договорился с ее бабушкой и по обычаю заплатил выкуп, калым. Амина была сиротой, и бабушка воспитывала ее. Когда девушку выдавали замуж за Садыка Исмаилова, бабушка и все тетки говорили: «Счастливая Амина, она выходит замуж за торгового человека, у нее все будет, и все будут ей завидовать».

Торговый человек считается самым почетным и богатым. Правда, у Садыка хорошая квартира, отдельный дом в два этажа, в каждом этаже по две комнаты и свой дворик внизу, где Амина полная хозяйка. Но с деньгами очень трудно. Особенно плохо стало после рождения второго ребенка. Муж не захотел ничего прибавить к прежним деньгам на хозяйство. Он сказал: «Довольно, правительство все время снижает цены, а ты научилась хозяйничать и можешь обойтись».

Пусть так. Она обходится, но в своем доме она имеет право знать все! И Амина старалась услышать, о чем говорят мужчины. Но мужчины говорили так тихо, что Амина не могла разобрать ни одного слова. Она слышала только невнятное: бу-бу-бу и шт-шт-шт...

Женщина присела, оперлась на руки и высунула голову за дверь. Ей удалось различить несколько отдельных слов, но связь и смысл ускользали. Этот незнакомый, который пришел с Хамидовым, сказал: «священная война»! Они говорят о войне? Ужас, опять будет война... Теперь они что-то говорят о женщинах? Услышав шорох одежды и различив движение, Амина скользнула во вторую комнату и легла рядом с детьми. Но спать она не могла.

Амина прислушивалась к слабым звукам движения и расшифровывала их: мужчины спустились вниз; открылась калитка на улицу; муж задержался во дворе, входил в нижние комнаты. Амине казалось, что там говорят. Значит ли это, что кто-то остался в доме? Или ее обманывает напряженный слух?

Садык вернулся на веранду и долго ходил, шлепая мягкими туфлями. Теперь он лег. Он всегда летом спит на веранде один.

Вдруг Садык позвал. Амина вздрогнула и притворилась спящей, хотя никто не мог увидеть ее в темноте. Садык повторил:

– Иди сюда.

Амина вышла на веранду. Садык лежал на постели из нескольких ватных одеял, не сняв халата, хотя ночь была очень теплая. Амина присела рядом с мужем, и он сказал:

– Ко мне пришел человек, мой друг, мой большой друг. Он спит внизу. Он будет у меня жить. Завтра ты с детьми перейдешь вниз, а я с ним буду здесь. Если тебя кто-нибудь спросит о нем, ты ответишь: он двоюродный брат моего мужа, я видела его на свадьбе. Теперь он приехал к нам в гости из Ташкента и через некоторое время уедет домой... Ты скажешь: он такой же торговый человек, как мой муж... Ты все поняла?

– Нет, – робко возразила Амина. – Я хорошо помню всех, кто был на свадьбе. Твоего двоюродного брата не было, и я никогда не видела этого человека, пока он не пришел вместе с Хамидовым в наш дом...

Срывая злость на жене, Садык нащупал ее руку выше локтя, вцепился и начал выкручивать кожу. У Садыка были сильные пальцы с твердыми длинными ногтями. А другой рукой он ударил жену в грудь.

От боли у Амины потекли слезы, но она не вскрикнула. Она могла разбудить детей, внизу был чужой человек, могли услышать соседи... И Садык еще больше рассердился бы. Муж не так уж часто бил ее, не нужно только возражать, он не любит, когда с ним спорят и его не понимают.

Садык разжал пальцы. Хорошо, что она не носит

платьев с короткими рукавами и открытой шеей, как женщины в доме соседа, старого Мослима, думала Амина. Под платьем с длинными рукавами и закрытым воротом синяки не видны.

Притянув к себе голову жены, Садык сказал ей на ухо:

— Дома, при госте, ты обязана носить паранджу. Надевай ту, что тебе подарила бабушка на свадьбе. Но на улицу ты будешь выходить по-прежнему с непокрытым лицом. Теперь ты все поняла? Или мне придется еще повторять?

— Да... Все поняла...

— Иди.

Амина ушла. Она побоялась сказать, что ей будет трудно с детьми. Они не привыкли и будут пугаться, видя мать с черной занавеской на лице. Они ведь еще маленькие, неразумные. Но нельзя сердить мужа, и сопротивление ничему не поможет, будет еще хуже.

Женщина лежала без сна и смотрела в темноту. Многие мужчины перестают интересоваться своими детьми после того, как они подрастут. Так говорили и бабушка и тетки, когда они напутствовали ее в семейную жизнь. Но ее дети еще совсем маленькие, и они всегда были безразличны Садыку. Он никогда и не смотрел на них... Есть мужчины, которые разговаривают со своими женами, улыбаются, смеются. И не бьют...

Но где же паранджа? Нужно вспомнить, куда она ее положила. Завтра будет некогда искать, ведь она встает с первым светом, в доме много дела, Садык такой требовательный. Нужно приготовить ему завтрак и выгладить рубашку и брюки, он каждый день надевает все свежее.

Не зажигая света, Амина тихонько рылась в вещах.

Наконец ее руки нащупали жесткую волосяную сетку. Паранджа была роскошная, чачван обшит широкой полосой черного шелкового бархата, украшенного ярким узором. Так и полагается жене торгового человека.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Находки

I

Истекал второй месяц настойчивого обследования пустыни. Маленький караван все дальше уходил от сухого русла исчезнувшей реки. Исследователей увлекали сохранившиеся признаки древнего канала. Из всех следов погибшей оросительной системы этот был яснее и глубже всех. Его обозначали сглаженные ветрами широкие валы, образованные вырытым грунтом и дальнейшими работами по очистке зарастающего илом дна. Ибадулла хорошо знал, как высоко поднимаются берега старых оросительных каналов.

Но Ефимову было мало простого предположения или одного взгляда. И у русского и девушки Фатимы была своя мудрость: они считали, что каждое умозаключение должно основываться на опыте и на исследовании фактов, а не на отвлеченных суждениях.

Обливаясь потом, они пробили отвал узкой траншеей. В разрезе обнаружились слои многих отложений. Действительно, это был канал, действовавший многие столетия. Ефимов постарался сосчитать слои. Их было около сорока.

Не делая ответвлений, канал уходил вдаль. Где-то там вода некогда существовавшей реки давала жизнь людям. Где?

Во второй половине дня пришлось решать, идти ли дальше, чтобы продолжить обследование неожиданно возникшего объекта, или вернуться.

Горячий воздух трепетал, за горизонтом поднимались и опускались миражи. Порой светлая линия отрезала видение. Мираж поднимался и стоял призрачными образами холмов и деревьев. Под ними блестела вода. Но воды там не было. Вода была в резиновых резервуарах на паланах – вьючных седлах ослов. Послушные животные с безразличным видом опустили уши, хотя вопрос о воде касался их не меньше, чем людей.

Земля, по которой никогда не ступала нога человека или ступала очень давно, что, в сущности, одно и то же, с особенной силой тянет к себе; неизвестное обладает своей собственной силой притяжения.

Фатима убеждала идти дальше, ведь воды хватит на двое суток, а путь назад, к колодцам, будет легким и быстрым, без остановок для съемки. Воды хватит.

Ефимов как будто колебался. Он спросил:

– А что думает Ибадулла?

Руководитель разведочной группы часто обращался к Ибадулле в третьем лице. Между собой Ефимов и Фатима перешли на «ты» в первые же дни. Иначе было с Ибадуллой, хотя молчаливый, сдержанный спутник нисколько не стеснял их, они разговаривали при нем, не таясь.

Русский оставался таким же, как в первые встречи. Он знал очень много интересных вещей, охотно рассказывал, и

Ибадулла привык к его непосредственности. Все в Ефимове было просто и легко, как будто в жизни нет целого моря бедствий и страданий. Молодость, думал Ибадулла: как видно, его дни были такие же прямые, как те черты, что он проводил на бумаге, прикладывая к ней визирную линейку. А все же молодой русский был не таким простым... Как-то он чертил, а Ибадулла смотрел через его плечо. Ему показалось, что Ефимов ошибся, и он сказал:

— А эта линия должна идти не так.

Начальник исправил, а потом посмотрел на Ибадулла:

— А вы знаете, что я подумал, когда первый раз увидел вас? Я думал: вот сильный человек, немало повидавший в жизни, живет он в наше время, а вид у него совсем такой, как тысячу лет назад. Что может быть внутри у такого человека? Не обижайтесь, я был под впечатлением аллакендских древностей, а у вас вид тогда, право же, был уж очень особенный, точно вы и вправду только что вышли из какого-нибудь тайника старого медресе, где вас заколдовал злой волшебник. Вот и сейчас я подумал, что древний инженер, распоряжавшийся строительством этих каналов, мог быть очень похож на вас. Что вы скажете, а?

— Может быть, — ответил Ибадулла.

— Тяжелая судьба была у тех инженеров. Они работали для других. Мы с вами работаем для себя. Попросту говоря, в этом-то и кроется разница между прошлым и настоящим. Не представляю себе, как я мог бы работать для частного хозяина? — говорил Ефимов, закрывая планшет и вытирая со лба пот, заливавший глаза. — Вероятно, это сквернейшая из скверных штука — работать для других, а?

II

Земля родины всегда слагалась из оазисов по долинам рек и из пустынь, разделявших оазисы. Она делилась на места, где было суждено течь воде, и на места, осужденные на бесплодие. Была судьба для человека и судьба для земли. Мудрость постигалась из древних книг, поэтому никогда не изменялась. Она говорила о том, как должен жить правоверный, чтобы войти в рай; там, в раю, очень много воды. Мудрость ислама не интересовалась земной водой...

Для кого трудились молодой русский Ефимов и узбечка Фатима? Ибадулла всегда знал, что хозяин нанимает людей для получения дохода от их труда. Знал, что Москва издали управляет землей родины, и для него название этого города звучало именем постороннего повелителя, распоряжающегося достоянием узбеков-мусульман.

У Фатимы – свое знание: земля принадлежит узбекскому народу, а Москва помогает, как брат. Фатима говорит о громадной стоимости машин, материалов и всего остального, что дает Москва. Сейчас Узбекистан получает от Москвы больше, чем дает взамен.

А Ефимов утверждает, что земля гибнет и превращается в пустыню от плохого управления государством, от невежества, небрежения; значит, правление Москвы ведет к уничтожению пустынь?..

– Так что же предложит нам глубоко задумавшийся Ибадулла? – сказал Ефимов. – Идти нам дальше или вернуться?

– Идти дальше, – ответил Ибадулла.

Он с первых дней заметил особенную систему Ефимова. Хотя молодой русский имел право приказывать, он всегда старался сделать так, точно все сами хотят одного и того же.

Ибадулле приходилось встречать таких людей. Они боялись судьбы, боялись вмешаться в ее таинственную ткань, опасались не угадать и поэтому-то и уклонялись от решения. Они хотели остаться в стороне, чтобы не испытывать чувства ответственности при неудаче.

Но вскоре Ибадулла иначе понял смысл поведения Ефимова, и ему понравилась своеобразная тактика молодого начальника. Такому легче, приятнее повиноваться. Но кто же научил его этой тонкой мудрости управления людьми?

Древний канал проходил через возвышенность, и по его сторонам потянулись высокие горбы вынутой земли, дававшей тень. Дно, затянутое затвердевшей вековой пылью, заметно выгибалось вверх.

Фатима одета была так же, как и Ефимов. Эта изумительная девушка уверенно носила костюм мужчины – плотняную блузу, широкие брюки, брезентовые сапоги. Только на голове у нее была не фуражка, а тюбетейка – все, что оставалось от костюма женщины, так как тюбетейка была не простая черная, как у мужчин, а женская, бархатная, расшитая золотом. И еще остались у нее косы, черные, длинные, настоящие узбекские. Она почти три раза обвивает их вокруг головы. По-русски девушка говорила совершенно свободно. Она разговаривала с Ибадуллой и по-узбекски, но редко. Ефимов совсем не знает узбекского языка, и нехорошо, когда двое беседуют между собой, а третий их не понимает.

В трубе нивелира мир кажется перевернутым, поэтому и рейку держат наоборот. Каждый день находилось время, чтобы учить Ибадуллу, как производить съемку местности. Ефимов утверждал, что это простое дело, каждый работник группы должен уметь делать все. Но чтобы подойти к съемке, нужно знать еще и многое другое.

У Ибадуллы оказалось двое учителей, они сменяют друг друга. Ибадулле было приятнее, когда с ним занималась Фатима. Она нетерпеливая, но сдерживается. Однако иной раз, когда Ибадулла не понимает с первого слова, девушка сердится, переходит на узбекский язык и смешно бранит своего ученика.

Ефимов смеется и говорит, что он научится браниться по-узбекски. Ефимов считает, что Ибадулла учится очень быстро и схватывает все сразу.

Фатима тоненькая и, наверное, очень легкая. Ибадулла мог бы без труда поднять ее и нести на руках хотя бы весь день. Когда она сердится, то надувает губы и между ее бровями появляются две славные морщинки.

Она, девушка, не знаящая покрывала, смотрит прямо в глаза чужому мужчине и дерзко говорит ему:

— Это невозможно, это знают все школьники четвертого класса! Почему вы не учились?

Ибадулла не отвечает и не обижается. Иногда он думает: а что, если назвать этой девушке все законы и все предписания для женщин, которые она нарушает на каждом шагу? И напомнить о наказаниях, ожидающих мусульманку?.. Станные мысли. К чему?

Она сказала: ислам отрицал все, кроме себя самого, Из-за этого народы, исповедовавшие ислам, одичали, отстали от других, остались на задворках человечества.

Она говорит: ислам учил людей жить на коленях, отнял у человека желание сопротивляться насилию и сделал его рабом.

Это кощунства, на них должен ответить камень в руке мусульманина, но Ибадулла не возражает, он не может возненавидеть Фатиму и Ефимова. Он думает другое: Фатима говорит об исламе, как о прошлом. Это легкомыслие молодости, девушка многого не видела и не знает, это понятно. И еще одно понимает Ибадулла: родина ушла от ислама, ислам позади.

Ибадулла все лучше понимал русский язык, в этом помогала великолепно развитая память.

Жизнь в речах его спутников не была связана незыблемыми предписаниями догмы. Они много говорили о борьбе с вечными стихийными силами природы – с засухами пустынь, с горными наводнениями, даже с сухостью самого воздуха. Победы в этой борьбе улучшают жизнь людей, не русских, не узбеков и не каких-нибудь отдельных людей, а всех вообще, точно мир можно сделать садом и всех пригласить жить в нем.

В мыслях спутников Ибадуллы была особенная связь и особенная уверенность в силе людей и в своей силе. Для них было просто и возможно самое трудное.

Ибадулла слушал.

III

В начале пятого часа дня Ибадулла первым заметил впереди нечто необычное. Это не был мираж. Что-то там темнело и поблескивало на коричневом фоне голой почвы.

Оно было живым, а мертвая, сухая игра миража стояла над горизонтом.

Караван ускорил движение. Берега канала понижались, сглаживались, наконец канал исчез, незаметно слившись с плоскостью. Дальше лег водоем.

Какое это было странное место! Среди твердого такыра, на котором не росло ни одного самого тощего пучка травы, лежало небольшое озеро с правильными мягкими берегами, окружавшими темную, тяжелую гладь воды. Неподвижная, на вид густая, как масло, она казалась забытой в пустыне, лишней, никому не нужной.

Но на иссеченном трещинами такыре расходились извилистые червяки троп, они выделялись более светлым тоном почвы, разбитой ногами животных. Дикая звери пустыни знали это место и посещали одинокое озеро.

В нем не было ни одного ростка, но слегка солоноватая вода была пригодна для питья. Вероятно, озеро поддерживалось зимними дождями, в него впадали временные ручейки, иссякавшие с наступлением сухих дней.

Несмотря на присутствие воды, место имело грустный, заброшенный вид. Темное озеро ютилось в самом низком месте плоской котловины. От него во все стороны земля повышалась, образуя широчайшую и плоскую чашу.

– Как это интересно, – вслух подумал Ефимов, – дорога открыта отовсюду, но звери ходят по протоптанным тропам...

«На неизвестной дороге и зверя и человека одинаково стережет опасность», – подумал Ибадулла, развьючивая ослов. Животные вошли в мелкую воду и наслаждались неожиданным вольным водоемом. Это вкуснее горячей воды из резиновых мешков.

С утра было безветренно, стоял палящий зной. Внезапно раскаленный воздух двинулся, и поверхность озера подернулась рябью. Ослы подняли тяжелые головы и насторожили длинные уши. Ветер потянул с запада, и в нем неслись особенные струи, точно холодные потоки воздуха лились самостоятельно, не смешиваясь с горячими. Небо потускнело, солнце сделалось красноватым.

Ефимов вносил в рабочий журнал очередные записи, а Фатима доставала из курджума консервы и сухари. «Молодые люди не знают пустыни», – думал Ибадулла. Ему не понравились ни ветер, ни несвоевременная прохлада. Ветер внезапно упал, вернулся зной.

Неожиданная находка радовала. Теперь можно не спеша обследовать участок пустыни, где окончился канал. Место для ночлега наметили у озера.

Опять подул ветер, но не с запада, как вначале, и он был горячим. Уловив прежнее предупреждение, Ибадулла понял: подходил сухой ураган, северо-восточный ветер – теббад. Как обычно бывает, первый порыв стих, ураган собирал силы, и следовало поспешить, чтобы найти убежище.

В километре или немногим дальше виднелись неправильные возвышения, обещавшие какое-то укрытие. Когда люди приблизились, они с удивлением узнали остатки покинутого поселения. Не было ни одного обожженного кирпича. Но сохранилось много глиняных стен.

Дальние горы вихрили воздушные потоки и метали на запад ураган. Теббад усиливался, рвал сухую голую почву, тянул горячую азиатскую поземку. Как дымом затянуло весь мир. Солнце потемнело, закурились низкие проломанные стены, пыль на них вздымалась струями.

Среди развалин нашлось низкое строение под тяжелым сводом из сырцовых кирпичей. Ослы послушно протиснулись через узкий вход. Внутри был полумрак, из дыр в своде сыпалась пыль.

IV

В Азии все заброшенные человеком строения превращаются в излюбленные приюты ядовитых насекомых и змей.

В развалинах гнездится черный паучок с белыми точками на верхней части брюшка, отвратительный и опасный для жизни каракурт, мохнатая длинноногая фаланга — сольпуга, злобный сухопутный рак — скорпион. Чтобы прогнать их всех, достаточно иметь с собой кошму из овечьей шерсти с ее сильным и характерным запахом.

Овце безопасен ядовитый укус в губы, щеки или язык. Она срезает траву на пастбищах под самый корень и слишком часто гибла бы, если бы не имела этого развитого природой и борьбой организма замечательного свойства. Овца, не замечая укусов, вместе с травой съедает насекомых и кусает змей. Поэтому те, чьим оружием служит яд, так боятся овцы и бегут от одного ее запаха.

Кошмы были расстелены, а ослы привязаны к железному колу, вбитому Ибадуллой. Освободившись от забот, все трое вышли наружу.

Нельзя было сказать, где солнце, так плотно затянулось небо. Соленая пыль неслась со злобным упорством, точно ее выдували громадным мехом. Теббад придавал природе отталкивающий и враждебный вид. Небо сделалось гряз-

но-желтым, с зеленоватым оттенком. На него не хотелось смотреть.

Ибадулла подвязал ослам торбы с ячменем. Ефимов командовал – спать! Он был рад возможности отдохнуть.

Ибадулла привык к тому, что его спутники быстро засыпали. Хороший знак: у людей нет тревог на сердце. Изредка и он засыпал легко. Но сейчас он лежал на кошме рядом с Ефимовым, а сон не приходил. Он слышал дыхание соседа. На кошмах было мало места, и Фатима спала совсем близко, но девушки не было слышно, точно там никого не было.

Ослы жевали зерно. Иногда они все вдруг прерывали работу челюстей, точно сговорившись. Стало темно, наступила ночь.

Ибадулла закрывал глаза и видел неровную желтую землю, ей не было конца. Когда мертвая земля надоедала, он открывал глаза и смотрел в темноту. Утомленный, он осторожно перевернулся на бок и увидел сон.

Жена, обнимая малюток сыновей, смотрела на него. Ее глаза, большие-большие, были близки. Она говорила, но что – он не мог понять и томился старой тоской. Нет, их больше нет, это он знал даже во сне. Был и отец, такой же, как в годы, когда они вместе рыли кяризы. Потом пришла Фатима, одетая, как жены богатых афганцев. Она топала обутой в сандалию ножкой и сердилась, что он спал тысячу лет. А ее глаза смотрели так, как женщина должна смотреть в глаза мужчины... И опять Ибадулла помнил, что спит, и знал – так не может быть.

Когда Ибадулла очнулся, свет уже пробивался из входа и из трещин в своде. Теббад утих.

Ослы изо всех сил натягивали веревки, которыми они были привязаны к железному колу, и топтались, сбившись в кучу.

Ибадулла слышал около своей щеки слабое шуршанье и ощущал особый, тонкий и вместе с тем тяжелый знакомый запах. Не вставая, он повернул голову.

Между ним и Ефимовым была толстая змея. Кобра не боялась запаха овечьей кошмы, она свернулась рядом крутой спиралью, из середины которой торчала серо-черная голова с длинным дрожащим языком. Кобра напряженно поводила головой из стороны в сторону. Как только Ибадулла пошевелился, голова змеи выставилась выше и ее шея начала расширяться в плоский овальный мешок.

Лежа на левом боку, Ибадулла выбросил правую руку и схватил змею за шею под самой головой, как это делали индусы – укротители змей, которых ему случалось много раз видеть в Кабуле, Алигархе, Пешавере...

Ослы шарахнулись в сторону, Ибадулла сжал горло кобры, вскочил и выбежал наружу.

Хвост кобры жгучим ударом хлестнул человека по лицу, и она обвилась вокруг руки. Ибадулла чувствовал страшную силу, с которой змея давила его руку и рвалась, и сам давил всей силой мускулов, откидывая голову как можно дальше, чтобы избежать ударов хвоста и предохранить глаза.

Змея ослабела сразу. Распустив кольца, охватившие руку Ибадуллы до плеча, она обвисла, касаясь земли. Из ее разинутой пасти на пальцы вылилась скользкая жидкость. Под пальцами осталось мягкое, бессильное тело...

Ибадулла слышал, как Ефимов откашливался: он проснулся и сейчас выйдет. Ибадулла размахнулся, далеко отбросил мертвую змею и присел, отирая руки пылью.

Ефимов уже был за его спиной и спросил:

— Что случилось, почему вы так вскочили?

— Ослы беспокоились, я пошел взглянуть, — ответил Ибадулла. — Но ничего нет.

Он поднялся на ноги, Ефимов достал портсигар и, как всегда, предложил Ибадулле, и, как всегда, Ибадулла отказался.

В нескольких местах на берегу озера теснились джейраны, прибежавшие на утренний водопой. Издали они казались совсем маленькими, но все же можно было рассмотреть, как они поднимали и опускали головы. В стороне стоял остророгий козел, сторож и защитник слабых. Солнце выкатилось из-за горизонта. Из неизмеримой высоты неба упал орел. Он промчался косым полетом над водой, но козел успел подать сигнал тревоги, джейраны прыгнули и исчезли с волшебной быстротой. Орел поднимался ввысь, и люди провожали его глазами.

— И все-таки он возьмет свое, здесь негде укрыться, — заметил Ефимов.

— Может быть, — ответил Ибадулла, — если козел даст.

— Он дерется с орлами?

— Люди говорят, бывает; козел защищает самок и козлят. И побеждает.

Вчера теббад помешал рассмотреть заброшенное поселение. Сегодня исследователи могли убедиться, что здесь был некогда настоящий город. Заселенное место начиналось вдали от теперешнего озера и охватывало полукружием котловину, сохранившую на своем дне немного воды. Можно было угадать следы улиц и широкое свободное пространство, вероятно служившее площадью. Нашлись и остатки городских стен.

Почему был покинут город? Был ли он уничтожен монголами, или погиб в эпоху феодальных схваток? Вслед за изыскателями придут археологи, определяют эпоху, восстановят историю. Однако местность подсказывала, что город был оставлен из-за исчезновения воды. Совершенно очевидно, что в прошлое время вся котловина наполнялась водой, образуя не слишком глубокое, но обширное озеро. Наверное, это был запас воды, пополняемый зимами и питаемый водой из канала.

На берегу Фатима наткнулась на выглядывавший из земли кусок серого мрамора, носившего следы обработки. Путешественники откопали массивную толстую плиту. На ней была высечена арабскими буквами какая-то надпись. Судя по положению надписи, мраморная плита в свое время стояла вертикально.

— Первый раз в жизни жалею, что не знаю старого письма, — с досадой сказала Фатима. — Придется срисовать, а это труднее, чем чертить... я наверняка наделаю ошибок.

— Не нужно, — сказал Ибадулла, — я попробую перевести и запишу все без ошибки.

Тщательно оттирая поверхность доски, он читал:

*В триста сорок втором году хиджры,
Вскоре после покорения индусов воинами ислама
Махмудом Газневи и Мохаммедом Гхори
Был наказан нечистый город.
Да славится единый
И да будет забыто имя города.
В нем жили ложные мусульмане,
Принявшие ислам для вида.
Мы не могли заставить их отказаться
От ложной веры, да погибнет она.
Они творили намаз под мечом над головой,
Но тут же отказывались от единого.
Иные же не имели никакой веры, проклятые,
Что удивительно и невероятно.
Мы поливали улицы кровью
И мостили головами,
Но тщетно.
Тогда бог потряс землю.
Вечный скрыл реку.
Он послал пустыню.
И сделал их поля пустыней.
Кто не умер, лишился родины и ушел.
Ушел, проклятый, молчит и прячется.
Никто да не принимает его,
Иначе тоже навлечет на себя гнев
Милостивого и милосердного.
Да будет это примером для других.
Повелитель Нах-шеба Сулейман-ад-дин-Хан
Приказал написать для памяти людей.*

Окончив чтение, Ибадулла устало поднялся. Он испытывал горькое разочарование.

– Вот и разгадка! – вскричал Ефимов. – Землетрясение, именно землетрясение уничтожило реку. Она была, это не ошибка, и она питала не только этот несчастный город, но наполняла обследованное нами русло, кормила много других поселений.

– Так, значит, больше не будет воды? – спросил Ибадулла.

– Почему? Будет! – возразил Ефимов. Указывая на плиту с жестокой надписью, он с увлечением продолжал: – Злобный и темный невежда написал, что бог отнял воду. Мы сильнее его бога, мы сумеем достать воду!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Второе рождение

I

Солнце неподвижно висело в небе и томило природу сухим белым жаром. Все живое пряталось, одни муравьи не страдали от зноя. Не таясь в своих глубоких норках, они вереницами тянулись по собственным большим дорогам, заботливо торопясь туда и обратно с целями, которые не так просто разгадать и самому терпеливому наблюдателю.

На твердом поле аэродрома было много муравьев, они не мешали самолетам, а сами привыкли мириться со случайным разрушением своих подземных гнезд. Им поче-

му-то нравилось жить на аэродроме, и на нем было больше муравьев, чем в полупустыне, окружающей летное поле.

На раскаленной солнцем поверхности земли повсюду возникали и неторопливо перемещались приземистые смерчи. Цепляясь подножием за кустик травы, живой столб останавливался и рассыпался горсточкой пыли. Ветра не было. Длинный конус, указывающий пилотам направление движения воздуха, вяло обвис на высоком столбе, почти доставая концом матерчатого мешка до трубы радиорупора.

В белом доме помещалась контора аэродрома, там же были и зал для пассажиров и буфет. В большом шкафу с толстой створкой двери делали мороз с помощью электричества и хранили вещи, драгоценные в пустыне, – бутылки с холодным пивом и вкусной шипучей водой. Каждый мог получить, сколько хотел...

Ибадулла вышел на террасу, открытую на летное поле, постоял немного и отправился посмотреть поближе на самолеты, выстроившиеся неподалеку коротким рядом.

Ибадулла не рассказывал своим спутникам о схватке с коброй и сам не вспоминал о ней, событие казалось ему простым, естественным... Он защищал товарищей и себя, Ефимов наверняка поступил бы так же. Но что-то изменилось после знаменательного дня находки мраморной плиты. Ибадулла больше не чувствовал себя случайным попутчиком, о котором забудут через месяц. Ефимов и Фатима – друзья, и он – их друг.

После находки плиты изыскатели провели еще три дня на съемке русла бывшей реки и вышли к предгорному колхозу. Оттуда за одни сутки колхозная автомашина

доставила их на железнодорожную станцию – исходный пункт маршрута.

Ефимов решил, что находка погибшего города и открытие тайны исчезновения реки должны отразиться на дальнейшем плане изыскательских работ в этом районе пустыни. Сейчас изыскатели собирались лететь на самолете к большому начальнику, распоряжающемуся всеми работами.

Население станции – десяток семей – обступило разведчиков. Люди, для которых воду привозили в вагонах-цистернах за двести километров, хотели знать со всей точностью, как и когда наполнится иссякшее русло. Они тосковали по прекрасному виду текущей воды, по ранним цветам урюка на еще голых от листьев ветках, по тени сада...

Ибадулла молча дивился, как много и как хорошо знали эти люди о делах своей страны и о многом другом. Ибадулле казалось поразительной их глубокая уверенность в том, что власть пустыни скоро кончится.

– Да, да, – повторяли затерянные в бесплодной степи железнодорожники, – если уж решили уничтожить пустыни, значит, их не будет. Ведь об этом мечтает народ! Придет время – люди будут удивляться и спрашивать: что это такое, пустыня?

Арабский язык был непонятен народу, и Ибадулла дважды переводил запись жестоких фраз, высеченных на мраморной плите. Люди слушали его и негодовали:

– Все настоящая правда! Не водой, а нашей кровью поливали землю эмиры и беки. А муллы, эти когти на пальцах эмиров, твердили, что так и нужно поступать для

славы бога ислама. Они держали народ за горло. А когда случалась беда, они кричали: этого хочет бог!

– Они и сейчас хотят того же, – сказал бригадир ремонтных рабочих. – Болтают о своем исламе, а мечтают о наживе. Слабоумные, они хотели бы вернуть эмира, как будто можно собрать растасканные шакалами костидохлого верблюда и нарастить на них новое мясо. А что они делают за границей? – И он рассказал о происках американцев на Востоке, об их союзе с муллами, о подготовке диверсантов, о строительстве авиационных баз для будущей войны с Советским Союзом...

Ибадулла был потрясен. Он нашел минуту и спросил этого удивительного человека:

– Брат, откуда ты так хорошо все знаешь, разве ты был там?

Железнодорожник не мог догадаться о причине вопроса и ответил со всей простотой:

– Там я не был, но какая же тут тайна? Это знают все...
Читай газеты.

Железнодорожники рассказали отставшим от новостей изыскателям, что американцы продолжают вести войну в Корее, пытаются подло уничтожить мирный корейский народ, распространяя бактерии страшных болезней.

II

Ни одним движением не выдал Ибадулла того, что он первый раз в жизни поднимается в воздух.

Самолет был маленький, всего для четырех пассажиров. Ибадулла не сумел уловить мгновение, когда машина

оторвалась от земли, но в воздухе он испытал неприятную минуточку. Он слышал, что самолеты держатся только своим движением, а этот остановился. Сейчас упадет.

Ибадулла посмотрел на Фатиму. Девушка сидела совершенно спокойно и глядела вниз. Наверное, все благополучно...

Вскоре Ибадулла понял свою ошибку – самолет двигался, но из-за большой высоты движение его было почти незаметно. Внизу проплыл кишлак с открытыми дворами, точно дома без крыш; в степи рассыпались неподвижные цветные точки. «Большая отара овец», – догадался Ибадулла.

Арыки в оазисе были точно такие же, какими рисовал их Ефимов на листах съемки, – узкие, как черточки карандаша. За последним обсаженным высокими тополями арыком началась пустыня – земля, для которой еще не хватало воды.

Ефимов потянул Ибадуллу за рукав и сказал что-то непонятное из-за шума мотора. Ефимов указывал рукой, и Ибадулла перегнулся в его сторону. Внизу было несколько человек, трое стояли кучкой, а один – в стороне. Ибадулле трудно было понять, что делают там, внизу. Ефимов крикнул почти в ухо:

– Такая же разведочная группа, как и мы!

Глаза Ибадуллы точно открылись. Конечно, вон один держит рейку... Ефимов передал Ибадулле бинокль. Вдали нашлись еще люди. На этот раз Ибадулла сразу понял слова своего руководителя:

– Здесь топчутся сотни нашего брата – изыскателей.

Истина. Со всех сторон коммунисты, комсомольцы,

русские, узбеки, туркмены, казахи шли в наступление на пустыню...

А теперь внизу были видны решетчатые башенки. Около них работали. Ибадулле не нужно было спрашивать, он понимал. И он думал о своем бывшем друге Шейх-Аталык-Ходже и о других учителях ислама, вспоминал их речи, полные ненависти именно к этим людям, думал о несчастном народе, мыслями которого они хотели владеть. И как часто народ верит им, не замечая их злобы и жадности, не сознавая своего угнетения!

И ведь сам он, Ибадулла, соглашался, считал, что его родной народ в плену у коммунистов и ждет освобождения от власти Москвы. Невозвратимые годы погибли в праздной и глупой надежде на восстановление в Узбекистане власти какого-нибудь эмира, подобного Алим-Хану...

На высоте было прохладно. В кабине самолета гулял свежий воздух. Закрыв глаза, дремала Фатима, девушка с непокрытым лицом.

Счастливая: когда она станет женой, ее муж не будет бояться, что оспа или чума оставят его одиноким бездетным вдовцом.

Ибадулла вспоминал предложение муллы Аталыка, рассказы коммуниста на железнодорожной станции и надпись на колонне хонако Файзабад. Аталык и ревнители ислама – союзники американцев. А если они забросят отраву в Узбекистан, чтобы убить людей на станции, и в родном городе, и Мослима, и Мохаммед-Рахима, и всех, кто нападает на пустыни? И Фатиму, прежде чем она делается матерью? Ее милое лицо почернеет, опухоль закроет ясные смелые глаза... Нет, этого нельзя допустить!

III

Люди, люди, люди... После пустыни Ибадулле казалось, что здесь собралось особенно много народу. На аэродроме стояли и двигались самолеты, радиорупоры кричали слова команды. Все торопились. Одни собирались улетать, другие, как Ефимов, Фатима и Ибадулла, только что прибыли.

Они сели в автомобиль. По дороге с аэродрома Ибадулла видел много автомобилей с людьми, с грузами. Машины тоже спешили, нетерпеливые, как люди.

Автомобиль широкой дугой объезжал железнодорожную станцию, скрытую за какими-то деревянными строениями. Тянулись подъездные пути. Местами рельсы лежали прямо на земле, виднелись едва присыпанные песком новые шпалы, казавшиеся очень высокими.

Около путей высились горы самых разнообразных вещей: бревна, доски, ящики, штабеля камня, бочки, мешки, пачки железных листов, стальные балки, громадные круги тонкой и толстой проволоки, решетчатые колонны из железа, опять мешки, ящики... Всего было так много, что рябило в глазах. Ибадулла не знал названий многих удивительных и странных вещей, которые находились здесь.

На подъездных путях двигались паровозы, тащили за собой или толкали вагоны. Паровозы и вагоны были могучие, громадные, не такие, как в Дели и Пешаваре. Ибадулла не мог понять, откуда могло взяться сразу и в одном месте такое богатство и кто мог изготовить такое количество вещей?

За станцией оказалось странное поселение – особенный

город, в котором не было ни одного большого дома и все постройки не из сырого глиняного кирпича, а из дерева. Их стены были сложены из ровных брусков или щитов, а крыши – не плоские, а острые, из серых плиток. Нет, здесь были и старые дома с глиняными стенами, но они терялись среди новых. Автомобиль медленно двигался по неровным, еще не мощенным улицам. Этот странный город, как видно, только что родился.

Ибадулла едва не изменил себе: ему хотелось говорить, задавать вопросы, но он не знал, что сказать. Пока он собирал слова, глаза уже видели новое.

Вдруг вдали показалась громадная река. На ее берегу обрывался город. Автомобиль остановился на недостроенной улице, и Ефимов взял Ибадулла за руку:

– Приехали!

Ефимов и Фатима уже стояли у подъезда двухэтажного дома с толстыми стенами под красивой штукатуркой. За большой входной дверью оказалась комната. Ефимов поздоровался с человеком, сидевшим за столом рядом с дверью, ведущей внутрь дома, и все трое прошли в следующую комнату.

Им навстречу, огибая громадный письменный стол, шел какой-то человек и говорил:

– Какие нетерпеливые люди! О-о-о! Товарищ Ефимов, дорогой! Совсем нашел реку или тебе только показалось? Какую телеграмму я от тебя получил! Просто не сплю, тебя жду! – шутил этот человек, здороваясь с Ефимовым.

На нем был очень широкий полотняный костюм, черная тубетейка на затылке, а лицо, настоящее узбекское, широко улыбалось.

– Салам, товарищ Шаев, салам! – приветствовал его Ефимов, пожимая руку Шаева обеими руками.

А Шаев еще громче смеялся и все говорил без передышки – его рот был полон словами:

– Совсем узбек стал! Слово «салам» выучил, старшему человеку обе руки подает! Покажись. Ай, ай. И лицом на узбека стал похож. А нос московским остался, нашего загара не принимает. Которая с него шкура слезает, считал, скажи? Ну, как путешествовал? Помнишь, что Пржевальский писал: путешественник по Средней Азии должен мириться с тремя неприятностями: с ощущением нечистоты тела, с плохой водой и с насекомыми, от которых почесываются... Ха-ха! Насекомых мы в кишлаках повывели, а воду ты сам должен достать.

Так же весело Шаев здоровался с Фатимой:

– Ай, ай! Похудела, а красота осталась.

Пришла очередь Ибадуллы, и он заметил, что на веселом лице товарища Шаева сидят весьма внимательные глаза с пристальным взором.

– Мой помощник, – представил Ибадуллу Ефимов.

Шаев пригласил всех сесть и вышел. Через открытую дверь Ибадулла слышал, как он назвал кому-то несколько имен и фамилий. Но внимание Ибадуллы тотчас же отвлеклось другим. На стене висела огромная карта. Она занимала всю стену от пола до потолка. Вот черный многоугольник – это Ташкент. Под ним извилистая синяя лента Сырдарьи. Налево и выше – кусок Аральского моря и многопалая дельта Амударьи...

Ибадулла подошел к карте и, прикоснувшись пальцем к толстой бумаге, присел на корточки, чтобы лучше видеть

низ карты. Во многих местах он нашел тонкие красные нити: сеть орошения, это было ясно. В паутинах оросительных систем прятались рисунки: фруктовые деревья, хлопок, пшеница, виноград, рис. Вот пальмы. Рисунки были понятны. Конечно, так будет, если появится вода.

Ибадулла поднялся. Перед ним был Узбекистан. Он узнавал оазисы. По всему течению Зеравшана – Золото-раздавателя, расширяясь и сужаясь, в зеленой краске тянется возделанная земля. Аллакенд, сжатый песками; Каршинский оазис. Между Аллакендом и Карши Ибадулла нашел точку на змеистой линии железной дороги – это знакомая маленькая станция. Вверх от нее, где прошли изыскатели, не было ни одного зеленого пятна почти до самых гор.

Ибадулла отступил, и изображение выпукло встало перед его взором. Карта была особенная, не типографская, а созданная рукой художника, почти картина. Земля родины... Сверху и справа в нее врезались извилистые черные штриховки гор. Отроги казались мягкими, но Ибадулла знал, как остры камни, спрятанные в этих очертаниях. Снизу и слева наступала желтая отмывка бесплодия пустынь, от них веяло зноем и тоской. Но однообразие желтизны нарушалось россыпью красных точек. Кое-где врезались синие черты, они перекрещивались красными, а местами были только красные.

Используя свои новые познания, Ибадулла нашел объяснения знаков: старые оросительные системы обозначались синим, новые – красным. А красные точки в пустыне были новыми колодцами. Как же много их было! Для красных линий Ибадулла заметил и цифру – сто двадцать

тысяч километров. Двенадцать тысяч ташей протяженности новых каналов в Узбекистане – по старой мере расстояний! Больше десяти лет потратит человек, чтобы промерить их своими ногами, увидеть своими глазами.

За истекшие после изгнания эмира годы было сделано больше, чем за тысячу лет ислама. Вот и еще одно значение слов Мохаммед-Рахима...

За своей спиной Ибадулла слышал голоса, но не обращал внимания на слова. Увлеченный, он хотел позвать Фатиму. В этот момент постучали по столу, и он оглянулся.

IV

Придвинув стулья, несколько человек сидели у стола Шаева. Ибадулла нашел свободный стул и тоже сел. На него не обращали внимания.

Лицо Шаева серьезно, в его пальцах толстый карандаш. Это он стучал. Ибадулла понял, что так просто и радушно принявший их человек и есть тот самый большой начальник, который имеет власть решать и приказывать.

– Итак, не безразлично мы должны отнестись к находке группы Ефимова, – продолжал Шаев. – Считаю, что товарищ Ефимов поступил правильно, явившись для личного доклада. Уже аэрофотосъемка подсказывала мысль о существовании в историческом периоде той или иной давности реки в этом районе. Съемка, произведенная группой, делает факт бесспорным. А надпись, указывающая на землетрясение, объясняет все.

– А не думаете ли вы, профессор, что надпись попросту легендарна? – спросил один из присутствующих, русский.

– Нет, – возразил Шаев. – По мнению нашего уважае-

мого товарища Жаркова, язык надписи чистый, подлинно арабский, без позднейших искажений и примесей персидских слов. Это первое соображение. Кстати, – обратился Шаев к Ефимову, – кто это сумел так списать надпись и сделать отличный перевод?

Ефимов указал на Ибадуллу, и все посмотрели на него.

– О-о! – сказал Шаев. – Какой у вас помощник! Интересно, – он опять изучал Ибадуллу тем же острым взглядом, как вначале. Ибадулла не опустил глаз.

– А у вас не будет ли каких соображений, Семен Александрович? – спросил Шаев одного из русских.

Ибадулла заметил, что перед этим человеком в очках и с остренькой бородкой лежал его список надписи. Наверное, это и был Жарков.

– Я рад встретить знатока старинных надписей, – неожиданно сказал Ибадулле Жарков на чистейшем арабском языке. – А что думает сам Ибадулла о достоверности находки?

– Я уверен в мудрости ученого, знающего неизмеримо больше меня, – ответил Ибадулла по-арабски. – Что может значить мое мнение, какую цену оно может иметь? Я не осмелюсь высказать его.

Семен Александрович и Шаев переглянулись. Этот дочерна загоревший скромный рабочий изыскательской группы выдерживал экзамен с честью. Ефимов не обманулся, доверившись случайному толмачу.

– Отлично, отлично, – сказал Жарков по-русски, – но все же, – и он опять перешел на арабский язык, – хотя скромность и есть лучшее украшение носителя знания, все же скажи нам всем, что ты думаешь сам?

– Нужно верить, – по-русски ответил Ибадулла.

– Но почему? – настаивал Шаев, обращаясь к Ибадулле.

– В надписи правда. В ней выражена мысль *ислама*.

– Вот именно! – воскликнул Шаев вставая. – Типично исламистский дух злобы и человеконенавистничества. Не каждый наш русский друг понимает это, как товарищ Жарков. Это неподдельно, – продолжал Шаев с увлечением. – Мы вывезем мрамор, лабораторное исследование опровергнет тех, кто сомневается. Копию надписи я сегодня же pošлю моему другу Момаммед-Рахиму. Кусок жестокого прошлого... А теперь, товарищи, – обратился он к изыскателям, – вы свободны, идите отдыхайте. А мы тут посмотрим, посоветуемся, что следует делать дальше с нашей исчезнувшей рекой.

Ибадулла решился подойти к Шаеву и попросить его передать привет Мохаммед-Рахиму.

– Ты знаешь его? – немного удивился Шаев. – Хорошо, я напишу. Скажи мне, кстати, как ты попал в группу?

– Меня устроил Мослим-Адель.

– Ты знаешь и Мослима? По старой поговорке: назови мне твоих друзей, и я скажу тебе, кто ты. Ты разрешил мое сомнение, – и Шаев весело засмеялся, сделавшись опять простым и добродушным.

...Ночью в гостинице Ибадулла писал Мослиму:

«...и ты, Справедливый, и Мохаммед-Рахим, Мудрый, совершали над моим сердцем и разумом дело отца. Я постигаю труднопостижимое. Ты сказал мне – ищи. И я нахожу».

Ибадулла прервал письмо и задумался. Потом он оглянулся на спящего Ефимова. Лицо молодого русского так загорело, что на белой подушке казалось совсем черным. Ибадулла любил лицо друга и с удовольствием смотрел на него. Фатима была в другом номере гостиницы...

Ибадулла продолжал писать:

«Лишь о себе я думал, беседуя с тобой. Я был погружен в себя, и я забыл о людях. Однако в городе есть злодеи. Они, по слову Мудрого, прячутся среди мертвых призраков, таков их обычай. Они пытаются идти с лицом, обращенным вспять. В вечер моего прихода к тебе я прочел на колонне хонако Файзабад три строчки слов приветия и нашел знак, состоящий из пяти черточек, повторенных в пяти рядах. Знай, что это знак тех, кто вступил в союз с американцами. Я не знаю, кто пишет. Но он пишет для человека, который придет, чтобы принести смерть. Это правда, и ты сделай с ней нужное».

Ибадулла достал висевший у него на груди кожаный мешочек и, положив его на стол, продолжал писать:

«Я посылаю тебе талисман, наследие отцов. Веря в истину начертанных в нем слов, я носил его. И сегодня он еще дорог мне как память. Сохрани его из любви к Рахметулле и его сыну. И еще скажу тебе, моя душа трепещет. Я словно вновь прихожу в мир...»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЛКИ ИСЛАМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Персики

I

— Очень вредные, очень опасные дела, — рассказывал Садык Исмаилович Исмаилов своему гостю Сафару. — Коммунисты не оставляют ничего в покое и не теряют времени. У нас много новой орошенной земли и все время прибавляется. Сейчас они выдумали новость: проводят временные арыки, чтобы взять под посев ту землю, что прежде занимал арык. Подумай! Совсем сходят с ума! Повсюду ищут новую воду, проводят новые каналы, роют новые колодцы. Только и слышишь разговоры о землях нового орошения. — Исмаилов со злостью упирал на слово «новый». — На все это так много тратят денег, точно и не было войны. Откуда они берут деньги? Подумай, говорят о сибирских реках, которые придут сюда. Безумие! Скоро ничего нельзя будет узнать.

Сафар сидел, мрачно уставившись в угол. Свет в комнату проникал из полуоткрытой двери, окна были затемнены. Стоял полумрак, и было еще по-ночному прохладно.

«Что толку в жалобах?» — думал Сафар, краем уха прислушиваясь к болтовне Исмаилова.

Сафару постоянно приходилось выслушивать рассуж-

дения Исмаилова на излюбленную тему – о вреде орошения новых земель. Ведь на новых местах люди будут жить по-новому. Сейчас Исмаилов только мешал Сафару размышлять о своем: пора *нечто* совершить в Аллакенде. Прежде чем уходить из этого города, нужно нанести удар.

Посылая сюда Сафара, мулла Шейх-Аталык-Ходжа приказал проверить слухи о ложном ученом Мохаммед-Рахиме, враге, разрушающем ислам своими писаниями. Слухи верны, Мохаммед-Рахим подлежит наказанию.

Исмаилов указывал еще на старика Мослима, своего соседа. Этот старик тоже враг, но с ним Исмаилов пусть расправится сам. Переулок темен, легко выбрать время. У Мослима не хватит силы, чтобы отбить удар, нанесенный даже неопытной рукой. Сафар зарезал бы этого старика просто для развлечения, но...

Там, на службе у муллы, Сафар привык действовать смело. Для него было безделицей отправить на тот свет неисправного должника или человека, на которого указали ему как на коммуниста. В случае скандала хозяева всегда могли выставить свидетелей, готовых подтвердить под требуемой законом клятвой на коране, что в час расправы Сафар находился совсем в другом месте. Но здесь было по-иному...

В своем доме Мохаммед-Рахим был окружен близкими. Правда, он целые дни проводил в рабочем кабинете в здании бывшего медресе, зачастую в полном одиночестве. Но и там, во дворе и в соседних помещениях, было много людей. Еще труднее подойти к видному человеку – Тургунбаеву. Конечно, можно войти и сделать дело, но как потом выйти?

Исмаилов взглянул на ручные часы. Пора отправляться в контору.

— Я говорю, — заканчивал он свою мысль, — что коммунисты все быстрее изменяют жизнь. Уже теперь бывает трудно отличить, где коммунист, где беспартийный. Что же будет дальше?

— Принеси мне персиков, — сказал Сафар.

— Персиков? — переспросил Исмаилов. — При чем тут персики? На базарах их еще нет, а те, что есть, пригодны лишь для русских.

Сафар настойчиво уставился на Исмаилова черными блестящими в полусумраке глазами, оглядывая круглое бритое лицо своего слишком разговорчивого хозяина. Исмаилов беззвучно пошевелил толстыми губами, прежде чем спросить еще раз:

— Зачем же персики?

— Ты должен принести самых хороших персиков, чтобы их не стыдно было есть самому знатному человеку. Их нужно будет передать Мохаммед-Рахиму и Тургунбаеву.

— Передать?.. — голос Исмаилова дрогнул.

— Да. Передать. Ты все жалуешься на новые обычаи. Разве ты, мусульманин, забыл обычай мусульман? Первые лучшие плоды всегда подносятся высокопоставленным людям. Достань. Не поручай жене. Купи сам или пусть Хамидов купит. Нет! Лучше найди сам, не нужно, чтобы Хамидов. Самых лучших. Уже должны появиться самые настоящие персики.

II

У северной части городской стены, неподалеку от крепости Арка и в нескольких стах метров от здания бывшей подземной тюрьмы-зиндана, стоял маленький домик с плоской крышей. Он прислонялся к полуразрушенному зданию медресе – из тех, что когда-то строились наспех и небрежно, только чтобы удовлетворить неожиданно скопившихся талоба.

При домике был сад, крохотный, но изумительно возделанный. Соседи шутили: не так тщательно ухаживали рабы за бородой проклятого эмира Алим-Хана, как Суфи Османов ухаживает за своим садом.

Деревья сада расположились на откосе и пользовались солнцем круглый день, с восхода и до захода. Проложенный немного выше городской арык легко питал канавки сада. Никто не мешал хозяину вовремя и обильно поить деревья, он не ленился рыхлить землю и умел удобрять ее. Ведь если дать одну воду, то плоды будут крупные и сочные, но совершенно без вкуса.

Вечером Садык Исмаилович Исмаилов, вместо того чтобы отправиться домой и отдохнуть после окончания своего директорского трудового дня, оказался перед калиткой в высокой глинобитной стене, ограждавшей сад Суфи Османова.

Вежливо кланяясь, хозяин отступил перед гостем, приглашая его переступить порог. Исмаилов небрежно ответил на приветствие. С высоты своего крупного роста он пренебрежительно смотрел на маленького ростом человека. Человечек был суетлив и явно встревожен.

Суфи Османов приходился дальним родственником Исмаилову и был зависящим от него человеком. С год тому назад жена Суфи была тяжело больна. Правда, ее лечили, как всех, на государственный счет, но разве муж удовлетворится этим? После болезни жену отправили на курорт, а Суфи всего было мало. Люди говорили: «Суфи сошел с ума, у его жены все есть, а он не может утомониться...»

Никто не знал, что Суфи Османов дважды сумел взять в долг у Исмаилова. Как-никак, а родственники. Оба раза Исмаилов много говорил о значении денег, об обязанности должника ценить, понимать, уважать... Тяжелые разговоры, на них отвечаешь одно: да, да, да... Что делать: один не любит свою жену, а другой любит! Это тоже нужно понимать.

Суфи усиленно приглашал уважаемого Садыка Исмаиловича зайти в дом. Тот, не отвечая на приглашение, разглядывал сад. Тут было несколько виноградных лоз, могучих, толщиной с руку. Аккуратнейшим образом подрезанные, обмазанные и подвязанные, они опирались на столбики и спускали громадные грозди крупного, но еще не созревшего винограда. Десяток абрикосовых деревьев уже отдали плоды, ветки были пусты. А вот и они... Невысокие раскидистые деревья с продолговатыми листьями.

– Принеси корзинку, – приказал Исмаилов. – Сними для меня десятка три-четыре. Самых лучших.

Лицо Суфи растянулось двойной улыбкой. Так вот что! А он-то подумал, что Садык явился напомнить о задержанном на добрый месяц очередном взносе в счет долга... Нет, нет, все благополучно. От волнения Суфи едва сам не заговорил о деньгах, но опомнился.

– Многоуважаемый Садык Исмаилович, – затараторил Суфи Османов, радостно вертясь перед гостем, – я готов отдать вам все плоды моего ничтожного сада. Груши уже хороши, найдутся настоящие сливы, но персики, увы... Не подождете ли еще дня два? Хотя бы до завтра? Клянусь богом! На базаре уже появились привозные персики, но разве это персики? Это зеленые плоды, упавшие с дерева, – продолжал Суфи с жаром. – Их покупают одни невежды. Тьфу! А мои персики – настоящие! Но они – мне очень жаль – еще чуть-чуть незрелы. Подождите немного, я сам вам принесу.

– Поторопись, Суфи, мне некогда, – кратко ответил Исмаилов.

Потихоньку ворча и вздыхая, Суфи с тысячами предосторожностей снимал персики и опускал в подвешенную на груди корзинку. Суфи был влюблен в свой сад, гордился выращиваемыми плодами, не позволял даже жене вмешиваться в дела садоводства. Раз он сказал, что сегодня рано снимать персики, значит, это так! Пускай Садык пеняет сам на себя, он будет есть недозрелые персики, нахал он и невежда!

Недовольство не помешало Суфи выбирать самые лучшие плоды. Он нарезал виноградных листьев, выстлал ими круглую корзинку, переложил плоды листьями, прикрыл сверху и с поклоном вручил важному гостю.

– Я зачту это тебе в долг, Суфи, – сказал Исмаилов, принимая корзинку.

Заперев калитку, Суфи дал полную волю своему негодованию. Он уже трижды отказывал знатокам. Во всяком случае, он никому не признается, что его *вынудили* снять с

деревьев недозревшие персики. Поистине, должник есть раб заимодавца. Во всем Аллакенде нет лучших персиков. И приходится снимать их недозрелыми! Садык пользуется своим положением. Тьфу, сын свиньи! И Суфи смачно плюнул. Брань, посланная в пустой след незваному гостю, совершенно не успокоила душу Суфи. После возвращения жены с курорта в семейной жизни что-то стало не так. Суфи втихомолку откладывал деньги от каждой получки, чтобы вернуть долг. Жене он сказал, что подписался на большую сумму займа. Ложь, а лгать он не привык.

Говорят, нет на свете такого мужчины, который может что-либо утаить от жены. Как-то зашел товарищ, заговорили о подписке на заем. Жена назвала сумму займа Суфи и – большую, чем действительно значилось в подписном листе. Товарищ удивился, но ничего не сказал. Еще был случай... Жена подозревает.

А как хотелось бы Суфи просто обнять жену и все рассказать ей. Он ведь и сейчас совсем не жалеет, что так поступил. Но нельзя! Она будет страдать, что это из-за нее, будет упрекать, будет мучиться, что он взял деньги у Садыка... Прежде жена бывала у Амины, а теперь давно не ходит. Жена говорит, что у Садыка под новой шелковой рубашкой и галстуком сердце старого мирзы.

Ах, уж эти деньги! Поскорее бы пришло время, когда денег не будет совсем...

Суфи с грустью забрался под обиженное персиковое дерево и размышлял.

Деньги Садыку нужно отдать, только подлец не признает долга, сделанного на честное слово. А вообще – нужно сдвинуться с места. Что за честь – этот крохотный

садик? В новых хозяйствах, на землях нового орошения, вот там большие дела! Такие люди, как он, там, ой-ой, как нужны! Он – только дайте ему развернуться – вырастит такие деревья, что все скажут: это знаменитый садовод Османов из Аллакенда! Да, его будут называть Суфи Аль-Аллакенди, как прежде к имени прославившегося человека прибавляли имя его родины. Конечно, жаль оставить свой садик, но человек должен двигаться вперед и быть решительным. Суфи не удовлетворяла работа на каракулевом заводе.

Начинало темнеть. Суфи потихоньку, как полагается, пустил воду в сад. Он укреплялся в своем решении. И ведь если хорошенько подумать, то жена намекала ему на то, что нужно стать садоводом-профессионалом. Она не говорила прямо, она думала, что Суфи не сможет расстаться с этим садом. Он еще покажет ей, что он мужчина. Он сделает сюрприз! И тогда-то признается во всем, чтобы больше не было тени. Хорошо жить, когда хорошая жена.

III

Мохаммед-Рахим работал весь день. Один за другим в сторону ложились нумерованные листки. Ученый писал мелким, но очень четким почерком. По бумаге тянулись прямые, решительные и быстрые строчки. Порой, чувствуя оставшуюся позади неясность, он перечитывал написанное и исправлял.

Час мчался за часом. Мохаммед-Рахим не замечал времени. Вдохновение всецело владело им, освобождая историка от жажды, голода, усталости. Это был итог дол-

гого труда по овладению источниками, ученый был уверен в истинности познанного и испытывал высшее наслаждение творчеством.

Отдавшись истории своего народа, он ушел в прошлое. Образы минувшего окружили его, встали рядом, говорили с ним. Он, свидетель и судья, слушал, иногда обвиняя кого-то, уличал: «Ты лжешь!» – и улыбался иному, шептавшему слова правды.

В веренице лет одни бедствия сменялись другими, смерть носилась по оазисам, а герой-народ был бессмертен. Ученый рассказывал услышанное и увиденное правдиво и просто, ничего не смягчая, никому не лстя. Он любил и был счастлив.

Вечером солнце бросило лучи на высокую стену бывшего медресе и вошло в худжру. Ослепительный свет отразился от бумаги, и теснившие Мохаммед-Рахима образы отошли: глава была окончена.

Ученый поднялся, шатаясь на затекших ногах. Он подождал несколько минут, опираясь на стол, пока восстановилось кровообращение, и прошелся по худжре.

У входа стояла маленькая корзинка, заботливо прикрытая увядшими виноградными листьями. Мохаммед-Рахим вспомнил, что, кажется, еще утром кто-то принес ему подарок. Он нагнулся и приподнял листья. А, первые персики! Феодальный символ, который в наше время превратился просто в милый народный обычай. Кто-нибудь из друзей проявил внимание, а он даже и не спросил у посланного имя друга...

Ученый взял корзинку и поставил ее на стол. Освещенные солнцем плоды стали еще прекраснее.

На правах друга в худжру влетел воробей. Привыкнув не бояться Мохаммед-Рахима, он смело прыгнул на стол, выбрал персик и принялся его расклевывать. Ученый, улыбаясь, смотрел на бойкую птичку. Птицы отлично разбираются во фруктах и умеют найти самый лучший, спелый плод.

Солнце переместилось на край стола. Вернувшись к рукописи, ученый исправил несколько слов. Когда он поднял голову, воробья уже не было.

Мохаммед-Рахим взял надклеванный птичкой персик и с удовольствием съел его: только сейчас он почувствовал голод. В корзинке было штук десять. После шестого персика ученый отставил фрукты в сторону – он мог думать только о своей работе, и ему не терпелось скорее прочесть все, написанное за день.

Вдруг острая боль пронзила тело. Мохаммед-Рахим выпрямился, как ужаленный змеей. Внезапно пот покрыл кожу. На секунду боль стихла. Он чувствовал, как по его лицу катятся холодные капли. И вновь боль повторилась, потрясающая, невыносимая. Мохаммед-Рахим повалился на черный ковер, застилавший пол худжры.

Когда сознание вернулось, он больше не чувствовал мучений, но пошевелиться не мог. Он ничего не видел и не знал, открыты его глаза или нет. Могильная тишина и мрак окружали ученого. Он понял.

Страх не было, но пришла тяжкая, как гора, скорбь. Он умирал, не успев окончить своего труда...

И вновь его обступили образы. Народ пришел проводить своего сына. Труженики с кетменями в руках выпрямили спины. К нему склонились борцы против угне-

тения, смелые участники и предводители народных восстаний, провозвестники свободы. И благородные ученые, отдавшие жизнь поиску знания...

И те, кто страдал в зинданах, кто умер под ножом палача, был съеден заживо страшными насекомыми в черных ямах эмиров и все же умел бесстрашно любить родину и жить для нее...

Они утешили Мохаммед-Рахима. Он лежал на боку, с рукой, брошенной под голову, в спокойной позе спящего.

А во дворе бывшего медресе, где в вечерней прохладе играли дети и беседовали взрослые, с высокой акации на каменную плиту упала маленькая мертвая птичка.

IV

В середине дня Тургунбаев принял Садыка Исмаиловича Исмаилова, чтобы побеседовать с ним о работе торговой сети.

Директор докладывал уверенно и точно, без лишних слов. Все нужные цифры он знал наизусть, смотрел спокойно и прямо. Все данные свидетельствовали о благополучии в торговой сети. Тургунбаев знал: магазины работали хорошо. Но была одна тень. Тургунбаеву было известно, что в городе имели место случаи спекулятивной продажи с рук именно тех товаров, которыми торговала руководимая Исмаиловым организация. Никто не был уличен или остановлен с поличным, но слухи были упорными и правдоподобными. Тургунбаев так и спросил Исмаилова:

— А нет ли у вас утечки? Доверяете вы своим работникам?

Директор медленно развел руками и прижал их к груди:

– Не знаю. Не получаю дурных сведений и должен верить своим работникам. Но я занят и не могу уследить за каждым. Я недавно тоже слышал о случае спекуляции. Но ведь негодяи могут приезжать к нам в город и из других мест. Народ разбогател. А мои заявки на некоторые товары Главное управление постоянно режет. Я в курсе всех дел и могу назвать все цифры: сколько я просил и сколько нам занарядили. На ткани высших сортов, особенно на шерстяные, такой спрос, что мы не можем его удовлетворить. Это ненормально, а одна ненормальность может повлечь другую. По мере приближения к коммунизму такие ненормальности изживутся сами собой, а сейчас следует быть бдительным. Я всецело отдаюсь общему руководству, знаю детали, но, конечно, нуждаюсь в помощи и в самой строгой критике.

Ответ Исмаилова производил хорошее впечатление. Тургунбаеву не слишком нравился этот полный, хорошо одетый и уверенный в себе человек, которого он видел уже не в первый раз, но это чувство, основанное не на каких-либо порочащих фактах, а на чем-то не вполне осознанном, рассеялось.

– Очень хорошо, товарищ Исмаилов. – тепло сказал Тургунбаев. – Поможем вам, попробуем организовать общественную проверку, привлечем городской актив, рабочих, представителей интеллигенции. Пусть вплотную посмотрят торговую работу. Возможно, слухи необоснованны, будем надеяться. Не только в этом дело. Товарищи, как свежие люди, кое-что подметят, укажут на недостатки. А вы со своим активом учтете их замечания для пользы дела.

Исмаилов горячо поблагодарил за помощь: у него самого возникала такая же мысль. Но сейчас он считает, что все же общественная проверка должна быть особенно ориентирована на обнаружение преступлений. Для него, Садыка Исмаилова, выше всего честь советской торговли, на которой не должно быть ни пятнышка...

— И моя честь советского работника, — добавил он дрогнувшим голосом. — Прошу, даже требую самой основательной ревизии!

Наблюдая за Исмаиловым. Тургунбаев думал о том, как важно руководителям не отдаваться случайным впечатлениям. Вероятно, этот директор вполне на своем месте.

— Ну что ж, все, товарищ Исмаилов.

Исмаилов встал, и в этот момент в кабинет вошел улыбающийся секретарь Тургунбаева с корзинкой, прикрытой виноградными листьями.

— Вам, товарищ Тургунбаев, прислали из колхоза «Свет Востока». Роскошные персики! — и секретарь снял виноградные листья.

— Действительно, прекрасные, — согласился Тургунбаев.

— Хороший, старый народный обычай, — заметил с улыбкой Исмаилов. — Первые плоды. От такого подарка не принято отказываться. А я и не знал, что «Свет Востока» умеет выращивать такие персики. Улучшают садоводство, все идет вперед. Здесь, в городе, есть один садовод, некий Османов, у него всего пять или шесть деревьев. Вчера я достал у него немного персиков, но эти лучше.

— Так попробуйте и этих, чтобы сравнить, — предложил Тургунбаев.

Исмаилов из вежливости стал отказываться, а потом достал из кармана безупречно чистый платок, в который секретарь положил ему несколько плодов, и ушел со словами:

– Жена будет гордиться, когда я скажу, что эти персики подарили мне в обкоме.

V

Через некоторое время после ухода Исмаилова Тургунбаев услышал громкие голоса, почти крик за дверью своего кабинета. Без стука, широко распахнув створку, вошел председатель колхоза «Свет Востока» Алиев, за ним показался растерянный секретарь. Алиев разгневанно говорил, не делая остановок на знаках препинания:

– Что делается, я не понимаю! Здравствуй, товарищ Тургунбаев. Встречаю твоего секретаря на лестнице, благодарит от твоего имени за персики. Что делается, я не понимаю? Спрашиваю, он отвечает – я не понимаю. А-а?

– Садись, товарищ Алиев, и успокойся, – пригласил Тургунбаев председателя одного из крупнейших колхозов Аллакендского оазиса.

– Не сяду! – раздраженно отмахнулся Алиев. – Не сяду! Нет, что делают?! Слушай, где персики?

– Вот они, – указал Тургунбаев.

– Ты ел, товарищ Тургунбаев?

– Нет, еще не успел.

– Тогда я сяду, – сказал более спокойно Алиев, – тогда еще все хорошо. Пусть персики там будут. Слушай, товарищ Тургунбаев, этот твой молодой человек, – и Алиев ткнул длинным темным пальцем в стоявшего с растерян-

ным видом секретаря, — сначала меня поблагодарил за персики, потом показал мне бумажку, в которой я его прошу, понимаешь, его, — нажал Алиев на последнее слово, — его прошу передать тебе мой подарок. Понимаешь, почему я рассердился? — опять повысил голос Алиев.

— Тише, Алиев, говори по порядку и не кричи, дело серьезное, — строго заметил Тургунбаев.

— Ты уже понимаешь, это он не понимает, но сейчас он тоже поймет, — погрозил Алиев секретарю. — Слушай, ты, — и Алиев всем телом повернулся в кресле. — Первое слово: я не подхалим и могу прямо написать каждому руководящему работнику обкома, даже товарищу Тургунбаеву, что колхоз посылает ему первые плоды. Чего мне прятаться за твою спину? Второе слово: я вообще не посылаю первых плодов руководству, — что они тут, эмиры или беки? Что это за подхалимство!

Алиев отдышался, вытер обильный пот с лица и продолжал:

— Теперь третье: штамп на бумажке мой, а подпись похожая, да не моя. И еще четвертое: у меня персики в колхозе не такие. Теперь ты понимаешь?

Молодой человек побледнел:

— Я уже съел два персика.

VI

— Я имел вид настоящего колхозника, — самодовольно рассказывал Хамидов. — На мне были сапоги и черный сатиновый халат, подпоясанный цветным платком. На голове — старая тюбетейка, и я наклеил усы и бороду. Сам себя

не узнал в зеркале. Нарочно подошел на улице к знакомому и спросил, где базар. Ха-ха! С Мохаммед-Рахимом было совсем просто, я поднялся к нему, сказал салам и поставил корзинку у двери в худжре.

– Хорошо, – сказал Сафар.

– А когда я говорил с секретарем Тургунбаева, – продолжал Хамидов, – пришли еще какие-то люди, он занялся с ними, я ушел.

Трое мужчин расположились в доме Исмаилова на веранде второго этажа. Исмаилов развалился на подстилке из стеганых одеял. Сафар сидел рядом, подвернув под себя ноги, а Хамидов присел к ним, опустившись на пятки. Он оживленно рассказывал вполголоса, подчеркивая слова короткими жестами.

Исмаилов раздумывал, как рассказать о том, что он был у Тургунбаева именно в тот момент, когда появилась корзинка с персиками. Он уже хотел начать, но вместо слов издал чуть слышное предупредительное «sss!»

Мимо мужчин, как тень, легко скользнула Амина в парандже, с лицом, закрытым волосяным покрывалом чачвана.

Амине казалось, что Сафар живет в доме уже бесконечно давно – так тянулось для нее время. Гость каждый день выходил из дому, но только на три-четыре часа. Сафар называл Амину просто – женщина и за все время сказал ей, быть может, не больше десяти слов.

Амина всегда молча прислуживала мужу и его гостю, и они молчали при ней. Муж велел, чтобы все было самое лучшее, и дал денег на расходы на стол сверх обычной суммы. Гость любил поест и ел много, даже больше Са-

дыка. Амина видела, как быстро округлялось его лицо. Сафар много спал и много курил – днем в комнате наверху, а вечером на веранде.

Садык переселил жену и детей в нижний этаж и приказал, чтобы дети забыли дорогу наверх – нельзя мешать гостю.

Амина еще больше похудела и очень устала. Рано утром она спешила на базар за покупками и возвращалась домой почти бегом: ее мучил какой-то безотчетный страх. Дома приходилось беспрерывно стирать и готовить. Прихворнул младший сын.

Когда Амина поднималась наверх, чтобы убрать в комнатах и на веранде, Сафар молча сторонился и не обращал на нее внимания. Хорошо, что он не говорил с ней, Амина не могла себе представить, что он может ей сказать и что она должна ответить, чтобы Садык потом не рассердился. Но молчание делало присутствие гостя еще более гнетущим...

В калитку постучали. Амина поспешно сбросила паранджу и открыла. Незнакомый человек спрашивал товарища Исмаилова, и она позвала мужа. Амина знала, что когда приходят к мужу, она не должна торчать поблизости, поэтому ушла, как только Садык спустился во двор.

Дворик был маленький, и дверь в комнату, где сейчас помещалась Амина с детьми, осталась полуоткрытой. Женщина слышала все слова, которыми обменялись ее муж и посетитель.

– Тургунбаев поручил мне спросить, где персики, которые он вам дал? – спросил незнакомый человек.

Муж не сразу ответил, и посетитель переспросил:

– Персики! Вы меня не понимаете? Я говорю о тех персиках, которые вам дал Тургунбаев сегодня, когда вы у него были.

– Персики... – сказал Садык тихо. – Которые подарил Тургунбаев? – произнес он уже громче. – А! Мы съели их. Отличные персики, – закончил он уже обычным голосом.

– У вас все благополучно? – спросил посетитель.

– Но что же может быть? – вопросом на вопрос ответил Садык. – Я вас не понимаю, объясните.

– У вас никто не болен?

– Нет.

– Хорошо, – сказал посетитель и ушел.

Амина слышала, как муж запер калитку. Но почему он не поднимается наверх?

Женщина выглянула во двор. Садык положил руку на задвижку калитки и не двигался. Амина видела его широкую спину, он стоял и стоял. Женщина испугалась и спряталась. Вдруг Садык тихонько засмеялся. Амина слышала, как он поднялся по лестнице.

«Что же это за персики?» – спрашивала себя Амина. Сегодня утром, когда она пошла убирать наверху, этот страшный Сафар держал в одной руке персик, а в другой какую-то стеклянную трубочку. И он сказал ей: «Женщина, ты придешь позже». Потом забегал Хамидов с небольшим чемоданом.

Через черное покрывало Амине было не так хорошо видно, но Сафар хотел спрятать от Амины то, что было у него в руках, потому-то она и рассмотрела персик. А руки у Сафара были, кажется, в перчатках.

Сейчас приходили от Тургунбаева и спрашивали о

персиках. Если бы Садык был директором Плодоовощторга... Но его магазины не торгуют фруктами. «При чем тут торговля, глупая? – возразила себе Амина. – Ведь это Тургунбаев дал ему персики!» Но то, что Садык взял себе подарок Тургунбаева, было для Амины настолько естественным, что об этом она не думала.

...Лабораторное исследование установило, что в доставленной Тургунбаеву корзинке были отравлены только шесть персиков в нижнем ряду и три – во втором ряду сверху. Остальные оказались безвредными.

Наутро поступили сведения о скоропостижной смерти Мохаммед-Рахима. Две нити связались в одну. Отравленные плоды ученому принес человек, оставшийся незамеченным. Его приметы описывались настолько сбивчиво, что нельзя было решить, тот ли это человек, который являлся к секретарю Тургунбаева, прикрывшись поддельной бумажкой, или другой.

Поиск по горячему следу не дал результатов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ключи рая

I

Веранда в доме Исмаилова освещалась слабой лампочкой. Исмаилов не спеша поднялся по лестнице.

– Кто приходил? – нетерпеливо спросил Хамидов.

Исмаилов не ответил. Он прошел в комнату, зажег там свет и посмотрел на себя в большое зеркало на дверце

платяного шкафа. Он был доволен собой, уважал свое лицо и фигуру. Выйдя на веранду, он присел рядом с Сафаром и спросил его:

– Ты уверен, что твой порошок хорошо действует?

– Попробуй сам, если тебе надоела жизнь.

– Приходили от Тургунбаева, – сказал Исмаилов. Он произнес эти полные скрытого смысла слова безразличным голосом. Сафар молчал. Хамидов дернулся и шепнул:

– Зачем? А? Зачем?

По мнению Исмаилова, Сафар слишком много считался с Хассаном. Пусть теперь Сафар увидит, что Хассан совсем не такой большой храбрец и значительный человек, каким кажется.

– Меня спросили, съели ли в моем доме те персики и не болен ли кто-нибудь.

Хамидов кашлянул, чтобы прочистить себе горло:

– И ты не полубопытствовал, Садык, почему это тебя вдруг спрашивают?

– Ты считаешь меня дураком, Хассан, – возразил Исмаилов своему другу. – Я деловой человек. Меня спросили, и я ответил.

Взвешивая предположения, мужчины надолго замолчали. После продолжительного размышления Сафар спросил:

– Кто видел, что Тургунбаев дал тебе персики?

– Его секретарь, он сам положил мне персики в платок, я не хотел к ним прикасаться.

– Кто-то другой попробовал тургунбаевские персики, – сделал вывод Сафар. – Если бы он сам их съел, его секретарь растерялся бы и не так быстро вспомнил о тебе, Са-

дык. Ведь Тургунбаеву персики дал не Хассан, а секретарь. На нем – тень, его заключили бы в тюрьму.

Опять наступила напряженная пауза, которую никто не хотел нарушить. Сафар спросил:

– Где ты взял персики, у кого? Купил где?

– Взял в саду у Суфи Османова.

– И этот Суфи тебя знает? Плохо.

– Нет, – возразил Исмаилов. – Я не совершил ошибки. Суфи мой родственник и обязан мне. Я давал ему деньги и выручил из беды. Он еще и сегодня не расплатился со мной.

– Хе, – презрительно сказал Сафар. – Ненависть должника сильнее уз родства. И гибель заимодавца – его радость. Поэтому ты ошибся, Садык. У нас есть время, пока Суфи не узнает о покушении на Тургунбаева.

– Этого он не узнает.

– Почему?

– О покушении будут молчать так же, как молчали бы о причине смерти. О таких вещах не следует рассказывать, а коммунисты умеют хранить тайну.

– Однако причину смерти собаки Мохаммед-Рахима не сумеют скрыть, и садовник тебя предаст, – настаивал Сафар.

– Не сможет, даже если захочет, – возразил Исмаилов. И он, тонко скрывая свое торжество, рассказал о сцене, разыгранной им в кабинете Тургунбаева.

– Да, – согласился Сафар. – Ты прав, и все, сделанное тобой, мудро. Даже если этот Суфи догадается, он не сможет ничего сделать тебе. А ты легко докажешь, что он доносит на тебя, чтобы избавиться от долга. Ты его опозоришь как клеветника. Мы можем думать о другом.

«Этот большой толстый человек, который любит празднo болтать, в деле умен и изворотлив», – решил Сафар.

– Итaк, – возобновил разговор Сафар, – нам мало одного врага, как Мохаммед-Рахим. Должны умирать правители городов, и люди должны обсуждать их смерть. Американцы говорят: это расшатывает основы государств.

Исмаилов и Хамидов ничего не ответили, и Сафар задумался. Учителя в американской школе объясняли ему и другим, что яд хорошее, но неверное средство. Его легко пустить в ход, но дальше он слеп и может попасть не тому, кому назначен. Но американцы указывали разные способы войны с помощью яда...

– Откуда берет воду Бохасса? – спросил Сафар.

– Из водоема, – ответил Хамидов, желавший принять участие в разговоре.

– А как туда поступает вода?

– Течет открытым арыком, как везде. Водоем чистят, и он не похож на наши старые хаузы.

– Ты говорил мне, Хассан, и ты говорил, Садык, что в Бохассе живут разные видные коммунисты. Пусть же меч ислама падет на их головы и на головы их жен и детей! – решительно сказал Сафар. – Хассан! Ты пойдешь. Ты опустишь в воду то, что я тебе дам. Этой же ночью! А теперь слушайте меня, правоверные!

И, желая подкрепить дух своих приверженцев, влить новое мужество в их сердца, Сафар прочел Хамидову торжественное напутствие:

– Мудрый и знаменитый мулла Шейх-Аталык-Ходжа и другие учителя ислама учат: спешите совершать дела веры.

Кто убьет одного коммуниста, тот войдет в рай. Кто двух лишит жизни – возьмет с собой жену, если захочет. Кто умертвит трех, тот введет всю семью и даже возьмет из ада родителей, если они не были удостоены милостью бога. А воин ислама, уничтоживший более трех коммунистов, будет принят в Эдеме как хозяин райских садов. Иди, Хассан! Населяй ад нечестивцами. Люди, вы совершаете великое в священном Аллакенде!

II

В пяти или в шести километрах к северу от городской стены Аллакенда с самаркандского шоссе можно заметить довольно высокую глиняную стену. Над ней густо поднимаются кроны деревьев; в их зелени тонет несколько крыш. К этому владению от шоссе под прямым углом отходит усыпанная гравием дорога.

Пройдя между заболоченными рытвинами, по которым бегают длинноногие кулики, посетитель увидит очень длинную служебную постройку и за ней выйдет на мощный двор, к высокому одноэтажному павильону, имеющему форму буквы «П». Это деревянное строение под штукатуркой. Его внутреннее убранство рассчитано на то, чтобы поразить посетителя роскошью и красотой: стены во всю высоту закрыты зеркалами.

Эту необычайную идею эмир заимствовал со стороны – по впечатлениям, полученным им в старом Петербурге, где он, вассал империи, как-то побывал не то с визитом, не то с поклоном.

Бывший властитель Аллакенда решил не только по-

вторить у себя «пленительные красоты» Эрмитажа, но и «превзойти пышность всероссийских самодержцев». И на зеркала было наложено деревянное кружево, выполненное знаменитыми узбекскими резчиками.

Странное, нелепое сочетание... Внешне скромный павильон внутри напоминает колоссально-увеличенную игрушечную шкатулку, свидетельствуя об отсутствии у хозяина вкуса, особенно если сравнить этот павильон со старыми памятниками зодчества, которыми так богат Аллакенд.

Но сад действительно богат. В нем много фруктовых деревьев, много соблазнов для любителей сочных вкусных плодов аллакендской земли. Пылкая фантазия и страсть эмира не коснулись сада, он или забыл, или не сумел использовать картины Павловска или Царского Села. Деревья растут так, чтобы им было удобно плодоносить, а людям – собирать урожай. Это не парк, а крупное доходное хозяйство.

Ближе к юго-западному углу глиняной стены, окружающей сад, стоит двухэтажный дом, слитый с малой мечетью. Здесь, под непосредственным благословением бога ислама, раньше помещались эмир и его дворец – дом носил, конечно, звание дворца...

Прямо от южной двери «дворца» несколько ступенек ведут в большой водоем – хауз. Он глубокий и наполняется мутной водой из подводящего арыка. Ветер рябит широкую поверхность хауза, гоняет опавшие листья и не дает отстояться растворенной в воде почве. Вода так мутна, что, опустив в нее кисть руки, человек не увидит концов пальцев.

С двух сторон хауз окружен пустырем, с третьей к нему почти вплотную подходит зелень сада. Здесь среди деревьев сохранилась деревянная вышка. На ней когда-то любил отдыхать последний эмир – Сеид-Алим-Хан, погружаясь в размышления о стеснительной власти русских, о посулах англичан, о дворцовых интригах и об источниках увеличения доходов. С вышки хорошо видны Аллакенд и его ближайшие окрестности. Кроме дальних видов, эмир мог развлечься и ближними, наблюдая, как его рабыни купаются в хаузе.

В свое время все это было воспето продажными поэтами, воспитанными в аллакендских медресе. Доходный фруктовый сад именовался Эдемом, достойным мусульманского владыки. Игрушечный павильон, жалкие дома и другие постройки назывались роскошными, перед ними якобы бледнели дворцы Аллахабада, Дели, Агры, Джейпура. Несчастные невольницы, купавшиеся в грязной воде хауза, который служил и для водопоя животных и для всех хозяйственных нужд, прославлялись как жемчужины среди гурий рая.

Велика сила каждодневно повторяемой лжи... И сегодня еще можно встретить человека, который скажет:

– О Бохасса, бывшая летняя резиденция эмира! Великолепие, величие!

Не так ли было и со многими другими сказаниями о величии разных владык, лживо вплетенными в истинную историю народов?

Теперь в зеркальном павильоне поместился филиал городского музея. Там хранятся произведения узбекских мастеров, возвысивших ремесло до подлинного самобытного искусства.

Неудобные помещения так называемого «дворца» и другие здания приспособлены под квартиры городских работников.

III

Потихоньку брел Хассан Хамидович Хамидов по спящим улицам древнего священного города. Чтобы не выделяться в темноте, он облачился в темно-серый костюм.

В кармане Хамидова притаилась толстая пробирка, тщательно укутанная в вату и шелк; пробирка была заткнута пробкой, пробка залита прочной тугоплавкой смолкой. В другом кармане Хамидов припас кожаные перчатки и шило. Хорошо бы иметь и резиновые перчатки, но для этого следовало зайти в аптеку...

Хамидов боялся своей ноши и все время старался лучше ее устроить в кармане. Ему все казалось, что он может споткнуться, упасть и раздавить пробирку. Смерть вылезет из своей хрупкой клетки, и он окажется с ней с глазу на глаз. Что делать тогда?

Сафар сказал название страшного порошка. Трудное слово: натибелин, анитрольбин, ниробалин? Хамидов не мог уж теперь припомнить, да и что толку вспоминать.

«Хорошо живется на свете верующим, как Сафар. Им тепло...» – размышлял Хамидов. В трудные минуты он испытывал зависть к тем, кто верил в истины, изложенные в коране. Но у него самого от прошлого оставался лишь скудный багаж случайных суеверий. Он огорчился, если приходилось увидеть первый молодой месяц через левое плечо – это была дурная примета, она означала, что до

следующей молодой луны самые дорогие дела, денежные, будут неудачны. Поэтому Хамидов, подобно верующему мусульманину в вечера голодного поста Рамазана, подстерегал узенький серпик и умел бросить на него первый взгляд через правое плечо.

Чтобы узнать, ждет ли удача, следует плюнуть сквозь сложенные колечком большой и указательный пальцы. В этом гадании Хамидов достиг совершенства, но сейчас не рисковал. Идти нужно обязательно. Таков приказ, и будет очень неприятно, если при гадании получится отрицательный результат.

Городская крепость Арк высилась тяжелой черной горой. Ночью почти не различались торчащие из покатых стен Арка расщепленные временем концы деревянных балок. Вверху, на широких террасах, среди бывших жилищ эмира и его приближенных – ныне там помещался городской музей – горели неяркие фонари. От их света стены Арка казались еще чернее. Налево от крепости стояло здание обкома. Многие окна в нем были освещены.

– Обсуждают, наверное, покушение на Тургунбаева, – подумал Хамидов. – Посмотрим, что и кто будет обсуждать завтра...

На площади не было ни души. Хамидов опять вспомнил о свертке в кармане и завернул его дополнительно в носовой платок. Он досадовал на свой страх: ведь сегодня, разнося отравленные персики, он ничего не боялся!.. «Ты несешь с собой силу, способную убить тысячи и тысячи человек», – вспомнил он слова Сафара. Черт бы его побрал, хорошо ему с его верой в рай! Нет, каждый день жизни, когда человек не получил наслаждения, потерян безвоз-

вратно, после смерти будет уже поздно. Проклятие Сафару! Не мог послать Исмаилова порастрясти жир. Садыку больше везет в жизни, чем ему, Хассану... Как видно, такова уж судьба.

Постепенно Хамидов осваивался. Пробираясь по мощеному боковому переулку к северному выезду из города, он шагал более уверенно. Он размышлял о населении бывшей летней резиденции эмира. Хамидов знал в лицо и по имени почти всех живущих там городских работников. Не хотел бы он сейчас быть на их месте!

Хассан Хамидов всегда любил потешиться мечтами. В детстве он усиленно разыскивал волшебную птичью косточку, которая делает невидимым того, кто возьмет ее в рот. Можно пойти в магазин, схватить деньги в кассе и уйти. Юношей он придумывал способы быстро разбогатеть, приобрести хороший дом, автомобиль не скучным трудом, а как-нибудь иначе.

Благодаря удачному содружеству с Садыком Исмаиловым у Хамидова скопились большие деньги, но что в них толку? Развернуться нельзя. И пора сделать перерыв, если не кончить совсем, — ведь нельзя же бесконечно рисковать!

Хамидов был уверен, что он родился или слишком рано, или слишком поздно. Он и сам не мог бы сказать, когда его мечты о личном обогащении переплелись с ненавистью к советской власти. Во время войны он искал в газетах и слухах одного: известий о победах гитлеровских армий. В сорок первом году, ликуя, он подсчитывал ресурсы гитлеровского государства, изучал на картах захваченные территории и негодовал на немцев, не сумевших с такими силами сразу взять Москву и победить одним ударом.

Вместе с Измайловым Хамидов вспоминал старые стремления германских империалистов на Восток, ныне возрожденные Гитлером. Желая близкого крушения советской власти, приятели уверяли себя в том, что Аллакэнд приобретет особое торговое значение на сухом пути в Индию.

Лето тысяча девятьсот сорок второго года Исмаилов и Хамидов провели в нетерпеливом трепете, в ожидании «решающих» побед Гитлера. Более горячий Хамидов сам распускал слухи о выходе гитлеровских войск на каспийское побережье. И он тогда считал себя не лжецом, а пророком!

IV

За проходом в городской стене легла прямая, широкая, хорошо асфальтированная дорога. Из-за горизонта вылезала громадная красная луна. Она желтела, все ярче освещая окрестности. Длинная угольно-черная тень упала от ног Хамидова и, неразлучная, потянулась по пустынной дороге, указывая на Бохассу. Голая соленая земля блестела под лунными лучами. Тени отдельных деревьев лежали мрачными пятнами. Извилистые выступы берегов магистральных каналов, глиняные стенки на полях и холмы превратились в серые шатры. Звуки шагов Хамидова преувеличенно гулко отдавались в его ушах. Возбужденный, он часто оглядывался, но дорога оставалась пустынной, он был один.

Он шел неровно, то ускоряя, то замедляя шаг. Днем ему приходилось проезжать по этой дороге. Ему, как банковскому работнику, нередко случалось участвовать в разных комиссиях, назначаемых областными организациями для

ревизии районных. Недавно Хамидов побывал в колхозе «Свет Востока», где между делом украл на всякий случай несколько бланков правления.

Но пешком ему здесь давно не приходилось ходить, и он с любопытством оглядывался по сторонам.

У Хамидова была любимая книга, где описывалось, как герой нашел в тайных пещерах средиземноморского острова колоссальные богатства. Хамидов соображал, сколько же сокровищ должна хранить земля кругом старого города, в котором тысячу лет копились деньги! Банков и бумажных денег не существовало, все прятали ценности, как умели, в землю. А сколько владельцев погибло в бесконечных смутах, унося с собой тайны кладов! Эх, сделать бы изобретение, какой-нибудь особый прибор...

Справа от дороги появилась смутная масса с черным верхом и выбеленной лунной линией стены. Хамидов увлекся и проскочил дальше, чем нужно: арык, питающий Бохассу, подходил к ней с юга, со стороны города.

Хамидов вернулся назад, выбрал удобное место, перелез через кювет и пустился к востоку от дороги. Он помнил, что вводной арык исчезал под южной стеной Бохассы.

Ноги Хамидова уходили по щиколотку в сыпучую и пухлую солончаковую почву. Выпоты солей блестели белоснежным инеем. Наконец широкий канал преградил дорогу. Не тот ли это, что нужен?

Насыпь, образованная выброшенным на берега илом при чистке дна, привела Хамидова обратно к шоссе. Канал уходил под мост. Отсюда Хамидов попытался высмотреть отвод в Бохассу. Только сейчас он понял, что не так-то просто разобраться в разветвлениях водопроводящей сети

между городом и Бохассой. Следовало бы заранее изучить место...

Был безошибочный способ – обойти вплотную стены Бохассы. Но Хамидову было трудно решиться на такой шаг, ночь для этого была слишком светлой.

Он сделал еще попытку, начав от другого места шоссе, но опять уперся в широкий и, видимо, глубокий арык. Дальше вода разливалась, образуя болото...

Хамидов пошел вправо и остановился перед новым арыком. Куда в нем течет вода? Он смял кусок бумаги и бросил. Белое пятно осталось на месте, точно течения не было совсем. С берега звучно плюхнула в воду затаившаяся лягушка. От неожиданности Хамидов вздрогнул и выбранился. По воде пошли круги, бумажный комок шелохнулся и поплыл в сторону от Бохассы.

Что же делать? Простое дело в действительности оказалось неожиданно сложным и трудным.

Хамидов решил было пробиться поближе к Бохассе напрямую через арыки. Но берега их круты – туда попадешь и не выберешься. Кроме лягушек, там могли оказаться и змеи, а Хамидов, сильный и ловкий мужчина, не умел плавать...

От злости он собрался выпустить содержимое пробирки в последний, помешавший ему арык. Хамидов надел перчатки, взял шило, чтобы вытащить из пробирки пробку, но опомнился. Так можно отравиться и самому, если пустить яд по всему городу.

Хамидов решил дойти по дороге до въезда в Бохассу, обогнуть кругом стены и найти ввод. Но, дойдя до поворота с шоссе на Бохассу, он как-то неожиданно для себя самого запнулся и пошел обратно, к городу!

Но что же сказать Сафару? Хамидов опять запнулся и после некоторых колебаний понял, что сегодня он больше не может. Идя к городу, он строил план своей защиты перед Сафаром. Он скажет, если не придумает ничего лучшего, что попросту не сумел ночью разобраться в путанице загородных арыков. Да, сюда следует прийти днем на разведку, чтобы потом действовать наверняка с наступлением темноты и до восхода луны.

Хамидов сложил пальцы колечком и плюнул. Хотя рука сильно дрожала, гадание удалось. Итак, до завтра, вернее, до вечера, так как уже начиналось утро... Он почувствовал такую усталость, что едва волочил ноги.

V

Сегодня товарищи находили, что Суфи Османов был сильно не в духе. Он работал молча, что отнюдь не входило в его привычки. Вынимая шкурки каракуля из чана, перенося их на стеллаж и аккуратно расправляя, Суфи мысленно беседовал с собой. Один раз он так забылся, что замер, глядя на что-то остановившимся взором.

– Смотрите-ка! Османов прицелился! – крикнул один из рабочих. – Эй, Суфи! Что с тобой? Ты увидел скорпиона? Хватай его! Лови!

Скорпионы водились в городе кое-где на пустырях под камнями. Недавно Суфи поймал сразу трех неподалеку от мавзолея Исмаила Самани и принес на завод, чтобы позабавить товарищей. В обеденный час скорпионов на общую потеху стравили с богомолами.

В дальних кишлаках еще и сегодня встречаются любители перепелиных боев, но эта старинная забава прихо-

дилась Суфи не по душе. Ему было противно ожесточение, с которым славные мирные птички наносят одна другой серьезные раны. Зачем заставлять их драться, скажите, пожалуйста? Тьфу, глупость! И даже совсем нехорошо, перепелки ведь никому не мешают! Иное дело – скорпионы и богомолы. Тут уж ничего не скажешь, пусть одна гадина ест другую! На здоровье! В тот раз самый крупный богомол был похож на Трумэна. Все согласились с Суфи. Было очень весело. Нашлись подходящие имена и для скорпионов.

Сейчас Суфи ничего не ответил товарищу и продолжал работать. По правде говоря, ему очень хотелось поболтать о своем замысле, удивить всех. Но он сдерживался: еще начнут отговаривать. Ведь люди постоянно так – до чего сами не додумаются, то для них кажется плохим.

Пусть решение Суфи было твердым, но ведь в каждом решении есть своя трещинка. Товарищи могут найти эту трещинку, помешают, смутят. Суфи хотел донести свое решение в целости.

В обеденный перерыв он отправился в отдел кадров.

– Салам, – сказал он заведующему. – Дай мне хорошей бумаги, я буду писать важное заявление.

Суфи присел на свободный стол, расставил локти, обмакнул перо, поднял его перед глазами, чтобы убедиться, что кончик чист, и начал писать.

У директора пришлось подождать – не у одного же Османова находится дело к начальнику. Очень серьезная минута, можно еще раздумать, уйти, и все останется, как было. Суфи сидел и смотрел в пол, собирая и расставляя нужные слова...

– Что же, товарищ Османов, – сказал директор, прочитав заявление Суфи. – Дело хорошее. Партия зовет специалистов на усиление сельского хозяйства. Слыхал я о вашем садике. Ваши таланты найдут применение. Придется вас отпустить. Желаю удачи. Поезжайте!

Османов ничего не ответил директору. Следовало поблагодарить – разве Суфи не умеет обращаться с людьми и не знает правил вежливости? Но он сердито молчал. Он ждал, что директор будет возражать, начнет уговаривать остаться на работе. Завод нуждался в людях, недаром на воротах висело большое объявление.

Директор писал резолюцию, а Суфи сидел и все больше и больше злился. Оказывается, его здесь совсем не ценили; его отпускают так просто, точно негодного работника или мальчишку!

На прощание Суфи все же тонко поблагодарил директора. Пусть не думает этот начальник, не умеющий ценить работников, что товарищ Османов какой-нибудь грубый невежа!

Передавая бумагу мастеру, Суфи задорно заявил:

– Сегодня я больше не работаю. И завтра тоже. Читай! Вообще больше не работаю. Сейчас иду оформляться в совхоз. Меня срочно ждут в вербовочной конторе.

О том, что его ждут, Суфи, если сказать правду, выдумал из желания хоть чем-нибудь отомстить директору за его безразличие. Но в вербовочной конторе он и в самом деле сумел себя показать. Суфи со всеми подробностями рассказал, как нужно сажать, прививать, подрезать плодовые деревья, как удобрять почву и поливать. Суфи дал себе волю и выложил все, что было приготовлено для директора.

Редкий человек, искренне увлекающийся своим делом, не сумеет интересно о нем рассказать. Без всякого умысла Суфи сразу расположил к себе уполномоченного по вербовке, более того, покори́л его сердце.

Суфи получил бланк договора с тем, чтобы не спеша познакомиться с условиями и подумать о них. Уполномоченный предложил Суфи явиться с трудовой книжкой и справкой с последнего места работы и крепко пожал ему руку.

– Придете завтра утром, мы сразу все оформим, вы получите аванс и... счастливого пути, товарищ Османов!

...Аванс хороший, почти полностью – остаток долга Садыку Исмаилову.

VI

Суфи гордо вышел из конторы и пошел по освещенной стороне улицы, сверх обыкновения не обращая никакого внимания на палящие солнечные лучи. Угрожающая трещинка в его решении бесследно закрылась. Теперь никто и ничто не сможет его разубедить, даже жалость покинуть свой изумительный садик. Смешно! Он будет теперь в большом, богатом хозяйстве разводить громадные сады, сделается, как некоторые другие, знатным человеком, настоящим мичуринцем, и уж там-то не напишут сразу на его заявлении обидное «освободить», если он вздумает поехать куда-нибудь в другое место. Не-ет, там его будут уговаривать: товарищ Османов, уважаемый, вы нам нужны, останьтесь, пожалуйста!..

После пережитых волнений Суфи мучила жажда, и он завернул в чайхану. Удобно устроившись на помосте, он наслаждался зеленым чаем и рассказывал случайному соседу, что уезжает на работу в лучший совхоз республики. Чтобы все знали и могли ему позавидовать, Суфи рассуждал громким голосом. Он заметил пожилого человека в белой чалме, который сидел поодаль и явно не обращал на него внимания. Тогда Суфи заговорил еще громче.

Он подробно рассказывал, как можно на корне одного дерева вырастить сразу два разных плода, грушу и яблоко например! Да, и совершенно без помощи бога... Можно вырастить и три! Наука! А вы слышали о Мичурине? Это вам не старая, никому не нужная, глупая мечеть! И не пророк Магомет, например... А вы слышали, что такое хлорофилл? В коране, например, об этом вы не прочтете!

Соседи улыбались, а ближний подталкивал Суфи локтем, поощряя его продолжать дразнить муллу, который сидел с неподвижным лицом, как глухой. Но Суфи вспомнил, что ему еще нужно попасть на завод, оформить документы и поговорить с товарищами.

Путь Суфи шел мимо конторы, где сидел Садык Исмаилов. Суфи вздумал было забежать и сказать, что завтра он вернет почти весь остаток долга. Садык все же помогал ему, и Суфи готов был простить Садыку досадный случай с персиками.

Но времени уже не оставалось.

На заводе Суфи всем рассказал о великом событии в своей жизни, звал товарищей с собой и говорил, что вербовщик – его друг, что было не совсем хвастовством.

Дома Суфи никак не мог остановиться говорить, он

даже первый раз в жизни подавился пловом. А жена? Ох, уж эти женщины! Она, представьте себе, так и сказала: «Я знала, мой Суфи, что ты кончишь этим. Разве такой сад достаточен *для тебя?*»

Разговоры продолжались до поздней ночи. Все было предусмотрено – и когда приедет жена с детьми и на кого оставить на время дом и сад... Потом Суфи признался, как взял деньги у Садыка и как скрывал это от жены. Было еще много слов, и жена сказала: «Мой глупый Суфи!» Это совсем не было обидно...

Перед сном жена нашла время сказать:

– Ты не слыхал? Умер Мохаммед-Рахим.

Настроение Суфи сразу померкло.

– Ай, ай, ай, – загоревал он, – такой человек умер, такой человек! Совсем не старый, совсем молодой, какой умный, добрый, ученый. Никто о нем плохо не говорил. Эх, злая судьба!..

– Люди говорят, – продолжала жена, – что он умер из-за того, что поел персиков.

– Базар врет, базар всегда продавал с одной маленькой правдой три большие лжи, – возразил Суфи. – Разве базар не отдавал во время войны Гитлеру и Москву и Баку?.. От вишен может заболеть живот; нельзя сразу есть много абрикосов, а яблоки, груши и персики – можно. Плохо бывает от зеленых, но разве Мохаммед-Рахим стал бы есть зеленые? Но и от зеленых никто не умирал, даже паршивые мальчишки, которые ломают ветки, чтобы украсть твердые как камень фрукты.

– Не в том дело, мой добрый Суфи, – возразила жена. – Говорят, что персики были отравлены...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С птичьего полета

I

Каких только имен не носят людские поселения! Хорезм, или точнее Шах-Резм, – значит Воинственный. Воинственными были город и государство Хорезм. Они исчезли, побежденные и разрушенные сильнейшими именно в те годы, когда Шах-Резм достиг, казалось, своей наибольшей силы... Такие примеры не единичны. Недавно на глазах людей XX века произошли не меньшие крушения. Воинственность – плохая основа государства и зыбкий фундамент для городских стен. Ведь это про судьбу завоевателей сложено мудрое народное изречение: «Торжество насилия и падение идут рука об руку».

Мирно живет под мирным именем город Китаб – Книга. Вблизи него расположился Шахрисябз, или Шехри-сэбз, – Цветущий. Китаб не похож своими улицами и домами на книгу, но Шахрисябз действительно цветет прекраснейшей растительностью и еще более прекрасными памятниками древней архитектуры. Однако много садов и цветов в городе Гузаре, и жители его ничуть не грустнее других, хотя некоторые переводят древнее, непонятное слово Хузар как Гуть-Зар, что значит – Сама Печаль.

Небольшое селение, расположенное в устье широкой горной долины, носило имя Чешма-и-Хафизии, а чуть выше него приютилось второе – Дуаб. Чешма-и-Хафизии – значит Источник Певцов, второе же имя следует разбить на два слова – Ду, Аб – Два ручья, или Двуречье.

Если трудно, даже в большинстве случаев невозможно, восстановить обстоятельства, послужившие основанием для возникновения имен больших городов, то кто же сможет разобраться в отдаленном смысле названий двух маленьких, прижавшихся к горам поселений? Быть может, и вышли когда-то из нижнего поселения певцы, прославившие родину своим искусством, но память о них угасла. А в верхнем – течет один ручей, а не два; он-то и питает поля и сады обоих поселений.

Однако в имени Дуаб лежит несомненное воспоминание. Вода приходит и уходит. Был когда-то, наверно, и второй ручей... Будь и теперь два ручья, объединенный колхоз мог бы принять имя Чешма-Шехри-сэбз, то есть Источник Цветения.

Во времена эмирата население обоих кишлаков никогда не отличалось недостатками, и хотя бедность непривлекательна, все же порой каршинские беки обращали внимание на нищих дехкан.

Когда сегодняшние старики еще были детьми, один из каршинских беков – это не сказка, а действительное событие, – взглянув на двух белобородых старшин, которые доставили, ссылаясь на неурожай, менее половины причитающегося по корану налога, с грустью сказал:

– Увы, что делать с этими бедными людьми? – А потом, закрыв лицо рукой, вздохнул: – Уведите, я не могу *смотреть* на них...

По традиции арабских халифов, благочестивые мусульманские владыки не произносят жестокого слова смертного приговора.

Извещенные о судьбе старшин жители Дуаба и Чешмы

немедленно внесли недоимку: ростовщики взяли в залог дочерей дехкан. Это была разумная поспешность, потому что с той же грустью добрый бек мог сказать, что он не в силах смотреть на все население кишлаков.

В законах и в комментариях к ним сказано:

«Какой пастух держит овец, если они не дают ни шерсти, ни молока! Он должен поспешить взять их мясо».

«Настойчивость правителя, облегчающая сбор налогов, никогда не может быть названа жестокостью. Ибо своевременное поступление налогов укрепляет государство».

До революции жители двух маленьких кишлаков привыкли объединяться в пейкалы – традиционные для бедных содружества по совместной обработке земли. Сила бедных – в единстве! Так учили отцы, завещая детям единственное достояние – жизненный опыт.

В каждый пейкал входили восемь – десять хозяйств. Люди честно вносили пай – кто быка, кто осла или лошадь, а кто только руки. Отказа не было и такому. Все хотели жить и были обязаны кормить детей... Пейкал общими силами проводил вспашку и уборку, заботился о воде и всем прочем под начальством выборного пейкал-баши.

Всякий начальник, даже такой скромный, как пейкал-баши, обязан быть спокойным и терпеливым, памятуя старую мудрость трудящихся людей:

«Мир есть самое лучшее из всех решений».

Горяч был пейкал-баши из нижнего кишлака, вот и случилось тому назад лет тридцать пять, что в жаркую пору лета чешминцы напали на дуабцев. Дурная получилась схватка, тяжелый острый кетмень – страшное оружие в руках разъяренного дехканина, уверенного, что его поле засыхает по злой воле перехватившего воду соседа...

Ныне Чешма и Дуаб слились в один колхоз. Членам сельскохозяйственной артели и в голову не придет сражаться из-за воды. Расскажите им, что и теперь за горами люди убивают один другого за очередь на полив воды, они покачают головами, пожалеют несчастных, выразят надежду, что и тем не вечно страдать, но вы увидите, что для колхозчи ваш рассказ почти непонятен, точно вы говорите о событии, случившемся на Луне.

...В доме Шарипа Ишхаева, что стоит вторым от въезда в Чешму, живут гости. Они приехали с попутной автомашиной. Ишхаев, как полагается, предъявил документы своих родственников и друзей председателю колхоза, зарезал барашка, угощал гостей кябабом и пловом.

Старшему гостю, двоюродному брату Шарипа, как о нем было сказано председателю колхоза, лет пятьдесят, что и видно по сухой, жилистой фигуре, чуть согнутой в плечах, и по глазам в сеточке мелких морщин. Зовут его Исхаком. Племянникам Ахмаду и Исмаилу лет по тридцати, они сильные мужчины, в цвете лет. Четвертый, Юнус, недавно вышел из юношеского возраста, но уже крепок и, как видно, силой не обижен.

Уборка зерновых хлебов была уже окончена, а коробочки хлопчатника еще не раскрылись, поэтому Ишхаев второй день свободно проводил со своими гостями и родичами. Много ели, много пили. Но за стенами, окружавшими усадьбу Ишхаева, было тихо: ни заунывных звуков двухметрового медного карная, ни песен. Доносился только глухой бой бубна.

Коран запретил мусульманину пить перебродивший сок виноградной лозы, но в нем ничего не сказано о хлеб-

ной водке, о курении опиума или гашиша-анаши, зелено-коричневого сока индийской конопли. Мало кто считался в Чешме и Дуабе с указаниями корана, а водкой сельский кооператив торговал слабо. Среди узбеков хранится врожденное убеждение против пьянства. Два литра купил в сельпо Ишхаев, и то продавец шутил:

– Зачем так много? Ой, Шарип, берегись, сам пьяный будешь, гостей напоишь, головы заболят, пожалеете.

Знал продавец, что сам Ишхаев выпить не прочь.

Ишхаев вышел за ворота своего дома и остановился на улице, безразлично глядя в степь, мимо стены следующего и последнего дома кишлака.

А все же водка действовала на голову. Ишхаеву вспомнился августовский день двадцать второго года, молодость. Конь у него был кровный туркменский, злой же-ребец. Красных было всего два эскадрона, может быть три. А у Энвер-паши тысяч пять всадников, как цветами пят-навших степь яркими халатами. Эх, не будь у красных пулеметов... Ишхаеву пришлось быть рядом с Энвером, и чуть не первым увидел он, как поползло с коня вниз про-битое пулей тело паши.

Но ушел Ишхаев и немало еще погулял басмачом, прятался, ускользал и опять был в седле. Только в тридцать втором году успокоился окончательно, сумев скрыться от красных после разгрома Ибрагим-бека. Сначала осел в Карши, потом сюда перебрался, женился. А ниточку все же за собой тянул. И вот его вспомнили...

Все, что сейчас Ишхаев видел перед собой, он знал до мельчайших подробностей. Вправо в степь отходил глубокий овраг. Недавно в колхозе побывали трое изыскате-

лей, и пошли разговоры, что когда-то по долине протекала река. Нет, эту реку люди сами выдумали, глядя на сухое русло. Какие тут реки! Так, лет тысячу рыли степь зимние воды, вот и нарыли.

Медленно ворочал Ишхаев тяжелые, тошнотные мысли. Если бы умел человек забыть прошлое, не познавать настоящего и не думать о будущем! Но во всем утверждается воля вечного, утешал он себя.

Ишхаев глядел на надоедливо-знакомую границу возделанной земли, начерченную вытянутой ниткой тополей. За ними была степь – скучная, никому не нужная пустыня. Вдали по дороге бежали клубы пыли. В кишлак шли несколько автомашин. Едут посторонние. Ишхаев знал, что все три колхозные автомашины были дома.

Вскоре передняя машина вынырнула из-за стены и прошла мимо. В кузове лежали какие-то большие предметы. На покрывавшем их брезенте сидели двое – узбек с короткой бородой и русский, бритый, в выцветшей фуражке. Ишхаев узнал их – те самые изыскатели, что недавно посетили кишлак.

Автомашина остановилась в другом конце улицы, перед домом председателя колхоза. Одна за другой к ней присоединились еще четыре, нагруженные отесанными столбами и железными брусками.

А не приехал ли и тот человек, которого ждали его четыре гостя? Здесь никто не откажет подвезти попутчика.

Ишхаев ждал минут пятнадцать, сидя на корточках в тени стены. Нет, еще не приехал. Ему опять было тошно и скучно. В его дни люди были смелее. А эти засели у него, потому что в Карши один его друг, бывший мулла и быв-

ший басмач, как он, побоялся их держать и прислал сюда. На все воля бога... По крайней мере гости – настоящие мусульмане.

II

Землетрясения по-разному влияют на источники. В одном из больших среднеазиатских городов после разрушительных для зданий толчков стало больше воды. Водоносные слои приняли более выгодное для людей положение.

Ефимов, Фатима и Ибадулла должны были обнаружить следы того старого землетрясения, о котором рассказала мраморная доска в умершем городе.

Ибадулла не забывал профессора Шаева. Этот удивительный человек жил на свете, по-видимому, только для того, чтобы добывать воду для родной земли. На своей большой карте Шаев заранее обвел Чешму и Дуаб зеленой пунктирной линией. Провожая сюда изыскателей, Шаев шутил, по своему обычаю:

– Когда найдете свою реку, мы поставим там не доску, а целую мраморную глыбу и напишем на ней настоящие слова о партии, о дружбе народов, расскажем, как искали воду и как ее нашли... Да, да! Мы напишем эти слова по-узбекски, по-русски и по-арабски. А внизу скромно мелким шрифтом три имени...

Ибадулла испытывал искреннее влечение и нестыдную зависть к узбекскому ученому. Шаев был лет на шесть, самое большее на восемь старше его. Но он не терял времени на изучение бесполезных наук в медресе, поэтому,

знает нужное и умеет действовать. По усвоенным до сих пор Ибадуллою понятиям, такой сановник, как Шаев, распоряжающийся многими людьми и большими деньгами, должен быть гордым, недоступным, с односложной, резкой и повелительной речью, как англичане и высокопоставленные мусульмане. Но профессор Шаев был так же прост, как инженер Ефимов.

Известия о воде приходили к Шаеву со всей страны, и он знал все: сколько сегодня выпало в горах снега и дождя, где кончается каждый ледник, каковы уровни воды в верховьях каждой реки, где вырыли новый колодец, даже такой ничтожный, что за целый день из него едва можно напоить две или три сотни овец. Шаев считал, складывал. Итоги увеличивались.

— Мало, мало воды, — говорил Шаев. — И все же настанет время, Средняя Азия сделается тем раем, мечту о котором подхватил Магомет у кочевника сухой Аравии. Не чудом, а наукой и индустриальной мощью Советского Союза.

Шаев говорил о разработке перспектив, о плане, по которому русский Енисей придет на земли узбеков, туркмен, казахов.

— А пока будем собирать воду. Нам дорог каждый ручеек, каждый колодец. Пусть увеличивается влажность воздуха, пусть пополняются запасы льдов в горах...

Прощаясь, Шаев извинился перед Фатимой и Ефимовым и отвел Ибадуллу в сторону.

— Брат, — сказал он, — ты моложе наших друзей знаниями, учись у них не стесняясь. Но возрастом ты старше их на годы, а драгоценной наукой жизненного опыта, мо-

жет быть, в несколько раз. – Шаев глядел строго, он взял Ибадуллу за руку. – Ты узбек. Это слово значит, как тебе известно, свободный человек, человек, который сам себе хозяин, благородный человек. Будь и дальше верным другом и береги наших молодых друзей...

III

Дека у камачи небольшая, зато гриф длинный. Струны стальные, по ним водят смычком из конских волос.

Люди сидели в колхозной чайхане, передавая друг другу с вежливыми, изящными поклонами пиалы с теплым зеленым чаем.

Кончив куплет, певец – учитель кишлачной школы – умолкал и повторял мотив на камаче. Струны пели особым звуком, очень похожим на голос самого певца. Последний звук, извлекаемый смычком, певец сливал с началом следующего куплета.

Председатель колхоза Якуб Афзалиев устроил праздник в честь прибывших в кишлак гостей-изыскателей.

Колхозники расселись под толстым чинаром. В середине на ковре был разложен достархан – угощение из фруктов, конфет, пшеничных лепешек, дынь, арбузов. Всего много, и спешить некуда.

Афзалиев был озабочен: в районе колхоза предстоят большие работы. Изыскатели привезли разные строительные материалы для сооружения буровой вышки, будут бурить и искать воду. Это очень хорошо, от этого теплее на сердце. Райисполком прислал письмо: нужно оказать содействие. Письмо – это форма, он понимает. Сейчас он даст

хоть тридцать человек, половину всех работоспособных членов артели, люди не загружены, пусть зарабатывают деньги. Это не времена эмира, когда чиновники заставляли дехкан работать даром. Но такую работу можно было бы сделать и даром... Но если дело продлится до начала уборки хлопка?

Якуб не побоится затянуть уборку. Уборка – это сегодня, а новая вода – завтра. Руководитель должен смотреть в завтрашний день. И председатель колхоза соображал, как лучше организовать сбор хлопка с меньшим числом работников.

Подливая Ефимову свежего чая, Афзалиев призадумался о возможных последствиях находки большой воды. В объединенном колхозе всего шестьдесят один человек, откуда же взять работников для увеличенных угодий?

А учитель все пел и пел. Новый куплет понравился Афзалиеву и отвлек его мысли. Эмин хорошо поет, ничего не скажешь... С песней легче живется, ее не любит только безумец или такой злой человек, кто на весь мир смотрит с ненавистью и никого не любит, даже себя... «К чему заранее беспокоиться? – ободрял себя Афзалиев. – Была бы вода, а машины и люди будут. Ученые не ошибаются: здесь была река, это она прорыла овраг через пустыню».

И Якоб Афзалиев увидел себя большим мирабом, начальником воды. Здесь построят головное сооружение со шлюзами и электростанцией и поручат ему управление. Разве он плохой хозяин? И он будет справедлив, не обидит новые колхозы в бывшей пустыне, не забудет и свой.

Председатель бодро глянул кругом, заметил Шарипа Ишхаева и рядом с ним незнакомого молодого человека.

– Э, Шарип! – крикнул Афзалиев. – Сам пришел, а почему не всех своих гостей привел? Разве у нас мало места и мы бедны на угощение?

– Они устали, отдыхают, – ответил Ишхаев.

– Тогда я не обижаюсь, – согласился Афзалиев. – Ты хороший хозяин, гостя нужно так угостить, чтобы он не встал с места, – и сам принялся угощать изыскателей только что принесенным жирным рассыпчатым пловом. В земле, в обложенной раскаленными камнями яме, доходило главное блюдо – печенный в собственном соку баран.

Ибадулла обернулся на голос Ишхаева и заметил его соседа. Он где-то видел это лицо... Вспомнить не удалось. Слишком многих людей видел Ибадулла за последние четыре месяца, слишком много было новых впечатлений.

IV

Скучные лысые горы теснятся к долине, где пристроились Дуаб и Чешма. Очертания их мягкие, закругленные; камень сглажен, в редких местах, где склоны покруче, торчат белые и серые скалы. Лесов нет, встречаются лишь низкие поросли кустов шиповника и боярышника.

Весной горы зеленые, кусты стоят в белых и голубых ароматных цветах, оплетены вьюнком, который закрывает к ночи свои нежные колокольчики. Растения спешат. Проходит один месяц, и все смазывается коричнево-бурым и серым однообразием увядания. Так будет до первых осенних дождей, когда ненадолго оживет замершая в летнем зное скромная жизнь.

Как челнок ткацкого станка, ходил самолет над доли-

ной и горами. Машина летала выше и ниже, меняла направления. Точно устав, самолет опускался на ровную степь ниже кишлака, пополнял запас бензина и вновь начинал свою однообразную, настойчивую работу.

С высоты рельеф земной поверхности кажется другим, чем с уровня земли. Иначе ложатся тени, по-иному улавливаются и общий вид и его особенности. Направления ветров, их силу и постоянство советские исследователи Средней Азии прочли с самолетов на барханных песках. С самолета изучавшие пустыню нашли остатки некоторых древнейших городов. С воздуха можно было угадать и следы геологических потрясений, погубивших реку, вытекавшую из долины тысячу лет назад.

Под самолетом земля раскачивалась, поворачивалась, ходила кругами. Вначале Ибадулла терялся, будто самолет все время оказывался над новым, еще невиданным местом. Потом он начал запоминать складки, неровности, узнавал их, как черты лица знакомого человека. Осваивались глаза, все сильнее и ярче творило воображение. Ефимов уже видел, как создавался рельеф этой земли.

Когда самолет шел с юга, Ефимов несясь вместе с волной. Изгибаясь складками, она катилась, переливая землю, как воду, и гнала ее к северу. Там, далеко, видимые только с самолета, сверкали вершины горных цепей.

Потом самолет описывал полукруг, волны пропадали и находились вновь. А к югу, откуда, как казалось, пришла родившая их буря, лежала плоскость.

Долина Дуаба и Чешмы продолжалась расселинной-руслом. В бинокль можно было рассмотреть темную точку на желтом фоне – озерко среди мертвого безымен-

ного города. Солнце уже почти выпило озерко, и оно превратилось в большую лужу.

Менялось направление полета, и открывались другие движения земной коры. Они сжали складки, пытались переместить их, передвинуть, сломать. Местами эта работа была успешной.

Час за часом ходил самолет, и тайны земли открывались мысли человека. Обнимая Ибадуллу за плечи, Ефимов смотрел с ним вместе и проверял свои впечатления ощущениями другого человека. Ибадуллу сменяла Фатима.

Третий день с рассвета и до захода солнца они летали над долиной. Ими владело опьянение движением и работой воображения. Кусок земли под крылом – квадрат со стороны километров в пятьдесят – стал книгой, страницы которой читались и понимались.

Двое сменявшихся летчиков тоже увлеклись чудесной охотой за секретом земли.

Зарождающиеся мысли превращались в убеждения. На планшетах появлялись новые линии, вспыхивали горячие споры. Ибадулла тоже чертил, а порой и спорил. Ему стало легче говорить, он уже хорошо освоился с русским языком. Человек с отличнейшей памятью, он правильно употреблял технические термины. И, как раньше, он уступал Фатиме.

V

Гости Шарипа Ишхаева проводили время в неуютляющей их праздности. Младший, Юнус, часто брал в руки бубен и отбивал ритмы, как будто бы однообразные и однозвучные, но обладающие великой силой очарования.

Бубен бил: там, татата-там, там, там, там, та-там... И опять: там, татата-там...

Слушая, люди в такт покачивали головами и беззвучно вторили пальцами. Они бездумно опьянялись музыкой, как их предки многими столетиями. А над их головами носился самолет. Гул мотора то приближался, то затихал вдали.

Старший гость, Исхак, мог не шевелиться часами. Сидя на подвернутых под себя ногах, он едва заметно шевелил губами. Изредка поднимал глаза к небу, и только по этому движению можно было угадать, что он молится. И вдруг, точно очнувшись, начинал рассказывать. Бубен глож. Юнус чуть слышно ударял костяшками пальцев по натянутой ослиной коже, не мешая плавной речи Исхака:

– Жил нищий в великолепном Самарканде. С утра приходил он к южным воротам, открывающим путь в священный Аллакенд. По-разному просят милостыню у прохожих. Этот же всегда тянул руку со словами: «Подайте бедному», и вздыхал: «О, если бы я был правителем Самарканда...» Так он прожил многие годы, и никто не слышал от него других слов... Тамерлан покорил Самарканд, и ему рассказали о странном нищем. Великий хромец приказал привести его. Нищий был в лохмотьях, черен от солнца и грязи, от пыли и жира. «Вымойте его и облачите в одежды правителя», – приказал победитель мира. Нищий молчал.

Его отвели в баню, умастили благовониями, надели золотой халат, подпоясали драгоценным мечом и посадили на трон. Он молчал.

Все склонились перед ним. Сам великий кивнул головой, а он все молчал.

«Ты – правитель Самарканда. Твое желание исполнилось. Скажи же нам что-либо», – молвил Тимурленг. Нищий молчал.

«Говори же!» – приказал Бич Божий. И правитель Самарканда протянул свою руку в золотом рукаве и сказал: «Подайте бедному нищему...»

«Отрубите дураку голову!» – гневно повелел могучий.

Над кишлаком скользнул самолет. Он прошел низко, и грохот наполнил двор Ишхаева. Рассказчик умолк, и все подняли головы. Исхак продолжал:

– Некоторые говорят, что гнев Тамерлана был справедливым. Другие утверждают, что в словах нищего таилась глубокая мудрость. Кто знает? Передают, что, чувствуя горечь наступающей смерти, властитель мира произнес: «Не зная поражения, я победил всех. Я хотел завоевать весь мир, и немного еще мне оставалось сделать. Железо и яд были бессильны против меня. И вот я умираю. Что осталось мне? Ложе смерти делает равными всех. И меня и того нищего, кто хотел быть правителем Самарканда. Я исполнил его желание, и я же лишил его жизни. Но что дурного я сделал с ним и с тысячами тысяч других? Ничего, если рассудить. Они умерли немногим раньше, и только. Человек смертен».

Снова прошел самолет над двором Шарипа Ишхаева. Маленький, медленный. Гости Ишхаева видели и не такие самолеты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Покрытые плащом

I

Бодро пыхтел смонтированный на грузовом автомобиле дизель силовой установки. Его быстрое «тух-тух-тух» весело разносилось по долине. В клетке вышки, дрожа, вращалась штанга бура.

Километрах в трех с небольшим выше окраины Дуаба долину пересекала складка, как назвал ее Ефимов. Складка чувствовалась и на скатах берегов долины. Обследование с земли ничего не говорило, но у воздушного наблюдателя нашлись серьезные основания для размышлений. Вероятно, именно здесь прошла рваная линия сброса. Тысячелетие сгладило очертания, срезало острые края, засыпало провалы. Десять столетий – ничтожный срок для земной коры. Однако по долине проходили поверхностные воды с их быстрой работой, и надпись на мраморной плите служила драгоценной подсказкой.

Как многие молодые люди, Ефимов искренне считал, что настоящий человек должен обладать выдержкой, уметь обдумывать свои поступки и ничего не делать под влиянием минуты. Его давно влекла мысль о поездке на работу в Среднюю Азию. Он делал нужные шаги, но мало говорил о своих проектах. Лишь за неделю до отъезда Ефимов рассказал о них одному своему старшему по возрасту приятелю.

Тот не слишком долго думал, чтобы осудить намерения

Ефимова. Были перечислены непривычный и вредный для северянина климат, тяжелые условия полевой работы в чужой обстановке, незнание языка и главное – отрыв от Москвы. Лишь работа в центральном научном институте обеспечивает настоящее и будущее. Сорвешься, отстанешь, заленишься, говорил друг.

Замечание Ефимова о необходимости для молодого специалиста иметь стаж практической работы было небрежно отвергнуто: «А разве мы здесь, в институте, не ведем практической работы?»

Друзья расстались после довольно холодного рукопожатия. Сейчас Ефимов вспомнил своего друга с долей злорадства: «Хотел бы я посмотреть, что бы он делал на моем месте? Он, с его поговоркой – в сомнении воздерживайся. Нет, брат, в полевой работе как в бою. Нужно решать и делать, когда на тебя смотрят люди, а не тома чужих трудов, на которых некоторые строят свои научные успехи!»

Чужой климат? Ефимов научился наслаждаться бездонным азиатским небом. Ему уже не мешало злое, давящее солнце. Он полюбил древние памятники и желтую землю. И еще больше он полюбил грандиозный размах человеческого труда советских дней Средней Азии, и не могло быть ничего лучшего, чем его работа.

За право любить он расплатился потом и жаждой, сожженной кожей, дрожью в холодные ночи. Он переживал свойственное многим пришельцам с севера увлечение спокойным, изысканно-вежливым, мудро-гостеприимным народом. Счастливый, он встретил только руки друзей, и это навсегда останется для него щитом от неизбежных в

жизни огорчений и обид, которые уже никогда не перейдут в разочарование...

II

Ибадулла стоял у буровой вышки. «Способнейший человек», – думал Ефимов, глядя на Ибадуллу. Даже издали был понятен интерес, с которым Ибадулла наблюдал за работой. Вот он заговорил с мастером, показывает рукой...

«Спрашивает, – думал Ефимов. – А ведь какой был вначале связанный, необщительный. Теперь не тот стал человек, развернулся и больше не видит во мне чужого. Как приглядывается! Через две недели сам сможет бурить, если понадобится...»

Ефимов томился в ожидании. После проходки первых тридцати метров можно будет перенести вышку на новое место и начать сравнивать керны – образцы извлеченных буром горных пород. Ефимов не позволял себе мечтать, что бур может скоро попасть в водоносный слой. Терпеливое исследование грунтов, установление района сброса – пока не больше...

А вдруг вода здесь, под самыми ногами?! Чтобы не отдаваться праздным мечтам, Ефимов окликнул Ибадуллу: – *Давайте займемся на полчаса!*

Пользуясь свободными минутами, они проходили алгебру, геометрию, тригонометрию, начальную физику.

Сообразительность и память Ибадуллы поражали Ефимова. За один час удавалось пройти то, на что в средней школе уходит неделя. С первых же уроков Ефимов убе-

дился – это было еще в дни обследования сухого русла, – что усвоение отнюдь не было механическим. Ибадулла умел мыслить, а его память была как чистая книга, в которой написанное однажды оставалось навсегда. Как-то Ефимов сказал своему ученику:

– Память у вас изумительная. Помните, Шаев сказал о знаменитом путешественнике Пржевальском? Говорили, что Пржевальскому было достаточно один раз прочесть книгу, чтобы знать ее наизусть. Вы не пробовали так сделать? Испытать себя?

– Мою память много развивали, – отвечал Ибадулла. Сам он никогда не думал о своих способностях: он думал о годах, бесплодно потраченных на изучение корана и сложной казуистики толкований.

– Каким же способом развивали? – интересовался Ефимов.

Ибадулла неопределенно пожал плечами. Что он мог ответить?

– Это тяжелый способ. Очень тяжелый! Я никому бы не посоветовал. Он развивает память, это правда, – был вынужденный и уклончивый ответ.

– Вы говорите об изучении арабского языка? – догадался, как ему показалось, Ефимов. – Говорят, он очень труден, но почему же вы не советуете им заниматься? Помните у Шаева востоковеда Жаркова?

– У нас арабский учат, чтобы сделаться муллой, – вмешалась Фатима.

– Я не мулла, – улыбнулся Фатиме Ибадулла. Он редко улыбался, что делало его улыбку очень заметной.

– Я знаю, – ответила девушка, – мулла не стал бы искать с нами воду.

Ефимов заметил, что Фатима так смотрела на Ибадуллу, точно хотела еще что-то сказать, но удержалась.

«Странный все же иногда этот Ибадулла, – подумал Ефимов, – что-то в нем есть особенное...»

– Что же, займемся решением многоугольников, – предложил Ефимов. Ибадулла послушно развернул тетрадь у себя на коленях.

III

Ахмад скучал. Он часто вытаскивал свой нож и принимался его точить опытной рукой. Лезвие было острее бритвы бродячего цирюльника, который бреет головы без мыла, ограничиваясь смачиванием водой из ближайшего арыка, и никогда не царапает кожу. Но Ахмаду было все мало. Испытывая нож, он подбрасывал перо и пытался рассечь его на лету.

Ахмад был недоволен, и его недовольство разделял Исмаил. Они делились воспоминаниями о выселении индусов и о налетах на территорию кашмира, о благочестивой резне «почитателей коровы» в индусских деревнях.

«Долго ли сидеть без дела? Куда девался Сафар?» – с такими вопросами они приставали к Исхаку – старшему в отсутствие Сафара. Исхак терпеливо повторял наказ: ждать возвращения Сафара две недели, потом еще одну неделю. На двадцать второй день можно уйти без Сафара.

Исхаку не было скучно. Он наслаждался случайно выпавшим покоем. К чему спешить? Все будет так, как суждено, что бы ни старался сделать человек...

Запыленный и усталый вернулся с работы Шарип Иш-

хаев. Вымыв руки и лицо, он вытащил молитвенный коврик и опустился на колени. Это напомнило гостям о часе вечерней молитвы, и все, совершив омовение, приступили к намазу.

Шарип молился долго, уже все поднялись, а он продолжал простираться в ту сторону, где находились священная Мекка, черный камень Каабы и гроб пророка Магомета. Молитвенный коврик Шарипа был весь изношен, местами протерт до дыр. Ворса нигде не оставалось, и нельзя было угадать, что ковер был сплетен из черных и красных шерстяных нитей.

Большой ценностью и значением обладал молитвенный коврик Шарипа Ишхаева. Свидетель благочестия, он будет положен в могилу с телом хозяина и поможет ему войти в рай. Находятся богатые и хитрые мусульмане, готовые заплатить крупные деньги за такой ковер. Его сила так велика, что с ее помощью можно отвести глаза стражам дверей Эдема. И есть люди, которые нарочно заказывают коврики из самой слабой шерсти. Но коврик Шарипа – не такой...

Гости уважали хозяина и за его коврик и за его радушие. Настоящий мусульманин не должен признавать власть, основанную не на законах ислама. Лишь на время правоверный склоняет голову перед неверным владыкой. Бог сказал устами своего пророка в главе корана «Ночная звезда», в 18-м суррате: «Дай неверным дорогу, оставь их на некоторое время в покое». На некоторое время... Только на некоторое время – лишь до дня, обещанной пророком победы.

Но еще американцы предупреждали, что их ученики не

должны доверять каждому мусульманину. Шарип перебрал по пальцам все население Чешмы и Дуаба, рассказал о каждом человеке. Здесь есть несколько людей, чтящих коран. Но, Шарип качал головой, «если сказать им, они выдадут нас».

IV

Закончив моления, Шарип подсел к гостям. Жена не могла помешать им. Хотя женщина, как и все остальные, ходила с открытым лицом, двор Ишхаева был устроен на старый лад и разделялся на две половины: мужскую и женскую.

Шарип рассказывал:

– Мы рыли весь день, ушли глубоко. Рыть стало плохо, попадались камни, били кирками. Этот русский и узбек Ибадулла, да возьмет Эблис их души, умеют заставить работать, чтобы дело шло быстро. И их машина, сверлящая землю, тоже все время крутится. Нас поделили: одни роют, другие отдыхают. Люди стараются. Многие уже говорят, если будет вода, они откажутся от платы. Внизу земля стала сырая. А когда уходили, заметили, в самом глубоком месте набирается вода...

– Думаешь, вода будет? – спросил Юнус.

– Искать воду есть дело, угодное богу, – ответил Шарип. – Будет хорошо, если они найдут воду.

– Ты сказал, уже сырая земля? – переспросил Ахмад. – Если сырая, значит вода близко.

– Но они не так ищут, чтобы вырыть колодец, – ответил Шарип. – Девушка Фатима, которая с ними и тоже все

знает, рассказывала: тысячу лет тому назад здесь протекала настоящая река. Случилось землетрясение, река провалилась. Они хотят опять достать ее. Говорят, у них такой приказ от власти.

– Бог посылает землетрясение за грехи людей. Если милосердный уничтожил реку, искать ее – грех. Вечный накажет, – сурово и нравоучительно возразил Исхак. – Всемогуший управляет Солнцем, Луной, звездами, ветром и водой. Если он начертал в книге судеб погибель реке, нельзя искать воду на проклятом месте. Бог оставил тебе, Шарип, ручей, и благодари его за это.

– Но если они найдут все же воду и реку, о которой говорит Шарип, – вмешался Исмаил, – не будет ли это знаком, что всемилостивый разрешил реке вернуться на землю? Ведь без воли бога волос не падает с головы человека, а река больше волоса.

– Нет, – ответил Исхак, не соглашаясь с предложенной Исмаилом тонкостью, – Человек не должен и пытаться восстановить уничтоженное богом. Если бог захочет, он опять ударит землю, и река воскреснет. Нужно ждать. Невверные не хотят ждать. Мы находимся на вдвойне проклятом месте.

– Сколько этих людей, Шарип, – тех, кто приехал в кишлак вместе с русским? – спросил Ахмад, опять играя своим ножом.

– Их пять, вместе с ним.

– Кто они?

– Русский Ефимов, узбекская девушка Фатима, их помощник узбек Ибадулла, буровой мастер и механик-шофер – один таджик, другой казах. Остальные – наши кишлачные люди, которых назначил Якуб Афзалиев.

– А где эти пять человек спят ночью? – спросил Исмаил, следуя за мыслью своего друга Ахмада.

– Они были гостями Якуба. А потом поставили палатку на месте работы у вышки и спят там.

– А кто там есть еще? – возобновил расспросы Ахмад.

– Никого. Утром к ним приходят на работу люди от нас и из Дуаба.

– Это далеко от Дуаба?

– Около получаса ходьбы. А если идти тихо, то и больше, – неуверенно ответил Шарип. – Но чего ты хочешь? – спросил он.

– Чего хочу? Как и все люди – иметь заслуги перед богом, – холодно ответил Ахмад, пряча в ножны острый клинок. – Кто откажется совершить угодное богу? Разве я не прав, мусульмане?

– Но... – голос Шарипа прервался. – Но вы погубите себя и меня. Время спокойное, двадцать лет у нас не было басмачей, на которых могли бы подумать. За двадцать лет здесь не было ни одного убийства и даже ни одной кражи. Вы *посторонние*. Все падет на вас и на меня.

– Да, – ласково сказал Исхак. – Ты прав, Шарип, ты прав. Гость священен для хозяина, и хозяин священен для гостя. Ты можешь быть спокоен. Мы не избавим землю от этих коммунистов. Однако же... – и Исхак задумался. Он думал, что как ни хорошо здесь жить, но идет уже пятнадцатый день. А дело, предложенное Ахмадом, как раз такое, какое нужно. Быть может, его удастся сделать легко?

Шарип не отрывал глаз от лица Исхака. Ахмад и Исмаил ждали. Юнус весь превратился во внимание. Прошло несколько минут.

– Шарип, – обратился к хозяину Исхак, – ты нам рассказывал, что здесь есть коммунисты и безбожники, которым мы все желаем зла.

– Есть, Афзалиев, учитель Эмин, еще Хадимов, есть и еще...

– Достаточно, – прервал Исхак.

– Афзалиев, Хадимов... – проворчал Исмаил. – Мусульмане не должны иметь фамилий, это печать Эблиса на имени нечистого человека.

– Ты можешь свободно входить в дома этих людей, Шарип? – задал вопрос Исхак.

– Да.

– Ты пойдешь к ним. Ты сумеешь тайно взять их вещи. Нож, тюбетейку, что придется. Если сумеешь, бери халат. Подумай сам, оглядись в их домах. Ты понимаешь меня? Мы оставим их вещи в палатке или около нее. Тогда никто не подумает на нас.

– Зачем так, Исхак, зачем? – возразил Ахмад. – Ты хочешь, чтобы одни коммунисты ответили за других, и ты прав. Но подумай, могут *не поверить*, что одни коммунисты убили других. Нет, пусть лучше Шарип пойдет в дома дурных мусульман, которые молятся богу, а служат коммунистам. Пусть двоеверные отвечают. Так никто не подумает на нас никогда.

– Ты прав, – согласился Исхак.

Исмаил достал что-то и, шепча одними губами, подбросил. Все внимательно смотрели, как по твердой и чистой, как пол, земле двора Ишхаева покатился темный, неправильной формы камень. Когда камень гадания, ядаташ, остановился, все сказали:

– Хорошо!

– А что ты загадал, Исмаил?

– Сразу два вопроса. Удастся ли совершить это благое дело и не едет ли к нам Сафар?

– Вот почему так тяжело катился камень. Ты задал ему два вопроса сразу, – заметил Шарип. – Но ответ хороший.

Шарип опять развернул свой коврик и принялся молиться. Ахмад опустился на колени рядом, стараясь опереться на истертую благочестием шерстяную ткань.

Встали на молитву и остальные. Простираясь, они замирали и вновь поднимались, прося благословения на совершение дел, открывающих двери Эдема, где их ждали молчаливые и послушные девы, не похожие на требовательных беспокойных женщин земли.

Память Исхака была полна старых преданий. В сумерках он начал рассказ о прежних владыках, о кровопролитных битвах, о штурмах крепостей. Желания и чувства товарищей Исхака не отличались от желаний и чувств людей, о которых он рассказывал.

V

В бумагах историка Мохаммед-Рахима нашли наброски, относящиеся к событиям, послужившим основой для рассказа Исхака. Мохаммед-Рахим писал:

«Мне никогда не забыть первых впечатлений от посещения Карши. С вокзала я заметил на юге, приблизительно в одном километре, странный холм правильной формы с усеченной вершиной. Я взобрался по крутому откосу, покрытому пятнами ползучей колючки и гладкими плеши-

нами. Наверху оказалась просторная платформа, изрытая неглубокими ямами. Мелкие норы и нора какого-то большого зверя. Ходы в них завалились, следов жизни не было, я никого не потревожил.

С высокого, как трехэтажный дом, холма я смотрел на рассеченные арыками поля и плотные купы зелени в кишлаках. Я увидел еще один такой же, как этот холм, и еще один. А к северу, между вокзалом и городом, возвышалась неестественная, чудовищная масса земли, перед которой мой холм был карликом.

Новые мысли овладевали мной, я был взволнован. Внезапно я заметил камень, торчавший на четверть из плотной земли. Я не смог его вытащить, но разглядел высеченную на нем гирлянду полуovalов, подчеркнутую глубокой бороздой. Характерный и традиционный узбекский рисунок, как на ободке моей тюбетейки. Этот кусок серого узбекского мрамора был раньше, возможно, деталью карниза, венчающего башню. Больше – ни черепка, ни обломка кирпича.

На севере, километрах в тридцати, я различил отроги гор. Казалось, именно там следовало искать места для крепостей. Но я понимал: горы бесплодны, а ленивая власть хотела сидеть на плодородных полях. Из страха перед народом она стремилась подняться над полями, орошенными Кашка-Дарьей.

На вал главной крепости я забрался с трудом: круто, откосы тверды и гладки, уцепиться не за что. Наверху я наткнулся на мелкие окопы современного типа – напоминание о недавнем прошлом, о басмачах Энвер-паши или другого вожака байской шайки.

Между первым обводом крепости и вторым паслось стадо, я видел фруктовый сад, два белых дома. Через провал – место бывших ворот – проходил арык. Я преодолел второй вал и забрался в центр крепости, на внутреннее искусственное плато. Отсюда, как на плане, я обзирал систему укрепления.

Странный вид... Строитель придал валам овальную форму, не создал ни одного входящего или исходящего угла или бастиона. Вся его идея заключалась в том, чтобы как можно выше подняться над плоскостью степи и положиться на поистине несокрушимую толщу валов. Он не думал об активной защите. Да, это годилось лишь против легкой конницы. Крепость могла служить способом утешения, но защищать ее было невозможно. И все же, когда по земляным валам тянулись кирпичные стены, в середине возвышались тяжелые башни-цитадели, крепость казалась неприступной, а ее владыка – непобедимым. Против своих подданных... Теперь уже мощь крепости не могла меня обмануть.

Я мысленно подсчитывал объем уложенной земли. Миллионы тонн грунта. Но нигде не было ям, откуда могли бы вынуть такое количество земли. Этого и нельзя было делать, нельзя создавать болота – источники болезней. И я мысленно видел, как день за днем, годами вереницы ослов, верблюдов и лошадей в корзинах издалека тащили землю. Властители соскребали ее с поверхности руками рабов в соперничестве – кто выше поднимется над степью! Чудовищная работа, бессмысленная, как пирамиды Египта.

Я старался восстановить обстоятельства, при которых погибла крепость.

Предупреждая о набеге, столбы черного дыма поднялись с выдвинутых к югу малых крепостей. Хан приказал распахнуть ворота из толстых досок, соединенных в несколько слоев гвоздями со шляпками величиной в голову человека. Спасающиеся от набег жители окрестных селений устремились в крепость, теснясь в узких проходах. Всем раздавали оружие – толстые копья с древками из карагача или чинара, кривые мечи, длинные ножи, круглые щиты с медными бляхами на обтянутом кожей дереве, луки со спущенными для сохранения гибкости тетивами, крепкие стрелы с иззубренными наконечниками, смазанными салом.

Между тем нападавшие уже делали свое дело. До последнего луча дневного света запершиеся в крепости жители с отчаянием смотрели на гибель своего достояния. Над крышами селений поднимался дым, падали деревья, выращенные еще отцами. За валами гарцевали наездники, с бранью вызывая на состязание в силе и ловкости. Гудели тетивы. Вот один на земле. Из тела торчит пестрый оперенный конец стрелы. Нога другого осталась в глубоком башмаке стремени, и лошадь волочит вялое тело. Хан приказал наградить метких стрелков...

Но в толпах врагов мелькают и знакомые лица. Это те, кто не успел или не захотел укрыться в крепости и пристал к врагу. Как видно, не случайно говорит пословица: «Если враг напал на кибитку твоего отца, пристань к нему и грабьте вместе».

Нет, хозяин не отец рабу. В погоне за светлым призраком свободы человек готов сбросить старое ярмо хотя бы и с риском сменить его на новое...

Наступила ночь тоски и тревоги. Осажденные видели и светлое пламя пожарищ и тусклый огонь костров, разложенных из сырых стволов плодовых деревьев. В темноте напавшие казались еще многочисленнее, чем днем. На верхней площадке цитадельной башни, где хранились богатства хана, горели девять факелов. Багрово мерцали длинные огни привезенного из Персии таинственного сока земли. Их было видно на пятнадцать ташей – на сто пятьдесят километров. Подтверждая дневные сигналы дыма, сигналы огня говорили: «Повелитель Карши подвергся нападению. Дружественные правители, союзники, вассалы, вооружайтесь и спешите на помощь, иначе завтра, если будет угодно богу, вас постигнет та же судьба».

Пламя то поднималось прямо, то раскачивалось, и над людьми носились зловещие тени. Голосили женщины, плакали дети, тревожно ныли верблюды, тоскливо ржали лошади. Чужих, злобно выли тощие желтые собаки.

В питающем крепость канале не стало воды. Никто не мог помешать врагу отвести воду. Но в глубоких, обложенных камнем хаузах воды хватит на месяцы – зеленой, гнилой, таящей ришту, но все же утоляющей жажду. Есть ячмень, рис, пшеница, сушеные фрукты. Крепость кажется неприступной.

Перед полуночью глухие удары таранов в ворота известили о начале штурма. Освещая нападающих, защитники метали зажженные факелы. В толпу врагов плескали горячую смолу, с башен били стрелами и каменными ядрами из пращей. Враг отступил. Но уже с другой стороны звучали крики тревоги, и с третьей, и с четвертой. И опять тараны ударили по воротам. Защитники метались по тес-

ным, неудобным переходам, скользили на внутренних откосах валов. Стараясь быть везде, не различая слов команды, сбитые с толку ложными маневрами нападающих, они не могли угадать направления, откуда наносится главный удар...

Ни одного угла, ни одного бастиона... Ослепленный мечтой о внешнем, подавляющем воображение величии, строитель высоких стен предал защитников.

Ползучая пехота лезла отовсюду, и везде защитник оставался в единоборстве с нападающим. Все одинаково вопили боевой клич мусульман: «Яр-чар-яр!» – и призывали на помощь одного и того же бога.

С рассветом началась отвратительная резня побежденных. Уцелевших продали торговцам – ислам не признает за побежденными права на свободу. На рынках понизились цены на рабов.

Завоеватель разрушил все сложенное из камня, но кто мог бы разрыть и разметать горы земли! Впоследствии камень от крепостных сооружений пошел на возведение домов во всей округе. Бесполезные же земляные горы простоят еще столетия – неисчерпаемый источник для выделки кирпича...

Где-то в западном углу крепости мне слышались звуки оживленных детских голосов. Я пошел туда. Неожиданное зрелище в мертвом царстве! В ровной впадине между двумя валами мальчики по всем правилам, со строгим судьей, играли в футбол. Я присоединился к зрителям, которые, как на стадионе, разместились на удобных откосах. Но игрокам откосы мешали. Мяч сам возвращался в игру, на поле вспыхивали споры. Маленькие зрители вмешивались и, как везде, азартно кричали:

– Неправильно! Штрафной! Правильно! Судью долой!

Я опять взобрался на вал. С близкого вокзала донесся протяжный гудок. Отходил скорый поезд Сталинабад – Москва.

С высоты мне был хорошо виден освещенный заходящим солнцем город Карши, древний Нах-шеб. Он выглядел молодым, хотя был старше крепости. Открытый город, без стен. Его защита – не стены.

Солнце село, и внезапно стало холодно. А внизу меня встретило неожиданное тепло. Я точно вернулся из чужого холодного мира в мой, теплый.

Валы этой крепости еще и теперь очень высоки. Их построили по приказу хана Кебека, эфемерного владыки Каршинского оазиса, во втором десятилетии четырнадцатого века нашей эры – лет через сто после завоевания Средней Азии монголами и почти за пятьдесят лет до дней возвышения Тимурленга, известного также под именем Тамерлана и прочими, прозванного народами, как и многие другие властители, бичом Божиим...»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПРАВОЕ ДЕЛО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сила слабых

I

Все выше и выше уходили люди, незаметно поднимаясь по широким террасам предгорий. Становилось прохладнее. Вчера в воздухе появился особенный, поразительный для жителя равнины и ни с чем не сравнимый аромат Хималайев – Царства снегов.

И, однако, до снежных вершин было еще далеко...

Первый и весь второй день своего пути люди провели на широкой, белой от пыли дороге. Они шли и шли по мягким обочинам, опустив головы, смиренные, незаметные, молчаливые и ничтожные, – искатели заработка, потерянные в вереницах таких же бродяг, как они.

Начинались пологие возвышенности. Путники покинули большую дорогу и пошли по тропам, уводившим на подъемы. На пятый день тропинки растворились в лесах, и след человека исчез. Но люди продолжали упорное движение и без дорог. Мощная и грозная растительность окружила их. Деревья, как зеленые башни, поднимались на невероятную высоту. Между покрытыми морщинистой корой стволами теснились душные заросли высоких черных папоротников. Их сменяли леса из других, более низ-

ких, тоже громадных деревьев, с корявыми ветвями, покрытыми колкими палочками, похожими на иглы. Среди таких деревьев было легче идти, землю покрывала толща упавших с деревьев мертвых игл, и на ней ничего не росло.

Люди не знали названий деревьев, кустарников и трав. Здесь все было новым для них, этот мир был чужим, созданным для других. Так же как их отцы, деды и прадеды, они владели лишь опытом бедняка, навечно прикованного к неизбежному ежедневному труду. Их глаза привыкли к маленькому куску освещенной солнцем равнины, где находилось поле, к глиняным стенам узких переулков. С той минуты, когда ребенок первый раз встает на ноги, каждый из них изо дня в день ходил по одному и тому же месту, как ходит лошадь, запряженная в водоподъемное колесо. Они дышали знойным зловонным воздухом пыльного поселка, пили мутную воду из арыков, слышали одни и те же звуки. Таков был их мир.

Горы были бесконечно далеки от их мира. Они тянулись по горизонту и были как облака: такие же недостижимые, чужие, неведомые. Жители равнины лишь слышали о горах рассказы, похожие на сказки, и сказки, похожие на сны.

Из восьми только один бывал в лесах и горах. Он и вел за собой остальных.

Кроме посоха и скорлупы кокосового ореха, единственного и неотъемлемого имущества странствующего дивоны-дервиша, Эль-Мустафи нес тяжелый заступ, как несет на плече свою винтовку солдат. Бекир был вооружен тяжелой обоюдоострой киркой на крепкой узловатой рукоятке. У остальных шести было такое же оружие труже-

ников – заступы, кирки, тяжелые, остро отточенные кетмени. И еще они несли мешки с пищей, чтобы не умереть от голода среди величественной, но дикой и бесплодной природы гималайских лесов. Нести с собой воду не было надобности. Леса предгорий были богаты свежей водой. Среди заросших деревьями скал пробивались свежие ключи, прыгали по камням, звенели на склонах, журчали в долинах.

На кручах белой снежной пылью и радужным дождем сверкали водопады. Они разбивались на блестящих глыбах гранитов, гнейсов и базальтов – прекрасные, радостные, поющие о счастье.

Люди были сосредоточенны и мрачны. Их давили тревога и усталость. Жители жаркой равнины зябли в темной прохладе черного леса. Мрак ночи был страшен. Им мерещились дикие звери, готовые к нападению. Ночные шорохи, вскрики птиц, непонятные звуки тревожили их. В полусне люди жались один к другому, чувствуя свою слабость.

Однако они молчали и не делились своими страхами – они берегли мужское достоинство. Ведь они решились по своей воле, никто не приказывал им покинуть дом. Ни один из этих людей ни за что не признался бы в постыдном трепете, никогда! Они были свободными людьми, творящими свою волю, и прятали страх в глубине сердец, как нечто недостойное.

Никто из них не стал бы говорить ни о худшем, ни о лучшем: о страхе перед неведомым и смертью, таящемся в сердце каждого человека, или о тайнах любви к женщине и ребенку, вложенной в сердце каждого настоящего мужчины.

Они старались находить слова для шуток, в ответ на шутку звучал смех. На привале кто-нибудь развлекал товарищей забавными историями о нескончаемых похождениях Наср-эд-Дина, ловко дурачившего эмиров, губернаторов, мулл, беков, купцов, ростовщиков – словом, всех тех, кого не было и не могло быть среди этих восьми человек.

Иной раз они пели. Один выводил простую мелодию, а остальные ждали, когда будет нужно повторить припев. Песнь помогала идти, и песнь отгоняла диких зверей.

Голос человека несравненно слабее голоса зверя. Никто не может так крикнуть, как слон, зарычать, как тигр. Даже слабая птица издает более громкие звуки. И все же в отчетливом голосе человека скрывается великая сила. Старая легенда говорит: для зверя хорошо, что человеческий голос так слаб. Иначе жизнь зверя была бы нестерпимой, – он ни на минуту не смог бы забыть о существовании человека. Единственной защитой этих восьми человек был голос.

Ни одна страна в разнообразном земном мире не богата так дикими животными, как Индустан. Более ста тысяч человек ежегодно убивают звери и змеи Индии и Пакистана. Громадный полуостров плотно населен. Здесь живет почти пятая часть человечества. Звери могли бы потесниться...

Религии и обычаи полуострова, жестокие к людям, всегда покровительствовали зверям. Еще сегодня предрассудки запрещают вдове заключать второй брак, разрешают родителям умертвить новорожденную девочку, допускают оставить без помощи человека, умирающего от голода на улице или дороге у всех на глазах, ставят не-

проходимую границу между одной группой людей и другой. Такие же предрассудки сделали неприкосновенным зверя. Птицы и обезьяны разоряют сады. Их нельзя отогнать. Нельзя истреблять кабанов, пожирающих посевы. Нужно обойти стороной ядовитую змею. Запрещено убивать крокодила, подстерегающего прохожих у брода.

На зверя нельзя нападать, но сам он нападает. Есть злые звери, есть и добрые.

Однажды путь людей пересекся с дорогой слонов. Серые гиганты, раскачиваясь, прошли по пробитой их круглыми ступнями тропе, делая вид, что не замечают пришельцев. Попадались и другие, более опасные следы.

Мир бредущих в лесах людей был так устроен, что встреча с другим человеком могла оказаться страшнее всякой иной. Можно попасться на глаза сановнику, начальнику, владельческому хану, решившему позабавиться и позабавить своих английских или американских друзей охотой в горных лесах. Какое ему дело до нескольких бедняков, решивших, как они ему объяснят, испытать счастье и намыть несколько щепоток золота в горных речках, если это будет угодно богу.

Богу угодно другое, скажет сагиб, и придется таскать вместе с носильщиками вещи сагиба и выгонять дичь под выстрелы его друзей без всякой оплаты за потерянное время и силы. Да, совершенно бесплатно!

Такова трудовая повинность, обязательная для всех, кто находится во владениях любого господина. Ей подвергаются и лучшие люди, чем кучка нищих, замысливших искать золото там, где его нет, — так посмеется над ними сагиб.

Приближалась пора дождей, оставался еще месяц. Знатные господа не любят мокнуть в лесах, любители пышных охот уже возвращаются домой. Чем глубже в лес уходили восемь путников, тем смелее звучала их песня.

II

Навстречу людям из густой заросли неожиданно вышел зверь. Он сделал несколько шагов на мягких лапах с втянутыми когтями и остановился. Люди замерли.

Толстым длинным хвостом зверь ударил себя по боку. Он смотрел на людей круглыми желтыми глазами, и каждый человек видел, что тигр смотрит именно на него.

Все ниже опускалась тяжелая голова. Под полосатой шкурой выпячивались лопатки.

Тигр лег. Как проволочные, торчали его редкие усы. По сторонам закрытой пасти выставлялись концы клыков. Не отрывая от людей взгляда, он собирал свое жилистое тело. По его спине пробегала дрожь, вставала шерсть на хребте. Зверь подтянул под себя передние лапы. Мелкие толчки выдавали нарастающее напряжение задних. Тигр сокращался, как пружина.

Люди не бежали, они сбились в кучку и подняли кирки, заступы и кетмени, чтобы встретить нападение. Они тоже напрягали свои мускулы и волю, зная, что зверь прыгнет и кто-то уже обречен.

Эль-Мустафи выронил заступ и шагнул вперед, прикрывая собой других. Правая рука дервиша спряталась в лохмотьях халата, где был тяжелый пистолет морского образца. Пять шагов сделал дивона и остановился, не доставая оружия.

Человек и зверь как бы окаменели. Тигр так собрал тело, готовое к прыжку, что, казалось, не мог пошевелиться, а человек затаил дыхание. Бойцы, они испытывали один другого взглядом, примеряясь перед схваткой. Вдруг Эль-Мустафи протянул безоружную левую руку и отрывисто крикнул:

— Уходи!

— и-и-и... — отозвалось лесное эхо.

Как кнут, приказание ударило зверя. Тигр вздрогнул и ответил коротким, глухим ревом. Он сказал:

— Нет.

И так же повелительно дивона повторил:

— Уходи!

Тигр смолчал. Люди не могли видеть лица дивоны, они были за его спиной. Но они заметили, как глаза зверя превратились в узкие щели, как раздвинулась пасть и обнажились клыки. Инстинктивно, не сговариваясь, люди пошли вперед, сокращая расстояние между собой и дивоной. И опять замерли.

Медленно исчезало напряжение в мощном теле полосатого хищника. Он встал, повернулся к людям боком и, не торопясь, пошел в заросли. Отказавшись от боя, он, как воин, «сохранял лицо».

Эль-Мустафи сказал:

— Братья, тигр видел наше единство и не осмелился напасть на нас.

Голос дивоны звучал обычно, как будто совсем ничего не случилось, как будто в зарослях не было страшного зверя. Люди дрожали; опасность удалилась, но они только сейчас начали переживать ее во всей глубине.

Нельзя позволить, чтобы человек осознал себя трусом. И Эль-Мустафи спросил:

– Уж не думаете ли вы, братья, что тигр испугался моего взгляда? Нет, я не владею искусством чаровать зверей. В моей руке было готово оружие. Это вас испугался он, перед вами отступил он, братья!

Называя каждого по имени, дивона восхвалял храбрость товарищей, для каждого находил свое слово. Они соглашались: поистине, никто не испугался и все поступили, как храбрецы. Если бы тигр напал, он был бы уничтожен.

Люди улыбались, подталкивали друг друга локтями, выпячивали костлявые грудные клетки, распрямляли спины. Да, конечно, дивона понимал их лучше, чем они сами. Никто не подумал о бегстве, они сомкнулись, как воины, – и враг побежал!

Эль-Мустафи сказал, что цель уже близка. Дальше они пошли смелее, без страха прислушиваясь к смутным шорохам и шепоту жизни, окружавшей их и невидимо следящей за каждым их шагом.

На привале они вспоминали о встрече с тигром и о своей храбрости без самохвальства: каждый, умалчивая о себе, говорил о мужестве соседа. Проникаясь сознанием своего превосходства над силами лесных дебрей, пришельцы из равнин учились гордиться силой своего единства.

III

Высоко в горах лежит исток великой реки полуострова. В широком и диком каменном ущелье вздымается обрыв

сползшего с гор ледника. Сверху он усеян вмерзшими камнями, а срез – весь в трещинах, в синевато-зеленых пористых разрывах, изрыт пещерами и гротами, куда под широкие своды, которые ненадежно удерживают проседающие ледяные крыши, никто не решится войти.

Здесь все потрясает человека своей суровостью и сам человек кажется маленьким и случайным.

В ущелье всегда стоит туман и всегда холодно, даже в самые жаркие дни. Неумолчно шумит вода, иногда ее голос заглушается грозными пушечными выстрелами – это рвется теснимое скалами тело ледника.

Вблизи никто не живет, человеку здесь нечего делась. Тут нет ни птицы, ни зверя, ни травинки. Камень, лед, ледяная вода.

В нескольких стах метров ниже, поперек всего ущелья залегла каменная плотина, сложенная самим ледником. Она запирает ущелье и образует озеро. Странное озеро, бурное без бури, рябое без ветра, все в водоворотах. Повсюду вода прорывает через беспорядочно набросанные камни морены и сливается в поток.

Таков исток Инда. С гор в его ложе падают ручьи от других ледников, пробиваются родники глубинных вод. Делая бесчисленные повороты, река бежит общим направлением к югу, проходит по равнинам Западного Пакистана и угасает в широкой дельте, в волнах Индийского океана.

...Далеко внизу под истоком лесные бродяги вышли к реке. Бурная вода бежала, стесненная берегами, покрытыми вековыми лесами.

Много усилий понадобилось природе, чтобы нанести

слой почвы на каменные берега. Первые мхи растворяли гранит кислым соком корней. Умирая, они кормили травы. Залетевшие по ветру семена растений пускали чахлые ростки. Из многих одному удавалось удачно завершить поиски опоры и зацепиться белым мохнатым корешком за спасительную трещину скалы.

Люди подошли к реке с востока широким оврагом, по дну которого тек жалкий ручеек – безымянный приток Инда.

Глядя на реку с горы, Эль-Мустафи говорил:

– Река как народ. Но нет в ней сильных и слабых, бедных и богатых, она собралась из равных капель.

Между двух больших деревьев они построили себе шалаш из ветвей. В котелке, подвешенном над костром, сварили три горсти риса – пищу следовало беречь! Насытившись жидким отваром, люди насладились зеленым чаем – заваренный на прозрачной воде ручья, он был особенно вкусен – и почувствовали себя сильными. Руки просили работы.

Высоко над рекой люди принялись рыть узкую канаву вдоль ложа реки. Они просекали почву до самого каменного основания, рубили корни кетменями и кирками, заступами выбрасывали землю. Местами лесной склон был так крут, что выброшенный камень скатывался в воду, хотя до нее было больше километра.

Сказки повествуют о муравьях, способных упорной работой разгрызть хрупкие путы и освободить льва, слона или буйвола. Так и эти восемь пар темных худых рук точили берег Инда. С каждым днем удлинялась щель, пересекавшая лес.

Никто из этих работников не мог бы сбить человека с ног ударом кулака или выжать одной рукой гирю в шестнадцать килограммов. Они были слабы, эти люди с плечами сухих мускулов на тонких костях. Но они обладали силой слабых — умением работать без усталости и без остановки, не делая лишних движений и мастерски пользуясь весом собственного тела и формой орудия.

И еще одним искусством они владели: они умели молчаливо и сильно желать.

День за днем подвигалась работа. Труженики привыкли к лесу, как к своему дому. Так же как в своем глиняном городке, они ходили по одному и тому же месту — от шалаша, где проходила ночь, к все удалявшейся щели и обратно. Наверное, и лесные звери привыкли к безобидным работникам, к тупым ударам стали по корням и шороху выбрасываемой земли.

Работа подвигалась быстро. Глубокая узкая канава становилась рубежом между большей частью леса, висящего над рекой, и меньшей — уходящей на гребень горы. На дне канавы обнажался каменный пол.

Внизу бежал Инд. Стояли душные дни; в лесном безветрии над работниками висели мириады жалящих насекомых. Их укусы становились нестерпимыми, но люди боялись развести спасительные дымные костры, чтобы не обнаружить себя.

IV

Однажды Эль-Мустафи взял молодого Асафа и отправился вместе с ним вверх по оврагу, где стоял шалаш. Ов-

раг пробивал берег Инда широкой расселиной, и по его дну тек слабый ручеек.

Полуголые, только в набедренных повязках, люди шлепали загрубелыми ступнями босых ног по ручью – это был самый удобный путь, так как непроходимая чаща заполняла овраг.

Через час они добрались до истока. Струйки воды выбивались из-под камней, а дальше лежало свободное от леса пространство. Это было самое высокое место расселины, разрезавшей берег, – ее «седло». От него к югу дно впадины понижалось. На «седле» высилось странное сооружение, удивительное и неожиданное в пустынном, безлюдном месте. Расселину пересекала каменная дамба, в несколько раз превышавшая человеческий рост. Откосы, в которые упирался этот вал, были исковерканы взрывными работами, давшими гранит для постройки. Казалось, что каменная преграда скрывает за собой какую-то тайну.

Люди вскарабкались наверх. Несколько серых и черных змей грелись на раскаленных солнцем камнях, и ни одна не пошевелилась при появлении людей. За валом пустынное ущелье продолжалось к югу. Со стороны Инда вал был покрыт серой цементной штукатуркой, из которой торчали острия неотесанных камней. Обнаженный с другой стороны скат показывал строение насыпи, сложенной из крупных рваных обломков, смешанных с мелким щебнем.

В лесах Индустана встречаются развалины оставленных городов, когда-то возведенных по прихоти одного владыки и заброшенных по капризу другого. В обвалившихся дворцах живут звери и змеи; корни деревьев расширили трещины и повалили башни. Искатели кладов

давно обшарили подземелья и выстукали стены. Забытые города никому не нужны.

Но эта стена была совсем молодой. Природа не успела забросать плодородным грунтом ее щели, чтобы вырастить в них траву и кусты. Каменоломни зияли свежими разрывами, и еще никто не вздумал устроить себе гнездо или берлогу в пустотах, оставленных взрывами.

Таков был мощный барраж, сооруженный инженером Никколсом для защиты базы от самого сильного подъема Инда. Его строили рабочие, которых назначил на работу Сеид-Касим-Хан, убитый ростовщик и подрядчик. Здесь люди отработывали и свои основные долги и проценты на них, в несколько раз превышавшие капитал. Молодой Асаф побывал тут в числе рабочих-рабов.

Когда двое людей начали пробираться обратно, вдруг начало темнеть, точно наступал преждевременный вечер. Из-за деревьев не было видно неба, но до слуха донеслись шелестящие удары по листьям на вершинах деревьев. На голые плечи упали первые капли дождя. Тучи, предвестники многонедельных ливней, спускались от Хималайев к раскаленному югу и по дороге роняли избыток влаги на дремучие леса предгорий.

Эль-Мустафи поднял голову к небу и ловил губами капли. Он думал о том, как дождь проникнет в отрытую канаву и будет просачиваться между слоем земли и скалистым основанием, смачивать его, делать скользким. Оползни в горах случаются и без помощи человека, иногда вода сама проникает между скалой и растительным слоем и служит смазкой. Длинная канава, вырытая поперек склона, перехватит воду и направит ее между скалой и слоем

почвы. Лес скользнет вниз, как корабль скользит из дока по смазанному салом доскам.

Еще несколько дней перепадали дожди. Струи протягивались полосами, сквозь них было видно освеженное влагой синее небо. На открытых местах солнце быстро осушало землю. А в лесу почва сырела и было легче работать.

Люди торопились отдать работе остаток сил, траншея росла, как живая. Работники уже не старались очищать дно и проходили дальше, как только кирки ударяли в скалу. Больше часу приходилось потратить, чтобы пройти по всей линии траншеи, и уже дважды труженики, чтобы сберечь время на переходы, устраивали свое жилище на новом месте.

Все выбились из сил. Никто не чувствовал ночного холода – так глубок был сон. Прекратились беседы. Никто не замечал ничего, кроме земли, которая была перед глазами от утренней зари и до темноты и в которую нужно вонзить кирку, заступ, кетмень.

И во сне глаза людей видели все ту же рыхлую черную землю. В ней кишели насекомые и черви, она была переплетена корнями, которые приходилось рубить и рубить... Руки и ноги сводили судороги, губы спящих издавали невнятные жалобы и стоны.

V

Всю ночь на предгорья падал ливень. Рассвет подкрался незаметно. Дождь точно усилился от солнца, которое, наверное, в свой урочный час поднялось над непроницаемыми тучами. В лесу стоял мутный туман водяных брызг.

Эль-Мустафи проснулся первым, но не разбудил товарищей. Он сидел перед низким отверстием входа в шалаш, слушал, как течет вода по кровле из широких листьев, и думал.

Он был среди близких, знал, что никто не выдаст его под страхом смерти, и с первого дня бросил маску дервиша. Он хотел быть воспитателем своих друзей и признавал трудность задачи. Он знал, что одно и то же слово имеет различное действие, оно должно быть рассчитано на способность понять, свойственную каждому человеку. Сам Эль-Мустафи был воспитан в мировоззрении ислама и лишь с трудом избавился от предрассудков. Он видел, что один из его друзей бессознательно пробует найти какое-то место для бога своих отцов. Другие, отчаявшись сами в истине ислама, будут способны на компромисс; третьи инстинктивно вносили воспитанный исламом фанатизм в строй новых идей. Эль-Мустафи замечал, что и сам он не свободен внутренне так, как ему хотелось бы.

«Да, труден путь человека», – думал он.

Только к полудню труженики начали просыпаться. Опасаясь опоздать, они будили друг друга.

– Не торопитесь, братья, – сказал Эль-Мустафи, – мы кончили нашу работу. Кто хочет, пусть спит. Скоро вы вернетесь к вашим семьям.

В низком шалаше было тесно. Бекир на четвереньках пробрался к выходу, сел рядом с дивоной и сказал:

– Ты говоришь, мы кончили? Брат, когда ты произнес эти слова, мое сердце сжалось и в нем явилось сомнение. Я теряю веру. Не должны ли мы еще работать? Мы сможем и при дожде!

– Не сомневайся, – ответил Эль-Мустафи. – Лес сползет в Инд, река повернется и утопит американцев, как сусликов в норе.

Сапожник Баркатулла занялся приготовлением пищи. В первый же день у входа в шалаш был устроен навес над местом для костра. Плотный ливень прибавал дым к земле, и он наполнял шалаш.

Хорошо, что работа окончена. В такой дождь земля под кетменем превращается в жидкую грязь и много не сделаешь. Лучше лежать, по очереди глотать зеленый чай из общей пиалы и слушать рассказы Эль-Мустафи.

– Я видел в одном городе делегацию советских людей, – говорил Эль-Мустафи, – У них такая же одежда, как у англичан и американцев, но сразу видно, что они другие, хотя у них и кожа такая же, как у врагов.

– Ты говорил с ними? – спросил Асаф. – Повтори все. Такие слова человек слушает весь день и не устает. Ты говорил, что на их землях нет заминдаров и страшных болезней...

– Да, там нет ни заминдаров, ни ростовщиков, ни купцов, продающих родину иностранцам...

В действительности Эль-Мустафи не так много знал о Советской стране, а в том, что он знал, было много и недостоверного и противоречивого. Но он не замечал этого.

Два или три года, проведенные им в исламистском университете – медресе, оформили его ненависть к исламу за утверждение угнетения человека человеком как божественного установления. Занимаясь самообразованием, он

сохранил духовную близость к народу и пользовался полученными в медресе знаниями, чтобы носить маску дервиша-дивоны и бороться также и с исламом. Его чувства были до крайности обострены сознанием национального угнетения. За измену родины и за союз с иностранцами он презирал и ненавидел крупных капиталистов и землевладельцев, высшее духовенство и аристократию, но не отрицал общества, построенного на праве частной собственности. Он не принадлежал ни к коммунистам, ни к социалистам. Он был демократом-националистом.

Для себя Эль-Мустафи отверг всякую мысль об устроении личного благосостояния. Во имя борьбы он был готов рисковать жизнью и рисковал ею. Но он твердо держался наивного убеждения, что достаточно изгнать иностранцев из пределов родной земли и поделить между бедняками землю, чтобы все стало хорошо... Советский строй привлекал его именно тем, что он отнял землю у богачей и отдал ее бедным и возвысил национальное достоинство человека. Об этом он и рассказывал своим товарищам.

...Водяная пелена ливня скрывала горы и леса. С каждым часом вспухал невидимый Инд. Стесненная крутыми берегами, река подымалась, начинала заходить в глубокий овраг, вверху которого стоял прикрывавший американскую базу барраж.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Союзники

I

Трое суток с перерывами не больше чем на четверть часа шел дождь. На четвертое утро в однообразном шуме воды слышались новые, тревожные звуки.

В мокрой чаще заговорили испуганные птицы. Прокричала сизоворонка, свистнули дятлы, затарахтел дрозд. Перекличка происходила с минуты и смолкла.

Эль-Мустафи вышел из шалаша. Дождь струился по его полуголому телу, но закаленная кожа не чувствовала холода.

Что-то мелькнуло в струях дождя, и, как падающий парашют, на поляну опустился громадный филин. Высокий, точно пень, он смотрел на человека круглыми светлыми глазами и не видел его. Потревоженная в своем убежище, в темном закоулке дебрей, ночная птица поворачивала голову, прислушивалась. Встрепенувшись, она беспокойно приподнялась и издала пронзительный крик:

– Кооо!..

Лесные птицы ответили. Расправляя мокрые бурые крылья, филин подпрыгнул и исчез.

Эль-Мустафи углубился в лес. Босые ноги скользили и расползались по раскисшей почве. Вся трава под деревьями полегла, как бы указывая направление бегущей по склонам воде. Узкая, расположенная поперек склона выемка наполнилась доверху, и казалось, что теперь вся вода про-

ходит над ней. Однако вот воронка водоворота. Дальше нашлось размытое место, в него вода текла с двух сторон и уходила внутрь.

А сколько невидимых путей нашлось между каменным основанием и наносным слоем почвы, скрепленным корнями?

Эль-Мустафи вслушивался. Ливень так шумел, что все остальные звуки беспощадно подавлялись. Только чувства птиц могли сказать о тончайшей жалобе натянутых корней, которыми деревья, как якорями, держались за трещины скального основания. Одни птицы могли различить мельчайшие шорохи уже начавшихся частичных сдвигов лесного массива по смазанным водой каменным плитам крутого берега.

Эль-Мустафи ждал. Ему казалось, что заливаемый дождем лес стоял особенно зловеще и грозно.

Между деревьями появились высокие тени. Уже не одни птицы тревожились. Опасность улавливали и менее чуткие животные. Олень уводил снизу робких безрогих оленух. Гладко лакированный дождем, он осторожно вступил на гребень выброшенной из канавы земли. Впервые узкое твердое копыто встретило не знакомую опору лесной почвы, а что-то непонятное, похожее на предательский край топкого болота. Олень медлил, но не было другого пути. Прыгнув с места, он легко перемахнул через преграду, и оленухи последовали за своим покровителем.

Эль-Мустафи прижался к стволу дерева. Его темная блестящая кожа сливалась с корой. Он не шевелился.

За оленями пришли дикие свиньи. Они сердито и бесстрашно бросились в воду.

Мрачно и не спеша мирная семья черных медведей выбрала место для переправы. Медведица толкнула в воду медвежонка, вслед переправился старик. Он повернул голову к человеку и помедлил, но не для ссоры – черный медведь не задирает человека. Он как бы собирался что-то сказать, да раздумал и потащился за своими. Всем своим недовольным видом он горько жаловался на злую судьбу, которая в совершенно неподходящее время выгнала его из любимого, обдуманно выбранного места в сухой пещере.

Эль-Мустафи показалось, что канава начинает расширяться... Снизу, из леса, больше никто не шел, переселение окончилось. Громадный кусок леса покинут. Когда же это начнется? Скоро, сейчас. Птицы и звери не ошибаются, когда готовится оползень.

Владей они речью, сколько предупреждений сегодня получил бы Эль-Мустафи!

– Что же ты стоишь, человек? Великая опасность грозит этим местам! Разве ты не знаешь, что такое горный оползень, безумный?

II

Ливень стихал. Наступил очередной короткий перерыв. Временно истощив запасы воды, небо очистилось от туч. Насыщенная до предела влагой земля наполняла лесной воздух своим тяжелым дыханием.

Эль-Мустафи вывел товарищей на безопасный высокий гребень. Отсюда было видно далеко, открывался весь противоположный берег и сам Инд, вспученный, мутный, буйный. В глубоком овраге на его южном берегу, где на-

шли свое первое пристанище упорные работники, уже образовался залив. Часть леса в овраге была затоплена. Высокие деревья по пояс стояли в воде.

Ветра не было, и деревья на склоне берега были неподвижны. В небе все шире расходился синий просвет. Наконец в него хлынули радостные лучи, и над Индом вспыхнула великолепная радуга: охватив полнеба, красочный мост перебросился через реку и лег на лес под ногами людей.

В эту минуту, точно под тяжестью радуги, высокие вершины деревьев затряслись в беспорядочной качке. Массив леса разделился. Осталась узкая лента под гребнем, а остальное поползло вниз, к Инду.

Лес падал, как колосья под ураганом. Вверх полетели вывернутые стволы, уже лишенные сучьев, земля, фонтаны грязи. Нельзя было уловить мгновение, когда чудовищная лавина перестала быть лесом и сделалась хаосом. Воздух наполнился влажным гулом, свистом и невыразимым грохотом. Потом ухнул тупой, могучий, нестерпимый для слуха удар. Достигнув русла реки, лавина выбила воду и вздыбилась, остановленная противоположным берегом.

От толчка дрогнули окрестные горы. Сверху оторвались и полетели вниз новые, уже более мелкие лавины. Противоположный берег медлил. Там не было прорытой людьми узенькой щели, которая сумела совершить здесь великое дело. Но потрясение земли было таким мощным, что не могло остаться без последствий и для того берега. Лес зашатался и пополз вниз, опрокидываясь и сокрушая сам себя. В реку рухнул новый оползень. Толчок повторился.

Люди не успели заметить, когда Инда не стало. Его русло заткнула широчайшая и высочайшая перемычка, образованная из земли и леса, – гора перепутанных и переломанных деревьев, ершистая, колючая, черная как уголь.

Бекир сидел на корточках и плакал, как маленький ребенок. Асаф обнял Эль-Мустафи и прятал голову у него на груди, чтобы не видеть. Баркатулла истерически хохотал, спокойный Хадим с вызовом поднял руки к небу. Другие метались, ломая руки, с несвязными воплями торжества.

А выше запруды Инд поднимался в бешенстве. Мутные воды ринулись в овраг и ударили в мирно стоящий полузатопленный лес таранами тысяч всплывших стволов. Раздался треск ломаемых на корню деревьев.

Эль-Мустафи отбросил Асафа и закричал:

– Опомнитесь, братья! Еще не все сделано. Спешите! Пойдем.

Приказ вожака отрезвил людей. Привыкнув повиноваться, каждый подхватил свой мешок и поднял кирку или кетмень. В последний раз люди взглянули на дело своих рук. Грязная вода бурно топила прибрежные леса. Сжатая высокими горными берегами, река нашла единственный выход в овраге на южном берегу и хлынула туда всей силой.

Река не оставляла в покое и неожиданную преграду. В рыхлом теле стихийно появившейся плотины работали бесчисленные струйки. Они вымывали землю между поваленными деревьями, расширяли щели. Препятствие будет снесено. «Но когда?» – думал Эль-Мустафи.

Солнце собрало радугу и скрылось. Вновь пелена до-

жда затянула страшную картину разрушения. Дождь звучал иначе, шипение леса сменилось тупыми ударами по обнаженной земле.

III

Теперь люди напали на каменный вал, который запирал седло расселины; для атаки они выбрали тыл барража — сторону, обращенную к югу, к американской базе.

Здесь ничего нельзя было приготовить заблаговременно: кто мог знать, когда американцы захотят посетить свое сооружение? И много лет потребовалось бы для восьми пар рук, чтобы разобрать стену длиной более километра и в несколько раз превосходящую человеческий рост. Ведь ее строили сотни рабочих с помощью сильных американских машин.

Не имея привычки обращаться с камнем, восемь тружеников работали медленно, хотя и спешили. Много времени ушло, пока они сумели в двух местах вытащить несколько камней, выгрести щебень и добраться до середины каменного массива.

В ниши Эль-Мустафи заложил по два длинных и толстых предмета, похожих на колбасы. От каждого из них шел белый шнур с вплетенной красной нитью в знак того, что пропитанные волокна фитилей не боятся влаги и могут гореть даже под водой. Тщательно и осторожно, чтобы не повредить шнуры, люди постарались заполнить камнями взрывные камеры. Концы шнуров легли на верх стены, как те змеи, которых видели Эль-Мустафи и Асаф в день падения первых капель дождя.

Сейчас змеи ушли в норы, чтобы в полусне переждать ненастное время. А по оврагу к каменному валу бежали волны Инда. Под хлещущими бичами дождя они мчались вспухшие, яростные, черно-серые с грязными гребнями, как стада взбесившихся буйволов. Добежав до тяжелого каменного препятствия, они смирялись. Волны пробовали взобраться наверх, скатывались и поворачивали назад, чтобы встретиться с резервными армиями Инда.

Вода неуклонно прибывала и поднялась уже до половины высоты стены. По громадному бурному озеру плыли вывороченные с корнями деревья, кружились в беспорядочных течениях, ударялись в стену и царапали цементную штукатурку.

Люди не видели бешенства воды. Как муравьи продолжая работу, они старались еще в нескольких местах расшатать сопротивление стены. Пока еще было время хоть что-нибудь сделать, они не могли позволить себе остановиться. Сочилась ли сквозь стену поднимающаяся вода, они не знали, так как ливень не прекращался.

Эль-Мустафи умел обращаться со многими вещами. Порой он казался старым, на самом деле ему было только тридцать пять лет. Прежде чем научиться ходить по пыльным дорогам Индийского полуострова в маске дервиша-дивоны, с традиционным посохом и чашей, он успел пережить многое. Перед второй мировой войной он был матросом на одном из кораблей индийского военного флота. Он проходил курс минного дела под руководством английского офицера. Тогда Эль-Мустафи носил другое имя. И на этом же корабле он встретился с людьми, изменившими сначала его мысли, а потом давшими ему благородную цель жизни.

Эль-Мустафи взобрался на стену и рассчитывал. Оставалось еще три фута, потом вода пойдет верхом. Барраж оказался недостаточным, но американцы не виноваты. Разве они могли предполагать такой оползень? Вода сама упадет вниз, и Инд хлынет по новому руслу. Нужно, чтобы барраж рухнул не раньше, но и не позже. Эль-Мустафи хотел бросить в атаку на американскую базу собранный барражем запас воды сразу, в тот момент, когда первая волна Инда перельется через препятствие.

Заряды были похищены должниками Сеид-Кисим-Хана и Шейх-Аталык-Ходжи, работавшими на строительстве американской базы. В глиняном городке должны были быть и еще такие же заряды.

IV

Ливень хлестал, вода прибывала, до нее уже можно было достать рукой. Эль-Мустафи позвал товарищей.

Люди вскарабкались на стену и сели тесной кучкой. Они были так разгорячены работой, что, несмотря на ливень, виднелся пар, поднимающийся от их почти голых тел.

Со дня рождения тела этих людей не имели ни одной унции жира, теперь же они совсем высохли в нечеловеческом труде, поддерживаемом пищей, от которой американец умер бы с голоду. Торчали ребра и позвонки, каждый мускул под кожей был виден отдельно. Локти и колени своей остротой напоминали угольник плотника, а обтянутые тонкой кожей лица скалились, как черепа на кладбищах.

Но они были полны жизни, эти черепа с веселыми бе-

лыми зубами и громадными глазами, горящими торжеством. Показывая на буйство воды, они пересмеивались и сочиняли шутки. После уже совершенного все остальное казалось им пустяком.

– Ха-ха! Чего не сумеют сделать люди! Нужно лишь захотеть взяться за дело!

С хозяйским пренебрежением они взглянули на первую волну, хлестнувшую на верх стены. Это была их вода, их собственная, они пустили ее сюда, не спрашивая начальников и мирабов. Захотели и сделали. Вот это жизнь! Только так и стоит жить на этом свете. Жизнь прекрасна. А ну! Возьмемся все вместе, разом! Страшный мулла Шейх-Аталык-Ходжа сделался для них карликом. Пусть трепещут он и все подобные ему!

Они боготворили Эль-Мустафи. Слава ему, старшему брату, вторично родившему их для новой жизни!

Шнуры будут гореть минут десять – двенадцать. Эль-Мустафи достал завинченную цинковую баночку от оружейного масла. Восковые спички зажигаются о что угодно, только не под дождем, поэтому в баночке нашлась и терка.

Эль-Мустафи лег, пряча под грудью концы запальных шнуров. Товарищи старались прикрыть его от ливня. Вспыхнул слабый огонек, ничтожный, всего на две секунды. Теперь пора уходить...

Два удара слышались почти одновременно. В двух местах поднялись камни и хлестнули фонтанчики воды. Вначале результат показался ничтожным.

В две узкие щели хлынули два потока. Единство преграды было нарушено, воде указали выход. Она продол-

жала подниматься, начала переливаться через стену, ее поверхность приходила в движение. В местах разрывов образовалось течение. Тронулись плавающие у стены стволы деревьев. Первый ударил с размаху, проскочил, увеличив брешь, и, сброшенный с высоты, покатился в нижнем потоке, размахивая корнями. За ним толпой ринулись другие. Под ударами качнулся и рассыпался кусок барража между брешами.

Как люди, вода осознала свою силу. Каждосекундно наращивая скорость, поток рванулся в широкие ворота. Пролом разрастался.

Всей массой накопленной и прибывающей вновь воды Инд ворвался в не защищенную больше барражем долину. Попутно река завершала расправу с препятствиями. Рас-тасканный по камню, барраж, точно приставший к победителю защитник, невидимо тащился по дну.

Вниз покатился вал высотой с трехэтажный дом, таран силой в тысячи тонн, мягкий как рука женщины, но дробящий как молот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наводнение

I

В правом верхнем углу конверта была небрежно наклеена почтовая марка с профилем крупного мужского лица под старинным париком. Черный след погасившего марку прямоугольного штемпеля лег рядом, задев только край рамки.

Главный строитель секретной авиационной базы инженер Антони Никколс в юности страстно увлекался коллекционированием почтовых марок. Марка в настоящем собрании обязательно должна быть погашена, но ее ценность увеличивается, если штемпель не испортил рисунок... Антони Никколс подарил свою коллекцию младшему брату в день, когда тому исполнилось двенадцать лет.

Конверт был из тонкой прочной бумаги, на нем виднелись отпечатки и других штемпелей – письмо прошло через почты нескольких государств.

Когда Никколсу принесли это письмо, было около часа дня. Сегодня четвертые сутки, как идет дождь, не прерываясь почти ни на минуту. Менялась только его интенсивность. Иногда дождь как будто бы ослабевал и можно было различить отдельные капли, появлялись просветы. Но потом вода опять падала струями, сливавшимися в сплошную стену мутного стекла.

Вода казалась плотной и какой-то особенно тяжелой, более тяжелой, чем вода в Англии. Может быть, из-за того, что ее струи падали совершенно вертикально?

Как и все помещения секретной авиационной базы, квартира главного строителя была высечена в скале. В комнате было так же сухо, как всегда, так же мягко светили защищенные матовым стеклом электрические лампочки. Ни для одного чувства человека дождь не существовал, его слух, зрение, обоняние были свободны. Но ливень оставался в сознании, мешал своей неизбежностью и непрерывностью.

Никколс ждал нового назначения, наблюдал за окончанием мелких недоделок, в сущности бездействовал, но

отдыха не было. Он хотел бы уехать отсюда в хорошую погоду. Есть люди, которые не могут акклиматизироваться в чужой стране, даже если случайно и родились в ней...

На авиационной базе все было устроено так, чтобы не быть во власти местных особенностей. Во время войны база будет выпускать самолеты и принимать их круглый год, днем и ночью, вне зависимости от погоды. При устройстве летного поля предусматривался и период дождей. Поверхностный дренаж был решен кюветами такого мягкого профиля, что они были безопасны для колес самолетов. Никколс применил изобретенные им новшества. Он гордился своим званием инженера и не сомневался в долговечности возведенных им сооружений.

II

Письмо пришло с Дальнего Востока. Адрес был написан на машинке. На Дальнем Востоке воевали.

Никколсу не хотелось распечатывать конверт. Он и ждал и боялся писем. Некоторые из знакомых Никколса находились на Дальнем Востоке. Там же был и Ральф Никколс.

Антони Никколс был старше Ральфа на четырнадцать лет. Отец умер давно, и Антони, старший в семье, заменил брату отца. Ральф всегда был таким славным, мягким мальчиком. Но все мальчики вырастают; приходит час, когда они хотят все делать, все решать сами, ни от кого не зависеть. Зачем было Ральфу ехать на войну? Он мог бы оставаться дома, ведь это не настоящая война, это не война за Англию...

Все случилось из-за женитьбы Ральфа. Эйрин – чужая, холодная женщина. Ральф вздумал поехать в Корею ради денег, там летчики могут много заработать. И Эйрин отпустила его. Глупый мальчик, разве любящая женщина добровольно отпустит мужчину на войну, на такую войну?.. Глупый мальчик, он не послушался старшего и уехал.

Не глядя на конверт, Антони Никколс натянул резиновые сапоги, набросил на плечи непромокаемый плащ с капюшоном и вышел.

Если бы Никколс не знал, который час, то, выбравшись на летное поле, он не мог бы определить, утро сейчас или вечер. Падал матовый, рассеянный свет, и видимость ограничивалась пятнадцатью или двадцатью шагами.

В тумане видимость бывает еще хуже, иной раз не различишь кисть собственной руки. В Англии Никколс выносил туманы и ненастье, не замечая их.

Во время такого ливня можно и заблудиться, но главный строитель знал наизусть свое летное поле. Он шел по бетонной взлетной дорожке. На ней лежал толстый слой кипящей от дождя воды. Казалось, что вода не успевает подчиняться силе тяжести и застаивается, хотя ничто не препятствовало ей стекать. В упорстве ливня Никколс чувствовал что-то неестественно-злое. Инженер, человек с трезвой головой, он понимал, что это лишь игра нервов.

Внезапно сделалось светлее, дождь прекратился. Никколс поднял голову. Небо стало опаловым, потом жемчужным. Свод заискрился, прорвался, из синего разрыва в летное поле воткнулись толстые солнечные лучи. Сделалось больно глазам.

Никколс услышал сигнал автомобиля. Большая черная машина недавно произведенного в генералы Джошуа Сэгельсона катилась к Никколсу. Поравнявшись с ним, шофер предупредительно снизил ход до самого тихого, чтобы не забрызгать главного строителя.

Стекло опустилось, и выглянула голова в маленькой чалме. Мулла Шейх-Аталык-Ходжа любезно улыбнулся Никколсу и приветливо махнул рукой. Больше в автомобиле никого не было.

Наблюдая за движением туч, Никколс без особого интереса подумал о развивающейся «дружбе» между Сэгельсоном и муллой. Шейх-Аталык-Ходжа, навещавший прежде лишь своих питомцев, воспитывающихся в специальной школе при базе, ныне бывает частым гостем начальника базы. Американец выдвинул проект расширения базы. Никколсу это было безразлично, его не интересовали дополнительные работы, пусть их производит другой. Мулла заменит убитого Сеид-Касим-Хана. Быть может, его ждет та же участь, если он будет таким же беспощадным. Никколс считал, что взаимоотношения между «азиатами» сложны и ничем нельзя изменить их.

Ливень обрушился с прежней силой. Под непромокаемым плащом парило, и Никколс чувствовал, как его спина делается неприятно влажной от пота. Как много воды на летном поле! В этой стране периоды дождей – опасное время.

Никколс думал о капризах громадных рек Индийского полуострова. С крутых откосов речных берегов сползает размокший грунт. Известны случаи, когда сотни тысяч кубических футов оползней запирали горные долины, за-

пружали русла. Неожиданная плотина прерывает течение. Внизу река мелеет, убывая на глазах. Чем дольше длится обмеление, тем оно опаснее. Местные жители спешат покинуть низкие места и выносят свое имущество подальше от реки. Случайная плотина прорвется, и запас воды покатится вниз, уничтожая все на своем пути.

Значительно выше базы, на южном берегу излучины горного Инда, есть обнаруженная при изысканиях расселина. При чрезвычайно высоком подъеме реки вода могла бы ворваться по этой расселине в долину базы и наделать больших бед. Никколс ставил себе в особую заслугу предпринятое им дальнейшее обследование долины и сооружение надежного барража в ее седле. Расселина берега прочно заперта в самой высокой точке, река может подниматься, сколько ей вздумается.

Конверт с адресом, написанным на пишущей машинке, по-прежнему лежал на письменном столе главного строителя базы.

Никколс снял плащ, сбросил резиновые сапоги и надел домашние туфли. Усевшись в кресло, он разорвал конверт.

...Ральфа больше нет, совсем нет. Перед отъездом Ральфа они поссорились из-за этой женщины, жены Ральфа.

У Антони Никколса не было жены, теперь нет и Ральфа, никого нет. Ральф был таким милым мальчиком. Было легче жить, пока Ральф жил на свете. Антони сам виноват, что отпустил его. Не следовало ссориться, нужно было суметь, помимо Ральфа, договориться с этой женщиной, не скупиться, отдать ей деньги. Тогда она сказала бы свое слово женщины, которое сильнее всех слов брата, Ральф

послушался бы и не уехал. Пусть бы жил с этой холодной, злой женщиной, если не мог иначе. Но он жил бы, а теперь его нет и никогда не будет...

Нет сил сидеть и думать, когда Ральфа больше нет. Они пишут, что его любимый мальчик скончался в госпитале от ран. От тяжелых ран... Он страдал, пока смерть не освободила его.

Все из-за того, что он, старший, поскупился, заупрямился, не захотел отдать свои деньги. Да разве ему, Антони Никколсу, нужны деньги? Зачем ему деньги, зачем, будь они прокляты!

И вдруг перед глазами Антони Никколса встала страшная картина. Трупы, разбитые в щебень города, выжженные поля и опять трупы, трупы, трупы, трупы...

Откуда это? Это вспомнился тот отвратительный американский фильм о корейской войне. Он не хотел его смотреть и все же пошел, чтобы увидеть места, где находится Ральф. Это была отвратительная бойня. Он порывался уйти и не мог. Чудовищное зрелище отталкивало и притягивало, как край бездны.

Великий боже! Но Ральф писал, что не принимает участия в военных действиях. Он лгал, лгал, он умер от ран, значит... Ведь у корейцев нет авиации и они не бомбят тылы! Конечно, они так и пишут: «Был ранен в воздухе». В воздухе... Он сразу не понял, читая письмо. Ральф перешел из транспортной авиации в боевую. Да, да. Высокие ставки за вылеты на бомбежку... Он соблазнился, стал убийцей за деньги... Ральф, Ральф, зачем?

Слова письма, точные, неоспоримые, не оставляющие ни одного повода для сомнения и надежды, давили сознание Никколса. Что сделать, чтобы перестать думать?

Антони Никколс открыл ящик стола и взял свой автоматический пистолет. Нет, он боялся смерти. Но что сделать, чтобы не думать?

Туземцы пользуются опиумом. Это друг, он помогает не чувствовать и не знать.

III

Когда коробочки мака делаются большими, как грецкий орех, начинается сбор опиума.

Не отрывая головку и не ломая стебля, сборщик делает на боках коробочки надрезы острым лезвием. Надрезы должны быть длинными и неглубокими; если тонкая стенка коробочки прорезана насквозь, все пропало.

Через некоторое время медленно выходящий из обнаженных капилляров сок образует крохотную, с булавочную головку, смолистую бурую капельку. Ее осторожно отделяют.

Нет ничего красивее цветущих маковых полей. Восточные художники часто искали вдохновения в мирной симфонии их красок. Но лепестки опадают, обнажая голые зеленые коробочки. Начинается тяжелый, однообразный труд сборщика сока. Солнце жжет, маковые головки источают густой, дурманящий запах. Темнеет в глазах, сердце замедляет удары, дает перебои. На висках и на шее вздуваются вены, нестерпимая боль рвет череп. Кажется, что в перегретом и иссушенном солнцем теле закипает кровь. Руки дрожат, их движения делаются неверными. Острое лезвие скользит, разрезает головку мака и впивается в кожу ладони. Кровь не течет, она показывается из ранки и тут же свертывается.

Шатаясь и борясь с обмороком, человек продолжает трудиться. Им повелевает злейший и бдительнейший надсмотрщик, призрак голодной смерти, которая подстерегает жителя Индустана с колыбели и неустанно охотится за ним до могилы.

В Индии плантации мака поистине грандиозны. Их развели англичане. В Индустане нашлось все необходимое для культуры опийного мака: почва неограниченного плодородия, солнце, способное извлечь из этой почвы снабженные опьяняющей силой растения.

И... люди, трудолюбивые, терпеливые, способные ко всему, умеющие делать все – и вырезать из кости фигурку слона величиной с горошину и выдолбить в горе храм, вмещающий сразу десять тысяч паломников, пришедших на поклонение статуе Будды или Шивы...

Индийский труженик отдает себя за ничтожную плату, и индийский опиум дешево обходится предприимчивому купцу. Вложенный в «дело» капитал в иной удачливый год удваивается. После торговли черными рабами самой выгодной оказалась торговля опиумом. Недаром около ста лет тому назад Англия объявила войну Китаю и пушками добилась права отравлять китайцев продукцией индийских опийных плантаций.

Курильщики, рабы опиума, называют свое любимое снадобье «черным дымом». Человек, пристрастившийся к курению опиума, не может заставить себя отказаться от страшной привычки, его воля разрушена. И вокруг себя, в своем доме, он отравляет все живое. В дни, когда в доме не чувствуется запаха «черного дыма», напоминающего вареный шоколад, все скучает. Мучимый тоской, хозяин без

причин истязает своих домочадцев, кошка бродит, опустив голову, дети вялы, лениво тявкает собака. Наконец зажигается маленькая лампочка, на конце длинной стальной спицы кипит шарик опиума и догорает в чашечке трубки...

Есть разные трубки для курения опиума, их тысячи образцов, начиная от медной или бамбуковой трубки бедняка и кончая драгоценными произведениями ювелирного искусства из золота, слоновой кости, эмали – как трубка последнего китайского императора или владетельного хана...

И есть разные сорта опиума – для бедных, для богатых; но действие «черного дыма» всегда одинаково: он обольщает, навеивает сны, уводит от жизни и убивает – правда, не так быстро, как голод. Голод еще придет и нанесет последний удар, когда курильщик, чтобы иметь опиум, лишится последних крох имущества. А сейчас хозяин курит. Его дом постепенно оживает. Даже летучие мыши на чердаке, которые весь день висят вниз головой пыльными комочками, удовлетворенно вздрагивают, предвкушая удовольствия ночного полета.

В помещении секретной авиационной базы не было летучих мышей, а инженер Антони Никколс не был опытным курильщиком. Он пробовал опиум раз или два, опасная забава его не увлекла. Но кусок опиума у него нашелся в столе, ведь это лучшее средство против желудочных болей.

IV

Никколс набил свою обыкновенную трубку кусками опиума вместе с табаком и глубоко затянулся.

Черный дым опиума проник в кровь и овладел сознанием инженера. Никколсу послышался рев авиационных моторов, разрывы бомб, грохот зенитных орудий, как в ночи налетов германской авиации на беззащитную в первое время войны Англию.

Но это была не Англия...

Никколс испытывал странное раздвоение сознания. Но необычайное его не смущало. Ему казалось: его разум так же бдителен, как всегда. И он знал, что сидит за своим столом, что находится за тысячи миль от полей сражений, но все же он был и там. Никколс видел горы, покрытые зелеными лесами, и слышал орудийный гром. Он не мог быть без людей, они, невидимые, затаились всюду. За каждым деревом, в каждой впадине скрывался человек, и пушка, и пулемет... Никколс всматривался, но не находил ни одного лица, не видел ни одного силуэта.

Звено за звеном шли самолеты, все небо было в самолетах. Никколс узнавал их – так же, как те, для которых он построил эту базу в горах, смотрел, как от плоскостей самолетов отрывались темные сгустки бомб, падали, касались деревьев, исчезали. Красный огонь разливался повсюду, валил дым, такой же черный и такого же запаха, как дым опиума.

Бомбы дробили развалины городов, пыль и щебень поднимались тучами, но нигде не было видно ни одного человека. Никколс понимал: одних убили, а другие спрятались глубоко под землей.

Руки сами собой набивали трубку и поджигали новую порцию смеси опиума и трубочного табака. Он забыл о гибели брата, забыл и о том, что хотел что-то забыть. Но

ему стало страшно и противно быть свидетелем чудовищного, бессмысленного истребления. Он сделал незаметное усилие, чтобы достать нить, нашел ее и потянул – она связывала двух Никколсов: того, кто сидел за столом, и того, кто отправился посмотреть на войну в Корею, – слился воедино, сидел, смотрел на свои руки, возившиеся с трубкой.

Трубка была хорошо обкурена, с прямым мундштуком и серебряным кольцом на соединении.

Никколс забавлялся полной самостоятельностью рук. Они умные, умеют сами все делать. Он, оказывается, никогда не знал рук и теперь удивлялся им, как надежному старому знакомому, в котором внезапно открылся неожиданный талант.

Никколс захотел посмотреть на свои руки со стороны. Он встал и, оставив руки на столе, отошел в угол комнаты. Там он оглянулся и увидел другого Никколса; этот второй Никколс сидел и курил трубку. Так тоже было очень интересно взглянуть на самого себя без всякого зеркала.

Никколс твердо помнил, что он курит опиум, и понимал, что все чудеса происходят от опиума. Поэтому он спокойно вернулся к столу и опять легко объединил обоих Никколсов в одном. Он нисколько не боялся – опиум не сумеет его обмануть. Но почему он вздумал курить?..

Думать ему не хотелось, и он заинтересовался чудесными изменениями в окружающей его обстановке. Пол сделался жидким, как вода, и ноги ушли в него до колен. Электрический свет отражался от пола, а ковер изогнулся.

Никколс рассмеялся – вот так опиум! Если здравомыслящий человек от опиума может разделяться на двой-

ников и вновь сливаться, то уж с полом-то может случиться что угодно. Нужно запомнить все и потом рассказать.

Вода холодная и влажная... Никколс опустил руку. Пол был совершенно сухой, хотя и мягкий, потому что рука вошла в него.

Никколсу сделалось очень весело. Он сидел, курил и смеялся.

Он не видел, как сорванная с петель напором воды упала дверь его комнаты и как вместе с волной ворвался генерал Сэгельсон. Генерал закричал:

– Никколс, Никколс! Потоп! Ваш проклятии барраж никуда не годится! Да вы что, пьяны?!

Вместо американца Никколс увидел Ральфа. Мальчик размахивал руками, и с них летели капли крови. Ральф хотел что-то сказать, но его толкнул генерал Сэгельсон. От удара мальчик упал и умер.

Никколс все вспомнил. Он сказал:

– Мой брат убит. Совсем убит, умер от ран...

– Какое мне дело? – завопил Сэгельсон. – Плевать мне на всех ваших братьев! Нашли время сидеть и хныкать. Потоп, говорю я вам! Очнитесь, что делать, чтобы бороться с водой?

Так вот кто убил Ральфа... Руки инженера Никколса сами нашли автоматический пистолет в ящике стола.

По грудь в воде, Никколс топтался по комнате и стрелял в американца. Труп генерала Сэгельсона давно куда-то исчез, кругом плавали непонятные предметы, а Никколс не унимался. Сначала он как следует расправится с убийцей, потом отправится за Ральфом, расскажет, как он хорошо отомстил за него, и больше они никогда не расстанутся. А Эйрин оставит их в покое за деньги...

И Никколс воображал, что стреляет, пока его комната не наполнилась водой до самого потолка.

V

Через трое суток Инд размыл и раздавил оползень. Река вернулась в старое русло. Уцелевшие леса, покрытые сором и грязью, встали из-под воды.

Пройдет несколько месяцев, новой зеленью затянутся сломанные стволы деревьев, буйная растительность скроет следы разрушений и еще сильнее разрастется на оплодотворенной илом каменистой почве. Но долго останутся голыми кручи, обнаженные оползнями.

Теперь не нужно было делать трудный, долгий обход проклятого места, поэтому Эль-Мустафи и его товарищи возвращались ближним путем.

Уходя, наводнение оставило в долине не скоро изгладимые следы: размытые берега, кучи вырванных с корнями обезображенных деревьев, промоины, свежие обвалы... и воронки над норами утопленных грызунов.

На второй день пути под почти непрерывным дождем люди вышли к устью долины и взобрались на возвышенность, откуда обозревалась база. Было темно из-за дождя, и люди терпеливо дожидались просвета. Потом огляделись.

Летное поле было неузнаваемо. Вода унесла даже бетонные взлетные дорожки и изрыла оврагами ровную прежде поверхность. Так поступает наводнение: сначала оно топит, потом роет.

В обрыве горы виднелась линия правильных широких отверстий. Они чернели, как громадные входы в пещеры. В

них могли бы пройти целые стада слонов. Наводнение унесло мягкий грунт и обнажило каменную подошву горы. Сейчас, пожалуй, ни один слон не смог бы подняться в пещеры, а людям понадобились бы лестницы.

Вода Инда вылилась из глубоких помещений базы, но откуда-то изнутри бежал живой поток. Он образовывал водопад, а потом превращался в речку и бежал на юг по проложенному Индом новому пути.

— Наша вода, которую нашли и спрятали американцы и англичане, — вслух подумал Бекир.

Он не ошибался. Колодец, устроенный для поглощения артезианской воды, заполнился пробкой из всякого мусора, нанесенного сюда водой, частей изломанного оборудования, мебели, тел утонувших солдат и офицеров гарнизона базы.

Кое-где внизу валялись наполовину ушедшие в размокший грунт, но все еще громадные изломанные самолеты, выброшенные из скалистых ангаров, перевернутые автомобили, баки.

И ни одного человека. Здесь были только хищники, всегда мучимые жадностью и не боящиеся дождей. Несколько рыжих волков трепали что-то неразличимое. Голошение грифы нашли поживу в долине к досаде шакалов.

На пороге одной из пещер показался коршун. Он вышел откуда-то изнутри, из темноты. Птица вытягивала шею, стараясь оторвать избыток обременившей ее пищи...

Глядя на разрушенную родной рекой с помощью восьми пар человеческих рук крепость врага, Эль-Мустафи думал о слухе, который пройдет по стране. Его будут передавать и потихоньку и полным голосом. Он проникнет в

дома богачей и в глиняные хижины нищих. Правда обрассет удивительными подробностями, исказится и все же останется правдой – манящей, сверкающей, незабываемой. Она будет работать в умах людей подобно камню, который, сорвавшись с горы, непрерывно множит свою силу, пока не зашевелится вся каменная осыпь.

Люди пошли своей дорогой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РАСКРЫТИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Встреча

I

Приблизительно в середине расстояния между верхней окраиной кишлака Дуаб и палаткой изыскателей находилась старая крепость. Она была далеко не так величественна, как громадное укрепление, сооруженное ханом Кебеком.

Одно из многих укреплений, рассыпанных по среднеазиатской земле, оно не имело собственного имени, и никто не знал, кто и когда возвел его. Дуабцы и чешминцы называли укрепление просто Кала, то есть крепость или крепостная стена. К общему названию не прибавлялось второе слово, которое могло бы придать сооружению индивидуальность и подсказать хотя бы частицу предания.

Когда-то эта крепость, рассчитанная на сто пятьдесят или двести воинов, защищала вход в долину Дуаба. Еще сохранились ее полуобвалившиеся стены из сырцовых кирпичей и широкая башня со сбитым верхним ярусом. Скромность строительного материала сохранила остатки крепости. Будь ее сооружения из обожженного кирпича, все давно бы растаскали жители Дуаба и Чешмы для своих надобностей.

Юнус забрался в крепость со стороны гор, через брешь обвала. Он терпеливо приглядывался ко всему, что происходило в долине. Наблюдать было удобно, а руины стен образовали тенистые закоулки, хорошо скрывавшие засаду.

Разведчик дождался часа, когда рывшие землю колхозники собрались кучкой и ушли в Дуаб. Они прошли мимо, и Юнус узнал среди них Шарипа Ишхаева.

Настоящим входом в крепость служила крутая узкая насыпь. Она поднималась с земли параллельно стене, и, достигнув уровня пролома на месте бывших ворот, сворачивала к нему под прямым углом.

Юнусу надоело сидеть на одном месте, он уже рассмотрел все, видимое сверху, и его подмывало спуститься по этому своеобразному воздушному мосту. Когда-то, вероятно, по нему могла проехать повозка. Время источило насыпь, сверху она стала как лезвие иззубренного ножа, и нужна была смелость, чтобы испытать такой неверный путь. Это-то и соблазняло Юнуса. Он примерился, рассчитывая заранее, как и где поставить ногу, и кошкой сбежал вниз.

Довольный собой, он заложил руки за спину и поти-

хоньку, с видом празднующегося, побрел к буровой вышке. Не доходя до этого сооружения, Юнус остановился около длинного узкого рва, где сегодня работали люди из кишлаков. Конечно, как и говорил Шарип, это был не колодец, а какой-то узкий прорез с постепенно понижающимся дном. Его отвесные стены были тщательно сглажены лопатами; в конце, в самом глубоком месте, темнела вода.

В эту минуту в выемку попадали солнечные лучи и почти вся она была освещена. Какой-то человек возился внизу с большим фотоаппаратом. Юнуса учили фотографированию в американской школе, и он понимал, что человек внизу делает снимки стенок. Чтобы захватить на пленке большее пространство, человек прижимался спиной к противоположной стенке. Потом он прошел глубже, посмотрел на рейку, торчавшую из воды, и что-то записал в книжку, предварительно взглянув на часы.

Кончив свое дело, человек быстро выбрался из выемки, и Юнус отступил, давая ему дорогу. Оказалось, что это тот самый русский, которого он видел на празднике в колхозной чайхане.

– Салам алейкум, – приветствовал русский Юнуса.

– Ва алейкум ас-салам, – ответил как полагается Юнус.

– А вода-то поднимается, – заявил русский. – Есть напор, чудесно! Хоть и слабый, за два часа все же на пять сантиметров. Это чего-нибудь да стоит. Ты еще не работал здесь? Приходи завтра, а? На общую пользу. Вода поднялась вот насколько, – и Ефимов показал на пальцах.

Юнус улыбался. Кроме сказанного русским приветом, он не понял ни слова, но этот человек был любезен с ним, и следовало улыбаться в ответ по правилам вежливости.

Вблизи русский производил приятное впечатление. Он произносил звучные слова, мягкие и певучие. Лицо русского можно было считать похожим на лицо того американца, который обучал в школе обращению с оружием. Такой же круглый голый подбородок, большой рот и выгоревшие почти добела брови. Но глаза у русского были не голубые, а зеленовато-серые и взгляд другой. Этот русский коммунист не казался Юнусу злым человеком. Он опять что-то спрашивает. Юнус покачал головой и развел ладони в знак того, что не понимает. Тогда Ефимов показал на небо, на солнце, на восток, изобразил, как роют землю, и поманил Юнуса. Юнус понял, что его приглашают прийти утром на работу, и кивнул.

– Я приду, – сказал он четко и громко, как глухому. Ефимов понял и подал ему руку. Решительно, он не так похож на того американца.

Ефимов пошел к палатке, и Юнус двинулся за ним следом. Нужно не спеша все осмотреть и запомнить, чтобы не сделать ночью ни малейшей ошибки. Юнус считал себя разведчиком в дар-уль-харб – стране врага. Буровые вышки Юнус видал на родине. Там американцы сверлили землю. Но они, как говорили, искали не воду, а нефть.

Машина не работала. Двое людей в русской одежде, но, кажется, не русские, свинчивали трубы. Около вышки в плоском открытом ящике лежали длинные цилиндрические куски, выточенные из камня. Юнус присматривался к двум занятым и не обращавшим на него внимания людям. Один, как видно, сильный, а другой послабее. Русского Юнус оценил раньше: ловкий, но не слишком сильный.

Интересно, есть ли у них оружие, кроме ножей, которые обычно носят на поясе, какое и где они его держат.

Юнус обошел вокруг палатки. Края парусины были приподняты, и из палатки доносился чей-то тихий голос. Ему хотелось нагнуться, заглянуть внутрь и прислушаться, но это было бы неосторожно. Юнус заметил, как укреплена палатка, сосчитал веревки, привязанные к кольям, вбитым в землю. Если перерезать веревки, парусина упадет...

Юнус размышлял о русском. Он представлял себе всех русских, особенно коммунистов, людьми большого роста, со свирепыми лицами, злыми глазами и рычащими головами. Такое представление сложилось у него со слов Шейх-Аталык-Ходжи, такими должны были быть враги ислама. В стране врага он не встречал еще ни одного лица, похожего на созданный его воображением образ, но не сомневался, что еще встретит.

Юнус пока не имел заслуг перед богом, подобно Исаху, Ахмаду, Исмаилу и Сафару, которым он завидовал. Он медлил около палатки, казавшейся маленькой, тесной. Может быть, они не все спят в ней. Как бы это узнать... Юнус хотел найти удобную минуту и заглянуть внутрь.

II

Пригнувшись, из палатки вышел какой-то человек, одетый в поношенный короткий халат и с новой черной тюбетейкой на голове. Он прошел было мимо Юнуса, но вдруг остановился и оглянулся. Люди встретились глазами. У этого узбека была короткая борода и запоминающиеся глаза с желтыми искорками кругом зрачков.

— Что ты здесь делаешь, друг? — спросил Ибадулла, рассматривая Юнуса.

— Мир тебе, — ответил Юнус. — Я пришел... — он хотел

сказать, что завтра будет работать, и запнулся. Он где-то видел этого человека с особенными глазами. Юнуса учили, что очень важно помнить, где и когда видел любого человека. – Я пришел посмотреть, как работают, я тоже приду завтра, – закончил Юнус.

– Ты пришел посмотреть? – повторил узбек. – Ты живешь здесь, в Дуабе или в Чешме? – спросил узбек. Юнус видел, что он тоже пытается вспомнить.

– Да, – подтвердил Юнус, – завтра я приду сюда работать. Тебе мир, – и Юнус повернулся, чтобы уйти.

Он пошел медленно и чувствовал, что узбек внимательно смотрит ему вслед. Ему стало немного холодно, точно солнце стало меньше греть. Он слышал быстрые шаги. Узбек догнал его и пошел рядом.

– Подожди, не торопись так, – сказал он, хотя Юнус не спешил. – Пойдем вместе. Как тебя зовут?

Двадцать или тридцать шагов Юнус прошел молча. Нет, сказал он себе, опасность нужно встречать грудью, разве он не воин ислама! Юнус остановился и взглянул узбеку прямо в глаза:

– Меня зовут Абдурахман.

– Абдурахман, говоришь? – переспросил узбек. Он все еще старался вспомнить, а Юнус уже знал, с кем говорит. Узбека звали Ибадулло, и он бывал в доме Шейх-Аталык-Ходжи. Юнус не сомневался: дважды ему приходилось прислуживать хозяину, когда его гостем был этот человек. Это было, может быть, год тому назад.

Юнус сразу успокоился. Мулла говорил: «Вы можете встретить друзей, не удивляйтесь. У каждого свой подвиг в стране врага. Делайте вид, что не узнаете друг друга. Но

если вам будет нужна помощь, произнесите слово тихо, чтобы никто нечистый не услышал его. Также сложите кольцом пальцы правой руки, что есть знак вечности».

Почему этот Ибадулла не произносит слова и не делает знака? Разве он забыл?

— Нет, ты не Абдурахман. А если и Абдурахман, то не живешь здесь, — настаивал Ибадулла. — Я не знаю твоего имени, но я встречал тебя слишком далеко отсюда, не помню где, однако ты не можешь быть местным жителем.

Юнус не понимал, действительно ли этот человек, друг муллы, не может вспомнить или только лишь испытывает его. Игра забавляла, и он решил продолжать.

— Ты ошибаешься, человек, — уверенно сказал он. — Меня зовут Абдурахман, и я живу здесь, в Чешме.

Ибадулла недоверчиво покачал головой, он сосредоточенно вспоминал. Юнус был вполне доволен. Пусть этот Ибадулла ломает себе голову, потом он поразит его своей выдержкой и умением вести себя. А хорошо, что они встретились, этот мусульманин мог погибнуть вместе с коммунистами, что уменьшило бы заслугу. Ибадулла должен сегодня же зайти к Шарипу, встретиться со своими и решить вместе с ними, что делать. Придется показать ему знак и напомнить о слове, чтобы не терять времени.

III

Фатима видела из палатки, как Ибадулла беседовал с каким-то молодым колхозником. Девушка пристроилась на ящике и с утра тщательно составляла описание кернов, образцов породы, извлеченных буром. Работа не спори-

лась, и вернуться к ней девушка не могла. Она переменяла положение и пересела, чтобы лучше видеть Ибадуллу.

Только что произошло большое для Фатимы событие – разговор, которого она давно ждала. Ибадулла, вначале сердивший ее своей отчужденностью, так быстро изменялся, точно в нем было несколько человек. Но он по-прежнему оставался непонятным. Что-то было в нем скрытое, недоступное. Что это? Кто он, Ибадулла? Конечно, друг, это она чувствовала. Но кто этот друг?

С него, как со старинной чаши, изо дня в день сходила ржавчина. И спадающая корка обнажала нечто большое, значительное. Вновь Фатима сердилась на Ибадуллу: непонятное раздражало.

Но как потребовать от человека сказать, кто он? Как можно ответить на такой вопрос? Шуткой, молчанием, смехом или обидой...

И вот она спросила, даже почти приказала ответить. Как она осмелилась? Теперь она бы уже не сумела. Час тому назад она сказала: «Говорите же, я хочу».

Он не промолчал, молчаливый Ибадулла.

Он говорил на своем особенном языке, в который врывались случайные арабские и персидские слова. Его фразы были коротки и точны. В них, как вода в камнях, бились чувства человека, который жил, чтобы искать истину, и искал, чтобы жить. Девушка верила каждому его слову.

Она видела изгнанника-отца, умершего вдали от родины со словами проклятия и бесплодного раскаяния в непоправимой ошибке. Она плакала, когда оспа унесла его несчастную семью.

Ибадулла не плакал, его глаза не блестели и голос не дрогнул. Но его сердце плакало, она чувствовала это.

Тяжким гнетом легли своды медресе. Как мог человек выйти из этой ямы злобы и ненависти и не погибнуть! А он сумел. Он смог все вынести и остановиться на краю, перед последней чертой. Девушка пылко возненавидела подлого муллу Аталыка.

Ибадулла рассказывал, и мулла исчез, заслоненный миром человеческих страданий. Как много горя было там, откуда пришел Ибадулла! Его голос точно развертывал странную сказку, и он был так спокоен, будто все происходило не с ним, не на его глазах. Неправда это, страдание жило в нем.

Так вот кто такой Ибадулла!

Как хочется утешить его...

– Что с тобой, Фатима? – спросил Ефимов, и его голос вернул девушку к действительности.

Кажется, она плакала... Фатима вытерла глаза. Ибадулла уходил в сторону Дуаба вместе с каким-то молодым колхозником. Ефимов сел рядом с Фатимой и дружески обнял ее плечо.

– Фатимочка, да что с тобой? – спрашивал Ефимов. – Ты нездорова? Тебя расстроил Ибадулла? Я и не знал, что ты умеешь плакать. Чем ты огорчена? Что тебе сделал Ибадулла?

– Нет, нет, – поспешила возразить девушка. – Мне только очень жалко его. Он рассказывал о себе, вот и все. Он хороший человек, настоящий, правда? Но я не могу тебе передать.

– Я знаю, – ответил Ефимов. – Он храбрец, я видел, как он голыми руками задушил змею.

- И ты не сказал!
- К чему? Ему не было нужно, чтобы я говорил.
- Это правда. Но он сумел задушить что-то, что страшнее всех змей.
- Я тебя не понимаю, Фатимочка.
- Он сам тебе расскажет. Ведь ты его друг, скажи?
- Конечно, друг. Он это знает. Я уверен, что он много знает, Фатимочка, о таких вещах, как жизнь. Больше, чем мы с тобой.

IV

Как мальчишке надоедает затянувшаяся игра в прятки, так и Юнуса наскучила взаимная мистификация.

Он сложил кольцом пальцы правой руки и показал Ибадулле. Потом сказал слово:

– Бог не поместил во внутренности человека двух сердец.

Это была цитата из корана, призывающая к верности и преданности исламу. На нее следовало бы ответить: «Мы сотворили сверх вас семь путей». Семь путей – семь небесных сводов, на которых помещаются ангелы. Упоминание о них говорит о величии бога ислама. Но Ибадулла сказал другое.

– Теперь я узнал тебя. Не знаю твоего имени, не могу вспомнить, хотя мулла Шейх-Аталык и произносил его при мне. Я видел тебя в его доме... Как ты сюда попал и что ты здесь делаешь?

Получалось не так, как учили Юнуса, и он опять ощутил легкую тревогу. Может быть, Ибадулле нужен еще другой знак и другое слово, а этих он не знает? На всякий случай следует отойти подальше.

– Пойдем со мной, – пригласил Юнус. – Я все тебе расскажу.

Он привел Ибадулла в укромное место между стеной Кала и ведущими в крепость остатками воздушного моста. Там он пальцем прямо на стене изобразил двадцать пять черточек, расположенных в пять рядов. Этот знак, по мнению Юнуса, разрешал все сомнения. Ему казалось, что Ибадулла странно смотрел на него, но, наконец-то, он понял.

– Теперь я убедился, – сказал Ибадулла. – Тебя перебросили сюда американцы.

– Да, – подтвердил Юнус, хотя в голосе Ибадуллы и не было вопроса. – Ты знаешь знак союза, и я могу говорить с тобой обо всем. Ты один здесь?

– А сколько вас? – спросил Ибадулла, не отвечая на вопрос.

– Сейчас четверо. Один ушел в Аллакенд. Если угодно богу, он вернется через день или два.

– Сколько тебе лет? – опять задал вопрос Ибадулла.

«К чему ему мой возраст? – недовольно подумал Юнус. – Он считает меня мальчишкой, вероятно». – И неохотно ответил:

– Я был мальчишкой, когда началась большая война, и юношей, когда она окончилась.

– Значит, тебе двадцать два или двадцать три года?

– Наверное, так.

– Садись и расскажи мне, как ты попал в дом муллы и как оказался здесь.

Юнус послушно сел на упавший со стены кусок сухой глины, но начал с возражения:

– Ты задаешь ненужные вопросы. Зачем тебе знать, что я был воспитан в доме муллы Шейх-Аталык-Ходжи? А как я появился здесь? Так же, как и ты. Нас перебросили на самолете. Разве ты иначе попал сюда?

– Мулла взял тебя у отца за долг, или ты его родственник?

Обиженный и разочарованный, Юнус не ответил. Какое дело Ибадулле до его происхождения? Кому приятно напоминание о том, что его продали? В школе Бурхан постоянно издевался над ним. Если этот Ибадулла друг самого муллы, то нечего оскорблять человека и показывать свое превосходство. Сейчас они все равны, как воины ислама. Юнус встал и сказал раздраженным голосом:

– У меня нет времени на пустые разговоры. Если хочешь встретить своих, пойдем со мной. Или приходи сам, но до наступления ночи. Мы в нижнем кишлаке, второй дом от въезда на правой стороне и предпоследний, если идти отсюда. Хозяин – Шарип. Но не ночуй здесь вместе с коммунистами, если не придешь к нам. Уйди от них на ночь и устройся так, чтобы на тебя не пало подозрение.

– В чем? – спросил Ибадулла.

«Наконец-то его проняло, он взволновался», – с удовлетворением подумал Юнус и торжественно сказал:

– Судьба бережет тебя. Вознеси благодарение богу за встречу со мной. Ты мог погибнуть вместе с ними. Они осуждены. Не успеет взойти солнце завтрашнего дня, как их души окажутся в аду.

И гнев и жалость были в сердце Ибадуллы. Несчастный раб, проданный и преданный. И он гордится, глупый и слепой, как нож в руке убийцы. Жалкое человеческое су-

щество, бездомное, без родины, обреченное на бессмысленную гибель.

– Ты все знаешь. А мне пора идти, – небрежно бросил Юнус.

– Подожди. Ты никуда не пойдешь. Ты еще можешь спасти жизнь. Сдайся! – приказал Ибадулла.

– Что?! – вскрикнул Юнус. В его руке оказался нож, он держал его в кулаке, острием от себя. – Предатель ислама! – И Юнус бросился на Ибадуллу, целясь нанести смертельный удар снизу, под ребра левой стороны груди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Просительница

I

Тело умершего от яда историка Мохаммед-Рахима запеленали в широкую полосу чистой, не бывшей в употреблении ткани и отнесли на кладбище. Над могилой возвели маленький острый сводик – согону. Сухая земля родины приняла еще одно тело; покинутое жизнью, оно сделается землей... А сам человек остался жить в умах и сердцах людей.

...Громадное раскаленное солнце беспощадно жгло город, одевая его в две краски, видимые утомленным зрением: в белую – освещенных мест и черную – в тени.

Сафар безразлично толкался в рядах на базаре, приглядываясь к вещам, выставленным в ларьках и в витринах магазинов. Присев на корточки около переносной жа-

ровни, он съел несколько палочек шашлыка, поджаренного на углях.

Сафар посетил и зеленый базар, рассматривал фрукты, пробовал виноград. Заботливо выбрав тяжелую, как пушечное ядро, чарджоускую дыню в желтовато-зеленой коже, рассеченной мелкой сеткой, Сафар тут же съел ее с помощью ножа, предложенного продавцом.

Сафар хотел слушать город, поэтому ходил неторопливо и сам ни с кем не заговаривал. Чтобы лучше запомнить и понять слова людей, не следует их смешивать со своими.

Большой двор базарного караван-сарая был полон ослов, оставленных колхозниками, приехавшими в город. Довольные большим обществом, обычно спокойные, ослы здесь гонялись друг за другом, играли, дрались, не обращая внимания на зной. В тени, опустив головы, стояли лошади. Несколько верблюдов лежали на припеке, откинув большие головы с безглаголиво отвисшими губами и полузакрытыми глазами, полные безразличия и презрения к окружающей их шумной и глупой мелкоте.

В воротах тесной кучкой стояли люди. Один из них говорил, делая энергичные жесты. Слушатели согласно кивали головами. И здесь говорят все о том же – о смерти Мохаммед-Рахима...

После полудня Сафар зашел в городскую баню. В раздевальне стояла приятная прохлада. Вниз, понижаясь как ступени, одна за другой шли восьмиугольные сводчатые залы с выходами в разные стороны. Свет падал сверху, из отверстий в сводах.

Сафар осторожно ступал по скользким каменным пли-

там, отшлифованным ступнями многих поколений. Баня существовала несколько столетий. Она стала подземной, так как город давно утопил под собой прочное древнее сооружение.

Отдыхая, Сафар прилег в темной нише. Сквозь плеск воды доносились голоса людей, и он прислушивался к своеобразной перекличке:

– Их следует повесить. Публично, на Регистане, чтобы все видели!

– И подтянуть повыше.

– Правильно!

– Нужно их еще найти!

– Разве никто не арестован?

– Не слышно.

– Говорят, уже нашли следы.

Сафар прислушивался: везде одно и то же... Голоса умолкли. Сафар положил руку под голову и задремал.

II

Возвращаясь к Исмаилову, Сафар несколько не был смущен общим негодованием. Он отдохнул и после бани чувствовал себя свежим и сильным. Он был даже доволен: удар пришелся в больное место.

О Бохассе еще не говорят, это естественно; слухи о том, что случилось утром, когда люди начали пользоваться водой, еще не распространились.

Исмаилов и Хамидов ждали Сафара. Первыми его словами были:

– Расскажи, Хамидов, как ты поступил с Бохассой?

До последней минуты Хамидов колебался, не зная, скажет ли он правду. Он не поделился своей неудачей с Исмаиловым – не следует преждевременно расходовать слова, при повторениях речь теряет убедительность, и неосмотрительно заранее связывать себя. Хамидов внутренне репетировал встречу с Сафаром, взвешивая выгоды той или иной лжи. Но при виде Сафара он понял, что только правда может быть ему выгодной, и уверенно ответил:

– Под Бохассой много арыков, мне было трудно найти нужный, поэтому живущие там получили лишний день жизни. Я решил действовать наверняка. Сегодня утром я ходил туда, посетил музей, прошелся по окрестностям и все рассмотрел. Я совершу дело сегодня, до восхода луны.

Исмаилов едва заметно улыбнулся, а Сафар ничего не сказал в упрек Хамидову. Судьба может неблагоприятствовать, человеку не удастся совершить задуманное, так бывает. Не нужно натягивать струну слишком сильно, эти люди зависели от него, но и он зависел от них. Поэтому Сафар не считал нужным сказать Хассану, что яд в воду он мог бы опустить и днем.

Сафар колебался, он хотел уехать. Задержаться ли еще на один день и не пойти ли с Хассаном ночью в Бохассу? Нет, пора. Он доверял Исмаилову и Хамидову и сказал:

– Сегодня ночью я уйду. Оставайтесь и продолжайте совершать угодные богу дела, мусульмане.

«Наконец-то», – с облегчением подумал Исмаилов. Пребывание опасного гостя несказанно угнетало Садыка Исмаиловича. Однако он имел выдержку и умел не спрашивать Сафара о сроке. Он вел себя мягче с женой, давал ей лишние деньги на хозяйство и подарил материи на два платья, хотя сам считал, что хватило бы еще старых.

Со дня появления Сафара в его доме директор торговой организации начал еще тщательнее выполнять свои служебные обязанности, стал еще требовательнее к подчиненным, под страхом немедленного увольнения запретил ночному сторожу заниматься мелочной торговлей на ступеньках конторы.

Строгий директор издал подробный приказ, требуя усиления внимания к потребителям и повышения трудовой дисциплины. Он обошел все торговые точки, изучал записи в книгах жалоб и предложений, отдал под суд продавца, уличенного в обмере покупателя. Недомер на целых восемь сантиметров в отрезе сукна! Возмутительно! Исмаилов требовал показательного суда.

Более смелый или менее впечатлительный Хамидов тоже согласился, что операции с рынком следует на время прекратить.

– Когда идет поезд в Карши? – осведомился Сафар, не скрывая пункта своего назначения.

Поезд отправлялся в час ночи.

Хассан Хамидов очень устал, все утро он бродил под солнцем, чтобы изучить Бохассу. Зато теперь он уверен в себе и в успехе.

Амина подала обед. Сафар ел жадно и много, как бы стараясь насытиться на несколько дней вперед. После обеда он сделался разговорчивее.

– Ваш город полон дурными людьми, – говорил он со спокойной злобой. – Многие *оплакивают* Мохаммед-Рахима, душа которого пылает в аду между огненными жерновами. Ваш город не священный, а нечистый, он насыщен коммунистами. Вам, верным, я оставляю запас

американского порошка, который убивает. Будет указание, когда пустить его в дело. Не будет указания, действуйте сами применительно к событиям, например если услышите о начале войны. Опустите порошок в главный канал. Так же поступите с источниками, питающими город, где проходит железная дорога. Сами уезжайте на время в тот же день... Но заблаговременно осмотритесь. Пусть тебе, Хассан, неудача с Бохассой послужит уроком...

III

Мужчины прекращали разговор, когда появлялась обслуживающая их женщина. Они не смотрели на нее, иначе могли бы заметить, что женщина едва держится на ногах. Ее лицо было закрыто волосистой сеткой.

Всю ночь Амину мучила мысль о персиках в руках Сафара и о странном вопросе, заданном приходившим от имени Тургунбаева человеком. Она чувствовала, что от Сафара могло исходить только недоброе. С каждым днем его пребывания в доме увеличивался гнет.

Амина больше не старалась подслушивать разговоры мужчин, но не из опасения быть обнаруженной. Пусть Садык побьет ее за любопытство, это будут не первые побои. Амина боялась услышать что-то страшное. Она отталкивала свои предположения, как бессмысленные. Говорил же ей Садык, что она безмозглая, а Садык – умный человек. «Что ты можешь понимать?» – говорила она себе.

Сегодня утром, покупая на базаре баранину и пряности для плова и супа, Амина слышала разговоры о внезапной смерти Мохаммед-Рахима. Ее бабушка с ненавистью го-

ворила об этом человеке, призывавшем к борьбе с исламом; о друге революции, о коммунисте. А сегодня на базаре многие люди говорили с гневом и грустью о смерти узбекского ученого. Кто-то сказал: «Это политическое дело».

Амина не вслушивалась, она думала о своем. Жизнь очень тяжела. Если у Мохаммед-Рахима были дети, жаль сирот, они остались без отца. Он был не стар, дети, наверное, маленькие. Дети принадлежат женщине больше, чем мужчине, но, может быть, Мохаммед-Рахим любил своих детей. А если он был одинок, то что страшного в смерти?..

И вдруг кто-то сказал в магазине, когда Амина уже выходила из двери:

– Его отравили персиками. Фанатики ненавидели Мохаммед-Рахима!

Вернувшись домой, Амина, как автомат, привычными движениями приготавливала обед, прислуживала мужчинам, убирала посуду. Потом сил не стало.

Младший сын спал. Старший был голоден, но мальчик привык соблюдать тишину и ждать. Чувствуя неладное, он прижался к матери и засунул голову под черное покрывало, которое она нарочно не сняла, сойдя вниз, чтобы никто не видел выражения ее лица. Мальчик старался рассмотреть мать, нашел ее руку, перевернул ладонью вверх и прильнул щекой.

Амина очнулась от скрипа лестницы: кто-то из мужчин спустился во двор и через минуту поднялся обратно. Младший мальчик проснулся и попросил тоненьким жалобным голосом:

– Мама, есть...

Женщина сбросила на пол мешавшую ей паранджу, взяла ребенка, схватила за руку старшего и сказала:
– Пойдем.

IV

Этим утром жена сказала Суфи Османову:

– Мой Суфи, ты можешь узнать любые фрукты, как только их увидишь. И правда, ты знаешь все, что растет в наших садах. Почему бы тебе не пойти к следователю и не взглянуть на отравленные персики?

Мысль об экспертизе сразу воспламенила Суфи. Он представил себе, как он назовет хозяина сада, как туда пойдут, хозяин вспомнит, кому продал... Суфи увидел себя главным человеком, раскрывшим подлых убийц.

Но не прошел Суфи и половины площади перед городской крепостью Арком, как им овладели сомнения. Вдруг он ошибется? Персики лежали, лишились вида. Они могут быть и привозными. Суфи выставит себя на посмешище.

И Суфи отправился в вербовочную контору, оформил документы, получил аванс и путевку к новому месту работы. На это ушло утро.

От вербовщика Суфи пошел проститься с товарищами. На заводе все говорили об убийстве ученого Мохамед-Рахима. Рабочие хорошо знали историка как лектора и агитатора, от них Суфи лучше понял значение преступления и серьезность подсказанного ему женой шага.

В начале шестого часа вечера Суфи оказался вблизи городского управления милиции. Недалеко от двери он

помедлил. Измучившись, понимая, что уже наступает вечер и дома жена изнывает от волнения, Суфи сказал себе:

– Слушай, будь мужчиной, возьми себя за шиворот.

Просунувшись в неудобное, слишком высокое для него окошко, Суфи покраснел, как слива, но, сознавая, что путь назад отрезан, решительно заявил о желании сделать важное сообщение.

Дальше все получилось просто. Следователь оказался знакомым, он захаживал к Суфи за фруктами, они беседовали о садоводстве. Поэтому, как показалось Суфи, следователь не удивился.

Скоро принесли банку с притертой пробкой; внутри, в какой-то жидкости, были четыре персика. Персики немного окрасили прозрачную жидкость, но были отлично видны и казались совсем как с дерева.

Суфи осторожно повертел банку и поставил ее на стол.

– Плохо, – сказал он, – напрасно я отнял время у такого занятого серьезным делом человека, как товарищ начальник.

– Но почему плохо и почему напрасно, товарищ Османов? – спросил следователь, следивший за быстрой сменой выражений на живом лице маленького любителя садоводства.

– Почему плохо? Э-эх... Суфи считал, что все знает... Тут не могут быть мои персики, а у кого есть такие же, не знаю. В городе ни у кого нет.

– А почему они не могут быть ваши?

– В этом году я еще не продавал персиков.

– А разве третьего дня у вас не брал персики Садык Исмаилов?

Слова следователя основывались на показаниях по делу покушения на Тургунбаева, чего Суфи не мог знать. Именно тот факт, что его персики могли быть только у Исмаилова, и мешал Суфи узнать их. Он сразу был сбит с толку мыслью о невозможности этого и так озабочен, что не обратил внимания на удивительную осведомленность следователя. Суфи подтвердил:

– Да. Но тут не могут быть мои персики. С чего бы им быть тут?

– Не думайте об этом, товарищ Османов. Помните о смерти нашего Мохаммед-Рахима и смотрите внимательно, помогите нам.

Следователь вызвал кого-то и приказал принести поднос. Персики выложили на него. От острого запаха жидкости у Суфи защипало в носу и глазах, но он ясно увидел на одном из плодов темную выпуклость, похожую на бородавку. Он выпрямился и, вытирая глаза, прошептал:

– Клянусь, этот персик – мой.

V

Амина прокралась по двору. Она дрожала от страха: вдруг ее заметит Садык. Женщина неслышно открыла калитку, пропустила сына и бесшумно закрыла за собой дверь.

Уже вечерело, и узкий тихий переулок был в тени. Двери дома старого Мослима-Аделя были почти рядом. Амине казалось, что ее стука не слышат, а постучать сильнее она боялась. Наконец во дворе раздался громкий голос старшей внучки Мослима:

– Да входите же, дверь не заперта!.. Эй, вот так чудо!

Затворница пришла в гости к соседям! – весело встретила Амину молодая женщина. – Входи, входи, по старой поговорке, с гостем в дом входит бог. Но что с тобой, что случилось, женщина? – прервала свою шутливую речь веселая внучка старого учителя, увидев лицо гостьи.

– Скажи, он дома?

– Он наверху.

Как трудно было подниматься по лестнице. Ступени казались бесконечными...

...Теперь у Амины совсем не осталось сил. Если бы пожар охватил город, все равно она не смогла бы пошевелиться. И произнести одно слово было бы мучением.

Амина смотрела, как Мослим быстро говорил со своим сыном и как тот поспешно ушел. С запиской куда-то убежала внучка.

Амине было все равно. Она рассказала всю правду, кроме того, как с ней обращался муж. Это не нужно, это ее собственный позор и горе, и никто о них не узнает.

Они остались наедине. Мослим сел рядом с Аминой и погладил ее по голове, нежно и долго. Так только отец умеет коснуться головы дочери и больше никто.

Женщина закрыла лицо руками и начала плакать, тихо, так же тихо, как рассказывала. Она умела плакать тихо. А они были близко, ужасные люди, рядом, за этой стеной. Ей казалось, что вдруг над стеной поднимутся страшные лица Садыка и Сафара. О них женщина не могла забыть ни на минуту.

Когда Амина смогла опять видеть, Мослим держал на руках ее младшего сына. Ребенок ловил старика за седую бороду и смеялся. Амина обняла старшего. Ведь она ос-

тавила детей внизу, кто-то привел их сюда. Амина чувствовала, как дрожит тело сына, прижавшегося к ней.

— Дети освежают взгляд, — ласково сказал Мослим. — Дети возвышают душу женщины и мужчины, дети дают нам вечную жизнь. У тебя два сына, Амина, в них твое счастье.

— Это *его* дети. *Он* отец моих детей, — одними губами шепнула Амина.

Хотя и не было звука слов, но мудрый Мослим понял горькую и страшную жалобу матери.

— Нет, ты ошибаешься. Ты в заблуждении, дитя мое, — уверенно возразил он. — Дети принадлежат народу. Ты дочь народа, народ — отец твоих детей, он поможет тебе воспитать их. Они вырастут, будут достойными людьми и твоим утешением. А у того человека, о котором ты думаешь, не было и нет детей!

VI

После обеда мужчины крепко заснули на веранде. Садык Исмаилов был разбужен стуком в калитку. Он сел зевая. Темнело. Хамидов храпел, широко раскинувшись на ватном одеяле. Сафар проснулся и тоже сел. Он потянулся, достал папиросу и закурил.

Внизу Амина, она спросит, кто пришел, откроет дверь и позовет мужа, если понадобится.

Кто там может быть? Исмаилов искоса взглянул на Сафара. Завтра неожиданные посетители уже не будут вызывать невольную тревогу. Вероятно, это принесли телеграмму. В последнее время Исмаилов ввел дежурство по

конторе. Следует повышать качество работы, заявил он, и когда приходят телеграммы, необходимо, чтобы он, как директор, немедленно знакомился с их содержанием и с вечера обдумывал необходимые действия и решения.

Потом Исмаилов вспомнил, что через три дня начнет работать обещанная Тургунбаевым комиссия общественности...

Но почему Амина не открывает, где она, еще рано ложиться спать?

На лестнице затопало сразу несколько ног, и Исмаилов увидел верх фуражки военного образца. Он вскочил на ноги.

Рядом с ухом Исмаилова грянул оглушительный выстрел. Садык отпрянул в сторону и оглянулся. Сафар стоял на коленях и вытягивал руку к лестнице. Фуражки там не было, но Сафар выстрелил вторично.

Точно в дыму Исмаилов увидел Сафара, который кошкой прыгнул на стену, ухватился за гребень ее, подтянулся и исчез. С неожиданной ясностью Исмаилов представил себе крышу за этой стеной; на нее можно легко прыгнуть с гребня стены, пробежать, еще раз прыгнуть и оказаться во дворе одного из складов его торговой организации. Там только один старый сторож, а дверь — на кривую, тихую улицу!

Исмаилов метнулся вслед Сафару и подпрыгнул, ловя руками верх стены. Он ухватился и повис, пытаясь подняться, но не смог. Он корчился, подгибал колени, дергался, но от этого его тело не делалось легче.

Кто-то схватил его за пояс и сдернул вниз. Исмаилов сполз и, не оглядываясь, пытался вырваться. Ему во что бы

то ни стало хотелось еще раз попытаться взобраться на стену. Может быть, он все-таки сумеет!.. Исмаилов опомнился, когда его руки уже были скручены за спиной.

На полу веранды возилась куча тел.

Внезапно сознание Исмаилова сделалось совершенно ясным. Он наблюдал за борьбой. Глупо. Нет, никогда Хассан не был по-настоящему умным человеком. Он сильный мужчина, но чего он сейчас добьется? Исмаилов безучастно глядел, как Хамидов приподнялся, сияясь стряхнуть схвативших его людей, и опять повалился. Борьба окончена...

В отдалении треснул выстрел. «Быть может, Сафар прорвался. Он еще может уйти, такому дикарю-фанатику все нипочем, через десять минут наступит полная темнота», — с жгучей завистью думал Исмаилов. Ему было бы сейчас куда легче, если бы Сафара тоже схватили.

Исмаилов наблюдал, как через стену перебирались люди в военной форме. Один сделал для других лестницу своими плечами. «Так-то легко», — думал Исмаилов. Под его ногами дымилось одеяло от папиросы, брошенной Сафаром. Исмаилов аккуратно затоптал тлеющее место.

Увели Хамидова, одежда на нем была изорвана, а руки связаны. Исмаилов вспомнил о своих руках и пошевелил ими. Судьба...

— Вы будете присутствовать при обыске, гражданин Исмаилов, — сказал кто-то. Исмаилов посмотрел ему в лицо. Он знал его, как почти всех городских работников. Где его фуражка? Наверное, потерял на лестнице, когда стрелял Сафар...

Все погибло... Мечты о будущем, ценности, накоп-

ленные с таким трудом, и сама жизнь. Но его золота и драгоценностей они не найдут!..

Неукротимая злоба, подавляя страх, охватила Исмаилова. И чего он ждал?! Не первый день, как он знает о замечательном американском порошке, привезенном Сафаром. Еще сегодня он мог бы бросить все, уехать или улететь на самолете в Самарканд, оттуда подняться по Зеравшану и послать в его воде смерть на население половины проклятой республики!..

Но как они могли узнать? Как?! Конечно, они выследили Сафара...

VII

Прежде чем сторож склада успел поднять тревогу при виде прыгнувшего во двор с крыши человека, Сафар ударил его по голове рукояткой пистолета.

Громадный ключ со звоном упал на каменную плиту мощеного двора и мгновенно оказался в руках Сафара. Он отомкнул замок и вышел на улицу. Нужно запереть ворота, чтобы затруднить преследователей! Когда Сафар поворачивал ключ в замочной скважине, кто-то схватил его сзади за ворот. Сафар рванулся, ткнул во что-то мягкое дулом пистолета, спустил курок и бросился бежать. Через минуту он выскочил на зеленый базар.

Он слышал крики. Конечно, видели, как он бежал. Ему хотелось бежать и бежать, пока хватит сил, но он удержался. Не однажды в американской школе разыгрывали сцены погони и бегства. Сафара учили, что и как следует делать, объясняли на примерах. Бегущий подозрителен; как

только ты оторвался от преследователей, иди спокойно. Можно сделать что угодно: убить человека в толпе, бросить бомбу у всех на глазах и уйти. Попадают только дураки, которые теряются и не знают, что делать, внушали американские учителя, рассказывая о дерзких преступлениях, совершенных в Америке. В школе устраивались тренировки в возможно приближенной к реальной обстановке.

Сафар свернул в безлюдные и темные, как погреб, проходы между закрытыми ларьками базара. Он сумеет выбраться из города. До линейной станции железной дороги от города около десяти километров. В Карши есть где остановиться; оттуда пора к своим, ждущим в кишлаке Чешма, если он не найдет их в Карши.

В укромном месте за городской стеной, около одной из древних загородных мечетей, Сафар устроил тайник с запасной одеждой, документами и деньгами. Об этом никто не знал, кроме него. Нужно попасть туда, переодеться, сбрить бороду...

Сафар вышел на улицу. В конце ее он окажется у одного из проходов в городской стене, это он знал. Он пошел без спешки, заложив руки за спину, напевая вполголоса, чтобы иметь беззаботный вид.

Луны еще не было. Слабые электрические лампочки на номерах домов давали полосы неверного света.

Сигнал автомобиля заставил Сафара прижаться к стене. В кузове обогнавшего его грузовика было тесно от стоявших во весь рост людей. Сафар узнал форму. Автомобиль показал задний красный фонарик на повороте, и мотор сразу затих.

«У прохода в стене», – сообразил Сафар. Он тут же повернул назад. «Выбрасывают патрули, – думал Сафар. – Но весь город они не сумеют охватить...»

Сафар позволил себе ускорить шаг, он шел навстречу возможным преследователям, и быстрота ходьбы не возбуждала подозрений. А кто может опознать его в лицо? Никто. «Сейчас они запирают выходы за стену, – думал Сафар, – а потом начнут обыскивать город и останавливать прохожих...»

Кто-то перегнал Сафара и с насмешкой спросил:

– Эй, друг! На каком гвозде ты висел?

Что он хотел сказать? Сафар с недоумением посмотрел вслед исчезнувшей в темноте фигуре и закинул руку за спину. Халат был разорван от ворота и до пояса. Это сделал тот человек, который хотел схватить его за дверью склада. Очень нехорошо, привлекает внимание...

С внутренней стороны полы нашлись булавки. Сафар стянул с себя халат и ощупью зашпилил прореху. И все же это плохо, нужно не подставлять спину под свет.

Минут через десять – пятнадцать Сафар выбрался к намеченному месту. Он вскарабкался на полуосыпавшуюся городскую стену и оказался на узкой площадке между двумя выщербленными зубцами. В этом месте с улицы города еще можно было подняться на стену, но в стороны по стене прохода не было, так как «боевая дорога», проходившая за зубцами, обвалилась.

Сафар помнил, что снаружи стена возвышается над землей на три или четыре человеческих роста. Поверхность была выпуклой, и беглец рассчитывал соскользнуть, а не упасть.

Лежа на неровной глиняной площадке, Сафар выставил голову в темноту.

Земля не различалась, и поэтому высота казалась внушительной. На минуту Сафар потерял уверенность. Ему показалось, что он ошибся, заблудился, вышел не туда, куда хотел, и висит над бездонной пропастью.

Он прочел про себя короткую молитву и успокоился. Пора решиться. Небо светлело. Скоро взойдет луна.

Если повиснуть на руках, высота падения уменьшится. Напрячь мускулы, чтобы тело пружинило, потом разжать пальцы и положиться на волю милосердного, он не оставит мусульманина в беде.

Сафар повернулся лицом к городу и пополз ногами вперед. Оторвался невидимый ком сухой глины и с шумом ударился внизу, совсем близко. Под ногами ощущалась пустота. Сафар, глядя на блестящие внизу огоньки в окнах домов, продолжал сползать, запуская пальцы в трещины и нащупывая стену носками сапог. Память не обманула, стена была выпуклой, а не отвесной, хвала пророку! Теперь, главное, не расцарапать лицо...

— Что ты там делаешь, эй, на стене?! — крикнули снизу.

Сафар поспешно подтянулся назад и распластался на узкой площадке стены. Он слышал голоса:

— Тебе не почудилось?

— Своими глазами видел. Что-то упало, пришел на шум, вижу, торчат ноги.

VIII

Всходила луна. Ночную тишину прорезала трель сви-

стка. С двух сторон ей ответили другие. Снизу в два голоса кричали:

– Эй, слезай. Тебя видели! Чего прячешься?

Сафар свесился в сторону города. Под стеной и здесь оказались преследователи. И отсюда, как видно, его заметили. Через стену начались переговоры.

– На стене человек!

– Да, мы тоже видели!

– Где он?

– Между зубцами.

Сафар слышал, как подъехал автомобиль, слышал движение, которого не понимал. Кто-то приказывал:

– Не лезть! Я не хочу терять людей. Он и так не уйдет.

Ударил сноп сильного света, выхватил зубцы стены. Луна сразу точно погасла. Сафар вжимался в сухую глину неровной площадки. Он видел, как осветились трещины на краю. Это была граница всего, что еще оставалось в его распоряжении.

Тот же голос, который только что приказывал, обратился к нему:

– Ты, на стене! Сдавайся. Ты окружен и тебе не уйти. Сдавайся. С тобой поступят по закону.

Закон неверных коммунистов... Сафар его знал, мулла Шейх-Аталык-Ходжа рассказывал. Сначала его будут пытаться и, если он не умрет от пыток, казнят. Сафар, безусловно, верил в это, ведь он сам поступил бы так же. Не поднимаясь, Сафар вытянул руку с пистолетом и наугад выстрелил вниз. Мгновенно ответная пуля ударила в стену и, разбросав кусочки глины и пыль, с визгом ушла вверх.

– Не стрелять! – раздался приказ. И опять кто-то попытался завязать переговоры:

– Не делай глупостей. Сдавайся.

Новая мысль осенила Сафара. Он закричал:

– Слушайте меня! Я сейчас встану, а вы не стреляйте!

Никто не ответил Сафару, но это его не смутило. Пряча пистолет в рукаве халата, он поднялся. Свет слепил. Сафар закрывался левой рукой, но ничего не мог рассмотреть.

– Где вы? – крикнул он. – Покажитесь, чтобы я видел, кому сдаваться.

Внизу молчали. Сафар тщетно делал пальцами решетку перед глазами, стараясь сообразить, куда разрядить пистолет. Новый сноп света ударил сзади и окончательно ослепил его. Внизу ничего не было, кроме двух беспощадных прожекторов.

– А теперь стреляйте в меня, – громко сказал Сафар. – Вы можете меня убить, я не сдаюсь.

Он подождал, потом лег на спину. Он смотрел в небо и думал: «У меня есть достаточно заслуг перед богом, меня ждет рай. Коммунисты не догадаются помешать мне войти в рай, как хитрые англичане, которые когда-то рубили головы и сжигали тела мусульман».

Всю жизнь Сафар, безусловно, верил словам служителей ислама, убеждение в их правоте никогда не покидало его. Единственный путь спасения человека... Если не удалось обеспечить себе покойную старость, то разве не высшее благо – умереть воином ислама? Но враги Сафара не принимали последнего боя, и Сафар боялся, что, если он вслепую бросится со стены, его схватят и он не сумеет заставить убить себя.

– Одумайся, сдавайся, – соблазнял голос невидимого человека. – Никто не собирается в тебя стрелять. Бросай

оружие, и ты будешь под властью закона. И если ты раскаешься, ты можешь ждать милости.

У Сафара была с собой одна пробирка с американским порошком, другие остались в доме Исмаилова. Не боясь содержимого, Сафар концом ножа вытащил пробку и опять встал во весь рост. Он размахивал откупоренной пробиркой, чтобы порошок рассыпался кругом и отравлял дар-уль-харб – страну врага. Больше ничего ему не пришло в голову.

С ним никто не разговаривал, и ему казалось, что он совершенно один. И он сам вдыхал яд.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неизбежный день

I

Повернувшись на каблуке, приемом кулачного бойца Ибадулла отбил удар и поймал запястье противника. Нож вывернулся из пальцев Юнуса и отлетел в сторону. Юнус сунул за пазуху свободную левую руку, но Ибадулла успел уловить опасное движение.

Пытаясь вырвать руки, Юнус дернулся назад и с размаху ударил головой в подбородок Ибадуллы. Оба упали, но Ибадулла не выпустил Юнуса. Несколько минут они молча катались по земле. Юнус тщетно пытался достать зубами до горла Ибадуллы и внезапно обессилел.

Ибадулла приподнялся. Борцы тяжело дышали. Не отрываясь, старший смотрел в глаза младшему. Прошла, быть может, минута.

– Ты не ответил мне, – строго сказал Ибадулла. – Говори. Ты родственник муллы Аталыка или только его слуга?

В ответ Юнус скрипнул зубами.

– Бог ислама не любит изменников, – пробормотал он и опять забился. Ему никак не удавалось освободить руки, но все же он упорно старался дотянуться или до валявшегося на земле ножа или до выпавшего во время борьбы пистолета. Собрав все силы, он сумел опрокинуть Ибадуллу. Последовала короткая, отчаянная схватка. Ибадулла опять повалил Юнуса и придавил коленом его грудь.

Почувствовав себя окончательно побежденным, Юнус заплакал навзрыд. Он трясся и в отчаянии бился затылком о землю. Ибадулла сильно встряхнул его:

– Ты, ребенок. Перестань хныкать. Отвечай же мне, кто ты?

– Мулла взял меня у отца, – захлебываясь слезами, выговорил он. – Это было во время великого голода в сорок третьем году. Мулла давал отцу в долг рис. Отец забрал целых пятьдесят фунтов риса, настоящего, белого. Не такого черного, с червями, камнями, песком, золой, который продавался из магазинов правительства. У отца не было денег... – спазма сжала горло Юнуса, и он замолчал, прижимая щеку к земле, чтобы не смотреть на Ибадуллу.

– Продолжай, – сурово сказал Ибадулла. – В этом нет позора.

– Зачем тебе знать? – слабым голосом спросил Юнус. – Потом он взял меня и сестру. Это было добрым делом, без помощи муллы мы все умерли бы. Разве ты забыл, что в тот год цена девочки была от десяти аннá до одной рупии? Мулла был добр. И отец не лишился земли...

Да, Ибадулла помнил. Народ скелетов, едва обтянутых кожей. Изможденные, полуголые женщины, сохранившие только никому не нужные медные браслеты на руках и щиколотках ног. Дети в старческих морщинах, с выпяченными ребрами над раздутыми животами, шатающиеся на тонких, как спички, ногах. Стон: «Дай горсточку риса...» На мостовых городов – тела еще живые, но уже объединенные собаками и шакалами. Лица умирающих на дорогах с кишачными червями ранами вместо глаз. На Гугли и других притоках Ганга – лодки с детьми, отправленными для продажи в Калькутту. Оросительные каналы и незасеянные рисовые поля, забитые разлагающимися трупами земледельцев. Стаи ожиревших ленивых собак и шакалов. Тучные, терпеливые грифы рядом с умирающими. Сговор англичан с местными богачами, игравшими на повышении цен. Так было. Тысяча девятьсот сорок третий год. И так может быть в любом наступающем году...

– Убей же меня, – просил Юнус.

– Я не палач, – возразил Ибадулла.

– Убей меня, – молил Юнус. – Возьми мой нож, он острый. Ты хочешь меня выдать, и меня будут пытаться. Мулла узнает. Мой отец и мать еще живы, он погубит их.

– Перестань. Никто не будет тебя пытаться, и мулла ничего не узнает.

– Он все знает и все может. Ты сделал меня изменником. Убей. Ты победил. Моя жизнь принадлежит тебе. Возьми ее скорее.

– Нет. Ты мой, но я не убью тебя.

– Ты предал ислам.

– Нет. Ислам предал тебя. Ты будешь иметь время понять это. Вставай.

Ибадулла отнял колено и освободил грудь Юнуса.

– Ибадулла, где вы? – раздался голос. – Фатима зовет ужинать, а вы не отвечаете! – И Ефимов показался в закоулке между стеной Кала и остатками моста.

– Что случилось?! – тревожно воскликнул он.

Юнус, которого Ибадулла держал за правую руку, не пошевелился при появлении нового человека. Ибадулла указал Ефимову на валявшиеся нож и пистолет, и тот подобрал их.

– Пойдем с нами, – приказал Ибадулла Юнусу.

II

В сумерках во двор Шарипа Ишхаева вошел кишлачный кузнец Мухэддин. Он весело поздоровался с хозяином и подал руку его гостям. Вслед за Мухэждином ввалился толстый бригадир Курбан. За Курбаном просунулся помощник и друг Мухэджина молотобоец Мурад, громадный мужчина, который всегда ходил так осторожно, точно боялся что-нибудь раздавить.

Затем появился учитель Эмин, а вслед за ним во двор Шарипа солидно вступил и председатель колхоза Якуб Афзалиев.

Все посетители как будто сговорились между собой явиться одновременно. Афзалиев так и сказал:

– О друзья, не слишком ли много гостей сразу? Но если все остальные пришли к Шарипу для дружеской беседы, то я зашел позвать его и его гостей к нам в гости. Пойдемте! Наши изыскатели будут читать очень интересный доклад, нужно послушать нашим колхозникам и всем другим.

– И я пришел пригласить Шарипа и его гостей на доклад, – сказал Эмин.

– Э-э! Значит, у нас одна мысль. Что ж, Эмин, если ты первым пришел, приглашай, я тебе не помешаю, – добродушно уступил Афзалиев место учителю.

– Зачем доклад? – про себя, но достаточно громко, чтобы все слышали, проворчал Мурад. – Все доклады, некогда отдохнуть, – бормотал он глубоким басом.

– Мы потом придем, – поддержал Мурада его друг, кузнец Мухэддин, удобно устраиваясь рядом с Исхаком. – Мы только сегодня в первый раз выбрали время зайти к Шарипу, послушать его гостей и родственников, почтенных и бывалых людей. И Курбан с тем же пришел.

– Разве изыскатели уже уезжают? – спросил Курбан. – Мне они говорили, что еще долго проживут у нас. Когда воду найдут, пусть тогда и докладывают.

– Еще ничего не сделали, пусть они сначала дело сделают, – сердито прогудел Мурад.

– Правильно, – тут же отозвался Мухэддин. – Когда в наших арыках прибавится воды, тогда и послушаем.

– Нехорошо получается, нехорошо, – укоризненно заметил учитель Эмин. – Они для большого дела трудятся, а им от нас неуважение.

– Зачем неуважение? Зачем так говорить? – тонким примиряющим голосом вступил в разговор Шарип Ишхаев. – Нет никакого неуважения, у них свое дело, у нас – свое. Разве мы даем государству плохой хлопок?

– Верно говорит Шарип! Правильно! – разом воскликнули Мухэддин и Курбан.

– Сказано хорошо, – скрепил Мурад и обратился к Афзалиеву.

– Зачем наставления читаешь? Мы пришли сюда. Хочешь с нами быть, садись. Не хочешь – уходи. А нам не мешай! – грозно закончил молотобоец.

Кузнец Мухэддин, точно старого друга, подтолкнул локтем Исхака и подмигнул на Мурада.

– Сейчас шум будет, – шепнул он.

– Нехорошо, Мурад, – укоризненно молвил Афзалиев. – Я пришел как председатель колхоза, мне люди доверяют.

– Не годится так, Мурад. И других сбиваешь, – вмешался Эмин.

Мурад шагнул к Афзалиеву и остановился, слегка раскачиваясь.

– Чего ты пришел? – грубо спросил молотобоец. – Чего ты кричишь, что ты председатель? Ты председатель днем, а вечером ты для меня никто, если я с тобой не хочу разговаривать. Уходи сам и его бери с собой, – указал Мурад на Эмина.

Гости Шарипа Ишхаева с удовольствием взирали на разгоравшуюся ссору.

– Да-а... – протянул Афзалиев, не двигаясь с места. – Пусть будет твоя правда, Мурад. Не хочешь, не ходи. Никто тебя не неволит. Мы уйдем...

– Иди, иди, пока я тебя не проводил, – пригрозил Мурад.

Афзалиев покачал головой, глядя на Исхака и как бы прося его сочувствия, как у самого старшего из присутствующих посторонних колхозу людей.

В глазах у Ахмада прыгали живчики, он наслаждался развлечением и надеялся на продолжение.

– Сейчас эти двое подерутся, – шепнул он Исмаилу. – Жаль, что нам нельзя вмешиваться. А Мурад один побьет пятерых таких, как этот начальник, мы будем смотреть... – Вопреки своим словам, Ахмад нащупал рукоятку ножа.

– Дай хоть с хозяином проститься, – в последний раз возразил Мураду Афзалиев и подошел к Ишхаеву со словами: – Если вздумаешь, приходи. Твой младший гость уже там сидит, – тут Афзалиев сделал чуть заметную паузу и неожиданно выкрикнул: – Берись!

Во двор вбежали еще три или четыре человека. Несколько колхозников, ожидавших сигнала в соседнем дворе, перелезли через стену.

Схватка была стремительной и недолгой. Мухэддин схватил Исхака руками и ногами и сковал его, пока другие вязали веревками. Мурад сжал Исмаила и поднял его над землей. Шарип Ишхаев беспомощно упал под тяжестью Якуба Афзалиева. Ахмад успел увернуться от Курбана, ударил ножом учителя Эмина, задел другого колхозника и выскочил из двора на улицу.

Он побежал в сторону Дуаба и был уже в нескольких стах метров, когда кончилась вызванная схваткой сумятица и началась погоня.

III

Преследуемый семью или восьмью колхозниками, принимавшими участие в поимке гостей Шарипа Ишхаева, Ахмад беспрепятственно проскочил через Чешму и Дуаб.

Выбежав из Дуаба, он обернулся и выстрелил. Пуля не задела ни одного из преследующих, но внушила им осто-

рожность. Люди остановились, советуясь, что делать. Никому не хотелось рисковать жизнью, необдуманно бросаясь на вооруженного басмача.

Темнело, и колхозники видели только пятно там, где находился преследуемый. Ни у кого не было оружия, кроме ножей, что каждый носит на поясе.

Задыхаясь, прибежал Афзалиев:

– Где он? Упустили?

Председателю колхоза указали место, где был беглец. Видимо, и он соображал, что делать.

– И у него пистолет! – пожаловался Якуб.

Час тому назад Афзалиев связался по телефону с районным центром, и ему обещали немедленно выслать усиленный наряд милиции. Райцентр был не близко, а уж скоро ночь. Несомненно, басмачи хватятся своего недостающего товарища – Юнуса – и насторожатся. Трое решительных людей способны дать сильный отпор, темнота будет им благоприятствовать, и арест превратится в бойню.

Председатель колхоза понял, что он не может терять время и обязан действовать немедленно, на свой риск. Афзалиев организовал оказавшихся под рукой колхозников и разыграл с их помощью сцену, где роли были только намечены в расчете на импровизацию случайных актеров. Но в результате учитель Эмин и второй из участников ранены, а один басмач все же вырвался. За это он, Якуб Афзалиев, отвечает честью!

Афзалиев крикнул:

– Товарищи, бежим, возьмем его!

Но подоспевший молотобоец Мурад схватил Якуба за рукав и дернул назад.

– Стой, – спокойно сказал он, – зачем под пулю лезешь? Себя погубишь, других погубишь, басмач посмеется над нами.

– Он уйдет! – взвизгнул Афзалиев. – Перед народом я отвечаю!

– Куда уйдет? – успокаивал Мурад. – Видишь, он стоит, ждет, не знает, что делать. Подумай хорошо, куда ему уходить? Наши горы голые, леса нет. В степь уйдет, тоже не спрячется.

– Он уходит! – раздался возглас.

Можно было различить, что басмач пошел вверх по долине. К этому моменту почти все население Дуаба и Чешмы сбилось на выходе из кишлака и смешалось с преследователями. Переговариваясь между собой, взволнованные люди тронулись вслед Ахмаду.

В темноте не удавалось различить, оглядывался ли басмач. Но он передвигался шагом, и преследователи сохраняли более или менее безопасное расстояние. Некоторые колхозники успели вооружиться охотничьими ружьями и выдвинулись в первый ряд.

Собралось, считая женщин и детей, около ста человек. Повинуясь приказаниям Афзалиева и Мурада, люди расходились вправо и влево, образуя цепь. Человек десять мужчин бегом пустились вперед, огибая басмача на расстоянии, чтобы отрезать ему дорогу.

Вблизи от стен Кала Ахмад опять остановился. Ночь уже вполне наступила, и преследователи невольно уменьшили расстояние между собой и беглецом, чтобы не упустить его из виду.

В тени крепости Ахмад растворился, исчез. Преследо-

ватели окружили старое укрепление. Афзалиев и его помощники обежали цепь, убеждаясь, что басмач нигде не прошел дальше. Он был в крепости.

Вдали послышался шум автомобильных моторов. Машины бежали уже по улице Дуаба.

– Уф, наконец-то! – облегченно вздохнул Афзалиев. Бремя ответственности упало с его плеч. Якуб сделал все, что было в его силах, и охотно передаст в надлежащие руки окончание дела...

IV

Ночь невозможно медлила над долиной Дуаба. Обычно утро приходит сразу после вечера, а сегодня почти полная луна еле-еле всползала на небо. Сначала она была красная, потом, забравшись выше, уменьшилась и побелела. Черные тени легли на землю и остановились – такие же вялые и ленивые, как луна.

И стрелки на часах подражали луне. Неподвижные, они не хотели показывать, что время идет. Только секундная прыгала мелкими скачками.

Когда уже совсем не стало надежды на окончание ночи, небо сжалилось и начало бледнеть. Низкая луна потускнела.

Ночью и на рассвете ни милиционеры, ни рассыпавшиеся в их цепи колхозники не уловили никакого движения в крепости.

Конечно, и серые мыши и желтые суслики могли преодолеть кольцо окружения, но для волка или человека это было невозможно, если у него не выросли крылья. Без сомнения, басмач продолжал сидеть в Кала.

Дню только нужно начаться. Сейчас он стремительно оживал. Из верховьев долины пахнуло теплым ветром. По стенам крепости бегала коричневая горлинка. Мелькнули крылышки второй и третьей. Изящные птички посидели на стене и слетели куда-то внутрь. Горлинок сменила стайка серых воробьев. Птицы чувствовали себя в крепости как дома.

– Видишь? – спросил начальник районной милиции Афзалиева.

– Вижу, – огорченно ответил председатель колхоза. – Неужели он ушел? Нет, он не мог уйти, – сам ответил на свой вопрос Якуб.

Цепь, окружавшая крепость, сделалась ненужной. Милиционеры разбились на две группы и ждали у входов в крепость – под проломом в задней стене и у остатков воздушного моста.

– Так что же ты думаешь, председатель? – спросил начальник.

– Чего думать? – вспыхнул Якуб. – Басмач там сидит. Брать его нужно.

Начальник, большой приятель Афзалиева, усмехнулся и сказал подошедшему с подвязанной рукой учителю Эмину:

– Хочу на время должность сдавать. Вот Якуб принимает.

– Вы решили взять басмача измором? – спросил Эмин, не обращая внимания на шутку.

– Нет, – возразил начальник. – Я думаю, что уже некого брать.

– Вряд ли он ушел, – заметил Эмин.

– Я не говорю, что он ушел, – возразил начальник. – Но почему его не боятся птицы? Скажите, товарищи, может быть, он спрятался? По-моему, там нет таких мест.

– Некуда там спрятаться, – ответил Афзалиев и вдруг хлопнул себя по бедрам. – Верно! – воскликнул он. – Но ведь выстрела там не было?!

– Разве у него нет острого ножа? – возразил начальник, указывая на забинтованную руку учителя.

Охраняемые готовыми открыть огонь милиционерами, начальник районной милиции и Афзалиев вскарабкались к пролому в стене.

Потревоженные появлением людей, шумно вспорхнули воробьи. Якуб поспешно обогнул развалины башни и вскрикнул.

Ахмад лежал ничком в уродливой, неестественной позе. Когда перевернули еще не окоченевшее тело, открылось темное опухшее лицо. На земле под ним уже кишели муравьи.

– Отравился, – сказал кто-то.

– Нет, – уверенно возразил Афзалиев. – Это – каракурт. Его укусил каракурт в шею или в голову. Я один раз видел человека, убитого каракуртом. У него было такое же лицо... – И Якуб невольно оглянулся, точно ожидая увидеть небольшого черного паука с белыми точками на волосатом брюшке: каракурты любят развалины...

Через тесный кружок людей пробрался Ибадулла. Он нагнулся, без страха и отвращения вглядываясь в обезображенное черной смертью лицо, как будто искал знакомые черты. Старый шрам на лбу... Нет, он никогда не встречался с этим человеком.

– На днях в Аллакенде, – говорил кому-то начальник районной милиции, – отравили замечательного человека, знатока архивов, ученого-историка Мохаммед-Рахима.

– Что? – перебил Ибадулла. – Мохаммед-Рахим?! Отравлен?! Умер?

– К сожалению, это не слух, – подтвердил начальник. – Три дня тому назад убийцы были арестованы. Диверсию организовал «гость» из-за рубежа, американский воспитанник. Почти одновременно в Карши был арестован человек, давший пристанище диверсантам, возможно этим самым. Враг проявляет активность.

Ибадулла молчал. Он слушал спокойно, опустил сухие, потускневшие глаза, и казался безразличным, потухшим.

Он проводил милиционеров и колхозников до окраины Дуаба и медленно-медленно вернулся обратно к палатке.

– Тебе тяжело, ты очень огорчен, Ибадулла, – встретила его Фатима. Ей хотелось утешить Ибадулла, но как, она не знала.

Теплого сочувствия девушки было достаточно. Ибадулла поднял голову.

– Благодарю тебя, – сказал он, положив руку на плечо Фатиме. – Мохаммед-Рахим был светлым, мудрым человеком, для меня он остался живым. Он знал истину. Теперь и я знаю ее! Видишь, как трудно найти истину тому, кто ее потерял или не знал... И я познал родину, Фатима. Она не в земле, по которой ходили отцы, не в памятниках, построенных их руками, и не в кладбищах, с пылью которых на поля разносится их прах. Она живая – в сердце, в мудрости народа, в пути его счастья. Кто вне народа – тот не живет. Он мертв, он как призрак...

Ибадулла повернулся и указал на горы, вершины которых, уже освещенные восходящим солнцем, едва виднелись на горизонте.

– Они там, Фатима. Оттуда пришли эти призраки-убийцы. Я знаю! Я сам чуть было не стал таким... И там – народ, среди которого и с которым я жил прежде. Я никогда не забуду о нем потому, что знаю его горе, и потому, что я в долгу перед ним. Но теперь я богат и могу возместить мой долг. Люди ждут. Теперь мой путь прям и ясен. Мусульманин ищет заслуг перед исламом, я хочу иметь заслугу перед людьми. Сегодня я поклялся родиной идти прямым путем, и я никогда не изменю клятве!

Вдали у буровой вышки слышались выхлопы мотора: механик заводил дизель – скоро придут колхозники.

Ефимов вылез из шурфа – за ночь вода поднялась еще на двадцать сантиметров и сохраняла этот уровень.

Был час начала работы.

Москва. Май 1952 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Романы «По следу» и «Возвращение Ибадуллы» произведения более чем тридцатилетней давности. Ими начинал путь в литературу тогдашний инженер, в будущем крупный исторический писатель Валентин Дмитриевич Иванов. Последующие труды Валентина Иванова – эпические романы-хроники «Повести древних лет», «Русь изначальная» и «Русь Великая» – прочно завоевали читательские сердца, а ныне нашли широкую аудиторию многотысячными, увы, уже посмертными для автора, тиражами.

Признание заслуженно. Валентин Иванов умел не только живописать силой воображения далекое прошлое, но и самобытно философски осмыслить ключевые для Руси события. Ощущая прошлое, как сгусток народного опыта, его концентрацию, он чрезвычайно высоко ставил нравственный эталон древних русичей. «В первом тысячелетии нашей эры славяне не были ни дики, ни аморальны, – утверждал он в одном из писем. – Убийство в их быту было редчайшим случаем, убийство своим своего, поэтому для таких исключительных случаев все Русские правды (их было много) разрешали не самосуд, но не считали преступным убийство же насильника в целях самозащиты или как выход гнева, как разрядку отчаяния близких пострадавшему... Никаких ритуальных убийств людей, обязанных сопровождать умершего, среди древних славян не было...»

Перо Валентина Иванова дарит общение с могучими характерами воителей и землепашцев. Их образы глубоко западают в душу.

Впервые – не только в русской, но и в мировой литературе, – проникнув в глубинные горизонты шестого века, он воссоздает его, не прибегая к стилизации: словарь вполне современен, образы без натуги доступны нашему воображению. Такова магия таланта, и читатель полностью подпадает под нее. Вернее, активно стремится идти вровень с автором, приспособить свой шаг к его размашистому целенаправленному движению.

Принято говорить об ответственности перед будущим. Но

нравственный долг существует и перед прошедшим. Люди, которым мы наследовали, не абстрактные понятия, они реально существовали на этой земле.

Валентин Иванов не льстил потомкам, уверяя будто те лучше уже по одному тому, что живут позднее. Он чутко уловил, что современников влечет в историю не только любопытство. Чем дальше уходишь от своей околицы, перешагиваешь обжитое время, тем яснее понимаешь: поражают не различия, притягивает сходство! Мужество и самоотверженность из века в век имеют одинаковую цену. Страдание по-прежнему нуждается в милосердии. Отечество – в защите. Любовь – в понимании.

Каким же человеком был сам Валентин Дмитриевич Иванов, чьи книги вот уже которое десятилетие пробуждают в читателе ответный внутренний голос?

Он прожил жизнь, обильную деяниями смолоду и щедро плодоносящую в зрелые годы.

Почти каждый, кто был приобщен к Октябрьскому перелому истории, одним этим уже выделен и осчастливлен. В накале общественных страстей духовное развитие стремительно убыстрялось. Все менялось вокруг. Посреди российских катаклизмов никто не усмотрел диковинки в превращениях учительского сына Иванова, одной фамилией осужденного на безликость, а ныне, напротив, словно бы выигравшего от ее всеобщности! Встретив революцию пятнадцатилетним гимназистом, спустя два года он стал буденновским конником.

К сожалению, Валентин Дмитриевич не оставил биографических заметок. Все, чем мы располагаем сейчас, – это два листка машинописного текста: ответы на анкету, посланную ему редакцией энциклопедии в апреле 1974 года, за год до кончины писателя. Графа «В каких войнах участвовали?» заполнена до обидного скупой: «В гражданской, рядовой». (Еще ранее, в письмах читателям и друзьям, то и дело мелькают оброненные фразы о том, что он знает толк в лошадях, как старый кавалерист, и даже убежден, что научиться обращению с конем труднее, чем стать танкистом.)

Пережив боевую юность, Валентин Иванов стоял на пороге выбора жизненного пути.

В той же анкете он напишет «В 20-х, 30-х, 40-х годах партия и правительство обращались к трудящимся зачастую так: товарищи рабочие, инженеры, техники, практики... Дипломированных инженерно-технических работников не хватало, и в группу ИТР входило немалое число практиков, к которым я и принадлежал. А начинал я с рабочего...»

Итак, в семнадцать лет красногвардеец, в двадцать – рабочий, в тридцать – практик-инженер, в семьдесят – автор блистательных исторических романов, о которых он сам отзывался с присущим ему лаконизмом: «Последние три романа-хроники я считаю своими действительно основными работами по содержанию и по вложенному в них труду, да и по объему даже – всего свыше 100 авторских листов». Труд, казалось бы, непосильный для человека, который взялся за перо так поздно!

Однако свершение это было по плечу Валентину Иванову. Может быть, потому, что им всегда владела мысль? Он погружался в размышления отталкиваясь как от вселенски-огромного деяния, так и от бытовых, вполне ординарных нужд текущего момента. Проходить мимо разноплановых явлений жизни с рассеянностью или скукой было не в его натуре.

Письма, заметки, разбор чужих рукописей – все служило поводом щедро поделиться собственными, возникающими как бы попутно и мимоходом, размышлениями.

Возвращаться к прошлому вовсе не значит пятиться. Иногда прошедшее помогает вникнуть в суть сегодняшнего.

Например, Валентин Иванов так рассуждал о нравственной стороне безграничной власти Ивана Грозного. Иван IV, по его мнению, был вполне заурядной личностью; выдвигая самовластие как цель, он ни разу не обмолвился, ради каких же высших государственных интересов оно ему надобно. А собственноручные приписки царя к летописям выдают малую способность к логическому мышлению. Постоянно нуждаясь в лстецах и доносителях,

Иван Грозный тем самым производил отбор приспешников по отрицательным признакам. «Последовательно и закономерно отсеиваются лучшие люди, и с течением времени кормило правления облепляется непригодными руками... Моральный распад правящего аппарата – Государева двора – был распадом правопорядка». Массовый террор по безошибочному инстинкту разил людей хоть в чем-то выдающихся.

Инерция зла тянулась еще несколько поколений, «ибо люди, испытавшие угнетение и выросшие в условиях бесправья, ничего другого не могут предложить друг другу, когда получают возможность выразить себя. Так, после смерти Ивана IV и его непосредственные преемники, и широкие массы, втянутые в смуту, действуют в стиле Грозного».

Валентин Иванов постоянно возвращался к истоку своих раздумий: к нравственному кредо человека, жил ли тот в шестом веке, либо живет в двадцатом. Диапазон гражданских интересов у него закономерно широк. Он ратует за создание национальных парков и еще в 1969 году предлагает принять особый закон – Конституцию Прав Природы.

Мысль историка-романиста поднималась до проблем общегосударственных. Значение личности определяется им сопричастностью к жизни Родины и народа. А краеугольным Валентин Иванов считал сознательные усилия самовоспитания. Он писал: «...в будничной повседневности каждый из нас всегда безнаказанно своими действиями или бездействиями творит лицо жизни, ее цвет. Взаимная терпимость, человечность, доброжелательность определяют цвет нашей личной жизни... Между честью и бесчестьем выбор свободный: пусть никто не знает, но сам человек знает. От себя не убежишь. И выше себя не прыгнешь, ибо на любую высоту несешь себя и свое прошлое. Не преступления, не проступки – тени, мелкие ошибки, неловкости, мелочи, никем и никогда не наказуемые, никому неизвестные, составляют печальные строки, ранят совесть, оскорбляют честь... Трудно не только воевать, трудно делать самую простую работу на заводе, в поле, в канцелярии, коль нельзя поло-

житься на товарища. А как на него положиться, когда у него нет чувства собственного достоинства, нет чести? Контроль, принуждение, премии бьют мимо него. Без чести нет жизни, бесчестный опасен и тягостен всем и себе самому».

Здесь самое время вернуться к первым произведениям Валентина Иванова. Не для подробного их разбора (это дело литературоведов), а чтобы выяснить позицию автора: что двигало им, когда он новичком брался за перо? Какая задача представлялась главной?

Ответ можно найти в его письме к сибирскому ученому С. В. Макарову: «Вторая моя книга закончена. Она проста, это приключения современного молодого человека, поставленного обстоятельствами в необходимость решать и действовать в одиночестве. Мне самому кажется, что по внешности приключенческий роман решает психологию обыкновенного юноши лет двадцати двух. Его приключения мне представляются возможными, и они не для занимательного сюжета, но для выявления характера именно обыкновенного молодого человека, воспитанного советским обществом, не снабженного чертами исключительности, но в силу советского воспитания, способного на самоотречение и на подвиг. Удалось ли мне это? Трудно судить автору о таких вещах» (1951).

Всегда и во всем Валентин Иванов искал нравственную подоплеку поступка. Хотя, разумеется, одним этим роман «По следу» не исчерпывается.

Перечитать заново страницы его первых произведений интересно и поучительно. Несмотря на некоторую прямолинейность сюжетов (конечно, с сегодняшней точки зрения), оба романа не утратили главные качества: они увлекательны, динамичны, исполнены благородства. Они дарят положительные эмоции! А это всегда у читателя в цене.

Роман «По следу» обозначен автором как произведение приключенческого жанра. Однако своеобразный подход проявляется уже с первых страниц. Описывалась таинственная погоня, перестрелка героя с неизвестным – полный набор детективной беллетристики! – а между тем читатель уже попал под обаяние картины знойной зауральской степи.

Уже первой пробой пера Валентин Иванов решительно отклоняет каноническую облегченность приключенческого повествования. Что-то другое влечет его в прозе, и он терпеливо нащупывает это другое, это свое.

«Человек всегда нуждается в каком-то точном и ясном слове для обозначения вещи или события и для определения своего отношения к ним», – напишет он в том же романе «По следу». Таков смысл его собственных поисков.

Точное слово Валентина Иванова определило еще одну особенность его первых романов. Их можно с полным правом назвать географическими. Жанр несколько позабытый современными литераторами, но ценимый и блестяще осуществленный такими талантами, как Жюль Верн, Фенимор Купер, Дефо, Стивенсон, Обручев, Арсеньев.

В самом деле, что заставляет нас прочитывать с жадностью целые страницы, посвященные богатству земных недр? Или погружаться в классификацию растений, когда герой пытливо всматривается в окружающий его незнакомый мир? Забывая на время приключенческую канву повествования, мы следим за движением разума.

Сила писательского убеждения такова, что без труда переносит нас то в раздольные прерии, то в мрачные сырые джунгли, то поселяет на тропическом острове или же ведет в загадочные недра полярной впадины.

Все это можно отнести и к перу Валентина Иванова. Недаром один из первых отзывов на журнальную публикацию романа «Возвращение Ибадуллы» был таким восторженным и простодушным: «Читая роман, я находился под впечатлением того, что я в Узбекистане с его минаретами, домами с плоскими крышами, узкими улицами, сидящими на корточках гостями, с снеговыми горами. Давным-давно с ними знаком. В то время, как я никогда в тех краях не был и не знаю их обычаев, т. Иванов заставил меня заинтересоваться Ибадуллой и восхищаться им. Заставил гордиться учеными Узбекистана, полюбить изыскателей воды.»

Как и его замечательные предшественники, Валентин Иванов стремится писать в том же гуманном просветительском духе. Он рассказывает «биографию» озера, с которым камыши и водяные травы ведут постоянную борьбу, пока не заполнят водоем доверху. Приближаясь к своему концу, озеро делается горько-соленым. И чем оно мельче, тем крепче рассол. Растительности больше нет; из торфяной жижи торчат лишь фантастически уродливые пни. «Точно иней, соль покрывает совершенно бесплодные участки угольно-черной и всегда слегка влажной почвы». Эта безотрадная картина способна надолго врезаться в память, вызывая к охранительной активности человека.

А как поэтично и вместе с тем точно описание птичьего полета! «В пустой высоте неба таился орел... Жестокий мороз властвовал там. Орлу не было холодно. Его спину согревали прямые солнечные лучи, его жилистое тело покрывал черно-желтый пух, его могучее сердце мощно толкало в артерии горячую кровь. Нежные концы перьев на распростертых крыльях ловили малейшие изменения плотности воздуха, на который опирался орел. Принимая их сигналы, грудные мускулы бессознательными, но верными движениями поддерживали равновесие и сменяли короткие нисходящие спирали восходящими. Орел был свободен, и его глаза искали добычу».

Валентина Иванова постоянно заботил способ изложения. «Надуманное правдоподобие» он считал врагом литератора. «Настоящий художник знает об описываемом им, о предмете своем, все-все до мелочи». Он пытливо вслушивался в звуки живой природы. Однажды, таясь в береговых зарослях, подслушал голоса лебедей. «Эти лебеди не кричали, не пели. Они разговаривали... Я следил – один звук гортанный, один нежный согласный и один мягкий, гласный. Для меня это стало ключом. И я понял – услышал, что богатство и разнообразие лебединой речи шло от музыки, от гаммы... Я искал слово для названия лебединой речи и нашел его в старом русском языке: лебедь не говорит, он глаголет».

Как каждый крупный прозаик, Валентин Иванов владел об-

ширным арсеналом художественных средств. Образность его речи гибка и не перегружена метафорами.

В письмах, в заметках, в статьях он постоянно возвращается к мыслям о литературном труде – его цели, его значении, его приемах. «Писать для того, чтоб лучше понять свои мысли, вот что интересно». «Я думаю, что первейшая обязанность художника есть обращение к «чувствам добрым». Художнику все доступно». «Для искусства существует много определений, но думаю, что в их числе останется и такое: сумей сказать то, что есть уже в умах, то, что зачастую жизнью, но еще не рождено в словах. А как скажешь – дело твоего таланта. Ибо коль есть мысль, то плоть для нее найдется».

Я потому так охотно прибегаю к цитированию, что сквозь печатный текст до сих пор продолжаю различать живой голос Валентина Дмитриевича. Он был отличным собеседником и искренне увлекался стихией совместных размышлений. Прозорливо-доброжелательный в обращении, умел обнаруживать и внутреннюю стальную пружинку, если дело касалось убеждений.

Все, что стояло на его письменном столе было изготовлено собственными руками. Убранство и одежда выдавали аскетическую простоту вкуса хозяина дома. Человеческая натура – штука чрезвычайно прихотливая. Она постоянно колеблется на невидимых весах внутренних и внешних соразмерностей. Сухощавый, подвижный, в круглых очках, с редкой сединой в приглаженных волосах, Валентин Дмитриевич Иванов просто не находил времени для заботы о мелочах быта, о комфорте. Зато был расточительно щедр в общении!

– Валентин Дмитриевич, вы верите в ведьм? – спросила однажды я, не без задней мысли огорошить вопросом.

Он отозвался вполне серьезно:

– Как в нечто отличное от людей – нет. Но случайно наткнуться на силы еще непознанные, человек вполне способен. Я, например, в силах представить человека, который каким-то образом ощущает гравитационное поле иначе, чем все: может включаться или выключаться из него, пребывая, как космонавт, ненадолго в невесо-

мости. В конце концов каждому хоть раз в жизни приходилось испытывать на себе нечто необыкновенное: увидеть вещий сон, пройти невредимо над пропастью. Это и есть соприкосновение со скрытыми возможностями. Однако направленность современной цивилизации однобока: механика и мертвая природа. Мы думаем, что придем к золотому веку, когда человеку останется только нажимать кнопки? А это будет чудовищным оскудением возможностей людей!

В 1966 году, подплывая к берегам Камчатки на теплоходе «Русь», мы не удержались, послали Валентину Дмитриевичу шутиливую телеграмму: «Из Руси конечной автору Руси изначальной шлет привет плывущая Русь». Уж очень заманчиво показалось поиграть совпадением слов!

Потом Валентин Дмитриевич признавался, что весь день был в хорошем настроении: «Обожаю бескорыстные движения души!»

...Все, что сделал Валентин Иванов в своей жизни, подтверждено его личностью. И именно поэтому поучительно и достойно доверия.

Лидия Обухова